Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории и международных отношений

ПРАКТИКУМ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ И В СРЕДНИЕ ВЕКА»

Барнаул 2019

© Козулин В.Н., Ульянов П.В. (сост.), 2019
© Алтайский государственный университет, 2019

Об издании – 1, 2

сведения об издании

УДК 930.9(076.5)
ББК 63.3(0)-6я73-5
П 691

Составители: Вячеслав Николаевич Козулин, Павел Владимирович Ульянов

Рецензент: д-р истор. наук Ю.Г. Чернышов

П 691 Практикум по курсу «История международных отношений в Древнем мире и в Средние века» / Алтайский государственный университет ; сост.: В.Н. Козулин, П.В. Ульянов. – Барнаул : АлтГУ, 2019. – 1 CD-R (2,5 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Учебное электронное издание

Данный практикум предназначен для проведения практических занятий и состоит из планов практических занятий с вопросами и приведением перечня рекомендуемых источников и литературы. В нем также приводятся документы с контрольными вопросами (по внешней политике и дипломатии различных государств). Хронологические рамки охватывают период со II тыс. до н.э. до конца Средневековья (XV в.).

Пособие предназначено для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению «Международные отношения».

© Козулин В.Н., Ульянов П.В. (сост.), 2019
© Алтайский государственный университет, 2019

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции
Верстка: Котова О.В.

Дата подписания к использованию: 06. 11. 2019

Объем издания: 2,5 Мб

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж 25 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, ул. Ленина, 61

СОДЕРЖАНИЕ

Пояснительная записка

Раздел 1. Международные отношения в Восточном Средиземноморье во II–I тыс. до н.э.

1.1. Союзный договор, заключенный между хеттским царем Хаттушили III и египетским фараоном Рамзесом II

1.2. Переписка вавилонских царей с египетскими фараонами

1.3. Бехистунская надпись Дария I

Контрольные вопросы к первому разделу

Раздел 2. Отношения между древнегреческими полисами и Греко-персидские войны в V веке до н.э.

2.1. Ионийское восстание (около 500 г. до н.э.)

2.2. Геродот о роли Афин в войне против персов

2.3. Фукидид о Греко-персидских войнах

2.4. Взаимоотношения греков в начале похода Ксеркса

2.5. Постановление афинского Народного Собрания 480 г. до н.э. о мерах в связи с нашествием персов

2.6. Создание Делосского морского союза

2.7. Установление гегемонии Афин над союзниками

2.8. (Геродот, «История», VI, 42)

2.9. Закон Афин, обязывающий союзников пользоваться афинской монетой. Надпись найдена на о. Симле, датируется приблизительно 420 г. до н.э.

2.10. Организация Афинской архэ

2.11. Каллиев мир

2.12. Превращение Афинского морского союза в державу

2.13. Причины и предпосылки Пелопоннесской войны

2.14. Конфликт из-за Эпидамна и Керкиры

2.15. Требования союзников Спарты

2.16. Взаимные требования спартанцев и афинян перед началом войны

2.17. Сопоставление сил противников и военные планы Перикла

2.18. Начало Пелопоннесской войны

2.19. Расправа афинян с восставшим на о. Лесбосе городом Митиленой

2.20. Расправа спартанцев с жителями взятого ими города Платей

2.21. Перемирие 423 г. до н.э.

2.22. Никиев мир

2.23. Союз спартанцев с персами

2.24. Падение Афин (404 г. до н.э.)

Контрольные вопросы ко вторму разделу

Раздел 3. Международные отношения в Средиземноморском регионе (III в. до н.э. – II в. н.э.)

3.1. Договоры Рима с Карфагеном до начала Пунических войн

3.2. Причины Первой Пунической войны

3.3. Мирный договор Рима с Карфагеном после Первой Пунической войны (241 г. до н.э.) (Полибий, «Всеобщая история», I, 62, 63)

3.4. Характеристика личности полководца Ганнибала

3.5. Начало Второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.)

3.6. Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 33, 34)

3.7. Условия мира с Филиппом Македонским

3.8. Превращение Греции в римскую провинцию

3.9. Причины Третьей Пунической войны (149-146 гг. до н.э.)

3.10. Разделение управления между принцепсом и Сенатом

3.11. Эдикты Августа из Киренаики

3.12. Внешняя политика Октаивана Августа

3.13. («Деяния божественного Августа», Извлечение)

3.14. Битва в Тевтобургском лесу

3.15. Восстание паннонских и рейнских легионов

3.16. Восстание Такфарината в Нумидии

3.17. Восстание Боудики в Британии

3.18. Столкновения римлян с соседями

Контрольные вопросы к третьему разделу

Раздел 4. Роль католической церкви в международных отношениях в Европе в XI-XIV вв.

4.1. Декрет о Божьем мире Тулузского собора (1041 г.)

4.2. Послание о Божьем мире св. Ивона, 1041 г.

4.3. Посольство Рима в Константинополь

4.4. Раскол между Римом и Константинополем

4.5. Вормский конкордат

4.6. Письмо антипапы Анаклета II к сицилийскому королю Рожеру II по случаю его коронации (1130 г.)

4.7. Письмо Папы римского Иннокентия III воинству Христову и его Магистру (1210 г.)

4.8. Письмо Папы римского Иннокентия III князьям Польши и Померании (1213 г.)

4.9. Послание Папы римского Гонория III христианам в Руссии (1224 г.)

4.10. Послание Папы римского Гонория III королям Руси (1227 г.)

4.11. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (26 августа 1247 г.)

4.12. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (15 сентября 1248 г.)

4.13. Письмо короля Венгрии Белы IV Папе римскому Григорию IX от 18 мая 1241 г. с сообщением о нападении татар

4.14. Письмо Папе римскому из Фехервара от 2 февраля 1242 г.

4.15. Письмо Папы римского Григория IX королю Венгрии Беле IV от 16 июня 1241 г.

4.16. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (22 января 1248 г.)

4.17. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (23 января 1248 г.)

4.18. Послание Папы римского Иннокентия IV магистру и братьям Тевтонского ордена (24 января 1248 г.)

4.19. Послание Папы римского Иннокентия IV христианам Восточной Европы с призывом Крестового похода против татаро-монголов (14 мая 1253 г.)

4.20. Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Узбеку

4.21. Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Джанибеку

Контрольные вопросы к четвертому разделу

Раздел 5. Международные отношения и дипломатия в эпоху Крестовых походов

5.1. Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе

5.2. Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе

5.3. Петр Пустынник и его деятельность

5.4. Движение первых крестоносцев

5.5. Вожди рыцарских ополчений Первого крестового похода

5.6. Письмо предводителей рыцарей- крестоносцев Урбану II

5.7. Взятие Иерусалима Саладином (Салах ад-Дином) (Из «Хроники» Бернарда)

5.8. Из переписки Фридриха I Барбароссы и Саладина (1188 г.)

5.9. Ричард I Львиное Сердце и 3-й Крестовый поход

5.10. Послание Иннокентия III с призывом к 4-му Крестовому походу

5.11. Послание Иннокентия III королям Англии и Франции

5.12. Начало 4-го Крестового похода

5.13. Роберт де Клари «Завоевание Константинополя»

5.14. Договор господина Балдуина, графа Фландрского, и Теобальда, графа Труаского, и господина Людовика, графа Блуаского, заключенный со знатным господином Энрико Дандоло, дожем Венеции, о перевозке в Святую землю (1201 г.)

5.15 Жоффруа Виллардуэн «Завоевание Константинополя»

5.16. Роберт де Клари

5.17. Послание Иннокентия III, запрещающее нападение на Константинополь

5.18. Из «Хроники» Никиты Хониата

5.19. Роберт де Клари «Завоевание Константинополя»

5.20. Гунтер Пэрисский. «История завоевания Константинополя»

5.21. Жоффруа Виллардуэн «О завоевании Константинополя»

5.22. Письмо Иннокентия III, осуждающее ограбление Константинополя

5.23. 6-й Крестовый поход

5.24. 7-й Крестовый поход. Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»

5.25. Людовик IX Святой и 7-й Крестовый поход

5.26. Последняя попытка крестоносцев осуществить поход в Святую землю

Контрольные вопросы к пятому разделу

Раздел 6. Англо-французские отношения в период Столетней войны

6.1. Договор между Англией и Францией

6.2. Амьенская миза (1264 г.)

6.3. Обращение Эдуарда I к подданным

6.4. Фландрия в политике Англии и Франции

6.5. Принятие решения об объявлении Англией войны Франции

6.6. Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны Англии с Францией

6.7. Принятие Эдуардом III титула и герба короля Франции, 1340 г.

6.8. Договор между Англией и Францией, заключенный в Кале, 1360 г.

6.9. Успехи англичан в войне с французами в начале XV в.

6.10. Ордонанс Карла VI от 26 мая 1413 г.

6.11. Возражения королевского совета Франции

6.12. Договор в Труа от 21 мая 1420 г.

6.13. Манифест дофина Карла против договора в Труа, опубликованный 31 января 1421 г.

6.14. Письмо Жанны д'Арк англичанам (22 марта 1429 г.)

6.15. Письмо Жанны д'Арк англичанам (5 мая 1429 г.)

6.16. Договор в Аррасе (1435 г.)

Контрольные вопросы к шестому разделу

Пояснительная записка

Учебное пособие предназначено для проведения практических занятий у студентов первого курса, обучающихся на историческом факультете по направлению «Международные отношения». Цель практикума заключается в формировании у студентов представления об основных тенденциях и особенностях развития международных отношений и дипломатии в периоды Древности и Средневековья. Для реализации этой цели студентам в помощь предлагается учебное пособие, которое включает в себя в первую очередь документы для изучения.

Предлагаемый в практикуме материал поможет студентам на конкретном материале сформировать собственное представление об особенностях внешней политики и дипломатии Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, средневековой Европы, в том числе римско-католической церкви и Византии. Кроме того, составители делают акцент на развитии у студента самостоятельности в работе с материалом, поэтому в практикум были включены темы всех практических занятий по предмету «История международных отношений и дипломатии в античности и средневековье». Каждая тема содержит примерный план, состоящий из вопросов, вынесенных на повестку дня, список источников и литературы, методические указания к каждому разделу и исторические источники.

Приведенные в практикуме документы должны послужить основой для формирования у студентов представлений о главных тенденциях и особенностях развития международных отношений и дипломатии в указанные исторические периоды. По содержанию практикум состоит из шести основных разделов, в каждом разделе даются определенные методические указания, представлены тематические документы и вопросы к ним. При этом каждая тема связана с отдельно взятым государством, содержит вопросы о взаимоотношениях между различными странами и даже внешней политике, например, католической церкви.

Тогда как во время прослушивания серии лекций студенты могут усваивать основную теоретическую базу, в процессе подготовки к практическим занятиям студент должен учиться работать с конкретными историческими источниками, извлекать из них необходимую информацию и делать самостоятельные выводы. В процессе анализа документов студенты не только знакомятся непосредственно с источниками, но и приобретают навыки аналитического мышления. Практикум, состоящий из необходимых для подготовки к практическим занятиям исторических источников и вопросов к ним, упрощает студентам эту

работу: при подготовке к практическим занятиям достаточно будет изучить документы, представленные в учебном пособии.

Структура практикума также направлена на упрощение и рационализацию работы студентов. Источники пронумерованы, и к одному или нескольким документам даны ключевые вопросы. Это должно позволить обучающимся соотносить документы с конкретными вопросами, обозначенными в плане практического занятия. О том, как лучше всего организовать работу с текстами, говорится в кратких методических указаниях к каждой теме.

Тексты источников публикуются по изданиям:

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д.В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 1. Древний мир. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. URL: http://istfil.bgpu.ru

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д.В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 2. Средние века. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. URL: http://istfil.bgpu.ru

Данное учебное пособие рекомендовано к публикации кафедрой всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Алтайского государственного университета.

Раздел 1. Международные отношения в Восточном Средиземноморье во II–I тыс. до н.э.

План

1. Отношения Египта с Хеттским царством (по данным Союзного договора, заключенного между хеттским царем Хаттушили III и египетским фараоном Рамзесом II).
2. Отношения Египта с Вавилоном (по материалам дипломатической переписки).
3. Особенности государственной политики Персии (по материалам Бехистунской надписи Дария I).

Источники

1. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 1. Древний мир. Благовещенск, 2013. С. 36-38, 52-57, 116-122.

Литература

1. Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. 7-е изд. М., 2019.
2. Васильев Л.С. История Древнего Востока. М., 2019.
3. Деопик Д.В. История Древнего Востока. 6-е изд. М., 2016.
4. Виппер Р.Ю. История Древнего мира / Р.Ю. Виппер. М., 2008.
5. История Древнего мира: Восток, Греция, Рим: учеб. пос. / И.А. Ладынин, А.А. Немировский, С.В. Новиков и др. М., 2004.
6. История Древнего мира. Древний Восток: Египет, Шумер, Вавилон, Западная Азия / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. М., 1999.
7. История Древнего Востока. Т.1. СПб., 2014.
8. История Древнего Востока. Т.2. СПб., 2014.
9. Кудрявцева Т.В. История Древнего мира: учебник и практикум / Т.В. Кудрявцева. М., 2019.
10. Кузищин В.И. История Древнего Востока / отв. ред. В.И. Кузищин. 3-е изд. М., 2005.
11. Перфилова Т.Б. История Древнего Востока / Т.Б. Перфилова. 2-е изд. М., 2019.
12. Тураев Б.А. История Древнего Востока / Б.А. Тураев. М., 2013.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Ближний Восток. Информационный центр. URL: http://www.middleeast.org.ua/history/egypttexts.htm
2. Историческая библиотека. URL: http://historylib.org/historybooks/I--V--Rak_Egipetskaya-mifologiya/24
3. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/

Методические указания

Первый раздел посвящен особенностям развития международных отношений и дипломатии на Ближнем Востоке в период II–I тыс. до н.э. и сконцентрирован на взаимоотношениях Древнего Египта с Хеттским царством и Вавилоном. Кроме того, в нем отражены вопросы расцевета Персидского государства в правление царя Дария I.

Первый вопрос связан с особенностями взаимоотношений Древнего Египта и Хеттского царства. Для их анализа приводится Союзный договор между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушили III. Текст данного договора был выгравирован на стенах египетских храмов Карнака и Рамессеума (Фивы) и является копией перевода с оригинала, составленного на другом языке, скорее всего хеттском. Поскольку вавилонская клинопись является ранней формой письма, то в отношениях между древневосточными речными государствами они служила для международной переписки. В архиве хеттских царей, обнаруженном в городе Богазкей (современная Турция), также сохранилось несколько фрагментированных копий хеттской редакции договора на глиняных таблетках. Текст договора отражает последствия военного конфликта между Египтом и Хеттским царством, который длился около шестнадцати лет. Как известно, военный конфликт всегда завершается подписанием итогового мирного договора, в котором прописываются обязанности потерпевшей поражение стороны перед стороной победившей. Однако в тексте этого договора можно увидеть обратное, о чем свидетельствует в первую очередь его название «Союзный договор…». Хаттушили, царь хеттский, прислал проект мирных предложений, начертанных на серебряной таблетке, но Рамзес на его основании выработал собственный проект, который был послан хеттскому царю. Очень интересные взаимоотношения требуют от студента более глубокого проникновения в сущность вопроса о взаимоотношениях между двумя древневосточными правителями стран с деспотической властью последних.

Следующая серия документов отражает взаимоотношения Древнего Египта с Вавилоном и представлена она материалами дипломатической переписки. История обнаружения этих документов связана с раскопками столицы фараона-реформатора Эхнатона – города Ахетатон, конца XV в. до н.э. В 1888 г. близ деревушки Телль-эль-Амарны было найдено несколько сот глиняных таблеток, покрытых клинообразными надписями. При их изучении выяснилось, что это часть государственного архива фараонов Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV (Эхнатона). Телль-амарнские письма являются ценнейшими источниками по истории международных отношений и дипломатии в Древнем мире. Почти все они написаны на вавилонском языке, который был в ту эпоху общепринятым языком для дипломатической переписки. Особенность документов заключается в том, что составлялись они писцами и были направлены на донесение определенного содержания правителю другого государства. Так как Египет и Вавилон являлись государствами с деспотической властью, то, соответственно, нужно учитывать манеру обращения, стиль повествования и особенности мировоззрения правителей государств. Ниже приводятся шесть документов из переписки фараонов с вавилонскими царями.

Бехистунская надпись персидского царя Дария I является одним из важных источников по истории Древнего Востока, так как текст состоит из трех частей, написанных на различных языках (персидском, эламском и вавилонском) различными видами клинописи. Важной составляющей текста можно назвать отражение политики царя Дария I, направленной на усиление централизации Персидского государства. Надпись повествует о смутах, которыми было охвачено Персидское царство после смерти Камбиза, и об упорной борьбе, которую пришлось вести Дарию для сохранения целости державы. Для работы с данным документом студентам необходимо посмотреть обозначение понятия внутренняя и внешняя политика, так как в них отражаются конкретные и предполагаемые действия, направленные на выстраивание отношений с другими государствами.

Документы

1.1. Союзный договор, заключенный между хеттским царем Хаттушили III и египетским фараоном Рамзесом II

Год 21, первый месяц зимнего времени, день 21, при царе Верхнего и Нижнего Египта Усер-Маат-Ра Сотеп-эн-Ра[1] сыне Ра, Рамесу Мериамоне, одаренном жизнью навеки веков...

(Далее следует титулатура фараона)

ПРИБЫТИЕ ХЕТТСКИХ ПОСЛОВ

В этот день, когда его величество пребывало в городе Пер Рамзес[2], чтобы почтить отца своего Амона-Ра, Горахути, Атума, владыку обеих земель Гелиополя, Амона Рамессейского, Пта Рамессейского и [Сутеха][3] великого мощью, сына Нут[4], подобно тому как делают они ему вечно в праздник хебседа[5] вечные годы благоденствия и простирают навеки низменности и возвышенности под его сандалии, пришли... царский посланник,... царский посланник... и посланник страны хеттов, чтобы доставить серебряную таблетку, которую послал великий князь страны хеттов Хаттушиль к фараону, да будет он жив, здрав и невредим, чтобы испросить мир от царя Верхнего и Нижнего Египта Рамзеса II, одаренного жизнью ежедневно, вечно, вовеки, подобно отцу его Ра.

ЗАГОЛОВОК ТЕКСТА ДОГОВОРА

Копия серебряной таблетки, которую доставил великий князь страны хеттов Хаттушиль к фараону..., через посредство своего посланника Тартисебу и его посланника Рамоса чтобы испросить мир от величества Рамзеса II, тельца правителей, устанавливающего свои границы в каждой стране, по своему желанию.

ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ

Договор, который учинили на серебряной таблетке великий князь страны хеттов Хаттушиль, могучий сын Муршиля могучего, великого князя страны хеттоз, внук Суппилулиумы [могучего [великого князя страны хеттов], и Рамзес II могучий, великий правитель Египта, сын Сети I могучего, великого правите-

---

[1] Тронное имя Рамсеса II.

[2] Дословно: «Дом Рамсеса» – город, основанный Рамсесом в восточной части Дельты. Некоторые исследователи отождествляют его с Аварисом.

[3] Одно из наименований Сета, происшедшее от искажения его имени гиксосами, которые отождествили его с Ваалом. С тех пор Сет под этим именем стал почитаться как бог варваров. Вообще Сутехами египтяне называли все божества, которым поклонялись иноземцы.

[4] Богиня неба, супруга бога земли Геба.

[5] Праздник царского юбилея, первоначально справлявшийся через 30 лет после вступления фараона на престол, а затем повторявшийся спустя небольшие промежутки времени.

ля Египта, внук Рамзеса I могучего, великого правителя Египта – прекрасный договор мира и братства, дающий мир... навеки.

ЦЕЛИ ДОГОВОРА

[Вводная часть]

Впредь и до конца вечности, в соответствии с замыслами великого правителя Египта, равно как великого князя страны хеттов, бог не даст благодаря договору случиться вражде между нами.

Хотя во времена Муваталлу[1], великого князя страны хеттов, моего брата, он воевал с [Рамзесом II], великим правителем Египта, однако отныне, начиная с этого дня, Хаттушиль, *великий князь страны хеттов, наметил себе договор, учреждающий план, который сделал Ра и который сделал Сутех для земли Египта, равно как для страны хеттов, чтобы не случилась вражда между нами вовеки*.

Вот учинен им, Хаттушилем, великим князем страны хеттов, договор вместе с Рамзесом II, великим правителем Египта, чтобы был, начиная с этого дня, прекрасный мир и прекрасное братство было между нами вовеки. И он в братстве со мной и в мире со мной, а я в братстве с ним и в мире с ним вовеки.

Когда Муваталлу, великий князь страны хеттов, мой брат, достиг границ своего удела (умер) и Хаттушиль воссел как великий князь страны хеттов на трон своего отца, он пожелал быть вместе с Рамзесом II, великим правителем Египта... в мире и братстве, лучшем, нежели мир и братство, бывшие прежде на земле.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЕЧНОГО МИРА

И вот я, великий князь страны хеттов, вместе с [Рамзесом II], великим правителем Египта, [нахожусь] в мире прекрасном и братстве прекрасном. И дети детей великого князя страны хеттов [будут] в братстве и мире вместе с детьми детей Рамзеса II, великого правителя Египта. Они будут придерживаться наших планов братства и наших планов [мира. И земля египетская] вместе с землей хеттской [будут] в мире и братстве, подобно нам, вовеки, и не будет вражды между ними вовеки.

ВЗАИМНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ВОЕВАТЬ

И вовеки не вступит великий князь страны хеттов на землю египетскую, чтобы захватить имущество ее, и вовеки не вступит Рамзес II, великий правитель Египта, на землю [хеттскую, чтобы захватить имущество] ее.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СТРАНЫ ХЕТТОВ ВЫПОЛНЯТЬ ПРЕЖНИЕ ДОГОВОРЫ

---

[1] Муваталли – старший брат Хаттушили III.

Что же касается справедливого договора, который был во времена Суппилулиумы, великого князя страны хеттов, справедливого договора, который был во времена моего отца Муваталлу, великого князя страны хеттов, я придерживаюсь его.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО РАМЗЕСА II ВЫПОЛНЯТЬ НАСТОЯЩИЙ ДОГОВОР

Вот придерживается Рамзес II, великий правитель Египта [мира, который] он учинил с нами, начиная с этого дня. И мы будем делать согласно с этим справедливым планом.

ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ОКАЗЫВАТЬ ДРУГ ДРУГУ ВОЕННУЮ ПОМОЩЬ

Если придет другой враг против земли Рамзеса II, великого правителя Египта, и он пошлет к великому князю страны хеттов, говоря: «приди ко мне и дай силу против него», – великий князь страны хеттов должен [прийти к нему]. Великий князь страны хеттов поразит его врагов.

Если же великий князь страны хеттов [сам] не придет, он должен послать свои войска, свои колесницы, и он поразит его врагов.

(Судя по сохранившимся словам в сильно поврежденных стихах 17-20, дальше шло совершенно аналогичное обязательство Рамзеса II помогать в подобных же случаях великому князю страны хеттов.)

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ХЕТТСКОГО КНЯЗЯ НЕ ПРИНИМАТЬ БЕГЛЕЦОВ ИЗ ЕГИПТА

[Если знатный человек убежит с земли египетской и он придет в землю] великого князя страны хеттов, или горожанин или [принадлежащий] земле Рамзеса II, великого правителя Египта, и они придут к великому князю страны хеттов – великий князь страны хеттов не примет их. Великий князь страны хеттов отправит их к Рамзесу II, великому правителю Египта, их владыке.

Или если один человек, или два человека, которых не знают, убегут в землю страны хеттов, чтобы стать данниками другого, – они не будут оставлены на земле страны хеттов и их доставят к Рамзесу II, великому правителю Египта.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ФАРАОНА НЕ ПРИНИМАТЬ БЕГЛЕЦОВ ИЗ СТРАНЫ ХЕТТОВ

Если убежит знатный человек из земли страны хеттов, чтобы прийти в землю Рамзеса II [великого правителя] Египта, или горожанин, или из области, или принадлежащий земле страны хеттов и они придут к Рамзесу II, великому правителю Египта, Рамзес II, великий правитель Египта, не примет их. Рамзес II, великий правитель Египта, отправит их к [великому] князю [страны хеттов]. Он не оставит их.

Точно так же, если один человек, или два человека, которых не знают, убегут в землю египетскую, чтобы стать слугами другого, – Рамзес II, великий правитель Египта, не оставит их: он отправит их к великому правителю страны хеттов.

(Дальше почти пять строк заполнены именами египетских и хеттских богов, являющихся свидетелями настоящего договора.)

УГРОЗЫ НАРУШИТЕЛЯМ ДОГОВОРА И ОБЕЩАНИЕ БОЖЬЕЙ МИЛОСТИ, СОБЛЮДАЮЩИМ ЕГО

...Что же касается слов, которые на этой серебряной таблетке, для земли страны хеттов и для земли египетской, и кто-нибудь не остережется их – тысяча из богов земли страны хеттов, равно как тысяча из богов земли египетской – уничтожат его дом, его землю, его слуг.

Того же, кто остережется слоз, которые на этой серебряной таблетке, будь они из страны хеттов или из людей Египта, и они не поступят вопреки им[1], тысяча из богов земли страны хеттов, равно как тысяча из богов земли египетской, дадут ему благополучие и жизнь вместе с его домом, вместе с его [землей], вместе с его слугами.

ВЫДАЧА БЕГЛЕЦОВ

Если убежит из земли египетской один человек, или два или три, чтобы пойти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамзесу II, великому правителю Египта. Что же касается человека, которого приведут к Рамзесу II, великому правителю Египта, *пусть не взыщут с него его вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей, [пусть не убьют его], пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног... все его*.

Точно так же, если убежит из страны хеттов один человек, или два, или три и они придут к Рамзесу II, великому правителю Египта, Рамзес II, [великий] правитель [Египта], пусть схватит [их и повелит] отправить к великому князю страны хеттов, и пусть великий князь [страны хетто-в] не [взыщет] с них их вины, пусть не уничтожит его [дома], его жен и его детей, пусть не убьет его, пусть не повредит его ушей, его глаз, его рта и ног, пусть не взыщет с него всей его вины.

(В заключение дано описание изображений, имеющихся на серебряной таблетке, содержащей текст договора.)

[1] Т.е. словам этого договора.

1.2. Переписка вавилонских царей с египетскими фараонами

I. Письмо фараона Аменхотепа III[1] царю Вавилона

Кадашман-Харбе[2], царю Кардуниаша[3], моему брату, скажи – так говорит Нибмуариа[4], царь великий, царь Египта, твои брат. Предо мной благополучие, пусть пред тобой будет благополучие! Твой дом, твои жены, твои дети, твои вельможи, твои кони, твои колесницы в странах твоих да будут очень благополучны. Я благополучен, мой дом, мои жены, мои дети, мои вельможи, кони, колесницы, воины премного благополучны, и в странах моих очень благополучно.

Теперь я слышу [эти] слова, которые ты писал мне: «Вот ты ищешь мою дочь в жены себе, а сестра моя, которую дал тебе отец мой, – там у тебя, и никто ее не видел ныне – жива ли она или умерла». Вот твои слова. А разве ты когда-нибудь посылал «камиру»[5], которой знал бы твою сестру и мог бы говорить с ней и обновил бы знакомство с ней? – и пусть бы он говорил с ней. Люди, которых ты посылаешь – далекие люди (т. е. тебе): [один – слуга (?)] Закары, другой – погонщик ослов [из стр]аны [...]; нет среди них ни одного, который [был бы (?)] близок к твоему отцу и [...] уже [хотя бы] гонцы, [котор]ые е[сть] у тебя и [пусть бы?] она сказала [им]. (Следует пропуск...) для ее матери.

И когда ты писал, говоря следующее: «Ты говорил моим гонцам, когда твои жены были собраны и стояли перед тобой: «смотри[те], [вот] ваша госпожа, что стоит перед вами», – а гонцы мои не узнали ее. Сестра ли это моя, что [находится] у тебя?» – и еще ты писал: «не узнали ее мои гонцы», и ты говоришь, «кто ее может узнать?» – зачем же ты не пошлешь «камиру», который скажет тебе правдивое слово и такой же (?) привет от сестры твоей? И ты скажи ему, чтобы он вошел, чтобы видеть (?) ее дом и ее отношения с царем. А когда ты мне пишешь «может, это дочь какого-нибудь мушкену[6], либс какого-нибудь гагайца[7], либо дочь ханигальбатца[1], или, может быть, из Угарита[2], которую ви-

---

[1] Фараон XVIII династии.

[2] Кадашман-Харбе I (Кадяшман-Энлиль) – вавилснский царь Касситской династии, правивший во второй половине XV в.

[3] Первоначально так называлась южная часть Вавилонии, примыкавшая к Персидскому заливу. В Касситский период это наименование стало применяться для обозначения всей Вавилонии.

[4] Вавилоиская переделка тронного имени Аменхотепа III – Неб-Маа-Ра, означающего «Владыка правды Ра».

[5] Название должности, скорее всего – придворной.

[6] Мушкену.

[7] Возможно, сокращенная форма хеттского Каш-Каш (так назывался воинственным народ обитавшим ма южном беое-у Черного моря). Этот этнический термин считают прототипом наименования Кавказ, а также сопоставляют с библейским Магог (обозначение скифов).

дели мои гонцы? И кто скажет им — вот [это] та (?), что у тебя? Она рта не раскрыла и ничего не сказала им!» Вот твои слова. А если умерла сестра твоя – кто это станет скрывать, ...или подставит другую? [Бог] Амон [благосклонен?] к [сестре твоей, она (?) — се]стра главной жены, [...] к (?) хозяйке дома [...] одной служанки, который [...] более всех жен [...] царей Египт[а...] в Египте.

А когда ты мне писал: «Мои дочери, которые замужем за царями, которые...[...], то если [прибывают] мои гонцы туда, то говорят с ни[ми, и они пе]ресылают мне подарок»... Вот твои слова. Пожалуй, соседние с тобой цари – большие...; твои дочери получают что-нибудь у них и посылают тебе. А что [есть] у нее, у сестры твоей? (Это то,) что у меня. Если она получит что-нибудь, то я пошлю тебе [что-нибудь] хорошее, раз ты отдаешь твоих дочерей, чтобы получать добро от соседей твоих.

А когда ты мне писал, что я оставил слова отца моего, то ты не сообщаешь его слов. И еще: «установи доброе братство между Нами». Вот слова, которые ты написал. А ныне мы с тобой братья – я и ты, мы оба и я высказываю жалобу на твоих гонцов, потому что они говорят перед тобой следующим образом: «Он не дает ничего нам, которые входят в страну египетскую». (Вот что я скажу) о тех, кто приходит ко мне, – вот, приходит один из них [ко мне] и взял серебра, золота, масла, тканей, все хорошее [в (?)] страну (?) чужую, а говорит неправду тому, кто послал его. Первые пришли гонцы к твоему отцу, и уста их говорят ложь; вторые пришли [и] говорят ложь тебе. И я решил: дам ли им что-нибудь или не [да]м, всегда будут говорить [л]о(жь], и установил не да[вать] им [ничего] больше.

А когда ты мне писал: «Ты сказал моим гонцам: «нет воинов у вашего господина, и некрасива девушка, что он мне дал», – вот твои слова – нет, неправду говорят тебе твои гонцы всегда. Есть ли у тебя избранные воины или нет – [это] они сообщают мне. Что я буду спрашивать, есть ли у тебя воины, есть ли у тебя кони? Да не слушай ты их, гонцов твоих, уста которых лживы! То, что ты пишешь, [происходит] таким образом (?): если они боятся тебя, то говорят ложь, чтобы спастись от руки твоей.

Когда ты сказал: «отданы мои колесницы в число колесниц городских правителей, и чужая (страна) не видела их; ты послал их в страну такую-то, и чужая (страна) не видела их». Это так, и в отношении колесниц это так; коней они потребовали у меня, всех моих коней [для] колесниц.

---

[1] Страна Ханигальбат находилась в северо-западной части Двуречья. В состав ее входили Митанни и Хурри.

[2] Финикийское государство-город (ныне Рас-шамра).

Когда ты мне писал чер[ез] далекого (для тебя человека, чтобы возложить елей на [гол]ову девушки, [то ведь] ты послал мне [всего] одну выдачу (?) ... масла.

(Конец не сохранился.)

II. Письмо Кадашман-Харбе, царя Вавилона, фараону Аменхотепу III

[Вот] о том, что нельзя выда[ть] дочери твоей замуж, как ты писал: «Издревле царевны египетские никому не отдаются», – зачем ты, брат мой, [говоришь так?] Ты – царь, можешь поступать], как хочешь. Если ты отдашь, кто может что-либо [сказать?].

Когда мне сказали это слово, я написал [брату моему][1] следующее: «Есть взрослые дочери и красивые женщины; пошли одну красивую женщину по т[воему выбор]у; кто сможет сказать: она не царевна? Ты же, [решив] не посылать, не послал. Разве ты не искал братства и дружбы, когда писал о браке, чтобы мы породнились между собой? И я поэтому же, ради братства и дружбы, чтобы мы породнились между собой, написал тебе о браке. Брат мой, почему оп не послал мне ни одной женщины? Пожалуй, раз ты не прислал мне женщины, то и я, подобно тебе, откажу тебе в женщине? [Но н]ет, мои дочери будут [у тебя], я не отказываю тебе в них.

(Следует, повидимому, просьба о присылке диковинных зверей.)

А относительно золота, что я писал тебе, то пошли мне много всякого золота, прежде чем гонец твой [прибудет] ко мне, теперь быстро, [еще] этим летом, будь то в [месяце] таммузе, будь то в [месяце] абе, чтобы я мог выполнить работу, которую я предпринял.

Если этим летом, в таммузе или абе, ты пришлешь мне золота, о котором я писал тебе, [то] я дам тебе мою дочь, а ты пришли в последствии (?) золота, [сколько] хочешь. А если в таммузе или абе ты не пришлешь золота и я не смогу выполнить работу, которую я предпринял, то зачем тебе в последствии (?) присылать – когда я выполню работу, которую я предпринял и зачем мне будет желать золота? Пусть хоть 3000 талантов золота ты пришлешь, я не приму и верну тебе и дочь мою замуж не отдам за тебя.

[1] То есть тебе.

III. Письмо Буррабуриаша, царя Вавилона, к фараону Эхнатону

(Начало не сохранилось.) Нибхурририе[1] царю Е[гипта] скажи: так говорит Буррабуриаш[2], царь Кард[ун]иаша, твой брат. Я благополучен; ты, твой дом, твои жены, твои сыновья, твои дочери, твоя страна, твои вельможи, твои кони, твои колесницы да будут очень благополучны.

С тех пор как мои предки и твои предки заключили между собой дружбу, они посылали друг другу хорошие подарки и не отказывали друг другу в хороших желаемых вещах.

Сейчас мой брат послал мне в подарок 2 мины золота, а сейчас золота много пришли, сколько [посылали] твои предки. А если [его] мало, пришли половину того, [что посылали] твои предки. Почему ты прислал [только] 2 мины золота? Сейчас я усердно предпринял многочисленные работы в храме и выполняю [их]. Пришли мне много золота, а сам ты, чего желаешь в стране моей, напиши, и пусть возьмут для тебя.

При Куригальзу[3] предке[4] моем, все ханаанеяне[5] писали ему: «К пределам страны [давай спусти]мся, давай восстанем, давай [с тобой] соединимся!» Предок мой написал им так: «Оставьте [мысль о] соединении со мной! Если вы желали враждовать с царем Египта, моим братом, объединитесь с [кем-нибудь] другим; разве не должен я пойти и разграбить вас, ибо он (т. е. царь Египта) соединился со мной? Предок мой не послушал их ради предка твоего. А сейчас – ассирийцев, подчиненных мне, я не посылал тебе, зачем же они по собственному решению пришли в твою страну? Если ты любишь меня, пусть они не сделают никакого дела (?) (т. е. пусть посольство будет безрезультатным), отпусти их с пустыми руками[6].

В подарок тебе я послал 3 мины хорошего лазурного камня[7] и 5 упряжных коней для 5 деревянных колесниц.

---

[1] Вавилонская переделка тронного имени Эхнатона – Нофер-Хепру-Ра («Прекрасны образы Ра»).

[2] Вавилонский царь, сын и преемник Кадашман-Харбе, правивший в конце XV и начале XIV в. до н.э.

[3] Куригальзу – вавилонский царь, предшественник Кадашман-Харбе, правивший в середине XV в.

[4] Здесь и далее буквально – отец.

[5] Население Ханаана (Палестины), покоренное египетскими фараонами Тутмосом I и Тутмосом III.

[6] Несмотря на эти протесты и просьбы, Эхнатон продолжал дружественную переписку с царем Ассирии Ашшур-убаллитом.

[7] Имеется в виду лазурит (ляпис-лазурь), минерал синего цвета, привозившийся в Двуречье из южной Согдианы (ныне Таджикистан) и Бактрии (ныне Афганистан) и служивший мате-

IV. Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III[1].

Вот ты хочешь мою дочь себе в жены, а моя сестра, которую отдал (за) тебя мой отец[2], (еще) находится при тебе, но никто не видел ее теперь, жива ли она, или нет... Ты говорил моим послам, – а твои жены стояли перед тобой, (собранные все) вместе: «Смотрите-де на вашу госпожу, что стоит перед вами!» – но мои послы не признали ее. (Разве) эта, которая так (выглядит), моя сестра? Не знали ее мои послы, и кто, воистину, ее знает? Может, она дочь ничтожества (доел, «мушкенума»), или дочь ка(с)кейца, или дочь ханигальбатца, или она, в самом деле, из страны Угарит – та, которую видели мои послы?[3] Кто же сказал бы им, (что) это – та (самая)? (Ведь) она не раскрыла рта, и ничего им не сказала![4]... Мои дочери, что замужем за со[седними] царями, – если мои послы появляются там, то они (послы) говорят с ними, и они (дочери) посылают мне дары! А та (моя родственница), что с тобой, – [нет]![5] ...Установи доброе братство между нами![6] ...Ты сказал моим послам: «(Разве)-де у вашего господина нет воинов?» и «Девушка, которую он дал нам, нехороша!»[7] ...Ты (доел, «он», т. е.

риалом для художественных изделий. Ввиду редкости и дороговизны этого камня вавилонские и ассирийские мастера часто изготовляли искусственный ляпис-лазурь (сохранились соответствующие рецепты).

[1] Реконструируется только по цитатам, приведенным в ответе Аменхотепа.

[2] Куригальзу I Старший (ок. 1390 г. до н.э.).

[3] Указаны правители независимых, но, по меркам автора письма, третьеразрядных стран – племен касков, Митанни (Ханигальбата) и Угарита.

[4] В ответ Аменхотеп отговорился тем, что послы касситского царя сами никогда не видели его сестру, и просил прислать сановника, способного опознать ее.

[5] Кадашман-Эллиль косвенно вымогает подарок у самого фараона, на чьем иждивении в действительности находится его сестра, от которой кассит считает подобающим получать дары по примеру других своих родственниц, отданных замуж за царей. Аменхотеп, разгадав хитрость, иронически ответил: «В самом деле, цари, твои соседи, богаты и велики! (Когда) твои дочери что-либо получают от них, они посылают это тебе! А что есть (своего) у твоей сестры, которая (замужем) за мной? И если она получит что-либо, то я отправлю нечто доброе (из этого) тебе, чтобы ты мог передать (это) своим дочерям, чтобы (взамен) получить добро (от) твоих соседей! А когда ты пишешь, что я отказался от слов моего отца, ты не приводишь его слов». Из последнего предложения видно, что еще Тутмос IV был другом Касситской Вавилонии; с другой стороны, принадлежащий самому Тутмосу IV перечень побежденных им врагов включает «Сангар», т. е. Касситскую Вавилонию. Очевидно, Тутмос IV сначала столкнулся с ней, а потом заключил с ней мир (точно такую же, и едва ли не одновременную трансформацию претерпели его отношения с Митанни, также появляющимся в упомянутом перечне как «Нахарина»).

[6] В ответ Аменхотеп писал, обвиняя касситских послов в том, что они оговаривают его, необоснованно жалуясь на плохое обращение: «Сперва послы приходили к твоему отцу, и их рты говорили злое. Вдругорядь они приходили и говорили злое тебе. И я сказал (себе): «Вот я – дам ли им что-нибудь, или не дам им (ничего), они одинаково скажут тебе злое. Так что я положил (по отношению) к ним: не буду им совсем ничего давать!».

[7] Фараон отрицал, что говорил это, и обвинил послов в клевете.

«мой брат») распределил мои колесницы среди колесниц (своих вассальных) градоначальников, ты на них и не глянул (доел, «не посмотрел на них сбоку»). Ты отправил их в распоряжение (властей) соответствующей страны, ты на них и не глянул![1]

V. Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III

Что до девушки, моей дочери, о которой ты написал, чтобы взять ее в жены – она выросла (и) созрела для мужа. Присылай, чтобы (ее) привезли. Прежде, когда мой отец послал к тебе посла, ты не задерживал его на много дней, но дал ему спешно вернуться, и ты прислал моему отцу прекрасный дар. Теперь (же), когда я прислал к тебе моего посла, ты удерживаешь его шестой год, и за шесть лет ты прислал мне (всего) 30 мин золота, которое, как серебро[2].

VI. Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III

Смотри, когда ты, брат мой, не давая свою дочь мне в жены, отписал мне так: «Издревле дочь царя страны Мицри не дается (в жены) никому!» – почему ты [так говоришь]? Ты царь, ты поступаешь по своему сердцу. Если ты дашь, кто скажет что-либо? Когда мне передали это слово, я написал моему брату следующим образом: (Ведь) есть взрослые дочери и прекрасные женщины. Какую-нибудь прекрасную женщину по своему сердцу, ее (и) пришли! Кто скажет: «Она-де не дочь царя?» Ты же, чтобы (только) не присылать, не прислал ее. Ты, (видно), не искал братства и дружбы, когда написал о (намерении) жениться, для сближения между нами? И я ради этого же, ради братства и дружбы, ради сближения между нами написал тебе о (намерении) жениться. Почему брат мой (и) одной женщины не прислал? В самом деле, ты не прислал (и) одной женщины! (Может), и я, как ты, откажу тебе в жене? Нет! Вот мои дочери, я не откажу тебе (ни в одной). (...) Если в этот урожай, в таммузе или абе, ты пришлешь золота, о котором я писал, (то) я отдам тебе мою дочь, а ты на радость (мне) пришлешь золота по своему сердцу. А если ты не пришлешь золота в таммузе или абе, (и) я не сделаю (с использованием его) работу, которую я предпринял, то за какой радостью ты (вообще) его пришлешь? После того, как я завершу работу, которую предпринял, зачем мне желать золота? Воистину, и 3 тысячи талантов золота я тогда не приму, (а) отошлю к тебе обратно, и я не дам тебе в жены моей дочери.

---

[1] В ответ Аменхотеп признает получение колесниц и прибавляет: «Они потребовали (под упряжь) моих коней, всех моих колесничных коней!».

[2] То есть низкопробное, низкой ценности, приближающейся к ценности серебра.

VII. Из письма Бурнабуриаша II10[1] Аменхотепу III

Ниммуварее, [царю страны Мицри], моему брату, скажи: так говорит Бурраабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, с твоими женами, твоими сыновьями, твоей страной, твоими вельможами, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

Как прежде ты и мой отец были в дружбе друг с другом, так теперь я и ты друг с другом! Между нами никакого иного дела не возникнет! Чего ты в моей стране ни пожелаешь, напиши, пусть доставят тебе. И чего я ни желаю в твоей стране, да напишу я, и пусть доставят мне.

[Смотри, NN. я послал к моему брату]. Он передаст тебе [мой привет]. Напиши же, что[бы он мог отвезти мне твой привет]. А в дар [для тебя я послал...][2] – я по[слал тебе в подарок.]

VIII. Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону

Нипхурририи, царю страны Мицри, скажи: так говорит Бурраабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, с твоим домом, твоими женами, твоими сыновьями, твоей страной, твоими вельможами, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

С тех пор, как мои отцы и твои отцы[3] установили между собой дружбу, они посылали друг другу прекрасные подарки и не отказывали друг другу ни в какой доброй просьбе. Теперь мой брат прислал (всего) две мины золота в подарок. Теперь, вот, если золота в изобилии, пришли мне (столько же), сколько твои отцы, а если его мало, пришли половину от того, что (посылали) твои отцы. Почему ты прислал (всего) две мины золота? Теперь, так как моя работа в доме бога велика, пришли много золота. И ты, чего ни пожелаешь в моей стране, напиши, чтобы (это) доставили тебе.

При Куригальзу, моем (пра)отце, кинахайцы, все вместе написали ему так: «На границу страны мы пойдем и взбунтуемся, и с тобой заключим союз». Мой (пра)отец написал им следующее: «Бросьте-де искать союза со мной! Если вы поведете вражду с царем страны Мицри, моим братом, и захотите присоединиться к кому-либо другому, не приду ли я и не разорю вас, ибо он в союзе со мной?» Мой (пра)отец ради твоего отца их не послушал! Теперь, вот ашшурцы,

---

[1] Бурна-Буриаш II – один из самых могущественных царей Касситской Вавилонии. Его владения простирались от Бахрейна (Дильмуна, составлявшего особое вавилонское наместничество), Тадмора и северного Хаурана до района Хамадана (где еще в I тысячелетии стояла крепость, сохранившая названия «Пристанище касситов» и «Крепость вавилонян»); одно время его данником был и Ашшур.

[2] Разрушено полторы строки, содержащие незначительный перечень подарков.

[3] То есть как минимум, Аменхотеп III и его отец Тутмос IV.

мои подручники[1] – (разве) я не сообщил тебе, каково их намерение? Почему они пришли в твою страну? Если ты любишь меня, (пусть) они не осуществят никакого дела. Отправь их с пустыми руками!

В подарок тебе я послал три мины прекрасного лазурита и пять упряжек коней при 5 деревянных колесницах.

IX. Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону[2]

Со (времени) Караиндаша[3], с тех пор как послы твоих отцов[4] пришли к моим отцам, и доныне они были в дружбе. Теперь я и ты, мы в дружбе. Твои послы приходили уже три раза, но ты не прислал какого-либо прекрасного дара. И я тоже не слал тебе какого-либо прекрасного дара. (В результате) мне не (досталось) ничего ценного, и тебе не (досталось) ничего ценного. Твой посол, которого ты прислал, – 20 мин золота, что он привез, были неполны, и когда (их) положили в плавильную печь, не вышло и 5 мин. [Все], что вышло, в точности (доел, «в подобии»), представлено на наш разбор. (...) И в-третьих, пусть знатоки, что состоят при тебе, изготовят (чучела) зверей, и земных, и водных, словно они живые, пусть сделают шкуру, как если бы они были живыми! Пусть твой посол доставит (их)! Но если (все), какие есть, постарели, то, когда Шиндишугаб, мой посол, достигнет тебя, тогда пусть он немедленно, спешно возьмет колесницы и прибудет ко мне. И пусть на будущее сделают новые (чучела), и когда мой или твой посол поедет, пусть они доставляют (чучела) вместе.

В подарок тебе я послал две мины лазурита, а что до твоей дочери Майати, так как я услышал (о ней), я послал ей в подарок для нее одно ожерелье из лазуритовых колец (с нарезанными) печатями – всего 1048. И если твой посол [прибудет] с Шиндишугабом, я сделаю ... и при[шлю ей].

X. Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону

Напхурурии, царю страны Мицри, моему брату, скажи. Так говорит Бурнабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, твоими женами, твоим домом, твоими сыновьями, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

(Что до) жалобы [от(?)по поводу (жены)(?)] твоего отца, – я отправил Ху'а, (моего) посла, и ..., толмача. Я написал [следующее]: «Царскую дочь, которую..., доставили. Другую [тебе?] да доставят!» ...Хамассэ, твоего посла, и [Михуни, толмача], ты послал, (говоря): «...[от? по поводу (жены?)] отца моего

---

[1] Речь идет о послах Эриба-Адада или, что менее вероятно, Ашшурубаллита.
[2] Приводим весь текст, кроме приветствия.
[3] Касситский царь ок. 1410 г. до н.э.
[4] То есть как минимум, Аменхотеп III и его отец Тутмос IV.

жалоба...! эти слова... эта женщина... от мора уме[рла]...». Я отписал: «Женщину-де эту [доставят тебе]![1]» [Когда] я показал [мою дочь] Хамассэ, твоему послу, и Михуни, толмачу, они возлили масло на голову [моей] дочери[2]. Но она, которую доставят к тебе, – кто доставит ее? С Хаа[3] (всего) пять колесниц. С пятью колесницами они доставят ее к тебе? Отправлю ли я ее к тебе из моего дома при таких обстоятельствах (доел, «теперь же»)? [Да не] скажут цари – мои соседи: «Дочь-де великого царя привезли в страну Мицри (всего) при пяти колесницах!».

Когда [дочь моего отца?] доставили к твоему отцу, твой [посол][4] и три тысячи воинов при нем [сопровождали ее]. [Может быть,] я (сам) пойду [доставлять ее?]. Мой отец... Если старые закончены, пришли их быстро. Если старых нет, пусть сделают новые[5]. Пошли Цалму, купца[6]! Если Цалму-купец (уже) отправился, тогда пусть твой посол, который (должен будет) отправиться, доставит их! Пусть деревья будут сделаны из слоновой кости и раскрашены! Пусть полевые растения, подходящие одно к другому, будут сделаны из слоновой кости и раскрашены, и пусть их доставят!

Что до Хаа, твоего вельможи, которого ты прислал, – колесниц и воинов, что с ним, мало. Пришли много колесниц и воинов! Тогда Хаа доставит к тебе дочь царя. Другого вельможу не присылай. Царскую дочь, на голову которой возлили масло, я не стану удерживать при себе. Пришли быстро [тех, кто сможет сопровождать ее]. Если ты пришлешь колесницы и воинов в течение этого года, пусть [твой посол] спешно отправится и сообщит (мне необходимые) сведения[7].

[Прежде] твой отец послал много золота Куригальзу. Дар Куригальзу, что его превосходило? Во дворце [отца моего все было] подобающим (для того), чтобы соседние цари услыхали: «Золота-де [без меры]!». Между царями ведутся братство, дружба, союзы и [приязненные] дела, [если есть] обилие драгоценных каменьев, обилие серебра, обилие золота.

---

[1] Видимо, дочь Кадашман-Эллиля, некогда отданная за Аменхотепа III, умерла в Египте от мора, и фараон потребовал у Бурнабуриаша новую вавилонскую принцессу.

[2] Знак помолвки.

[3] Уменьшительное от «Хамассэ».

[4] Твой [посол] – очевидно, этот дипломат продолжал службу при Эхнатоне и поэтому называется послом «твоим», т. е. эхнатоновским.

[5] Речь явно идет о тех же чучелах.

[6] Купец Цалму не раз ездил доверенным лицом Бурнабуриаша в Египет и при этом даже был дважды подряд ограблен по дороге – сначала египетским вассалом Пирьявасой, князем Дамаска, а потом и собственно египетским представителем в Азии, Памаху, что послужило поводом для вавилонской жалобы.

[7] В итоге свадьба состоялась, и до нас дошли описи приданого невесты и калыма, который Эхнатон отправил Бурнабуриашу.

10 кусочков прекрасного лазурита я послал тебе в подарок. Госпоже твоего дома[1] я послал только 20 перстней с печатками из прекрасного лазурита, так как Майати не сделала мне ничего, чтобы я вы[здоровел], (и) она не поддержала мне головы[2]. Быстро, словно в горячке (доел, «как при смятении»), много золота от тебя пусть мне доставят! Пусть мне доставят [много золота] до истечения этого года. (Тогда) я быстро закончу работу. И пусть ... не скажет: «Дар обильный и [прекрасный] привез твой посол, он...». Как я пришлю к тебе, так [ты мне много золота] пришли! [Тогда и я пошлю] тебе большой дар.

1.3. Бехистунская надпись Дария I

Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь провинций, сын Виштаспы[3] внук Аршамы, Ахеменид[4].

Говорит Дарий царь: мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы – Аршама, отец Аршамы – Арнарамна, отец Ариарамны – Чишпиш[5], отец Чишпиша – Ахемен. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Восемь [человек] из моего рода были до меня царями[6]. Я – девятый. Девять [человек] нас было последовательно царями. По воле Аурамазды[7] я – царь. Аурамазда дал мне царство.

Следующие провинции мне достались, по воле Аурамазды, я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия. Аравия, Египет [провинции] у моря, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфпя, Драигиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гайдара, Скифия, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 провинции[8].

---

[1] Здесь – Майати-Меритатон, старшая дочь Эхнатона, которую он между серединой своего 12-го и примерно 15-м годом правления наделил рядом титулов царицы (Нефертити в это время либо умерла, либо была возведена в соправители, получив вместо титулов царицы титулы фараона, т.е. так или иначе, освободила свой былой ранг для старшей дочери).

[2] Фразеологизм со значением: «не побеспокоилась обо мне».

[3] Греч. Гистасп, персидский вельможа при дворе Кира. Некоторые ученые отождествляют его с царем Виштаспой, упоминаемым в Зенд-Авесте.

[4] Т.е. потомок родоначальника Ахемена.

[5] Греч. Теисиес.

[6] Дарий I имеет в виду старшую линию рода Ахемемидов, к которой принадлежали цари Кир и Камбиз, и стремится доказать, что он является их родственником и поэтому имеет законные права на престол.

[7] Главный бог иранского пантеона (греч. Ормузд). В Зенд-Авесте (священной книге, написанной, по всем данным, в восточном Иране) изображается его вечная борьба со злым богом Ангрэмайниу (греч. Ариманом).

[8] Перечисление провинций, подвластных персидскому царю, идет в таком порядке. Сперва перечислены провинции, расположенные на запад от собственно Персии (Фарса): Элам (Сузиана). Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, провинции у моря; далее следуют мало-

Эти провинции мне достались. По воле Аурамазды, [они] стали мне подвластны. [Они] приносили мне дань. Все, что я им приказывал – ночью ли, днем ли, – они исполняли. В этих провинциях [каждого] человека, который был дружествен (?), я ублаготворял [каждого], кто был враждебен, я строго наказывал. По воле Аурамазды, эти провинции следовали моим законам. [Все], что я им приказывал, они исполняли. Аурамазда дал мне это царство. Аурамазда помог мне, чтобы я овладел этим царством. По воле Аурамазды, этим царством я владею.

Говорит Дарий царь: «Вот, что мною сделано, после того как я стал царем».

Камбиз[1], сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. У Камбнза был брат, по имени Бардия[2], от одной матери, одного отца с Камбизом. Камбиз убил Бардию. Когда Камбиз убил Бардию, народ не знал, что Бардия убит. Между тем Камбиз отправился в Египет[3]. Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других провинциях.

Потом появился человек, маг[4], по имени Гаумата. Он восстал в Пишияваде, у горы, по названию Аркадриш. Это было в 14-й день месяца вияхна[5], когда он восстал. Народ он так обманывал: «Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ взбунтовался и перешел от Камбиза к нему, и Персия, и Мидия, и другие провинции. Он (Гаумата) захватил царство. Это было в 9-й день месяца гармапада[6], когда он захватил царство. Вслед за тем Камбиз умер своей смертью[7].

Царство, которое Гаумата-маг отнял у Камбиза, принадлежало искони нашему роду. И Гаумата-маг отнял у Камбиза и Персию, и другие провинции,

---

азийские и северные провинции: Лидия (Сарды), Иония, Мидия, Армения, Каппадокия; наконец, северо-восточные и восточные: Парфия (совр. Хоросан), Дрангиаиа (совр. Сеистан), Арейя (совр. Герат, в зап. Афганистане), Хорезм (Узбекистан) Бактрия (Балх, в совр. Афганистане), Согдиана (совр. Узбекистан и Таджикистан). Гайдара (Газна), Скифия (в Средней Азии, не смешивать, как это часто делается, с Причерноморской Скифией). Саттагидия (Кабул), Арахозия (Кандагар) в южном Афганистане, Мака (вероятно, совр. Мекран в южн. Иране и Афганистане).

[1] Правил в 529-522 гг. до н.э.

[2] Греческие авторы называют его Смердис.

[3] По утверждению Геродота («История», III, 30.), Камбиз приказал убить Бардию уже после завоевания Египта.

[4] Геродот говорит о двух братьях-магах, причем главную роль играл старший – Патизейтес, начальник дворца, убедивший младшего провозгласить себя Смердисом.

[5] Март 522 г. до н.э.

[6] Апрель 522 г. до н.э.

[7] Выражение «своей смертью» некоторые исследователи толкуют как самоубийство. Сравн. Геродот («История», III, 64-66.), где говорится, что Камбиз нечаянно поранил себя мечом и умер от гангрены.

захватил [их], присвоил [их] себе, стал царем. Не было человека – ни перса, ни мидянина, ни кого-либо из нашего рода, кто мог бы отнять царство у Гауматы-мага Народ очень его боялся, что он перебьет многих, которые прежде знали Бардию, дабы никто не узнал, что он – не Бардия, сын Кира. Никто не осмеливался сказать что-либо против Гауматы-мага, пока я не прибыл. Затем я помолился Аурамазде. Аурамазда мне помог. Это было в 10-й день месяца багаядиш[1], когда я с немногими людьми убил Гаумату-мага и виднейших его приверженцев в крепости, по имени Сикаяватиш, в мидийской провинции Нисайя[2]. Царство у него я отнял. По воле Аурамазды, я стал царем. Аурамазда дал мне царство. Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Святилища, которые Гаумата-маг разрушил, я восстановил[3]. [Я вернул] народу [его] пастбища[4] (?), имущество, жилища, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие провинции. То, что было отнято, я вернул обратно. По воле Аурамазды, это я совершил. Я добился того, чтобы дом [престол] наш восстановить на прежнее место, чтобы Гауматамаг не захватил наш престол.

Вот что я сделал, после того как стал царем.

Говорит Дарий царь: когда я убил Гаумату-мага, то один человек, по имени Ассина, сын Упадармы, восстал в Эламе. Он говорил народу: «Я – парь Элама». Тогда эламиты взбунтовались, перешли к этому Ассине; он стал царем в Эламе.

И был один человек, вавилонянин, по имени Надинта-байра (Нидинту-Бел), сын Анири, восстал в Вавилоне. Народ он так обманывал: «Я – Навуходоносор, сын Набонида»[5]. И тогда народ вавилонский весь перешел к этому Надинта-байре. Вавилон взбунтовался, [и] он захватил власть в Вавилоне.

Тогда я послал [людей] в Элам. Тот Ассина связанный был приведен ко мне. Я его умертвил.

После этого я отправился в Вавилон против Надинта-байры, который называл себя Навуходоносором. Войско Надинта-байры занимало [реку] Тигр. Там оно стояло, и тут же находился флот (?). Тогда я посадил войско на меха, других – на верблюдов и лошадей. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, мы перешли Тигр. Там разбил я наголову войско Надинта-байры. Это было в 24-й день месяца ассиядия[6], когда мы дали сражение.

---

[1] Сентябрь 522 г. до н.э.

[2] В области Рагиане сев.-зап. часть иранского плоскогорья, местность эта славилась своими породистыми конями.

[3] Очевидно, Гаумата пытался произвести централизацию культа.

[4] Очевидно, Гаумата конфисковал общинные пастбища.

[5] Вероятно, он объявил себя сыном последнего вавилонского царя Набонида.

[6] 13 декабря 522 г. до н.э.

После этого я направился в Вавилон. Не доходя до Вавилона, [там есть] город, называемый Зазана, на Евфрате[1], – туда прибыл с войском тот Надинта-байра, называвший себя Навуходоносором, чтобы дать мне сражение. Затем сражение мы дали. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, я разбил наголову войско Надинта-байры. Враг был загнан в воду. Вода его увлекла. Это было во 2-й день месяца анамака[2], когда мы дали сражение.

Надинта-байра с немногими всадниками бежал и прибыл в Вавилон. Тогда я направился в Вавилон. По воле Аурамазды, я взял Вавилон[3] и захватил Надинта-байру. Затем я этого Надинта-байру умертвил в Вавилоне.

Пока я был в Вавилоне, следующие провинции от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия[4].

Один человек, по имени Мартия, сын Чичихриша из города Куганака в Персии, восстал в Эламе. Он говорил народу: «Я – Иманиш. царь Элама». Я был тогда в мире с Эламом. Эламиты меня побоялись, схватили Мартию, который стал у них главой, и убили его.

Один человек, по имени Фравартиш[5], мидянин, восстал в Мидии Народу он так говорил: «Я – Хшатрита[6], из рода Увахштры[7]» Тогда мидийское войско, которое [находилось] во дворце, отложилось от меня и перешло к Фраваргишу. Он спал царем в Мидии. Персидское и мидийское войско, которое было при мне, было незначительно. Тогда я отправил войско. Перса Видарну, моего подчиненного, я сделал над ними начальником [и] так им сказал: «Идите [и] разбейте то мидийское войско, которое не признает Меня». Затем Видарна отправился с войском. Когда он прибыл в Мидию, [то] у города, называемого Маруш[8], там дал он сражение мидянам... Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, мое войско разбило наголову мятежное войско. Это было в 27-й день месяца анамака[9], когда произошло сражение. После этого войско мое поджидало меня в местности, называемой Кампада[10], в Мидии, пока я не прибыл в Мидию.

Армянина, по имени Дадаршиш, моего подчиненного, я послал в Армению [и] так ему сказал: «Иди и разбей мятежное войско, [которое] не признает меня». После этого Дадаршиш отправился. Когда он прибыл в Армению, мя-

---

[1] Точное местоположение неизвестно.
[2] 18 декабря 522 г. до н.э.
[3] Подробности взятия Вавилона благодаря самоотверженности Зопира передает Геродот («История», III, 153-160.), использовавший персидские предания.
[4] См. выше прим. 6.
[5] Греч. Фраорт.
[6] Имя напоминает скифского вождя Каштарити.
[7] То есть Киаксара. Самозванец причислял себя к свергнутой Киром мидийской династии.
[8] Точное местоположение неизвестно.
[9] 12 января 522 г. до н.э.
[10] Точное местоположение неизвестно.

тежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться (с ним). У селения Зузза (?) в Армении они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 8-й день месяца туравахара[1], когда произошло сражение.

Второй раз мятежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться [с ним]. У крепости, называемой Тигра[2], в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 18-й день месяца туравахара[3], когда произошло сражение.

В третий раз мятежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться [с ним]. У крепости, называемой Виама[4], в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 9-й день месяца тайгарчиш[5], когда произошло сражение. Затем Дадаршиш поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

Перса, по имени Ваумиса, моего подчиненного, я послал в Армению [и] так ему сказал: «Иди [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбей». После этого Ваумиса отправился. Когда он достиг Армении, мятежники собрались [и] двинулись против Ваумисы, чтобы сразиться [с ним]. В местности, называемой Изара[6], в Ассирии, – там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 15-й день месяца анамака[7], когда произошло сражение.

Второй раз мятежники собрались [и] двинулись против Ваумисы, чтобы сразиться [с ним]. В местности, называемой Аутиара[8], в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову.

Это было на исходе месяца тарувахара[9], когда произошло сражение. Затем Ваумиса до тех пор поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

Затем я выступил из Вавилона и напразился в Мидию. Когда я прибыл в Мидию, то в город, называемый Кундуруш[10], в Мидии, – туда тот Фравартиш, который называл себя царем Мидии, двинулся с войском, чтобы сразиться со

---

[1] 21 мая 521 г. до н.э.
[2] Точное местоположение неизвестно.
[3] 31 мая 521 г. до н.э.
[4] Точное местоположение неизвестно.
[5] 12 июня 521 г. до н.э.
[6] Точное местоположение неизвестно.
[7] 31 декабря 522 г. до н.э.
[8] Точное местоположение неизвестно.
[9] 19 июня 591 г.до н.э.
[10] Точное местоположение неизвестно.

мной. Затем мы вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско Фравартиша я разбил наголову. Это было в 25-й день месяца адуканиш[1], когда мы дали сражение.

Фравартиш с немногими всадниками бежал и направился в местность, называемую Рага[2], в Мидии. Тогда я послал вслед ему войско. Фравартпш был схвачен и приведен ко мне. Я отрезал ему нос, уши и язык и выколол ему глаза. Его держали в оковах у моих ворот, [и] весь народ его видел. Затем в Экбатанах я посадил его на кол, и людей, которые были его виднейшими приверженцами, я повесил в крепости, в Экбатанах.

Один человек, по имени Чиссатахма, сагартиец, восстал против меня. Он так говорил народу: «Я царь Сагаржи, из рода Увахштры[3]». Тогда я послал персидское и мидийское войско; мидийца Тахмаспаду, моего подчиненного, сделал над ним начальником [и] так им сказал: «Идите [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбейте». Тахмаспада с войском двинулся и вступил в бой с Чиссатахмой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову, захватило Чиссатахму [и] привело его ко мне.

Затем я отрезал ему нос и уши и выколол ему глаза. Его держали в оковах у моих ворот, [и] весь народ его видел. После этого я посадил его на кол в Арбеле[4].

Вот что я совершил в Мидии.

Говорит Дарий царь:

Парфия и Гиркания[5] отложились от меня [и] примкнули к Фравартишу. Мой отец Виштаспа (Гистасп) был в Парфии. Народ его покинул [и] взбунтовался. Тогда Виштаспа двинулся с войском, которое [оставалось] ему верным, [и] у города Вишпаузатиш[6] в Парфии дал бой парфянам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виштаспа разбил наголову мятежное войско. Это было в 22-й день месяца вияхна[7], когда произошлосражение.

Затем я послал к Виштаспе персидское войско из [местности] Рага. Когда войско прибыло к Виштаспе, то Виштаспа принял это войско [под свое начальство], двинулся [и] у города Патиграбана[8], в Парфии, дал бой мятежникам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виштаспа разбил мятежное войско

---

[1] 7 мая 521 г. до н.э.
[2] Позднейший Рей.
[3] Т.е. Киаксара.
[4] Город в восточной Ассирии (совр. Эрбил).
[5] Область в сев. Иране (на юг от Каспийского моря).
[6] Точное местоположение неизвестно.
[7] 8 марта 521 г. до н.э.
[8] Точное местоположение неизвестно.

наголову. Это было в 1-й день месяца гармапала[1], когда произошли сражение. После этот страна стала моей.

Вот что мною сделано в Парфии.

Говорит Дарий царь:

Страна, называемая Маргианой[2], отложилась от меня. Один человек, по имени Фрада, маргиянии, был провозглашен ими правителем. Тогда я послал к персу Дадаршишу, моему подчиненному, сатрапу в Бактрии, [и] так ему сказал: «Иди [и] разбей войско, которое не признает меня». Дадаршиш с войском двинулся [и] дал бой маргиянам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 23-й день месяца ассиядия[3], когда произошло сражение.

После этого страна стала моей.

Вот что мною сделано в Бактрии.

Говорит Дарий царь:

Один человек, по имени Вахиаздата, находившийся в городе Тарава в местности Иаутия[4], в Персии, вторым восстал в Персии. Народу он так говорил: «Я Бардия, сын Кира». Тогда персидское войско в столице изменило (?), стало мятежным, перешло к Вахиаздате. Он стал царем в Персии.

Затем я послал персидское и мидийское войско, которое было при мне. Перса Артавардию, моего подчиненного, я сделал над ним начальником. Остальное персидское войско пошло со мной в Мидию. Артавардия с войском отправился в Персию. Когда он прибыл в Персию, к городу Раха[5] в Персии, – туда двинулся с войском Вахиаздата, называвший себя Бардией, чтобы сразиться с Артавардией.

Затем они вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило войско Вахиаздаты наголову. Это было в 12-й день месяца туравахара[6]53, когда произошло сражение.

Вахиаздата с немногими всадниками бежал и прибыл в Пишияваду. Оттуда он взял войско [и] снова двинулся против Артавардии, чтобы сразиться [с ним]. У горы, называемой Парга[7] они вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило войско Вахиаздаты наголову. Это было в 5-й день месяца гармапада[8], когда произошло сражение. Вахиаздату он захва-

---

[1] 12 июля 521 г. до н.э.
[2] Область в Средней Азии, в долине р. Марга (совр. Мургаба) в Туркменистане.
[3] 10 декабря 521 г. до н.э.
[4] Точное местоположение неизвестно.
[5] Точное местоположение неизвестно.
[6] 25 мая 521 г. до н.э.
[7] Точное местоположение неизвестно.
[8] 16 июля 521 г. до н.э.

тил и захватил также людей, которые были его виднейшими приверженцами. Затем я Вахиаздату и людей, которые были его виднейшими приверженцами, посадил на кол в городе, называемом Увадайчайя[1], в Персии.

Вот что мною совершено в Персии.

Говорит Дарий царь:

Тот Вахиаздата, который называл себя Бардией, послал войско в Арахозию[2], против сатрапа, моего подчиненного, перса Виваны, и одного человека сделал над ним [войском] начальником; так им сказал: «Идите, разбейте Вивану и то войско, которое признает [своим] царем Дария». Затем войско, посланное Вахиаздагой, двинулось против Виваны, чтобы сразиться [с ним]. Крепость, называемая Капишаканиш[3], – там дали бой. Аурамазда мне помог По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 13-й день месяца анамака[4], когда произошло сражение.

Снова мятежники собрались [и] двинулись против Виваны, чтобы сразиться [с ним]. Местность, называемая Гандутава[5], – там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 7-й день месяца вияхна[6], когда произошло сражение.

После этого человек, который был начальником того войска, которое Вахиаздата послал против Виваны, бежал с немногими всадниками и прибыл в крепость, называемую Аршада[7], в Арахозии. Тогда Вивана с войском двинулся по его следам, захватил его и его виднейших приверженцев [и] умертвил [их]. После этого страна стала моей.

Вот что мною сделано в Арахозии.

Говорит Дарий царь:

Пока я был в Персии и Мидии, вавилоняне во второй раз отложились от меня. Один человек, по имени Арака, армянин, сын Халдита, восстал в Вавилоне, в местности, называемой Дубала[8].

Народ он так обманывал: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Тогда вавилонское войско отложилось от меня [и] перешло к тому Араке. Он захватил Вавилон. Он стал царем в Вавилоне.

После этого я послал войско в Вавилон Перса Виндафарну, моего подчиненного, сделал над ним начальником. Так им сказал: «Идите и разбейте вави-

---

[1] Точное местоположение неизвестно.
[2] Арахозия (Кандагар).
[3] Точное местоположение неизвестно.
[4] 29 декабря 528 г. до н.э.
[5] Точное местоположение неизвестно.
[6] 21 февраля 521 г. до н.э.
[7] Точное местоположение неизвестно.
[8] Точное местоположение неизвестно.

лонское войско, которое не признает Меня» Виндафарна с войском двинулся в Вавилон. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виндафарна[1] раэбил вавилонян и захватил [их в плен). Это было в 22-й день месяца маргаджана[2], когда он захватил того Араку, который называл себя Навуходоносором, и людей, которые были его виднейшими приверженцами. Затем я распорядился, [чтобы] этот Арака и его виднейшие приверженцы были в Вавилоне посажены на кол.

Вот что мною совершено в Вавилоне.

Говорит Дарий царь:

Вот что я совершил по воле Аурамазды в течение одного года. После того как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Аурамазды, я разбил [противников и захватил в плен 9 царей:

Один был Гаумата-маг; он обманывал, говоря так: «Я Бардия, сын Кира». Он взбунтовал Персию.

Один – Ассина, эламит; он обманывал, говоря так: «Я – царь Элама». Он взбунтовал Элам.

Один – Надинта-байра, вавилонянин; он обманывал, говоря так: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Он взбунтовал Вавилон.

Один – Мартия, перс; он обманывал, говоря так: «Я – Иманиш, царь Элама». Он взбунтовал Элам.

Фравартиш, мидянин, он обманывал, говоря так: «Я – Хшатрита, из рола Увахштры (Киаксара)». Он взбунтовал Мидию.

Один – Чиссатахма, сагартиец; он обманывал, говоря так: «Я – царь Сагартии, из рода Увахштры». Он взбунтовал Сагартию.

Один – Фрада, маргианин; он обманывал, говоря так: «Я – царь Маргианы». Он взбунтовал Маргиану. Один – Вахиаздата, перс; он обманывал, говоря так: «Я – Бардия, сын Кира». Он взбунтовал Персию.

Один – Арака, армянин; он обманывал, говоря так: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Он взбунтовал Вавилон.

Этих 9 царей я захватил в тех битвах.

Эти провинции, которые стали мятежными, – ложь сделала их мятежными[3]65, потому что они (самозванцы) обманывали народ, – Аурамазда их предал в мои руки. Как мне было, угодно, так я с ними поступил.

Говорит Дарий царь:

О ты, который будешь со временем царем, крепко оберегай себя от лжи. Человека, который будет лжецом, строго наказывай, если хочешь, чтобы страна твоя была невредимой.

---

[1] Греч. Интаферн, один из 7 персов, свергнувших Гаумату.

[2] 27 ноября 521 г. до н.э.

[3] Древнеперсидская религия признавала ложь самым страшным преступлением.

Говорит Дарий царь:

Вот, что я совершил, по воле Аурамазды, совершил в течение одного года. Ты, который со временем прочтешь эту надпись, верь тому, что мной сделано, не считай [это] ложью.

Клянусь Аурамаздой, что [все] это – правда, а не ложь, что мною сделано в течение одного года.

По воле Аурамазды, мною совершено еще многое другое, не написанное на этой надписи. Не написанное потому, чтобы тому, кто со временем будет читать эту надпись, не показалось слишком много, что мною сделано, [настолько], что он не поверит, сочтет за ложь.

Те, кто прежде были царями, ими не сделано столько, сколько мною сделано, по воле Аурамазды, в течение одного только года.

Верь тому, что мною сделано... и не скрывай [от других].

Если ты этот манифест не скроешь, [а] сообщишь народу, Аурамазда да будет тебе другом, да умножится твой род, [и] да будешь долголетен.

Если этот манифест ты скроешь [и] не сообщишь народу, – да поразит тебя Аурамазда, и да прекратится твой род.

Говорит Дарий царь:

Вот что я совершил в течение одного года, по воле Аурамазды. Аурамазда мне помог и другие боги, которые есть. Потому мне помог Аурамазда и другие боги, какие есть, что я не был злодеем, не был лжецом, не был обманщиком, ни я, ни мой род... Человека, который старался для моего дома, я благодетельствовал, того, кто вредил, я строго наказывал.

Говорит Дарий царь:

Ты, кто будешь со временем царем, для человека, который является лжецом, обманщиком, не будь другом, строго его наказывай.

Говорит Дарий царь:

Ты, кто со временем увидишь эту надпись, которую я написал, или эти изображения, не разрушай их, но оберегай, пока можешь. Если ты увидишь эту надпись и эти изображения [и] не разрушишь их, но по мере сил будешь оберегать, то Аурамазда да будет тебе другом, и да умножится твой род, и да будешь долголетен, и что ты делаешь – Аурамазда да возвеличит.

Если [же] ты увидишь эту надпись и эти изображения, [и] разрушишь их, и по мере сил не будешь оберегать, то Аурамазда да поразит тебя, да уничтожит твой род, и то, что ты делаешь, да ниспровергнет.

Говорит Дарий царь:

Вот те мужи, которые были при мне, когда я убил Гаумату-мага, который называл себя Бардией; тогда эти мужи действовали со мною [в качестве] моих

приверженцев: Виндафарна[1]66, сын Вайаспары, перс; Утана[2], сын Тухры, перс; Гаубарува[3], сын Мардония, перс; Видарна[4], сын Багабигны, перс; Багабухша[5], сын Дадухии, перс; Ардуманиш, сын Вахауки[6], перс.

Ты, кто будешь со временем царем, оберегай потомство этих мужей.

Говорит Дарий царь:

По воле Аурамазды, я сделал надписи по-другому (?), по-арийски (?), чего раньше не было ... и это было написано и мне прочтено (?). После этого я разослал эти надписи по всем провинциям...

Говорит Дарий царь:

Вот что я сделал в четвертый (?) и пятый (?) год, после того как стал царем. Провинция Элам восстала. Одного человека, по имени... (?), они сделали правителем. Тогда я послал войско в Элам. Гаубаруву[7], перса, моего подчиненного, сделал над ним начальником. Гаубарува с войском двинулся на Элам. Дал бой эламитам. Гаубарува разбил эламитов и разгромил их, а их начальника захватил в плен, привел ко мне, и я его умертвил.

После этого провинция (Элам) стала моей.

Говорит Дарий царь: вместе с войском саков я пошел к стране саков, которая за морем, эта шапку острой носит[8].

Затем я корабельный мост близко к морю[9] восстановил на его месте. От этого корабельного моста прошел я страну, и я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне и их первого, наибольшего из них, Скунха по имени, его они захватили и привели ко мне. Там другого наибольшим сделал я, как моя воля была. Затем страна моей стала.

Контрольные вопросы к первому разделу

1. Какие обязательства брали на себя подписавшие договор египетский фараон и царь хеттов?

---

[1] Греч. Интаферн, один из 7 персов, свергнувших Гаумату.
[2] Греч. Отан.
[3] Греч. Гобрий.
[4] Греч. Гидарн.
[5] Греч. Мегабиз.
[6] Перечисляются пять персов, помогавших Дарию I свергнуть Гаумагу (Геродот, «История», III, 70.). Шестым у Геродота (вместо Ардуманиша) назван Аспатинес.
[7] Греч. Гобрий.
[8] Имеются в виду саки-мяссагеты, жившие за Аральским морем.
[9] Аральскому. Следовательно, был восстановлен мост через Аму-Дарью.

2. О чем говорится в текстах дипломатической переписки? Какие особенности были присущи дипломатическому стилю Египта и Вавилона? Какой характер носят содержательные элементы текстов писем?

3. Какие особенности государственной политики царя Дария I отражены в тексте Бехистунской надписи? Какой характер носит политика персидского государя? На какие содержательные блоки можно разделить текст документа? В чем суть «политического завещания» царя Персии?

Раздел 2. Отношения между древнегреческими полисами и Греко-персидские войны в V веке до н.э.

План

1. Взаимоотношения между древнегреческими полисами накануне Греко-персидских войн. Ведущая роль Афин.
2. Формирование Афинского морского союза (Архэ). Каллиев мир как итог Греко-персидских войн.
3. Противостояние Афин и Спарты. Причины и предпосылки Пелопоннесской войны. Особенности союзнических договоров. Карательные акты афинян и спартанцев.
4. Перемирие 432 г. до н.э., Никиев мир и союз спартанцев с персами. Итоги Пелопоннесской войны.

Источники

1. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 1. Древний мир. Благовещенск, 2013. С. 36-38, 52-57, 116-122.

Литература

1. Гребенюк А.В. История мировых цивилизаций: в 3 ч. Часть 2. Античная цивилизация: учебное пособие. 2-е изд. М., 2019.
2. История Древней Греции / сост. К.В. Паневин. М., 1998.
3. История Древней Греции: учебное пособие для вузов / под ред. В.И. Кузищина. 3-е изд., стер. М., 2011.
4. История Древнего мира. Древняя Греция / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. М., 1999.
5. История Древней Греции и Древнего Рима / А.В. Постернак. М., 2008.
6. История Древнего мира: учебник и практикум / Т. В. Кудрявцева. М., 2019.
7. Никишин В.О. История Древнего мира. Древняя Греция / В.О. Никишин. М., 2019.
8. Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава: история дипломатических взаимоотношений в VI-IV вв. до н.э. СПб., 2008.
9. Сергеев В.С. История Древней Греции / В.С. Сергеев. М., 2019.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: http://www.xlegio.ru
2. Сайт античной литературы. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/
3. Тексты античных авторов. URL: http://arh2.instarcom.org/antiquity/ant_text_grec_00.html
4. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/

Методические указания

Второй раздел практикума посвящен международным отношениям и дипломатии в Древней Греции. В нем акцент сделан на противостоянии древнегреческих полисов «внешней угрозе» в лице Персидской империи и борьбе между двумя союзами Афинским морским (или Делосской симмахией) и Пелопоннесским во главе со Спартой.

Основными и, пожалуй, главными историческими источниками здесь являются тексты древнегреческих историков и мыслителей. В них отражены причины, суть и итоги конфликтов, именуемых в исторической науке как Греко-персидские войны (500-449 гг. до н.э.) и Пелопоннесская война (431-404 гг. до н.э.). Одним из наиболее важных факторов, повлиявших на два вооруженных конфликта, можно назвать процесс столкновения между Западом (Афинами и Спартой) и Востоком (Персией), который сопровождался установлением определенных отношений между государствами. Греческие авторы сообщают множество полезной информации, особенно историк Фукидид, который жил в период Пелопоннесской войны. Фукидид пытался вскрыть истинные причины военного конфликта, которые он отличал от поводов – конкретных инцидентов, породивших вооруженное столкновение. Указав в своем произведении на соперничество Афин и Спарты как на основную причину войны, он не упоминал о противоречиях экономического характера между Афинами и Коринфом. Однако студентам было бы полезно выяснить это для формирования целостного представления. Есть еще и очень субъективный взгляд древнегреческого историка Ксенофонта, который симпатизировал Спарте и ее Пелопоннесскому союзу. Так, например, довольно подробно описав в своем труде безвыходное положение Афинского полиса к концу Пелопоннесской войны, настроенный враждебно к демократии Ксенофонт не скрывает своего злорадства. Он, конечно же отмечает, что, спартанцы у побежденных противников обычно свергали демо-

кратию и учреждали олигархию, причем древнегреческий историк считал последнюю более авторитетной.

При обращении к историческим источникам студентам предстоит внимательно ознакомиться с текстами, после чего в теоретическом материале найти информацию по некоторым вопросам, например, связанным с формированием Афинского морского союза – Делосской симмахии – и попытками Афин установить свою гегемонию. В процессе успешного ведения вооруженной борьбы греков с персами образование Делосского или Афинского морского союза, в состав которого вошли преимущественно острова и города Малоазийского побережья, освобожденные от власти персов, способствовало формированию одного из сильных политических союзов, способных диктовать свою волю. Естественное объединение вокруг наиболее активно боровшегося полиса, который к тому же обладал мощным флотом, заложило основы для афинской гегемонии в Греции в конце и после Греко-персидских войн. Однако студентам следует учитывать тот факт, что Афинский морской союз не был союзом вполне равноправных полисов. Поскольку любой союз предполагает сотрудничество равноправных политических акторов, то и равноправными должны быть отношения. Правда, во взаимоотношениях государств морского союза эти неравноправные отношения очень хорошо отражены в документах. В качестве важного аргумента можно привести тот факт, что в Эрифрах располагался афинский гарнизон, начальник которого совместно со специальными афинскими наблюдателями осуществлял надзор за местным советом. Ко всему прочему студентам следует обратить внимание на частные случаи, которыми могут быть карательные акты афинян и спартанцев, и установить связь данных актов с особенностями развития двух борющихся за гегемонию полисов.

Документы

2.1. Ионийское восстание (около 500 г. до н.э.)
(Геродот, «История», V, 98-99; VI, 6, 18-20)

Аристагор поплыл вперед и по прибытии в Милет употребил следующую хитрость (пользы от нее для ионян не ожидалось никакой, и не ради этого Аристагор придумал ее, но лишь для того, чтобы причинить огорчение Дарию): он отправил посла в Фригию к пеонам, которые после покорения Мегабазом были переселены туда от реки Стримона; во Фригии они занимали особую местность и деревню. Явившись к пеонам, посол сказал им так: «Меня прислал к вам, пеоны, тиран Милета Аристагор для того, чтобы посоветовать вам средство к освобождению, если только вы пожелаете последовать его совету. В настоящее время против персидского царя восстала вся Иония, что дает вам возможность возвратиться на родину при следующих условиях: о пути до моря вы должны позаботиться сами, дальше от моря мы позаботимся о вас». Пеоны чрезвычайно обрадовались этому известию и с детьми и женами поспешно направились к морю; впрочем, некоторые из них из страха не двинулись с места. По прибытии к морю пеоны перешли на Хиос, и в то время когда они находились уже на острове, появился большой отряд персидской конницы, следовавший за ними по пятам. Не захвативши здесь пеонов, персы послали на Хиос требование, чтобы они возвратились назад; но пеоны отказались повиноваться, а жители Хиоса переправили их с своего острова на Лесбос, лесбосцы в Дориск, отсюда сухим путем они отправились дальше и прибыли наконец в Пеонию.

Так действовал Аристагор. Между тем афиняне прибыли в Милет на двадцати кораблях вместе с пятью эретрийскими триремами; эретрияне выступили в поход не ради афинян, но ради самих милетян, воздавая им за оказанные ранее услуги. Некогда милетяне помогали эретриянам в войне с халкидянами, между тем как халкидянам против эретриян и милетян помогали самосцы. По прибытии этих и прочих союзников Аристагор предпринял поход на Сарды.

Сам он, впрочем, в поход не выступил, но оставался в Милете, назначивши в вожди милетян других лиц: родного брата Хоропина и одного из их сограждан, Гермофанта.

...Между тем в Милете ожидали приближения врагов – большого флота и сухопутного войска. Ибо персидские военачальники объединились и, образовав одно войско, двинулись на Милет, оставляя в стороне другие города. Во флоте самую значительную роль играли финикийцы, вместе с ними выступили в поход недавно покоренные жители Кипра, а также киликийцы и египтяне...

Персы же, победив ионийцев в морском сражении, осадили Милет с суши и с моря, подвели различные осадные машины и подкопали стены города. Полностью город был взят на шестом году после начала восстания, поднятого Аристагором. Жители города были обращены в рабство. Таким образом, судьба Милета сложилась именно так, как предсказывал ему оракул.

Когда аргивяне вопросили оракула в Дельфах о том, как спасти свой город, то они получили такой ответ, который в целом относился к аргивянам, но имел добавление, касавшееся жителей Милета. Ту часть изречения, которая относится к аргивянам, я приведу тогда, когда о них пойдет речь. Милетянам же, хотя они и не присутствовали в Дельфах, было дано такое предсказание: …

Такая судьба и постигла тогда милетян: большинство мужчин было убито длинноволосыми персами, женщины и дети прекращены в рабов, святыни в Дидимах, храм и прорицалище, были разграблены и сожжены. О сокровищах этого храма я уже много раз упоминал в других местах.

Затем плененные милетяне были уведены в Сузы. Царь Дарий не причинил им никакого зла и поселил их на берегу Эритрейского моря, в городе Ампе у устья реки Тигра. Что же касается области Милета, то окрестности города и равнину заняли сами персы, а горные местности они отдали во владение карийцам из Педаса.

2.2. Геродот о роли Афин в войне против персов (Геродот, «История», VIII, 139)

Здесь я вынужден высказать мнение, ненавистное для большинства эллинов, однако не стану умалчивать о том, что представляется мне истиной. Если бы афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая ее и оставаясь на месте, отдались бы Ксерксу, никто бы не решился выступить против царя на море… Вот почему, не погрешая против истины, афинян можно назвать спасителями Эллады; ибо то решение дела должно было возобладать, какое избрали афиняне.

2.3. Фукидид о Греко-персидских войнах (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 16, 18)

На ионийцев в то время, когда благосостояние их сильно возросло, обрушилось войною персидское царство, с Киром во главе[1], после покорения им

[1] В 548 г. до н.э.

Креза[1] и всех земель по сю сторону реки Галиса[2] до моря. Кир поработил города на материке, а впоследствии Дарий[3], опираясь на финикийский флот, подчинил себе и острова…

Немного лет спустя после упразднения тирании в Элладе произошло при Марафоне сражение персов с афинянами[4]. На десятом году после этой битвы персы снова явились в Элладу с огромным войском с целью поработить ее. Когда над головою всех повисла великая опасность, лакедемоняне, опираясь на превосходство своих сил, стали во главе общеэллинского ополчения, а афиняне, при наступлении персов, решили покинуть свой город, собрали свое имущество, сели на корабли и таким образом сделались морским народом. Вскоре после отражения персов общими силами эллины, как те, что отложились от персидского царя, так и те, которые вместе воевали, распределились между афинянами и лакедемонянами. И те, и другие действительно оказались наиболее могущественными: лакедемоняне сильны были на суше, афиняне на море.

(Из речи Перикла в афинском народном собрании накануне Пелопоннесской войны)[5] (1, 144.).

Отцы наши противостали... персам; они были не в таком блестящем положении, как мы теперь, но сохранили и то, что у них было, и отразили варваров, благодаря не столько слепому счастью, как собственному благоразумию, не столько материальными силами, сколько нравственной отвагою.

2.4. Взаимоотношения греков в начале похода Ксеркса (Геродот, «История», VII, 132-133, 140-143, 145)

По требованию Ксеркса землю и воду дали: фессалийцы, долопы, эниане, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотидские ахейцы, фиванцы и другие беотийцы, за исключением феспийцев и платейцев. Против них те эллины, что решались на войну с варваром, заключили между собой союз, скрепленный следующей клятвой: все те эллины, которые без нужды сдались персам, должны будут, в случае благополучного окончания войны, дать дельфийскому божеству десятую долю своего состояния. Такую клятву дали друг другу эллины.

---

[1] Крез – последний парь Лидии. Побежден и взят в плен персидским царем-завоевателем Киром в 546 г. до н.э.

[2] Река з центральной части Малой Азии впадает в Черное море (совр. Кызыл-Ирмак).

[3] Дарий I (521-486 гг. до н.э.), Ксеркс (486-465 гг. до н.э.) и Артаксеркс I (465-424 гг. до н.э.) – персидские цари.

[4] В 490 г. до н.э.

[5] 431 г. до н.э.

В Афины и Спарту Ксеркс не послал глашатаев с требованием земли по следующей причине: когда раньше Дарий разослал своих глашатаев с такими же требованиями, то афиняне сбросили посланцев царя в пропасть со скалы, а спартанцы бросили их в колодец, предлагая им самим взять оттуда землю и отнести царю.

Афиняне отправили было послов в Дельфы с целью спросить оракула. Когда по совершении обрядов подле святилища послы вступили в храм и сели, пифия по имени Аристоника изрекла следующее:

…

Этими словами афинские вопрошатели оракула были глубоко опечалены и обратились к оракулу с такими словами: «Скажи нам, владыка, что-нибудь более утешительное о нашей родине, воззри на молитвенные ветви, с которыми мы пришли к тебе, или же мы не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни». Во второй раз пророчица отвечала следующее:

…

Так как это изречение оракула было более милостивым и таковым и показалось, то вопрошатели записали его и возвратились в Афины. Когда по возвращении в город они объявили изречение оракула перед народом, из множества мнений, высказанных при объяснении оракула, особенно расходились два: по словам некоторых стариков, божество возвещало, что акрополь уцелеет, так как акрополь в старину огорожен был терновым плетнем, и выражение «деревянная стена» они относили к этой изгороди. По словам других, божество указывало на корабли; поэтому они советовали бросить все остальное и заняться снаряжением кораблей. Однако люди, понимавшие под деревянной стеной корабли, смущались двумя последними стихами в изречении пифии: «Ты, Саламин, о божественный, чада у жен ты погубишь в час, как Деметры плодов настанет посев иль уборка!». Мнение людей, утверждавших, что деревянная стена означает корабли, опровергалось этими стихами. Действительно, толкователи оракула объясняли эти слова в том смысле, что, в случае морского сражения, они будут разбиты у Саламина.

В это время среди афинян был человек, лишь недавно ставший рядом с значительнейшими гражданами; имя его было Фемистокл8, а назывался он обыкновенно сыном Неокла. Этот-то человек утверждал, что толкователи оракулов верно объяснили не все, именно: если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то, по мнению Фемистокла, он не был бы облечен в столь мягкие выражения, и вместо «божественный Саламин» было бы сказано «злосчастный Саламин», – если бы действительно гибель подле Саламина предстояла его населению; таким образом, при правильном понимании изречения, слова божества относятся к неприятелю, а не к афинянам. Поэтому Феми-

стокл советовал приготовляться к сражению на кораблях, потому что именно они и есть деревянная стена. Когда Фемистокл высказал свое мнение, афиняне отдали предпочтение ему перед объяснением тех, которые советовали не готовиться к сражению на море и вообще не помышлять о сопротивлении, но покинуть Аттику и заселить какую-нибудь другую землю...

Во время общих собраний эллинов собственно Эллады, которые настроены были более мужественно, когда велись между ними беседы, давались клятвы в верности, устраивались общие совещания, они решили прежде всех других дел прекратить между собой распри и войны...

2.5. Постановление афинского Народного Собрания 480 г. до н.э. о мерах в связи с нашествием персов

Боги!

Постановили совет и народ.

Предложение внес Фемистокл, сын Неокла, из дема Фреаррии. Город вверить Афине, покровительнице Афин, и всем другим богам, дабы они охраняли и защищали от варвара страну. Сами же афиняне и ксены, живущие в Афинах[1], пусть перевезут детей и женщин в Трезену [под покровительство Питфея], архегета страны. А стариков и имущество пусть перевезут на Саламин.

Казначеи и жрицы пусть остаются на Акрополе, охраняя имущество богов.

Все остальные афиняне и ксены, достигшие совершеннолетия, пусть взойдут на снаряженные двести кораблей и сражаются против варвара за свободу свою и других эллинов вместе с лакедемонянами, коринфянами, эгинетами и другими (эллинами), которые пожелают разделить общую опасность.

Пусть стратеги назначат двести триерархов, по одному на каждый корабль, начиная с завтрашнего дня, из людей, владеющих в Афинах не[движимым имущество]м, у которых имеются законные дети, в возрасте не старше пятидесяти лет. По жребию распределить между ними корабли. Пусть назначат на каждый корабль по десять эпибатов в возрасте от двадцати до тридцати лет и по четыре лучника (стрелка). Одновременно с распределением триерархов разделить и экипажи по кораблям. Пусть стратеги запишут на побеленные таблички и остальных, беря афинян из списков лексиарха, а [2]ксенов – из тех, кто внесен в списки у полемарха. Разделив на двести отрядов, записать по

[1] Т.е. метеки.

[2] Списки граждан по демам.

сто человек и каждому отряду приписать название триеры, имя триерарха и членов экипажа, чтобы каждый отряд знал, на какую триеру взойдет. Когда же будут разделены все отряды и распределены по триерам, пусть совет и стратеги заполнят все двести кораблей, принеся умилостивительную жертву Зевсу Всемогущему, Афине, Нике и Посейдону Хранителю. Когда корабли будут заполнены, пусть сто из них помогают (сражающимся) у Артемисия Эвбейского, а сто кораблей пусть стоят якорем у Саламина и остальной Аттики и охраняют страну.

Для того чтобы все афиняне были единодушны в борьбе с варваром, пусть те, которые были изгнаны на десять лет[1], вернутся на Саламин и ждут там, пока народ не примет относительно них решения. Что же касается [лишенных гражданских прав]... (текст обрывается).

2.6. Создание Делосского морского союза (Плутарх, «Аристид», 21, 23-25)

Через несколько времени[2] было устроено собрание представителей всей Греции. Здесь Аристид[3] предложил отправлять ежегодно в Платеи депутатов и послов различных греческих государств, через каждые пять лет справлять праздник Элевферии[4], вооружить для войны с персами союзное греческое войско в десять тысяч гоплитов, тысячу конницы и, кроме того, эскадру из ста судов, наконец, признать нейтралитет платейцев, с условием, чтобы они приносили богам жертвы за Грецию. Его предложение было принято, и платейцы обязались ежегодно приносить заупокойные жертвы в память убитых и погребенных в их владениях греков... Вскоре Аристид был отправлен в поход вместе с Кимоном[5] в звании стратега. Он заметил, что Павсаний и другие спартанские

---

[1] Т.е. подвергшиеся остракизму.

[2] После битвы при беотийском городе Платеях (479 г. до н.э.), которая закончилась поражением сухопутного персидского войска и гибелью его предводителя Мардония. Вскоре после этого персы отступили за пределы Греции.

[3] Аристид – афинский стратег, командовавший афинскими войсками в битве при Платеях. В афинской политической жизни соперник Фемистокла и противник политики городского демоса, руководимого Фемистоклом. Был против морской войны с Персией, за что подвергся остракисму в 483 г. до н.э. Был возвращен из изгнания накануне Саламинской битвы и принимал в ней участие. Руководитель консервативной умеренно-демократической «партии», связанной с землевладельцами. Умер в 467 г. до н.э. Главным военачальником греков в битве при Платеях был опекун малолетнего спартанского царя Павсаний.

[4] Эжвферии – праздник в честь Зевса Свободолюбца – в память освобождения. Праздновался в начале декабря, был учрежден в 479 г. до н.э.

[5] Кимон – сын Мильтиада, победителя при Марафоне. Афинский аристократ, политический единомышленник Аристида. Один из активных руководителей Афинского морского союза.

полководцы обращаются с союзниками гордо и жестоко. Сам он был ласков и гуманен в отношении их и советовал то же и Кимону как можно вежливей обходиться с каждым из них во время войны. Таким образом ему удалось лишить спартанцев их гегемонии, но не пехотой, флотом или конницей, а своею справедливою и мягкою политикой. Симпатии греков к афинянам вследствие беспристрастия Аристида и ласкового обращения Кимона усилились еще более, благодаря несправедливости и гордости Павсания, он всегда грубо и дерзко вел себя с начальниками союзного войска, приказывал бить солдат в наказание или надевать им железный якорь и заставлял их стоять с ним целый день. Никто раньше спартанцев не смел резать тростник для своей постели, косить траву на сено лошадям или черпать воду в источнике, – рабы Павсания с плетьми в руках гнали всех, кто подходил... Тогда греческие навархи[1] и стратеги, преимущественно хиосцы, самосцы и лесбосцы, явились к Аристиду и стали убеждать его принять главное начальство и привлечь на свою сторону союзников, давно желающих отделиться от Спарты и соединиться с афинянами... В конце концов отпавшие союзники перешли на сторону афинян. Здесь благоразумие спартанцев высказало себя самым блестящим образом: убедившись, что неограниченная власть действует на их полководцев растлевающим образом, они добровольно отказались от гегемонии и прекратили посылку начальников для ведения войны, предпочитая иметь скромных и уважающих родные обычаи граждан – господству над всей Грецией[2]. Еще в то время, когда гегемония принадлежала спартанцам, греки ввели некоторый налог для продолжения войны. Теперь они желали установить точную сумму его для каждого государства в отдельности. Им удалось выпросить у афинян Аристида, и они поручили ему собрать сведения о пространстве и доходах их владений и определить сумму взноса для каждого, принимая во внимание его положение и средства. Власть Аристида была громадна. Вся тяжесть управления делами Греции лежала некоторым образом на плечах одного его... Аристид обязал греков присягой и сам принес ее от лица афинян, причем, после проклятий на голову нарушителей, бросил в море кусок раскаленного железа. Этот обряд означал, что договор будет действовать до тех пор, пока кусок железа не выплывет, т.е. вечно.

---

[1] Наварх – командир военно-морского подразделения.

[2] В действительности спартанцы опасались восстания порабощенных илотов и поэтому не хотели распылять свои военные силы, необходимые на месте, в Пелопоннесе. Этим объясняется временный отказ спартанцев от гегемонии в Греции.

2.7. Установление гегемонии Афин над союзниками (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 95-96)

Во время своего командования Павсаний вызывал насильственными действиями раздражение всех эллинов, в особенности ионийцев и всех тех, которые незадолго перед тем освободились от персидского царя. Союзники стали обращаться к афинянам с просьбою принять гегемонию над ними в силу кровного родства[1] и не дозволять Павсанию насильничать. Афиняне приняли их предложение и твердо решили не допускать произвола и все остальное устроить к наибольшей своей выгоде. Получив, таким образом, гегемонию по желанию союзников, вследствие ненависти их к Павсанию, афиняне определили сумму взносов как тех городов, которым для борьбы с варварами нужно было доставлять деньги, так и тех, которые должны были доставлять корабли. Предлогом для образования такого союза было намерение подвергнуть опустошению владения персидского царя в отмщение за те бедствия, какие потерпели эллины[2]. В то же время афиняне впервые учредили должность эллинотамиев, которые и принимали форос – так названы были денежные взносы союзников. Первоначальный форос определен был четыреста шестьдесят талантов; казнохранилищем служил Делос[3], и союзные собрания происходили в тамошней святыне.

2.8. (Геродот, «История», VI, 42)

Наместник Сард Артаферн (еще при Дарии) измерил страну их [ионийцев] парасангами, как называют персы меру в тридцать стадий, и соответственно количеству парасангов наложил дань на каждую область; с того времени и до настоящего неизменно сохранялась эта подать в том виде, как установил ее Артафрен, а он установил ее приблизительно на тех же самых основаниях, на каких она существовала и раньше[4].

---

[1] Т.е. союзники, которые, как и афиняне, принадлежали к ионийскому племени.

[2] Следует отметить агрессивные цели создания Афинского морского союза.

[3] Храм бога Аполлона на о. Делосе.

[4] Согласно этому известию Геродота, Аристид фактически только подтвердил размеры старой дани, которую союзники Афин раньше платили персам, а теперь вносили в союзную афинскую казну. В этом и состояла «справедливая», т.е. привычная, раскладка дани, которую провел Аристид.

2.8.1. Постановление афинского народного собрания об Эрифрах[1]

...Постановите... сказал... [эрифреец] должен привозить... на великие Панафинеи[2] мяса ценою [не менее], чем на три мины, и раздавать это мясо из Эрифр лицам (заведующим жертвоприношениями), каждому на одну драхму. Если же привезет... ценою не на три мины, согласно уговору[3], то (заведующий жертвоприношениями) должен прикупить жертвенных животных, а народ эрифрейцев должен записать (себе в долг). А кости с мяса... желающим.

Совет [буле] эрифрейцев должен быть избран с помощью бобов в составе ста двадцати человек. Избранные должны пройти докимасию[4] в буле и не должны быть членом буле те, кто не достиг возраста в тридцать один год.

Судебное преследование должно быть основано на уликах. Быть членом буле следует не менее четырех лет. Отвергать и выносить решения должна буле в полном наличном составе, епископы [от афинян][5] и начальник [афинского] гарнизона, все остальное [находится в ведении] буле и начальника гарнизона.

Каждый, кому предстоит заседать в буле, прежде чем приступить к управлению, должен перед эрифрейцами поклясться [Зевсом], Аполлоном и Деметрой и призвать проклятие на себя и на своих детей на случай, если он нарушит клятву. [Клятва] должна сопровождаться Сжиганием жертвенного животного.

Таким именно образом должен совет выносить свои решения. Если же это не будет соблюдаться, то [члены буле] будут оштрафованы на тысячу драхм, или народ Эрифр постановит на собрании их сместить. Пусть булевты приносят следующую клятву: «Я буду выносить решения мудрые и справедливые, насколько это [в моих силах], в отношении народа эрифрейцев и афинян и союзников я не изменю ни афинскому народу, ни союзникам, ни сам, ни другого не совращу и не перейду на сторону врага сам и не уговорю никого другого принять кого-нибудь из [беглецов], перешедших на сторону мидян [персов], без ведома афинян и народа [Эрифр], и не позволю оставаться им без ведома афинян и народа».

---

[1] Эрифры – город на западном берегу Малой Азии, входивший в состав Афинского морского союза.

[2] Великие Панафинеи – главный афинский праздник в честь рождения богини Афины и синойкисма при Тесее. Праздновался в августе раз в четыре года.

[3] Афиняне стремились сделать обязательным для союзников участие в афинском государственном культе.

[4] Докимасия – проверка избранного на должность лица с целью выяснения, удовлетворяет ли оно условиям, необходимым для занятия должности. Проверкой занимались совет 500 и гелиея.

[5] Епископы (наблюдатели) – уполномоченные, которых афиняне время от времени посылали в города союзников с целью контроля.

Далее, если [эрифреец] убьет другого эрифрейца, то будет казнен. Если же он [будет приговорен] к пожизненному изгнанию, то он лишается права пребывать также и на территории Афин и афинских союзников, а имущество его конфискуется казначейством Эрифр. А если кто-либо поймает человека, предавшего Эрифры тиранам, то может [безнаказанно сам] его казнить, а также его детей, если только дети этого человека не заявят о своем дружественном отношении к народу Эрифр и к афинянам. Все имущество казненного должно быть предъявлено: половину всего пусть получат его дети, а половина будет конфискована. Подобно этому [если кто-нибудь захватит] изменника афинского народа или гарнизона в Эрифрах... [сильно испорченное место] Булевтов [нужно избрать в буле] по семи человек от каждой филы...].

(*Текст сильно испорчен*).

2.8.2. Постановление афинского народного собрания о Халкиде

Совет и народ решили, фила Антиохида исполняла обязанности пританов (была дежурной филой), председательствовал Драконтид, Диогнет заявил:

Последующим пунктам пусть принесут присягу совет и судьи афинян: я не изгоню халкидян из Халкиды и не разорю их города, и честного человека без суда и без постановления народа афинского не лишу гражданских прав, не накажу изгнанием, не арестую, не убью, не отниму ни у кого денег, не поставлю на обсуждение приговора ни против общины, ни против какого-либо частного лица без предуведомления. И когда придет посольство, я по мере возможности дам аудиенцию у совета и народа в течение 10 дней, когда буду состоять пританом. Это я буду соблюдать по отношению к халкидянам, если они будут повиноваться народу афинскому. Пусть посольство, которое придет из Халкиды, вместе с уполномоченными для принятия присяги приведет к присяге афинян и запишет принесших присягу. А чтобы все принесли присягу, об этом пусть позаботятся стратеги[1].

По следующим пунктам пусть принесут присягу халкидяне: я не изменю народу афинскому ни хитростями, ни происками какими-либо, ни словом, ни делом и не послушаюсь того, кто задумает изменить. И если кто-нибудь изменит, я сообщу афинянам. И подать я буду вносить афинянам такую, какую выхлопочу от афинян. И союзником я буду насколько могу, лучшим и добросовестным. И народу афинскому буду помогать и содействовать, если кто-нибудь будет наносить обиду народу афинскому, и буду повиноваться народу афинскому. Пусть принесут присягу из халкидян все совершеннолетние. А если кто

[1] Коллегия 10 стратегов. Со времени Греко-персидских войн она превратилась в высшую повседневную власть в Афинском государстве, оттеснив на второе место коллегию 9 архонтов.

не даст присяги, тот да будет лишен гражданской чести и пусть имущество его будет конфисковано и десятина его имущества сделается священной собственностью Зевса Олимпийского. Пусть посольство афинян, когда оно придет в Халкиду, вместе с уполномоченными для принятия присяги в Халкиде приведет к присяге и запишет халкидян, принесших присягу. Антикл заявил: в добрый час для афинян; пусть приносят присягу афиняне и халкидяне на тех же основаниях, как определил народ афинский эретрийцам. Чтобы это состоялось как можно скорее, пусть о том позаботятся стратеги. И пусть народ сейчас же изберет пять человек, чтобы они, придя в Халкиду, привели к присяге. Что же касается заложников, то ответить халкидянам, что теперь афиняне находят нужным оставить так, как было постановлено, но когда будут признавать нужным, они обсудят дело и заключат условие согласно с тем, что признают необходимым афиняне и халкидяне. Иностранцы, находящиеся в Халкиде, которые, проживая там, не платят податей в Афины, и те, которым дана народом афинским свобода, пусть будут свободны от них: а остальные пусть платят в Халкиду, как и все вообще халкидяне. Пусть это постановление и присягу напишет в Афинах секретарь совета на каменной плитеи поставит в акрополе за счет халкидян, а в Халкиде пусть напишет и поставит в храме Зевса Олимпийского совет халкидян. Такое постановление надо принять относительно халкидян. Жертвоприношения же в силу прорицаний оракула за Эвбею пусть совершат как можно скорее вместе с Гиероклом[1] 3 мужа, которых выберет их собственный совет. А чтобы жертвы были принесены елико возможно скорее, пусть стратеги примут участие в заботах об этом и доставят денег для этого.

Архестрат заявил: все остальное пусть будет, как предлагает Антикл, только взыскания у халкидян пусть будут в Халкиде по их собственному усмотрению, как для афинян в Афинах, за исключением изгнания, смертной казни и лишения гражданской чести, а по этим делам пусть будет право апелляции в Афины в суд присяжных (гелиею) с фесмофетами[2] согласно с постановлением народа. Об охране же Эвбеи пусть заботятся стратеги, елико возможно тщательнее, чтобы было как можно лучше для афинян.

---

[1] Гиерокл – известный предсказатель.

[2] Высшая правительственная коллегия состояла из 9 архонтов в VII-VI вв. до н.э. Первый архонт назывался эпонимом, т.е. дающим наименование году; второй – царем (басилеем), исполнявшим жреческие функции; третий – полемархом, военачальником; остальные 6 – фесмофетами. Они исполняли судебные функции. Избиралась коллегия на год. Начиная с V в. коллегия 9 архонтов теряет свое прежнее значение.

2.9. Закон Афин, обязывающий союзников пользоваться афинской монетой. Надпись найдена на о. Симле, датируется приблизительно 420 г. до н.э.

...Кто будет чеканить в городах[1] (свою) серебряную монету и будет пользоваться не афинскими монетами, весами и мерами, но иноземными монетами, весами и мерами, подлежит наказанию... Частные лица сдают иноземную монету, когда пожелают, а город (Афины) должен ее обменять (на афинскую). Каждый должен составить список (сдаваемых монет) и представить его на монетный двор, э пистаты же, приняв этот список и занеся его на доски для публичных объявлений, должны выставить их у монетного двора для осмотра каждому желающему, занеся отдельно иноземные деньги и отдельно туземные.

2.10. Организация Афинской архэ (Аристотель, «Афинская Полития», 24)

Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам – переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех – у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои руки гегемонию. Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть, стали слишком деспотично относиться к союзникам – ко всем, кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев[2] а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли.

Кроме того, и большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин[3] содержалось более двадцати тысяч человек. Выло шесть тысяч судей[4], тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников, членов Совета – пятьсот, пятьсот стражников на верфях, да кроме них на Акрополе – пятьдесят, местных властей – до

---

[1] Входивших в состав Первого Афинского морского союза в V в. до н.э.

[2] Остров Самос, отложившися в 440 г. до н.э. от Афинского морского союза, был жестоко репрессирован Периклом и потерял ту автономию, которой он распологал наряду с островами Лесбосом и Хиосом. Лесбос в свою очередь утратил свое исклбчительное среди союзных полисов положение в 425 г. до н.э., а Хиос – в 412 г. до н.э.

[3] Взносы и пошлины, уплачиваемые Афинам союзными полисами.

[4] Речь идет о членах суда присяжных – гелиастах.

семисот человек, зарубежных – до семисот. Когда же впоследствии начали войну[1], помимо этих было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч, избранных по жребию бобами[2], затем пританей[3], сироты[4] и сторожа при заключенных в тюрьме[5]. Всем этим лицам содержание давалось из казны.

2.11. Каллиев мир
(Диодор, «Историческая библиотека», XII, 4, 4-6)

Царь Артаксеркс, узнав о поражении своего войска на острове Кипре, стал совещаться со своими приближенными о войне и решил, что для него будет полезно заключить мир с эллинами. Он написал своим военачальникам и сатрапам[6] на о. Кипре, чтобы они примирились с эллинами на каких только смогут условиях. Поэтому от Артабаза и Мегабиза[7] были отправлены в Афины послы для переговоров об условиях мира. Афиняне приняли предложения послов, и сами снарядили полномочное посольство во главе с Каллием, сыном Гиппоника[8]. Соглашение о мире между афинянами и их союзниками, с одной стороны, и персами, с другой стороны, было заключено на следующих условиях. Все греческие города на побережье Малой Азии должны быть автономны; сатрапы же персидского царя не должны отплывать по морю (от берегов Малой Азии) дальше чем на расстояние трехдневного пути, и между Фасилидой[9] и Кианеями[10] не должны плавать большие военные суда; если царь и стратеги афин-

---

[1] Имеется в виду Пелопоннесская война.

[2] Выборы по жребию бобами производились следующим образом: в одну из урн помещались таблички с именами, в другой находились черные и белые бобы. Из урн одновременно вынимались и табличка и боб. Если боб был черный – кандидатура отвергалась.

[3] Речь идет о лицах, которые за особые заслуги перед государством (победу на панэллинских состязаниях, государственную деятельность, заслуги предков) имели право получать содержание в Пританее, одном из высших государственных учреждений Афин.

[4] Имеются в виду дети воинов, погибших в сражениях. Сироты воспитывались за счет государства. По достижении совершеннолетия их вооружали на казенный счет.

[5] Речь идет о так называемой Коллегии «одиннадцати», которые заведовали тюрьмой и исполнением приговоров. Функции их были весьма разносторонними – от привода преступника в суд до предания его смертной казни. Они же передавали конфискованное имущество в казну, составляя предварительно описи конфискуемых владений.

[6] Сатрап – наместник сатрапии, административного округа, на которые были разделены завоеванные Дарием страны.

[7] Артабаз и Мегабиз – сатрапы, которые в это время вели войну с греками.

[8] Каллий сын Гиппоника – один из богатейших афинских граждан, назначенный послом для заключения мира с персами.

[9] Фасилида – греческая колония на южном берегу Малой Азии в Памфилии.

[10] Кианейские острова – два маленьких скалистых острова на Черном море у входа в Босфор Фракийский.

ские примут эти условия, то афиняне не должны будут вступать с оружием в страны, которыми управляет царь Артаксеркс. Заключив мир на таких условиях, афиняне отвели свои войска с о. Кипра, прославившись и блестящей победой и заключением выгодного мира.

2.12. Превращение Афинского морского союза в державу (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 97-99)

Имея гегемонию над союзниками, которые вначале были автономны и совещались на общих собраниях, вот что предприняли афиняне в своем внутреннем управлении и в войнах, в промежуток времени между Персидской и Пелопоннесской войной, в отношении к варварам, к бунтующим своим союзникам и к тем пелопоннесцам, с какими им приходилось иметь дело в каждом отдельном случае...

Прежде всего, афиняне, под начальством сына Мильтиада Кимона, после осады взяли занятый персами Эион[1] что на Стримоне[2], и жителей его обратили в рабство. Затем они обратили в рабство жителей Скироса[3], острова на Эгейском море, заселенного долопами[4], и заселили его сами[5]. Афиняне вели войну против каристян[6] без участия остальных эвбейцев и, спустя некоторое время, вступили с ними в мирное соглашение. Потом они воевали с отложившимися наксосцами[7] и осадою принудили их к сдаче[8]. Это первый союзный город[9], покоренный вопреки установившимся отношениям к союзникам; впоследствии то же случилось и с рядом остальных городов.

Помимо иных причин отложения союзников, важнейшими были: недоимки в уплате фороса[10], отказы в доставке кораблей и войска, если какой город был к тому обязан. Действительно, афиняне взыскивали определенно то, что полагалось получать с союзников, и применяли принудительные меры к ним,

---

[1] Эион – город на северном фракийском берегу Эгейского моря.
[2] Стримон – река во Фракии, впадающая в Эгейское море.
[3] Скирос – остров к северо-востоку от Эвбеи. Жители его поддерживали персов. Следует отметить пример обращения в рабство греками – греков.
[4] Долопы – эллинское племя в юго-западной части Фессалии.
[5] В 474-472 гг. до н.э. Скирос заселили афинские военные поселенцы – клерухи.
[6] Каристяне – жители города Кариста на юге острова Эвбеи.
[7] Наксосцы – жители острова Наксоса, самого крупного из Кикладских островов.
[8] Наксосцы сдались в 470-469 г. до н.э.
[9] Остров Наксос был первым союзником Афин, лишенным афинянами политической самостоятельности.
[10] Размеры фороса (дани) были исчислены Аристидом. Дань первоначально вносилась преимущественно натурой. Союзники поставляли воинов, оружие и корабли для продолжения войны с персами.

не привыкшим к этому или не желавшим сносить эти строгости. И в других отношениях главенство афинян было далеко не по вкусу союзникам в такой степени, как сначала, да и в совместных военных предприятиях равенства между афинянами и союзниками не было, и афиняне с большой легкостью приводили восставших к повиновению. Виноваты в этом оказались сами союзники: вследствие нерасположения к военной службе, из нежелания удаляться с родины большинство союзников обложили себя денежной данью, вместо доставки кораблей, с тем, чтобы вносить приходящиеся на их долю издержки. Таким образом, флот афинян увеличивался на средства, вносимые союзниками, а последние, в случае восстания, шли на войну неподготовленные и без необходимого опыта.

2.13. Причины и предпосылки Пелопоннесской войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 23)

…Начали войну афиняне и пелопоннесцы нарушением тридцатилетнего мира, который был заключен между ними после покорения Эвбеи[1]. Чтобы в будущем кто-нибудь не стал доискиваться, откуда возникла у эллинов такая война, я предварительно изложу распри и причины[2], вследствие которых мир был нарушен. Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну.

Что же касается тех причин, о которых с обеих сторон говорилось открыто и которые привели к нарушению мира и возникновению войны, то они заключались в следующем.

2.14. Конфликт из-за Эпидамна[3] и Керкиры[4] (Фукидид, I, 24-31, 44, 1, 45, 1-2, 55, 2)

Есть в Ионийском заливе[1], на правой стороне от входа в него, город Эпидамн. В окрестностях его живут варвары тавлантии иллирийского племени. Го-

[1] В 446-445 гг. до н.э. афиняне подавили восстание союзных городов на о. Эвбее, которое поддерживали спартанцы. После этого состоялись переговоры между Афинами и Спартой, закончившиеся заключением мира между обоими государствами в 445 г. до н.э. на тридцать лет.

[2] Фукидид слово «повод» употребляет в смысле «причина» и, наоборот, слово «причина» употребляется в смысле «повод».

[3] Эпидамн – греческая колония в районе современного албанского города Дуррес.

[4] О. Керкира – совр. о. Корфу. На северо-востоке Ионического моря.

род основали керкирцы, вождем же колонии был... коринфянин, из потомков Геракла, согласно древнему обычаю приглашенный из метрополии[2]. В числе колонистов были также некоторые коринфяне и остальные дорийцы. С течением времени эпидамнцы усилились, и город стал многолюдным. Перед самым началом этой войны демократия Эпидамна изгнала олигархов из города, а последние, вместе с варварами, стали грабить оставшихся в городе жителей с суши и с моря. Оставшиеся в городе эпидамнцы, находясь в угнетенном положении, отправили послов в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбою не оставить их без внимания в их бедственном положении, примирить с изгнанниками и положить конец войне с варварами. Вот о чем просили послы, расположившись, в качестве умоляющих, в храме Геры. Однако керкирцы не вняли их мольбам, и отпустили послов ни с чем. Узнав, что от Керкиры не будет им никакой защиты, эпидамнцы были в затруднении, как им уладить создавшееся положение. Поэтому они отправили в Дельфы послов вопросить бога: не передать ли им свой город коринфянам, как основателям колонии, и не попытаться ли получить от них какую-нибудь защиту. Бог дал послам ответ: передать город коринфянам и признавать их главенство. Согласно прорицанию эпидамнцы явились в Коринф, передали колонию коринфянам... Они просили не допускать их до погибели, но защитить их...

…Коринфяне с радостью занялись отправкою вспомогательного войска в Эпидамн, предлагали отправляться туда, в качестве колонистов, всякому желающему и послали гарнизон из ампракиотов[3], левкадцев[4] и собственных граждан... Тогда керкирцы на сорока кораблях пошли на Эпидамн, имея при себе изгнанников[5], которых они желали снова водворить на родине, и прихватив с собою иллирийцев. Блокировавши город, они объявили, что все желающие эпидамняне и находившиеся в Эпидамне чужестранцы могут безопасно удалиться, угрожая, в противном случае, поступить с ними как с неприятелями. Так как эпндамнцы не послушали их, то керкирцы приступили к осаде города (лежал он на перешейке). Когда посланные из Эпидамна явились в Коринф с известием об осаде, коринфяне стали снаряжать войско и вместе с тем через глашатаев предлагали всем желающим отправляться в Эпидамн на жительство на равных и одинаковых условиях с прежними жителями и новыми колонистами... Коринфяне просили также мегарцев сопровождать со своим флотом колонистов на

---

[1] Ионийский залив – подразумевается Адриатическое море.

[2] Метрополией о. Керкиры был город Коринф. Город, основавший колонию, по отношению к ней назывался метрополией, т. е. «городом матерью».

[3] Ампракиоты – жители города Ампракии в южном Эпире.

[4] Левкадцы – жители острова Левкады у западного побережья Средней Греции.

[5] Изгнанные из Эпидамна – были олигархами. Следовательно, в это время у власти на о. Керкире были тоже олигархи.

тот случай, если бы керкирцы вздумали задержать их на море. Мегарцы изъявили готовность отплыть вместе с ними.

(Далее перечисляются другие союзники Коринфа.)

Когда керкирцы узнали об этих приготовлениях, то вместе с лакедемонскими и сикионскими послами, которых они взяли с собою, явились в Коринф с требованием отозвать назад из Эпидамна и гарнизон и колонистов, как не имеющих никакого касательства к Эпидамну. Если же коринфяне имеют на Эпидамн какие-либо претензии, то они готовы предстать на суд перед пелопоннесскими государствами, выбранными по обоюдному соглашению: за кем суд признает колонию, те и будут ею владеть. Они изъявляли также желание представить вопрос на решение Дельфийского оракула, лишь бы не доводить дело до войны. В противном случае, говорили керкирцы, коль скоро коринфяне действуют насилием, и они будут вынуждены искать себе помощи у союзников, нежелательных для коринфян, преимущественно не у тех, которых имеют теперь[1]. Коринфяне не шли ни на одно из этих предложений; когда же корабли их были вооружены и союзники явились, они предварительно послали глашатая к керкирцам с объявлением войны, потом вышли в море на семидесяти кораблях с двумя тысячами гоплитов и направились к Эпидамну с намерением начать военные действия против керкирцев... тогда и керкирцы направились против них в открытое море, выстроились в боевой порядок и дали сражение. Решительная победа одержана была керкирцами...

…керкирцы стали господами всего тамошнего моря…

…Раздраженные войною с керкирцами, коринфяне в течение целого года, последовавшего за битвой, и даже в следующем году, сооружали корабли и готовились к большой морской экспедиции, причем флот они собирали из Пелопоннеса, а гребцов нанимали также и из остальной Эллады. При известии о приготовлении коринфян к войне керкирцы испугались, и так как они не состояли в союзе ни с кем из эллинов и не вписались в число союзников ни афинских, ни лакедемонских, то решили обратиться к афинянам и вступить в их союз или попытаться найти у них какую-либо помощь. Узнав об этом, коринфяне с своей стороны отправили послов в Афины из опасения, как бы присоединение афинского флота к керкирскому не помешало им окончить войну так, как они хотели...

…Выслушав обе стороны, афиняне дважды созывали народное собрание... и решили не заключать с керкирцами такого союза, в силу которого у них были бы общие враги и друзья (ведь если бы керкирцы потребовали от афинян идти вместе с ними на Коринф, то афинянами был бы нарушен их договор с пе-

[1] То есть не у пелопоннесцев, а у афинян.

лопоннесцами), но вступить с ними в оборонительный союз на условии оказывать взаимную помощь в случае нападения кого-либо на Керкиру или Афины, или на их союзников. Война с пелопоннесцами, по мнению афинян, была неизбежна во всяком случае, и потому они не желали уступать Керкиру, обладавшую столь значительным флотом, коринфянам... Таковы были соображения афинян, на основании которых они приняли керкирцев в свой союз... Афиняне отправили керкирцам на помощь десять кораблей... Таким-то образом Керкира вышла счастливо из войны с коринфянами.

2.15. Требования союзников Спарты
(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 66-67, 70, 124-125)

Афиняне и пелопоннесцы приводили друг против друга еще следующие обвинения: коринфяне жаловались на афинян за то, что Потидея, их колония, и находившиеся в ней коринфяне и пелопоннесцы осаждены афинянами, а афиняне укоряли пелопоннесцев в том, что они привели к отпадению город, союзный с ними и обложенный данью, пришли на помощь потидеянам и открыто сражались вместе с ними. Однако война еще не вспыхнула, и перемирие продолжалось, потому что коринфяне во всем происшедшем действовали на свой страх.

Но по случаю осады Потидеи они были в тревоге, так как там находились их граждане, да и за судьбу местности они опасались. Поэтому коринфяне немедленно стали созывать союзников в Лакедемон и там громко жаловались на афинян за то, что они нарушили договор и виноваты перед Пелопоннесом. Из страха перед афинянами эгиняне открыто не отправляли посольства в Лакедемон, но тайком вместе с коринфянами ревностно стали возбуждать пелопоннесцев к войне, указывая на то, что вопреки договору[1] они не пользуются автономией. Тогда лакедемоняне пригласили и других союзников, всех, кто заявлял какие-либо претензии на афинян, созвали свое ординарное собрание и предлагали союзникам высказаться. В числе других союзников, по порядку выступавших с жалобами на афинян, были и мегаряне. Помимо многих других своих неудовольствий они указывали преимущественно на то, что вопреки договору для них закрыты гавани в афинских владениях и аттический рынок[2]. Последними выступили коринфяне, предоставив остальным союзникам раздражить предварительно лакедемонян, и прибавили ко всему сказанному следующее.

---

[1] Тридцатилетний мир 445 г. до н.э.

[2] Постановления о мегарянах были приняты перед началом войны и явились одним из поводов к ней.

«...Вы, по-видимому, вовсе не приняли в расчет, что представляют собой те афиняне, с которыми предстоит вам борьба, до какой степени они во всем отличаются от вас. Афиняне любят всякие новшества, отличаются быстротой в замыслах и в осуществлении раз принятых решений; вы же, напротив, стремитесь к тому, как бы сохранить существующее, не признаете ничего нового, не исполняете на деле даже необходимого. Далее, афиняне отваживаются на то, что превышает их силы, рискуют до безрассудства, и надежда не покидает их даже в критических обстоятельствах, тогда как вы целаете меньше, чем сколько позволяют ваши силы, не доверяете даже надежным расчетам и полагаете, что никогда не избавитесь от опасностей. Афиняне решительны – вы медлительны; они ходят в чужие земли – вы приросли к своему месту; удаляясь от родины, они рассчитывают приобрести себе что-либо, вы же опасаетесь, как бы, выйдя из пределов своей страны, не нанести ущерба тому, чем вы владеете. Побеждая врагов, афиняне преследуют их возможно дальше, а, терпя поражения, дают оттеснить себя возможно меньше. Сверх того, свою жизнь афиняне отдают за свое государство так, как будто она вовсе не принадлежит им; напротив, духовные свои силы они берегут как неотъемлемую собственность, чтобы служить ими государству. Если замыслы их не удаются, они смотрят на это как на потерю своего достояния; если же план их осуществился и они приобрели что-либо, достигнутая удача кажется им незначительной в сравнении с тем, что предстоит еще сделать. Если в каком-либо предприятии афиняне и ошибутся, они взамен того питают новые надежды и тем восполняют то, чего им недостает. Обладание и надежда на то, что они замышляют, сливаются в одно целое только у афинян благодаря той быстроте, с какой они стремятся осуществить свои решения. Так непрестанно всю жизнь трудятся они с напряжением сил и среди опасностей. Наличными благами наслаждаются они очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению, и нет для них другого праздника, как выполнить то, что требуется обстоятельствами; напротив, на праздный покой они смотрят так же, как на утомление без отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь, желая кратко охарактеризовать афинян, сказал, что они рождены для того, чтобы самим не иметь покоя и другим не давать его, он был бы прав».

«Итак, лакедемоняне, когда со всех сторон представляется благоприятный случай к войне и мы убеждаем вас предпринять ее во имя общих интересов – ведь в объединении выгод государственных и частных – надежнейший залог успеха, – не медлите подать помощь потидеянам, дорянам, которых осаждают ионяне, – прежде бывало иначе – и спешите добиться свободы прочих эллинов[1]. Нам нельзя ждать дольше, коль скоро одних уже теснят, а другие вскоре подвергнутся той же участи, если станет известно, что мы, здесь собравшиеся, не

[1] Т.е. афинских союзников.

дерзаем наказать врага. Поймите же, союзники, что настала крайняя нужда, что мы даем наилучший совет, и решайте за войну, не страшась опасностей настоящей минуты и стремясь к более продолжительному миру, который последует за ним. Война делает мир более прочным, но не так безопасно воздерживаться от войны ради покоя. Будьте уверены, что образовавшееся в Элладе тираническое государстпо угрожает всем одинаково: над одними оно уже властвует, над другими замышляет властвовать. Поэтому пойдем и укротим его; тогда в будущем и сами будем жить, не подвергаясь опасности, и порабощенным теперь эллинам даруем свободу». Так говорили коринфяне.

Выслушавши мнения всех, лакедемоняне пригласили присутствовавших в собрании союзников подавать голоса по порядку, не делая различия между большими и меньшими государствами. Большинство подало голос за войну. Несмотря на такое решение, начинать войну тотчас было невозможно, так как пелопоннесцы не были готовы; поэтому решили, что каждое государство доставит все нужное, что замедления быть не должно. Тем не менее, в необходимых приготовлениях до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий прошло около года.

2.16. Взаимные требования спартанцев и афинян перед началом войны

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 126-128, 139)

В течение этого времени пелопоннесцы отправляли к афинянам посольства с жалобами, чтобы в случае отказа в чем-либо иметь возможно более основательный предлог к войне. Так, прежде всего лакедемоняне потребовали от афинян через своих послов изгнания виновных в кощунстве против богини[1]...

Очищения от этой скверны и требовали от афинян лакедемоняне, ратуя как бы больше всего за богов. На самом деле они знали, что со стороны матери причастен к преступлению и Перикл, сын Ксанфиппа[2], и рассчитывали, что по изгнании его переговоры с афинянами могли бы пойти у них успешнее. Впрочем, лакедемоняне не столько надеялись на изгнание Перикла, сколько на то, что их требование вызовет в гражданах раздражение против него, так как причиной войны будет отчасти его несчастье. Будучи в то время влиятельнейшим лицом и руководителем афинской политики, Перикл во всем действовал напе-

[1] Участники заговора Килона в VII в. до н.э., искавшие защиты у алтаря богини Афины на Акрополе, были перебиты вопреки обещанию сохранить им жизнь. И виновники убийства, и их потомки считались запятнанными этим кощунством.

[2] Мать Перикла Агариста принадлежала к роду Алкмеонидов, запятнанному убийством килоновцев.

рекор лакедемонянам и не допускал уступок, а, напротив, возбуждал афинян к войне.

Афиняне со своей стороны также требовали от лакедемонян изгнания запятнанных скверной на Тенаре[1]. Некогда лакедемоняне предложили молящим о защите илотам покинуть святилище Посидона, вывели их оттуда и перебили; за это, по мнению лакедемонян, Спарта и подверглась сильному землетрясению[2]. Афиняне требовали, чтобы лакедемоняне также очистились от кощунства, совершенного против Меднодомной[3]...

Итак, вот какое поручение с первым посольством дали лакедемоняне афинянам и вот какое приказание они получили в свою очередь от афинян по делу об удалении запятнанных кощунством. Впоследствии они не раз являлись в Афины и требовали снять осаду с Потидеи и предоставить автономию Эгине. Но всего больше и всего определеннее лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарянах, возбраняющее им пользоваться гаванями, находящимися в пределах Афинской державы, и рынком в Аттике. Афиняне отказывали лакедемонянам во всем и постановления своего не отменяли, причем жаловались на мегарян за то, что они возделали священную землю и другую, не обозначенную никакими границами, и приняли к себе беглых рабов афинских. Наконец, явились к афинянам из Лакедемона последние послы: Рамфий, Мелесипп и Агесандр; они не предлагали уже ничего того, о чем говорилось обыкновенно раньше, а сказали лишь следующее: «Лакедемоняне желают мира, и он будет, если вы оставите эллинов автономными».

2.17. Сопоставление сил противников и военные планы Перикла (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 139-145; II, 13)

...Афиняне созвали Народное Собрание, предоставили каждому высказывать свое мнение и постановили, обсудив зараз все обстоятельства, дать окончательный ответ. Многие выступали с речами, причем голоса разделились: по мнению одних, следовало воевать, по мнению других, постановление о мегарянах не должно быть помехой миру и необходимо его отменить. Выступил также Перикл, сын Ксанфиппа, в то время первый человек в Афинах, самый могучий и словом, и делом. Он увещевал афинян следующим образом.

---

[1] Мыс Тенар на юге Лаконии, где находилось святилище Посейдона, дававшее право убежища.

[2] В 464 г. до н.э.

[3] Спартанский полководец Павсаний, заподозренный в изменнических связях с персами и антигосударственном заговоре, пытался укрыться от преследователей в храме Афины Меднодомной. Эфоры замуровали его там и уморили голодом.

«Афиняне! Я неизменно держусь одного и того же убеждения – не уступать пелопоннесцам, хотя я знаю, что люди действуют на войне не с таким воодушевлением, с каким дают себя убедить начинать ее, и меняют свое настроение сообразно случайностям войны...

Они велят нам снять осаду с Потидеи, предоставить автономию Эгине и отменить постановление о мегарянах. Наконец, последние явившиеся к нам послы приказывают предоставить автономию эллинам. Пусть не подумает кто-либо из вас, будто мы начинаем войну из-за мелочей, когда не хотим отменить постановления о мегарянах, на чем лакедемоняне настаивают всего больше, уверяя, что войны не будет, если постановление это будет отменено. Не упрекайте себя в том, будто вы начали войну по маловажной причине. На самом деле эта мелочь дает случай показать всю вашу твердость и испытать ваше настроение: если вы уступите лакедемонянам, они тотчас предъявят вам какие-нибудь другие, более тяжкие требования, полагая, что вы из страха пошли на уступки. Напротив, решительным отказом вы ясно дадите понять им, что они должны обращаться с вами как равные с равными.

...Что касается приспособлений к войне и тех средств, которыми располагают обе стороны, то знайте, что мы будем не слабее их, о чем и услышите от меня подробно. Пелопоннесцы живут трудами рук своих, у них нет денег ни частных, ни общественных; потом они неопытны в войнах продолжительных и в тех, которые ведутся за морем, так как вследствие бедности они воюют только между собой, и то кратковременно. Такие люди не могут часто высылать на войну ни вооруженных воинами кораблей, ни сухопутных войск, чтобы не удаляться от своих владений и вместе с тем не тратить своих средств; кроме того, море для них закрыто...

Однако важнейшей помехой для них будет недостаток денег, так как с доставкой их они будут медлить и всегда запаздывать, а военные события не ждут. Не стоит также страшиться ни их земляных укреплений, ни флота. Что касается укреплений, то если и в мирное время трудно возвести их в таком виде, чтобы они равнялись укреплениям нашего города, тем труднее, конечно, сооружать их на неприятельской земле, особенно потому, что и со своей стороны мы можем выставить такие же укрепления. Если даже они возведут крепостцу и часть нашей земли может страдать от набегов и перебежчиков, все-таки они не в состоянии будут и возводить укрепления на нашей земле, и мешать нам плыть на кораблях – в чем наша сила – в их землю и мстить им. Азорская служба нам дает больше опыта для войны на суше, нежели служба сухопутная лакедемонянам для морской войны.

Далее, предположим, они наложили бы руку на олимпийские или дельфийские сокровища и попытались бы высшей наемной платой переманить от

нас иноземный моряков; это, действительно, было бы опасно, если бы мы со своей стороны не имели возможности сравняться с ними, вооружив корабли собственными гражданами и метеками. Но теперь эта возможность есть у нас, и – что всего важнее – кормчие – наши же граждане, и вообще судовая команда у нас многочисленнее и искуснее, чем у всех остальные эллинов...

В таком или приблизительно в таком виде представляется мне положение пелопоннесцев. Напротив, наше положение, свободное от тех недостатков, которые я осуждал в них, имеет и другие более важные преимущества. Если они вторгнутся в нашу страну по суше, мы пойдем на их землю морем, а опустошение одной какой-либо части Пелопоннеса будет иметь далеко не то же значение, как опустошение целой Аттики, потому что взамен этой области они не смогут получить без борьбы никакой другой, тогда как у нас есть много земли и на островах, и на материке. Так важно иметь силу на море! Подумайте только: если бы мы стали островными жителями, кто был бы неуловимее нас? Следует и теперь мысленно ставить себя возможно ближе к такому положению: покинуть поля и жилища, оберегать море и город и, хотя бы это способно было вселить раздражение, не давать все-таки битвы пелопоннесцам, превосходящим нас численностью. Ведь даже в случае победы мы снова будем иметь дело с неприятелем не менее многочисленным, а при поражении мы потеряем, сверх того, и союзников, которые составляют нашу силу: они не останутся спокойными, раз мы не будем в состоянии идти на них войной. Не жилищ и полей должны мы жалеть, но жизней человеческих, так как не жилища и поля приобретают людей, но люди приобретают их. И если бы я рассчитывал убедить вас, то посоветовал бы вам самим опустошить вашу землю, и покинуть ее, и тем показать пелопоннесцам, что из-за этого вы не покоритесь им. ...Отошлем послов с таким ответом: «Мы дозволим мегарянам пользоваться рынком и гаванями, если и лакедемоняне не будут издавать распоряжений касательно ксенеласии[1] нас или союзников наших (договором ведь не возбраняется ни то ни другое); государствам союзным мы предоставим автономию, если они были автономны при заключении нами договора и если точно так же лакедемоняне предоставят своим городам каждому в отдельности управляться автономно так, как они хотят, не считаясь с лакедемонянами[2]; мы готовы согласно договору подчиниться решению суда, войны начинать не будем, но если они первые начнут ее, то будем защищаться». Вот ответ справедливый и достойный нашего государства!...»

Вот что сказал Перикл. Афиняне признали, что он дает им наилучший совет, и постановили так, как он предлагал: лакедемонянам ответили согласно с

---

[1] Ксенеласия – букв., изгнание иностранцев. В Спарте запрещалось длительное пребывание, а тем более поселение греков из других государств.

[2] Имеются в виду селения периэков, которые не имели гражданских прав в Спарте.

его мнением, по отдельным пунктам, как говорил Перикл, и вообще, что не исполнят ни одного из их требований, но готовы по договору разрешать споры судом равным и одинаковым. Послы возвратились домой, и позже больше посольств уже не было.

Пелопоннесцы собирались еще на Исфм и были в пути перед вторжением в Аттику, когда Перикл, сын Ксанфиппа, один из десятки афинских стратегов, узнал о предстоящем вторжении Перикл подозревал, что Архидам, связанный с ним узами гостеприимства, пожалуй, не тронет и не опустошит его полей или по собственному побуждению из желания угодить ему, или даже по внушению, сделанному лакедемонянами с целью возбудить против Перикла подозрение сограждан, подобно тому как из-за него же лакедемоняне потребовали изгнания лиц, осквернённых кощунством. Поэтому Перикл объявил афинянам в Народном Собрании, что хотя Архидам связан с ним узами гостеприимства, но от этого не последует для государства вреда, что, если неприятель не станет разорять его полей и домов так же, как и прочих граждан, он уступает их государству и тем самым освобождает себя от всякого подозрения. Относительно настоящего положения Перикл советовал... готовиться к войне и свезти движимость с полей в город, не выходить на битву, но запереться и охранять город, снаряжать флот, составляющий силу афинян, держать союзников в руках; при этом Перикл указывал, что сила афинян зиждется на приливе денег от союзников, а в войне большей частью побеждают рассудительность и обилие денег. Перикл убеждал афинян сохранять бодрость духа, ссылаясь на то, что обыкновенно государство получает в год шестьсот талантов дани от союзников, не считая прочих доходов, да на Акрополе еще хранилось в то время чеканной монеты шесть тысяч талантов... Кроме того, говорил Перикл, есть нечеканенное золото и серебро в виде посвящений от частных лиц и государства, вся та священная утварь, которая употребляется в процессиях и на состязаниях, добыча от персов и т. п. – не меньше как на пятьсот талантов. Он присоединил сюда еще, сверх того, значительные денежные суммы из остальных святилищ, которыми афиняне также могут воспользоваться, равно как и золотым облачением самой богини, если бы все источники доходов были закрыты. Перикл объяснил, что статуя эта имеет на себе веса сорок талантов чистого золота и что все оно может быть снято; но, употребивши это золого на спасение государства, необходимо будет, прибавлял Перикл, возвратить его в неменьшем количестве. Так Перикл возбуждал мужество афинян перечислением денежных средств. Далее он напомнил, что у них есть тринадцать тысяч гоплитов, не считая стоявших в гарнизонах и тех шестнадцати тысяч воинов, которые поставлены были вдоль стен. Таково было количество воинов, охранявших город вначале, когда произ-

водил вторжение неприятель; оно состояло из граждан самого старшего и самого младшего возрастов, а также из тех метеков, которые служили в гоплитах...

Далее Перикл указал на то, что имеется тысяча двести человек конницы вместе с конными стрелками, тысяча шестьсот стрелков и триста годных к плаванию триер. Таковы – ничуть не меньше – средства были у афинян вообще и в частности в то время, когда предстояло первое вторжение пелопоннесцев и афиняне начинали войну...

2.18. Начало Пелопоннесской войны

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 9-10, 14, 17, 21-22, 23-25)[1]

...То и другое государство начинало ее со следующими союзниками. В союзе с лакедемонянами состояли все пелопоннесцы, живущие по сю сторону Истма[2], за исключением аргосцев[3] и ахейцев[4], находившихся в дружественных отношениях с обеими сторонами. Из ахейцев одни пелленяне воевали вместе с лакедемонянами с самого начала, а остальные только впоследствии. За пределами Пелопоннеса в союзе с ними были мегарцы[5], беотийцы, локры, фокейцы, ампракиоты, левкадцы[6], анакторийцы[7]. Из них доставляли флот коринфяне, мегарцы, сикионцы, пелленяне, элейцы, ампракиоты и левкадцы, конницу – беотийцы, фокейцы и локры, пехоту – остальные государства. Таков был союз лакедемонян. В союзе с афинянами состояли хиосцы, лесбосцы[8], платейцы[9], мессенцы[10] в Навпакте, большинство акарнанцев[11], керкирцы, закинфяне[12] и другие государства, обложенные данью[13] и принадлежавшие раз-

---

[1] Спартанцы сухопутными силами разоряли Аттику, а афиняне при помощи флота организовали блокаду Пелопоннеса.

[2] Истм – горный хребет в самой узкой части Коринфского перешейка, отделяющий Пелопоннес от средней Греции.

[3] Аргосцы – жители Аргоса.

[4] Ахейцы – жители северной части Пелопоннеса.

[5] Мегарцы и другие племена – жители различных районов средней Греции.

[6] Левкадцы – жители острова Левкады у западного побережья Средней Греции.

[7] Анакторийцы – жители мыса Анакторий на западном побережье средней Греции.

[8] Хиосцы и лесбосцы – жители островов Хиоса и Лесбоса в северо-восточной части Средиземного моря.

[9] Платейцы – жители города Платеи в Беотии.

[10] Мессенцы – бывшие илоты, после поражения в третью Мессенскую войну нашедшие убежище в Навпакте под покровительством Афин.

[11] Акарнанцы – жители Акарнании, области на западе средней Греции.

[12] Закинфяне – жители о. Закинф у западного побережья Средней Греции.

[13] Государства, обложенные данью, т. е. члены Афинского морского союза, платившие афинянам форос.

ным народностям: приморская часть Карии, смежные с карийцами дорийцы, Иония, Геллеспонт, Фракийское побережье, все Кикладские острова, лежащие к востоку между Пелопоннесом и Критом, кроме Мелоса и Феры. Из них корабли доставляли хиосцы, лесбосцы и керкирцы, остальные – сухопутное войско и деньги. Таковы были союзники обеих сторон, и такова была их боевая подготовка.

Лакедемоняне тотчас после платейских событий[1] разослали приказание по городам Пелопоннеса и по союзникам вне его вооружать войска и заготовлять все необходимое к далекому походу, так как они намерены вторгнуться в Аттику...

...Афиняне... стали переселять с полей в город женщин и детей и перевозить остальную движимость, которою пользовались в хозяйстве, уничтожали даже деревянные части самих жилищ; мелкий скот и вьючных животных они переправили на Эвбею и другие прилегающие острова. Тяжело было для афинян сниматься с места, потому что большинство их привыкло постоянно жить на своих полях... Когда они явились в Афины, то помещений там нашлось только для немногих; кое-кто нашел приют у друзей или родственников. Большинство же афинян поселилось на городских пустырях, во всех святынях богов и героев, за исключением расположенных на акрополе и Элевсиния[2], а также некоторых других, крепко запертых святилищ. Под давлением теперешней нужды заселен был даже так называемый Пеларгик, лежащий у подошвы акрополя и необитаемый в силу заклятия; заселять его возбранялось и следующими заключительными словами Пифийского оракула, гласившими: «Лучше Пеларгику быть невозделанным». Мне кажется, оракул исполнился в смысле обратном тому, как предполагали, именно: несчастия постигли город не вследствие противозаконного заселения местности, но сама нужда в заселении Пеларгика возникла по причине войны; не называя войны, оракул предугадал, что место это никогда не будет заселено при счастливых обстоятельствах. Многие устроились в крепостных башнях и вообще, где и как могли: город не мог вместить в себе всех собравшихся; впоследствии они заняли даже длинные стены, поделивши их между собою, и большую часть Пирея. В то же время афиняне принялись за приготовления к войне, собирали союзников и снаряжали сто кораблей для нападения на Пелопоннес с моря. Так готовились афиняне...

...Когда афиняне увидели неприятельское войско подле Ахарн[3], на расстоянии шестидесяти стадий от города, они не могли долее сдерживать себя:

---

[1] Платейские события – неудачное нападение фиванцев, союзников Спарты, на союзный с Афинами город Платеи.

[2] Элевсиний – храм в Афинах, недалеко от акрополя.

[3] Ахарны – самый большой из демов, известный своим плодородием.

земля их опустошалась у них на глазах, чего младшие еще не видали, да и старшие видели только во время персидских войн. Ужасно, как и следовало ожидать, было смотреть на это; все, в особенности молодежь, решили, что нельзя долее терпеть и что следует идти на неприятеля. На сходках происходили большие споры: одни требовали похода, кое-кто из других не соглашались на него. Прорицатели вещали всевозможные предсказания, к которым каждый прислушивался с жадностью. Ахарнцы понимали, что они составляют весьма значительную часть афинян и, так как опустошалась их земля, больше всего настаивали на выступлении из города. Возбуждение охватило весь город; граждане негодовали на Перикла, не вспоминали никаких его прежних внушений, но все бранили его за то, что, будучи стратегом, он не ведет их в битву, и считали его виновником всего того, что им приходилось терпеть. Перикл, замечая, с одной стороны, недовольство граждан настоящим положением дел и отсутствие с их стороны рассудительности, с другой – веря в правильность своего решения не переходить в наступление, не созывал народного собрания и не устраивал вообще никаких совещаний из опасения, как бы граждане в собрании не впали в ошибку, действуя скорее под влиянием раздражения, а не по внушению рассудка. В то же время Перикл охранял город и главным образом, по возможности, поддерживал в нем спокойствие. Однако он непрерывно высылал конницу с целью препятствовать летучим неприятельским отрядам отдельно от остального войска нападать на близкие к городу поля и разорять их... Пелопоннесцы находились еще в Аттике, когда афиняне отправили в воды Пелопоннеса сто кораблей... Между тем пелопоннесцы, пробывшие в Аттике столько времени, насколько хватило у них запасов, отступили обратно...

...Афиняне на ста кораблях вместе с явившимися к ним на помощь керкирцами на пятидесяти кораблях и с некоторыми другими из тамошних союзников крейсировали в водах Пелопоннеса, разоряли различные местности...

2.19. Расправа афинян с восставшим на о. Лесбосе городом Митиленой (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 36, 49-50)

...Относительно митиленцев афиняне стали совещаться. В гневе они решили казнить не только тех митиленцев, которые были в Афинах, но всех, достигших возмужалости, а детей и женщин обратить в рабство. Они вменяли митиленцам в вину как восстание вообще, так особенно то, что они возмутились, не будучи подчинены афинянам, подобно прочим союзникам. В весьма сильной степени вызывали возбуждение афинян и пелопоннесские корабли, которые,

чтобы подать помощь митиленцам, дерзнули проникнуть в Ионию[1]; это показывало, что восстание задумано серьезно.

Итак, афиняне отправили триеру к Пахету[2] с известием о принятом решении и с приказанием скорее покончить с митиленцами. Однако на следующий день афиняне стали несколько раздумывать и приходить к убеждению, что решение погубить весь город, а не одних виновных, – сурово и жестоко. Находившиеся в Афинах митиленские послы и сочувствовавшие им афиняне заметили эту перемену и постарались уговорить должностных лиц[3] снова представить дело на обсуждение. Тем легче удалось им это, что и сами должностные лица ясно видели желание большинства граждан дать им возможность обсудить дело снова. Немедленно созвано было народное собрание, на котором разные лица высказали различные мнения. Выступил и сын Клеенета, Клеон[4], тот самый, который провел прежнее решение о казни всех митиленцев. Это был вообще наглейший из граждан; в то время он пользовался величайшим доверием народа...

(Клеон продолжал настаивать на прежнем решении.)

...Афиняне перешли к обмену мнений; при открытой баллотировке за оба предложения высказалось почти равное число голосов, но все же одержало верх предложение Диодота[5]. Тотчас со всею поспешностью афиняне отправили другую триеру для того, чтобы раньше посланная триера не предупредила ее и чтобы до ее прибытия население города не было истреблено: первая триера вышла почти за сутки до второй. Так как митиленские послы снабдили корабль вином и ячменным хлебом и обещали щедро наградить гребцов, если они опередят первую триеру, то афиняне плыли с таким усердием, что на ходу ели хлеб, замешанный на вине и масле, и в то время как одни поочереди спали, другие гребли. К счастью, противного ветра не было вовсе, и первый корабль, шедший на необычайное дело, плыл, не торопясь, тогда как второй спешил, как сказано. Первый корабль опередил второй настолько, что Пахет прочитал постановление и собирался уже привести его в исполнение, как вслед за этим

---

[1] Иония – часть Малоазийского побережья Эгейского моря и прибрежные острова.

[2] Пахет – стратег, подавивший восстание митиленцев.

[3] Стратегов или пританов, очередных председателей совета 500 и народного собрания.

[4] Клеон – сын Клеенета или Клеонима, богатый, но не знатный афинянин, владелец кожевенной мастерской. Стратег, возглавивший после смерти Перикла многочисленную группу сторонников активного ведения войны против Спарты. Он руководил более радикально настроенными, чем сторонники Перикла, разорявшимися слоями афинского городского демоса, рассчитывавшими победой над Спартой поправить свое материальное положение. Фукидид, сторонник умеренной демократии и личный враг Клеона, называет его «наглейшим из людей», но не может не признать, что он пользовался большим авторитетом у народа (т.е. у афинских граждан).

[5] Диодот – сын Евкрата, афинский гражданин, сторонник снисхождения к митиленцам, осуществивший свое право заявить об этом в афинском народном собрании.

пристал к берегу второй корабль и не допустил до избиения митиленцев. Так едва-едва Митилена избежала опасности.

Остальных граждан, тех, что были отосланы Пахетом, как наиболее виновных в восстании, афиняне, по предложению Клеона, казнили (их было немного больше тысячи человек). Стены Митилены были срыты, корабли отобраны. Впоследствии афиняне не наложили фороса на лесбосцев, но образовали из их земель, кроме мефимнейской, три тысячи наделов; из них триста отделили и посвятили богам, а на остальные отправили из среды своих граждан клерухов по жребию. Лесбосцы сами обрабатывали свою землю и должны были выплачивать деньгами клерухам ежегодно за каждый надел по две мины. Афиняне отобрали также и все небольшие города на материке[1], какие были во власти митиленцев; эти города впоследствии подчинены были афинянам. Таковы были события на Лесбосе.

2.20. Расправа спартанцев с жителями взятого ими города Платей (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 52, 68)

...Платейцы, не имея больше съестных припасов и не будучи в состоянии долее выдерживать осаду[2], сдались пелопоннесцам при следующих обстоятельствах. Пелопоннесцы штурмовали платейское укрепление, и платейцы не имели силы его защитить.

Лакедемонский начальник, поняв бессилие платейцев, не желал брать город силою. Это ему приказано было из Лакедемона для того, чтобы Платеи, жители которых сдавались добровольно, не были возвращены афинянам в том случае, если пелопоннеецы заключат с ними мир и придут к соглашению относительно возвращения всех местностей, какими во время войны завладела каждая сторона. Лакедемонский начальник обратился к платейцам через глашатая со следующим предложением: если они желают добровольно передать город лакедемонянам и взять их в судьи, то будут наказаны только виновные и не иначе, как по суду. Так объявил глашатай. Платейцы находились тогда в состоянии крайнего бессилия и потому сдали город. В течение нескольких дней, пока из Лакедемона не явились судьи в числе пяти человек, пелопоннеецы кормили платейцев. Когда судьи прибыли, против платейцев не было выставлено никакого обвинения; их вызвали только в суд... Стали выводить платейцев каждого поодиночке и задавали ему вопрос: оказали ли платейцы какие-нибудь услуги в войне лакедемонянам и их союзникам. Если платейцы давали отрицательный

[1] На материке – подразумевается западное побережье Малой Азии.
[2] Спартанпы осаждали Платеи с 429 по 427 г. до н.э.

ответ, лакедемоняне отводили их в сторону и убивали, причем исключения не делалось никому. Так казнили они не менее двухсот платейцев и двадцать пять афинян, находившихся вместе с ними в осаде, женщин же обратили в рабство. Самый город лакедемоняне предоставили для жительства, приблизительно на год, мегарским гражданам, которые были изгнаны из Мегар вследствие междоусобицы[1], а также всем оставшимся платейцам, которые держали их сторону. Позже они сравняли весь город с землею... Таков был конец Платеи на девяносто третьем году с того времени, как она вступила в союз с афинянами.

2.21. Перемирие 423 г. до н.э.
(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 117, 118, 119)

В начале весны следующей летней кампании лакедемоняне и афиняне немедленно заключили перемирие на один год.

Относительно святыни и оракула Аполлона Пифийского мы постановляем, чтобы желающий пользовался ими согласно отеческим законам без обмана и боязни. Это постановляют лакедемоняне и присутствующие союзники; они утверждают, что склонят к тому же беотян и фокидян по мере сил через посланного к ним глашатая.

...Каждая сторона должна оставаться при том, чем она владеет в настоящее время.

...Лакедемонянам и их союзникам пользоваться морем на всем пространстве, где оно омывает владения их и союзников, плавать не на военных кораблях, а на иных, гребных судах с грузом до пятисот талантов.

...Перебежчиков ни свободных, ни рабов не принимать в течение этого времени ни нам, ни вам. Вам судить нас и нам судить вас по заветам отцов, разрешая спорные вопросы судом без войны.

Такое соглашение заключили и скрепили клятвами лакедемоняне и их союзники с афинянами и их союзниками...

[1] Мегарские олигархи, изгнанные из Мегар около 427 г. до н.э.

2.22. Никиев[1] мир

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V, 18, 22-23, 35)

Договор заключили афиняне и лакедемоняне со своими союзниками на следующих условиях и принесли клятвы от каждого государства. Что касается общих святынь, то всякому желающему можно, по заветам отцов, приносить жертвы, вопрошать оракулы, отправлять феории[2] сушею и морем безопасно. Святыне и храму Аполлона в Дельфах и дельфийцам, им самим и их земле, быть независимыми[3], свободными от податей, решать дела собственным судом по заветам отцов. Договору существовать пятьдесят лет между афинянами с союзниками афинян и лакедемонянами с союзниками лакедемонян без коварства и ущерба на суше и на море. Да не дозволено будет лакедемонянам и их союзникам браться за оружие с целью нанесения вреда афинянам с их союзниками, ни афинянам и их союзникам для нанесения вреда лакедемонянам с их союзниками какими бы то ни было способами. Если между договаривающимися сторонами возникнет какая-либо распря, они обязаны решать ее судом и клятвами согласно условиям, какие будут приняты. Лакедемоняне и их союзники должны возвратить афинянам Амфиполь[4]... Афиняне должны вернуть лакедемонянам Корифасий[5] и ряд других городов и всех лакедемонских граждан, какие содержатся в афинской темнице[6] или заключены в какой-либо другой части афинских владений... Так как союзники (члены Пелопоннесского союза) не подчинились лакедемонянам, то последние... решили одни заключить союз с афинянами...

За время пребывания афинских послов в Лакедемоне, лакедемоняне, после переговоров, пришли к соглашению с ними и заключили следующий, подтвержденный клятвами, союз:

---

[1] Никий – афинский стратег, богатейший афинский рабовладелец. После смерти Перикла возглавил умеренных демократов, объединившихся в это время с остатками афинской аристократии. Известен своей борьбой с Клеоном и радикальными демократами, представлявшими интересы разорявшихся горожан – мелких рабовладельцев. Сторонник мира со Спартой, так как война разоряла представляемых им аттических землевладельцев. После поражения афинской армии, которую он возглавлял в Сицилии, попал в плен и был казнен в Сиракузах в 413 г. до н.э.

[2] Феория – праздничное посольство в места греческих святынь.

[3] От фокидян.

[4] Амфиполь – город на фракийском побережье у полуострова Халкидики в районе золотых приисков. Важный торговый и стратегический пункт афинян на севере Эгейского моря. Был взят спартанцами под начальством Брасида в конце 424 г. до н.э. Этой победой спартанцы компенсировали потерю Пилоса, после отказа афинян заключить мир. В битве при Амфиполе были убиты: Брасид и командовавший афинянами Клеон – наиболее активные сторонники продолжения войны.

[5] Корифасий – так по-лаконски назывался Пилос.

[6] Подразумеваются спартанские гоплиты, плененные при Сфактерии.

«На следующих условиях афиняне и лакедемоняне будут союзниками в течение пятидесяти лет: если кто-либо пойдет врагами на землю лакедемонян и будет творить зло лакедемонянам, афиняне обязуются помогать лакедемонянам всяческим способом по мере сил и возможности. Если, по опустошении страны, враг удалится, город его считается неприятельским для лакедемонян и для афинян, несет наказание от тех и других, и мир с ним заключается обоими государствами купно. Это должно соблюдаться справедливо, ревностно, без обмана. Если кто-либо пойдет врагами на землю афинян и будет творить зло афинянам, лакедемоняне обязуются помогать афинянам всяческим способом по мере сил и возможности. Если, по опустошении страны, враг удалится, город его считается неприятельским для лакедемонян и для афинян, несет наказание от тех и других, и мир с ним заключается обоими государствами купно. Это должно соблюдаться справедливо, ревностно, без обмана. Если восстанут рабы, афиняне обязуются помогать лакедемонянам всеми силами по мере возможности. Обязательства эти утверждают с обеих сторон клятвами те самые лица, которые клятвенно утверждали и другой договор. Возобновляется договор ежегодно, для чего лакедемоняне являются в Афины на Дионисии[1], а афиняне – в Лакедемон на Гиакинфии[2]. Те и другие ставят стелы, одну – в Лакедемоне у Аполлона в Амиклеоне[3], другую в Афинах на акрополе у Афины. Если лакедемоняне и афиняне решат прибавить к союзному договору или изъять из него что бы то ни было, обоим предоставляется это в согласии с клятвою».

Лакедемонянам, по жребию, следовало первым возвратить Амфиполь; но они не возвращали ни его, ни остальных пунктов, а равно не принуждали принять мирный договор ни фракийских союзников, ни беотийцев и коринфян, хотя постоянно уверяли, что, в случае отказа этих народов, они сообща с афинянами принудят их к тому силою. Без письменного условия они назначили сроки, по истечении которых не вошедшие в договор должны считаться врагами лакедемонян и афинян. Замечая, что ничего этого на деле не исполняется, афиняне стали подозревать, что лакедемоняне нисколько не помышляют о соблюдении справедливости, а потому, невзирая на требования их, не возвращали Пилоса...

---

[1] Дионисии – празднества в честь Диониса. В шестом месяце – посейдеоне (декабрь) справлялись сельские дионисии, в девятом месяце – лафеболионе (апрель) справлялись великие городские дионисии. Первый праздник – осенний, в честь сбора винограда, второй – весенний, в честь победы весны над зимой. В договоре упомянут второй праздник, один из важнейших в Афинах.

[2] Гиакинфии – праздник в честь Гиакинфа, или Гиацинта, юноши, любимого Аполлоном и убитого из ревности Зефиром – западным ветром. Важнейший спартанский праздник. Справлялся в месяце гекатомбеоне (июле).

[3] Амиклеон или Амикл – древний спартанский город в 3,5 км от Спарты, с важнейшим в Лаконии святилищем Аполлона.

2.23. Союз спартанцев с персами
(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 18, 58)

I. На следующих условиях заключили союз лакедемоняне и союзники с царем[1] и Тиссаферном[2]. Вся страна и все города, какими владеет царь и владели предки царя, пусть принадлежат царю; и сколько денег или чего-нибудь другого из этих городов ни поступало афинянам, царь и лакедемоняне с их союзниками обязуются общими силами препятствовать тому, чтобы афиняне получали эти деньги или что бы то ни было иное. Войну против афинян обязуются вести сообща царь и лакедемоняне с их союзниками. Кончать войну против афинян пусть будет дозволено только по обоюдному решению царя и лакедемонян с их союзниками. Если кто отложится от царя, пусть будет он врагом лакедемонян с их союзниками; если кто отложится от лакедемонян с их союзниками, то равным образом пусть будет он врагом царя.

II. На тринадцатом году царствования Дария, когда в Лакедемоне эфором[3] был Алексиппид, состоялся на равнине Меандра[4] договор между лакедемонянами и их союзниками, с одной стороны, Тиссаферном, Гиераменом и сыновьями Фарнака, с другой, о делах царя, лакедемонян и их союзников. Земля царя, какая находится в Азии, принадлежит царю; и о своей земле пусть царь располагает как хочет. Лакедемонянам и их союзникам не ходить на землю царя с каким-либо злым умыслом, и царю не ходить на землю лакедемонян и их союзников с каким-либо злым умыслом. Если кто из лакедемонян или их союзников пойдет на землю царя с злым умыслом, лакедемоняне и их союзники должны противодействовать этому, и если кто из царской земли пойдете злым умыслом на лакедемонян или их союзников, пусть царь противодействует этому. Тиссаферну доставлять теперешнему флоту содержание согласно условию, пока не прибудут царские корабли. Когда прибудут царские корабли, лакедемоняне и их союзники сами будут содержать свой флот, если пожелают; если же захотят получать содержание от Тиссаферна, он обязуется доставлять его, но лакедемоняне и их союзники, с окончанием войны, должны возвратить Тиссаферну деньги, сколько получат. Когда прибудут царские корабли, то корабли лакедемонян, их союзников и царские пусть ведут войну сообща так, как решит Тиссаферн, лакедемоняне и их союзники. Если пожелают заключить мир с афинянами, то заключить его на одинаковых условиях…

---

[1] Царь Дарий II (424-404 гг. до н.э.).
[2] Тиссаферн – персидский сатрап в Малой Азии.
[3] Эфоры числом 5 – высшая правительственная коллегия в Спарте, представлявшая интересы олигархии, избиралась сроком на 1 год.
[4] Меандр – река в Малой Азии, впадающая в Эгейское море севернее Милета.

2.24. Падение Афин (404 г. до н.э.)
(Ксенофонт, «Греческая история», II, 2, 10-23)

Осажденные и с суши, и с моря афиняне оказались в безвыходном положении. У них не было уже ни флота, ни союзников, ни провианта, неоткуда было ждать спасения; приходилось, по-видимому, подвергнуться всем тем ужасам, которым они прежде подвергали других греков. Разница была лишь та, что лакедемоняне теперь готовились отомстить афинянам за их прежние преступления, а афиняне обижали жителей мелких городов не отмщения ради, а только из высокомерия. Они даже не выставляли никакого другого предлога, кроме того, что те были союзниками лакедемонян. Поэтому они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния, но крепились и, несмотря на то что в городе множество народа умирало от голода, не вступали в переговоры о мире.

Но когда запас продуктов совершенно истощился, они послали к Агису послов, предлагая ему мир на условии, что они будут союзниками лакедемонян, а за то получат право сохранить невредимыми Длинные стены и Пирей, но Агис сказал, чтобы они отправились в Лакедемон, так как он не имеет полномочий на заключение мира.

...Особенно горячо возражали против заключения мира коринфяне и фиванцы, а также многие другие эллины[1]; они требовали совершенного разрушения Афин. Но лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции[2]. Они выразили согласие на мир при условии снесения Длинных стен и укреплений Пирея, выдачи всех кораблей, кроме двенадцати, возвращения изгнанников и вступления в число союзников лакедемонян с подчинением их гегемонии...

Послы доложили об условиях, поставленных лакедемонянами для заключения мира, ...было постановлено принять мирные условия лакедемонян... Изгнанники были возвращены, стены были срыты при общем ликовании[3] под звуки исполняемого флейтистками марша: этот день считали началом свободной жизни для греков.

---

[1] Из числа союзников Спарты.
[2] Подразумеваются Греко-персидские войны.
[3] Конечно, спартанцев.

Контрольные вопросы ко вторму разделу

1. Охарактеризуйте повод начала конфликта между Персией и Грецией. Какие обязательства взяли на себя Афины и Спарта, чтобы противостоять Персии как «внешней угрозе»?

2. Какие факторы повлияли на формирование Афинского морского союза? Как был устроен данный союз? Что свидетельствовало о неравноправности союзников в Делосской симмахии?

3. Какие причины лежали в основе конфликта между Афинами и Спартой? Кто стал фактическим инициатором конфликта?

4. Как повлияли карательные акты афинян и спартанцев на ход военных действий? В чем был смысл их проведения?

5. Какова роль персидского государства в конфликте между Спартой и Афинами?

Раздел 3. Международные отношения в Средиземноморском регионе (III в. до н.э. – II в. н.э.)

План

1. Развитие отношений Рима с Карфагеном. Первая Пуническая война и ее итоги.
2. Вторая Пуническая война. Ганнибал как полководец и дипломат. Антиримский союз Филиппа Македонского и Ганнибала и дальнейшая судьба этого союза.
3. Третья Пуническая война и ее главный итог.
4. Внешняя политика Октавиана Августа. Восстания и волнения в I–II вв. как проблема развития и источник политического кризиса.

Источники

1. История Древнего Рима: тексты и док.: в 2 ч. / под ред. В.И. Кузищина. Ч. 1-2. М., 2005.
2. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 1. Древний мир. Благовещенск, 2013. С. 337-398; 422-442.

Литература

1. Виппер Р. Римская империя / Р. Виппер. М., 2012.
2. Гребенюк А.В. История мировых цивилизаций: в 3 ч. Часть 2. Античная цивилизация: учебное пособие. 2-е изд. М., 2019.
3. История Древнего Рима: учеб. пособие для вузов / В.И. Кузищин, И.А. Гвоздева; под ред. В.И. Кузищина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
4. История Древнего мира: Восток, Греция, Рим: учеб. пос. / И.А. Ладынин, А.А. Немировский, С.В. Новиков и др. М., 2004.
5. История Древнего Мира. Древний Рим / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек. Мн., 2000.
6. История Древнего мира: учебник и практикум / Т. В. Кудрявцева. М., 2019.
7. Ковалев С.И. История Рима / под общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2002.
8. Машкин Н.А. История древнего Рима: уч. / Н.А. Машкин. М., 2006.

9. Постернак А.В. История Древней Греции и Древнего Рима / А.В. Постернак. М., 2008.
10. Ростовцев М.И. Рождение Римской империи / М.И. Ростовцев. М., 2015.
11. Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. В 2 кн. / В.С. Сергеев. М., 2005.
12. Ферреро Г. Величие и падение Рима. В 5 томах. Т. 3-5 / Г. Ферреро. М., 2008.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Библиотека военной литературы. URL: http://militera.lib.ru
2. Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: http://www.xlegio.ru
3. Сайт античной литературы «История Древнего Рима». URL: http://ancientrome.ru/antlitr/
4. Тексты античных авторов. URL: http://arh2.instarcom.org/antiquity/ant_text_grec_00.html
5. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/

Методические указания

Третий раздел посвящен процессам становления Римской республики в качестве гегемона в Средиземноморском регионе и проведения внешней политике Римской империи в период принципата Октавиана Августа. Кроме того, в данном разделе речь пойдет о проблемах, связанных с проявлением сепаратизма в форме антиримских восстаний и столкновением римских легионов с германскими племенами.

Большая часть текстов принадлежит римским историкам и мыслителям, среди которых важное место занимает историк греческого происхождения Полибий. Античные авторы сообщают нам сведения о взаимоотношениях Карфагена и Рима, начиная с эпохи ранней республики, и о договорах, которые заключались между этими двумя государствами. Например, Полибий пишет о первоначальном разграничении сфер влияния Карфагена и Рима. По словам римского историка, Карфаген распространял свое влияние на Сардинию, Ливию и юго-западную часть Сицилии, а римляне устремлялись на Италию и остальную часть Сицилии. Подробно излагаются у Полибия последующие договоры этих двух держав. В данных текстах также отражены многие особенно-

сти взаимоотношений между Римом и Карфагеном, боровшимся во время Пунических войнах за гегемонию в Средиземноморском регионе.

Каждая Пуническая война имеет свои особенности. Первая (264-241 гг. до н.э.) завершилась тем, что Рим в результате своей победы получил Сицилию. Вторая Пуническая война (218-201 гг. до н.э.) началась из-за проявления реваншистских настроений со стороны Карфагена, а именно полководца Ганнибала. Данные тенденции студентам предстоит выделить, чтобы понять суть конфликта. И Третья (149-146 гг. до н.э.) началась с дискуссии, условно говоря, двух «партий»: «партии мира» и «партии войны» с Карфагеном. Студентам необходимо понять из текста суть двух противоположных точек зрения. Важна также роль Македонии и Греции в вооруженном конфликте Рима и Карфагена.

Вторая половина вопросов посвящена внешней политике императора Октавиана Августа. Вначале студентам необходимо изучить понятие «внешняя политика», после чего из текстов выделить признаки понятия. Среди представленных в разделе документов важное место занимает найденная в 1927 г. на месте древней рыночной площади в Кирене мраморная стела, на лицевой стороне которой были записаны на греческом языке пять эдиктов императора Августа. Одним из основных вопросов, какой может быть поставлен на основании данного источника, является вопрос о политике Августа по отношению к провинциям. Четыре первых эдикта имеют в виду только Киренаику, пятый же содержит распоряжение, касающееся всех провинций. По завещанию Птолемея Апиона Киренаика была передана Риму. Города этой области сохраняли автономию, но находились под римским влиянием. В 74 г. до н.э. Киренаика была превращена в римскую провинцию, а в 34 г. до н.э. Марк Антоний объявил ее царством и отдал дочери Клеопатры Клеопатре Селевке. В 27 г. до н.э. Киренаика вместе с Критом составила провинцию, управитель которой носил титул проконсула. К проконсулу Киренаики и Крита были обращены данные эдикты. Студентам следует учесть эти факты, так как они оказали огромное влияние на деятельность Октавиана Августа во внешней политике. Сами же «Деяния божественного Августа» представляют собой один из интереснейших документов эпохи раннего принципата. Он дошел до нас в виде надписи, найденной в 1555 г. на месте древнего города Анкиры. Текст был написан на латинском и греческом языках. Две других копии найдены были в городах Аполлонии и Антиохии. Сопоставление трех документов дало возможность почти полностью восстановить текст этого важного памятника. Характер документа, в котором автор всемерно восхваляет свою деятельность, показывает, насколько критически следует относиться к его содержанию.

После изучения данного вопроса можно перейти к рассмотрению текстов, посвященных признакам сепаратизма, пограничным конфликтам и сериям ан-

тиримских восстаний. Античные авторы зафиксировали в своих трудах волнения в Тевтобургском лесу, переросшие в вооруженное столкновение, восстания римских легионов, жителей Нумидии и Британии и эпизоды противостояния римских гарнизонов с различными племенами, проживавшими на границе Римской империи.

Документы

3.1. Договоры Рима с Карфагеном до начала Пунических войн (Полибий, «Всеобщая история», III, 22-25)

Первый договор между римлянами и карфагенянами[1] был заключен при Люции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освещен был храм Зевса Капитолийского, т.е. за двадцать восемь лет до вторжения Ксеркса в Элладу. Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса[2], разве к тому они будут вынуждены бурею или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем он пользовался бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, анциатов, ларентинов, цирцеитов, таррацинитов[3] и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой-либо народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется нападать на их города; а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лации, и если бы они вторглись в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

---

[1] О первом договоре римлян с карфагенянами мы находим сведения только у Полибия, который относит его к 508 г. до н.э. Это свидетельство не может считаться в полной мере достоверным, тем более что дальше Полибий допускает фактическую ошибку – первыми консулами по традиции были Люций Юний Брут и Люций Тарквиний Коллатин, а не Марк Гораций.

[2] Прекрасный мыс находился недалеко от Карфагена, по направлению на север.

[3] Имеются в виду жители городов Лация: Ардеи, Анция, Лаврента, Цирцей, Таррацины.

Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных кораблях дальше Прекрасного мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сирта[1], которые называются у них эмпориями[2] и отличаются высокими достоинствами. Если бы кто занесен был туда против желания бурей или [загнан] неприятелем и нуждался бы в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне дозволяют взять это, но ничего больше и притом требуют непременного удаления приставших сюда в пятидневный срок. По торговым делам римлянам дозволяется приезжать в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому это право. Из договора явствует, что карфагеняне говорят о Сардинии и Ливии, как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лация, не упомирая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти...

После этого договора они заключили другой[3], в который карфагеняне включили тирян и народ Утики. К Прекрасному мысу прибавляются теперь Мастия и Тарсена[4], и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города. Вот каково приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союздиками на следующих условиях: римлянам возбраняется плзвать по ту сторону Прекрасного мыса, Мастии и Тарсена как за добычей, так и для торговли и основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лации каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если бы какие-либо карфагеняне взяли в плен кого-либо из народа, который заключил с римлянами писаный договор, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в стране, подвластной карфагенянам возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими

---

[1] Биссатида и Малый Сирт – местности на северном побережье Африки, обладающие удобными гаванями.

[2] Эмпорий – по-гречески торговый пункт.

[3] Есть основание предполагать, что об этом же договоре мы находим упоминание у Ливия, датируется он 348 г. до н.э.

[4] Города Мастия и Тарсена находятся в южной Испании, недалеко от так называемых «Геракловых столбов».

съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному запрещается мстить за себя; в противном случае деяние его будет считаться государственным преступлением. В Сардинии и Лидии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать городов, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

В этом договоре карфагеняне еще более определенно заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и запрещают римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они определенно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лации, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, агациатам, цирцеитам и таррацинитам. Это те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

...Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне заключили во время переправы Пирра в Италию[1]. В нем подтверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если бы римляне или карфагеняне пожелали заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе разрешение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Тот или другой народ нуждался бы в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда грузовые и военные, но жалованье своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне, согласно древнему обычаю, во имя Юпитера Камня[2], последний же договор именем Марса Эниалия[3]. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне

---

[1] Имеется в виду договор 279 г. до н.э.

[2] Римляне клялись именем Камня Юпитера, считая его символом божества.

[3] Эниалий – первоначально эпитет Марса, бога войны, позднее – самостоятельное божество, именем которого клялись римляне.

боги, если я соблюду клятву; если же помыслю или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достатках, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень.

3.2. Причины Первой Пунической войны (Полибий, «Всеобщая история», I, 10-11)

Мамертины[1]... прежде уже потеряли помощь Регия; теперь ... и собственные силы их были сокрушены вконец[2]. Поэтому одни из них, найдя убежища у карфагенян, передались им сами, передали и город; другая часть мамертинов отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, так как помощь мамертинам была бы явною непоследовательностью. Еще так недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не только перед мессенцами, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели также, что карфагеняне покорили не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах, в случае покорения ими Сицилии, опасных и страшных соседей, которые окружат их кольцом и будут угрожать всей Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией. Имея в своих руках Мессану, которая передалась им сама, карфагеняне должны были занять вскоре и Сиракузы, так как почти вся Сицилия были уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессану, т.е. дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что

---

[1] Мамертины – кампанскне наемники, называвшие себя «сыновьями Марса».

[2] Кампанские наемники Мамертины захватили сицилийский город Мессану, на помощь которому выступил тиран Гиерон II. Тогда одна часть мамертинов обратилась за помощью в Карфаген, а другая – в Рим.

было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение было принято народом, римляне выбрали одного из консулов Аппия Клавдия[1] в военачальники и повелели ему идти в Мессану на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распяли своего вождя, обвинив его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориады[2], сухопутное войско – подле так называемых Син[3] и ревностно повели осаду Мессаны. В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессану. Вслед за этим он вышел из Сиракуз и двинулся к городу, причем расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессаной. Но видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна из сторон не согласилась с ним, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Снявши доспехи с убитых, он возвратился в Мессану, а Гиерон в страхе за свою власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

3.3. Мирный договор Рима с Карфагеном после Первой Пунической войны (241 г. до н.э.) (Полибий, «Всеобщая история», I, 62, 63)

Карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилию, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдавши его неприятелю, кар-

[1] Один из консулов 264 г. до н.э.

[2] Мыс Пелориада (или Пелор) – северо-восточная оконечность Сицилии.

[3] Сины – видимо, какое-то поселение недалеко от Мессаны – в других источниках не упоминается.

фагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и дали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготятся ею; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра»[1].

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

3.4. Характеристика личности полководца Ганнибала (Корнелий Непот, «О знаменитых иноземных полководцах», «Ганнибал»)

1. Ганнибал, сын Гамилькара, карфагенянин. Если никто не сомневается, и вполне справедливо, что римляне превзошли доблестью все народы, то нельзя отрицать и того, что Ганнибал настолько затмевал прозорливостью прочих полководцев, насколько римский народ опережал в храбрости другие племена. В самом деле, сколько он ни сражался с римлянами в Италии, всякий раз выхо-

[1] Эвбейский талант весил 26,2 кг, отличаясь от эгинского (37 кг) и аттического (26 кг).

дил из боя победителем[1]. И если бы не ущемляла его на родине зависть сограждан, он, очевидно, мог бы одержать над ними верх. Но враждебность многих одолела мужество одиночки. Сам же Ганнибал был настолько верен отцовской ненависти к римлянам, оставленной ему как бы в наследство, что раньше расстался с жизнью, чем с нею; ведь даже будучи изгнанным из отечества и нуждаясь в чужой помощи, он никогда не переставал мечтать о войне с Римом.

2. Если не считать Филиппа, которого он заочно втянул во вражду с Римом[2], самым могущественным царем в те времена был Антиох; и вот Ганнибал так разжег его воинственность, что тот готов был идти походом на Италию от самых берегов Красного моря. Когда же к царю прибыли римские послы, чтобы разведать его намерения, и с помощью тайных интриг постарались вызвать у него подозрение, что Ганнибал, подкупленный ими, переменил образ мыслей, то усилия их не пропали даром[3]. Ганнибал узнал об этом, а также заметил, что его не допускают на секретные совещания. И вот однажды пришел он к царю и, обстоятельно напомнив ему о своей верности и ненависти к римлянам, прибавил следующее: «Когда я еще был ребенком не старше девяти лет, отец мой Гамилькар, отправляясь из Карфагена в Испанию командовать войском, принес жертвы Юпитеру Всеблагому Величайшему. Во время исполнения этой священной церемонии он спросил меня, хочу ли я поехать с ним на войну. Я с радостью согласился и стал упрашивать, чтобы он непременно взял меня с собою. И тогда отец сказал: «Возьму, если ты дашь мне то обещание, которое я хочу услышать». Тотчас подвел он меня к алтарю, перед которым готовился совер-

---

[1] Непот риторически преувеличивает непобедимость Ганнибала. М. Клавдий Марцелл, пятикратный консул, «меч» Рима, несколько раз одолевал великого полководца в открытом бою: в конце 216 и в 215 гг. – под Нолой, в 210 г. – под Нумистроном.

[2] Филипп V Македонский в 215 г. заключил с Ганнибалом союзный договор, коим обязывался оказывать карфагенянам помощь. Причиной тому послужила встречная агрессия Рима и Македонии в иллирийские области Адриатического моря. Во время 1-ой Македонской войны (215-205 гг.) римляне не допустили появления македонских войск в Италии: военные действии шли сначала на западных берегах Балканского полуострова, а в 211 г. римляне вступили в союз с противниками Филиппа в Греции (Этолия, Спарта, Элида, Мессения, к которым присоединился пергамский царь Аттал), навязав своему противнику «домашнюю» войну. Мир с Македонией был заключен накануне похода Сципиона в Африку, но сразу же по окончании Ганнибаловой войны римляне высадили свои легионы на Балканском полуострове, развязав 2-ю Македонскую войну (200-197 гг.). Она велась под лозунгом освобождения Эллады от Македонской гегемонии. Сирийский царь Антиох, союзник Филиппа, воздержался от помощи своему партнеру.

[3] Одержав победу над Филиппом, Рим распространил требование свободы на малоазийские греческие города, подчинявшиеся Антиоху. Во второй половине 90-х годов происходил интенсивный обмен посольствами между Римом и Сирией, назревал конфликт. В 192 г. на переговоры с Антиохом отправились П. Сульпиций Гальба и П. Виллий Таппул, воевавшие в 200-199 гг. с Филиппом; к их миссии присоединился Сципион Африканский. В Эфесе Виллий и Сципион дружески встречались с Ганнибалом, по слухам – намеренно компрометируя его перед царем.

шить священнодействие, и, удалив всех людей, приказал мне коснуться жертвенника и поклясться, что я никогда не вступлю в дружбу с римлянами. Эту клятву, данную отцу, я хранил до сегодняшнего дня столь ревностно, что никто не вправе усомниться в постоянстве моих мыслей на склоне дней. Так что, если ты задумаешь оказать римлянам какую-нибудь дружескую услугу, то правильно сделаешь, если скроешь это от меня; если же соберешься воевать с ними, то обманешь самого себя, не поставив меня во главе этого дела».

3. Итак, в указанном мною возрасте Ганнибал отправился с отцом в Испанию, а после смерти родителя, в то время как Гасдрубал занял место вождя, стал командовать всей конницей. Когда же погиб и Гасдрубал, войско вручило верховную власть Ганнибалу. По извещении об этом Карфагена назначение было утверждено официально[1]. Так он стал главнокомандующим, не достигнув еще 25 лет, и в ближайшие 3 года покорил оружием все испанские племена, взял штурмом союзный нам город Сагунт[2] и снарядил 3 большие армии. Одну из них он отослал в Африку, другую оставил под началом брата Гасдрубала в Испании, а третью повел за собой в Италию. Перевалив через ущелья Пиренеев, везде по пути следования сражался он с туземцами, неизменно уходя от них победителем. Наконец, он добрался до Альп, отделяющих Италию от Галлии – до тех самых гор, которые никто до него не переходил с войском, кроме грека Геркулеса; по этой причине они и сегодня называются Греческим ущельем[3]. Альпийских жителей, пытавшихся помешать переходу, он перебил, окрестности обезопасил, дороги расчистил и добился того, что слон в боевом снаряжении мог пройти там, где прежде едва карабкался один безоружный человек. Этим путем он провел войско через горы и вторгся в Италию.

4. Еще у Родана он сражался с консулом П. Корнелием Сципионом, нанеся ему поражение. С ним же столкнулся он под Кластидием на Паде, и тот вышел из боя раненым и разбитым. В третий раз все тот же Сципион вместе с товарищем Тиберием Лонгом выступил против него при Требии. Ганнибал дал им

---

[1] Сыновья Барки (Ганнибал, Гасдрубал и Магон) после смерти отца были отправлены из военного лагеря в Карфаген. Через 5 лет Ганнибал вернулся в Испанию и 3 года служил под началом своего родича (до гибели Гасдрубала в 221 г.).

[2] Сагунт – греческая колония, состоявшая в союзе с Римом; к концу III в. до н.э. большинство населения ее уже составляли иберы. О местонахождении Сагунта на северном или южном берегу Эбро до сих пор идут споры. Скорее всего, город стоял на правом берегу, в зоне карфагенских владений. Сагунт был разрушен Ганнибалом в 219 г., римское посольство, явившееся по этому поводу в Карфаген, объявило пунам войну весной 218 г.

[3] Геркулес – греческий герой Геракл. Один из мифических подвигов Геракла — похищение коров Гериона с острова Эрифеи, лежащего в Западных водах мирового Океана. По преданию, на обратном пути Геракл переправился через Пиренеи и Альпы и пересек Италию. Определение альпийского пути Ганнибала – вопрос спорный. Большинство исследователей высказываются в пользу Малого Сен-Бернара или Мон-Сени.

сражение и разбил обоих[1]. Затем перевалил через Апеннины в области лигуров, направляясь в Этрурию. Во время этого пути он перенес такую тяжелую глазную болезнь, что впоследствии всегда плохо видел правым глазом[2]. Еще страдая этим недугом и передвигаясь на носилках, он истребил при Тразименском озере окруженного и пойманного в засаду консула Г. Фламиния, а немного времени спустя – претора Г. Центения, стоявшего на горах с отборным войском. После этого он перешел в Апулию, и там навстречу ему выступили два консула – Г. Теренций и Л. Эмилий. В одном сражении Ганнибал разбил обе армии, погубив консула Павла и еще несколько консуляров, в числе которых был Гн. Сервилий Гемин, консул прошлого года[3].

5. После этого сражения он двинулся на Рим, не встречая сопротивления, и остановился на ближайших от города холмах. Простояв здесь лагерем несколько дней, он двинулся назад в Капую, а римский диктатор Кв. Фабий Максим преградил ему путь в Фалернской области[4]. Запертый в узком месте, Ганнибал обманул хитроумнейшего полководца Фабия, выбравшись ночью из западни с целым и невредимым войском: в ночном мраке он зажег хворост, привязанный к рогам телят, и погнал такое необычное беспорядочное полчище на врага. Когда это зрелище внезапно открылось перед римлянами, войско их охватил такой страх, что никто не осмелился выступить за пределы лагерного вала. Спустя несколько дней после этого подвига, он хитростью вызвал на бой М. Минуция Руфа, начальника конницы с полномочиями диктатора и, сразившись, обратил его в бегство[5]. В Лукании он погубил, хотя и не присутствуя при

---

[1] О боях на Роне и в долине Пада.

[2] Две консульские армии преграждали Ганнибалу обе главные дороги от северных Апеннин в Среднюю Италию: Фламиниеву, шедшую на Аримин, прикрывал консул Гн. Сервилий; Кассиеву, проложенную к этрусскому городу Арецию, контролировал Гай Фламиний. Карфагенский полководец обошел все заслоны, проведя свое войско через почти непроходимые болота Лигурии.

[3] Пропретор Гай Центенний был послан на помощь Фламинию консулом Сервилием; весь его отря в 4 тыс. всадников погиб или попал в плен. Непот очень кратко говорит о двух катастрофических
поражениях римской армии: при Тразименском озере в 217 г. и при Каннах в 216 г. Легионы, сражавшиеся при Каннах, возглавляли консулы Г. Теренций Варрон и Л. Эмилий Павел. Варрон – инициатор сражения – покинул поле боя в критический момент и спасся; Павел – противник битвы – разделил участь своей армии.

[4] В этом месте у Непота наблюдается полное смешение фактов: события в Фалернской области происходили в 217 г., осада римлянами Капуи, отпавшей к Ганнибалу, и поход карфагенского полководца на Рим – в 212 г.

[5] В случае чрезвычайной опасности римляне вручали верховную власть диктатору – полководцу с чрезвычайными полномочиями, избираемому на 6 месяцев. Помощник диктатора носил звание начальника конницы. М. Минуций Руф, начальник конницы диктатора Фабия, недовольный медлительной тактикой своего командира, порицал его в лагере и в Риме. Демократические вожди, друзья Минуция, добились того, что Народное Собрание уравняло в правах диктатора и его помощника. Неудачная вылазка Минуция была

этом лично, двукратного консула Тиб. Семпрония Гракха, заманенного в засаду. Таким же образом уничтожил он под Венузией пятикратного консула М. Клавдия Марцелла[1]. Долго пришлось бы перечислять все его битвы. Поэтому достаточно указать на одно обстоятельство, дающее представление о том, каким полководцем был Ганнибал: за все время пребывания его в Италии никто не мог противостоять ему в битве, а после сражения при Каннах никто не разбивал против него лагеря в открытом поле[2].

6. Непобедимый в Италии, он был отозван домой на защиту родины и стал воевать с П. Сципионом, сыном того Сципиона, которого он разбил сначала у Родана, потом у Пада, а в третий раз – при Требии[3]. С этим противником он очень хотел замириться на то время, пока средства отечества истощены, чтобы с новыми силами продолжить борьбу в дальнейшем. Полководцы вступили в переговоры, но не сошлись в условиях. Через несколько дней после этой встречи Ганнибал сразился со Сципионом при Заме, был – во что трудно поверить – разбит и через двое суток добрался до Гадрумета, расположенного примерно в 300 милях от Замы. Во время этого бегства нумидийцы, покинувшие поле боя вместе с ним, устроили на него покушение, но он не только избежал их козней, но и уничтожил их самих. В Гадрумете Ганнибал собрал остальных беглецов и, проведя новые наборы, за несколько дней стянул большие силы.

7. Пока он усиленно готовился к войне, карфагеняне замирились с римлянами. Тем не менее, он и после этого командовал армией и вел военные действия в Африке так же, как и брат его Магон — вплоть до консульства П. Сульпиция и Г. Аврелия. При этих консулах прибыли в Рим карфагенские послы, чтобы поблагодарить сенат и римский народ за дарованный мир, поднести им по этому случаю золотой венок и заодно попросить, чтобы заложников их разместили во Фрегеллах, а пленников – возвратили назад. По сенатскому постановлению им был дан такой ответ: дар их с удовлетворением принимается; заложники будут поселены там, где они просят; пленников назад не отпустят, поскольку величайший враг римского народа Ганнибал, по чьему почину началась война, до сих пор облечен у них высшей властью и командует армией – так же, как и брат его Магон. Когда этот ответ стал известен в Карфагене, Ган-

---

последним провалом агрессивной тактики командиров-демократов (ей предшествовал печальный опыт Фламиния и Варрона).

[1] Тиберий Семпроний Гракх, один из ведущих римских военачальников 2-ой Пунической войны, был консулом в 215 и 213 г., проконсулом в 214 и 212 г. – в год своей гибели. Пятикратный консул Марцелл погиб в засаде в 208 г.

[2] См. прим. 1.

[3] П. Корнелий Сципион, сын консула 218 г., завоеватель Испании, консул 205 г., добился сенатского постановления об отправке римской армии в Африку. Ганнибал покинул Италию осенью 203 г., когда войско Сципиона осадило Карфаген. В следующем году произошло решающее сражение при Заме.

нибала и Магона отозвали домой[1]. По возвращении Ганнибал был избран царем – после того, как 22 года имел чин главнокомандующего. Дело в том, что как в Риме выбирают консулов, так и в Карфагене ежегодно избираются два годовых царя[2]. Должность эту Ганнибал исполнял так же добросовестно, как раньше командовал на войне. Введя новые налоги, он добился того, что денег хватало не только на выплаты римлянам по договору, но оставался излишек, вносимый в казну. Затем в консульство Марка Клавдия и Луция Фурия прибыли послы из Рима в Карфаген. Ганнибал, решивший, что они направлены требовать его выдачи, не дожидаясь их приема в сенате, тайно сел на корабль и бежал к Антиоху в Сирию. Когда это дело открылось, пуны послали два корабля, чтобы по возможности догнать его и схватить; имущество его конфисковали, дом разрушили до основания, а самого объявили изгнанником[3].

8. Ганнибал же на 4-м году бегства из дома пристал с пятью кораблями к Африке в области киренейцев, дабы разведать, нельзя ли подбить карфагенян на войну с Римом, обольстив их надеждами и дерзостью Антиоха, которого он уже склонил на вторжение в Италию. Сюда же он вызвал брата Магона[4]. Когда пуны узнали об этом, то заочно приговорили Магона к такому же наказанию, что и брата. Обнаружив, что дело плохо, оба подняли якоря и паруса и ушли в море. Ганнибал возвратился к Антиоху, о конце же Магона существует двоякий рассказ: одни писатели сообщают, что он погиб в кораблекрушении, другие – что его убили собственные рабы. Что до Антиоха, то если бы он предпочел вести войну по советам Ганнибала, как это он делал вначале, то ему довелось бы

---

[1] В начале 7 гл. у Непота – целая вереница ложных сведений. Во-первых, после поражения при Заме Ганнибал был самым горячим сторонником мира; во время одного «митинга» он даже стащил с трибуны оратора военной партии. Во-вторых, в 200 г. при консулах Сульпиции и Аврелии римляне отправили в Карфаген посольство с жалобами на карфагенского офицера Гамилькара, оставшегося в Италии и возглавившего враждебных Риму северных галлов. В-третьих, Магон, младший брат Ганнибала, сражавшийся в 205-203 гг. на севере Италии, умер в 203 г. на пути в Африку. Наконец, сразу после подписания мирного договора сенат безвозмездно отпустил домой 200 знатных пунийских пленников.

[2] Имеется в виду верховная магистратура Карфагена – должность двух годовых «судей»-суффетов, напоминавших римских консулов. Ганнибал исполнял ее в 196 г. и прославился блестящей реформой карфагенских финансов.

[3] Непот датирует бегство Ганнибала 196 г. (по консулам М. Клавдию Марцеллу и Л. Фурию Пурпуриону). На самом деле, римское посольство появилось в Африке в 195 г., когда консулом в Риме был Катон, прославившийся впоследствии своими упорными призывами разрушить Карфаген. Примечательно, что два римских легата из трех – Марк Марцелл (сын знаменитого полководца) и Теренций Куллеон могут быть причислены к катоновской группировке.

[4] Сведения о визите Ганнибала в Африку крайне сомнительны, тем более что в них опять мелькает имя давно умершего Магона. Существует более достоверный рассказ (у Ливия, Аппиана и Юстина) об агенте Ганнибала, тирийце Аристоне, засланном в Карфаген от двора Антиоха для организации партии Баркидов. Миссия Аристона провалилась, после чего сирийский царь охладел к великим проектам своего гостя.

сразиться за мировое господство при Тибре, а не при Фермопилах. Ганнибал же, часто наблюдая неразумные предприятия царя, ни разу от него не отступился. Командуя небольшой эскадрой, которую ему приказали перевести из Сирии в Азию, он повел ее в бой у берегов Памфилии против родосского флота. И хотя в этом сражении превосходящие силы противника одолевали его корабли, сам он одержал победу на том фланге, которым командовал[1].

9. После того как Антиох обратился вспять[2], Ганнибал, страшась быть выданным врагу, что и случилось бы, если бы он не остерегся, удалился в Гортиний на Крите, дабы поразмыслить там, куда деваться дальше. Тут этот самый хитрый человек на свете заметил, что угодит в большую беду из-за алчности критян, если не придумает какой-нибудь выход. Дело в том, что он привез с собой большие богатства и знал, что слух о них уже распространился. Тогда он придумал такой способ: взял множество амфор и наполнил их свинцом, присыпав сверху золотом и серебром. Эти сосуды в присутствии знатнейших граждан он поместил в храме Дианы, притворись, будто вверяет свое состояние честности критян. Введя их в заблуждение, все свои деньги засыпал он в медные статуи, что привез с собою, и бросил эти фигуры во дворе дома. И вот критяне с великим рвением охраняют храм не столько от чужаков, сколько от Ганнибала, опасаясь, чтобы он без их ведома не извлек сокровища и не увез их с собой.

10. Сохранив таким образом свое достояние и обманув всех критян, пуниец явился в Понт, к Прузию[3]. У него он вынашивал все те же планы против Италии и добился даже того, что настроил и вооружил царя против римлян. Когда же убедился, что тот недостаточно силен сам по себе, то склонил на его сторону других царей и привлек воинственные племена. Но царь пергамский Эвмен, преданнейший друг римлян, выступил против Прузия, так что между ними шла война на суше и на море, и в то время, как Ганнибал горячо желал разгромить Эвмена, тот, благодаря поддержке римлян, имел успех на обоих фронтах. Полагая, что устранение Эвмена облегчит исполнение всех прочих его замыслов, Ганнибал надумал погубить его следующим способом: через несколько дней им предстояло сразиться на море. Противник имел численное превосходство, и потому, уступая в силе, Ганнибал должен был бороться с по-

---

[1] Потерпев поражение в Греции при Фермопилах (191 г.), Антиох готовился предотвратить переправу римской армии на азиатский берег. С этой целью он вызвал на запад финикийскую эскадру, вверенную Ганнибалу (190 г.).

[2] О поражении Антиоха при Магнезии осенью 190 г.

[3] Ошибка Непота: Прузий был царем Вифинии (царство на севере Малой Азии). В 80-х гг. II в. он воевал с пергамским царем Эвменом II (197-159 гг.), верным союзником Рима, получившим после Сирийской войны многие внутренние области Малой Азии и протекторат над греческими городами побережья. Сообщение Непота о том, что Прузий готовился к войне с Римом, неправдоподобно.

мощью хитрости. И вот он приказал раздобыть как можно больше живых ядовитых змей и велел поместить их в глиняные горшки. Собрав великое множество этих гадов, созвал он в самый день предстоящей битвы матросов и дал им наказ общими силами напасть на одно единственное судно – корабль царя Эвмена, ограничившись в отношении прочих лишь обороной; это, мол, им легко удастся сделать с помощью скопища гадов, сам же он позаботится известить их, на каком корабле находится царь. И он обещал им щедрую награду на случай, если они убьют царя или захватят его в плен.

11. После этого обращения к воинам тот и другой флот вышли на боевую позицию. Когда обе эскадры построились, но не был дан еще сигнал к бою, Ганнибал выслал вперед гонца с жезлом, дабы открыть своим людям местонахождение Эвмена. Подплыв к судам противника, посол предъявил письмо и заявил, что должен вручить его царю. Поскольку никто не усомнился, что в послании содержатся какие-то мирные предложения, его тотчас доставили к царю, а он, обнаружив для своих корабль командующего, возвратился туда, откуда прибыл. Эвмен же, вскрыв письмо, не нашел в нем ничего, кроме оскорблений. Изумляясь и недоумевая о цели такого посольства, он все же не замедлил тотчас начать бой. При столкновении противников вифинцы, следуя наказу Ганнибала, дружно атаковали судно Эвмена. Оказавшись не в состоянии выдержать их натиск, тот стал искать спасения в бегстве, и не нашел бы его, если бы не укрылся в одной из своих укрепленных гаваней, которые были расположены на ближайшем берегу. Остальные пергамские корабли все ожесточеннее теснили противника, как вдруг на них посыпались глиняные горшки, о которых я упомянул выше. Эти метательные снаряды сначала вызвали у бойцов смех, поскольку невозможно было понять, что все это означает. Когда же они увидели, что суда их кишат змеями, то пришли в ужас от нового оружия и, не зная от чего спасаться в первую очередь, пустились в бегство и возвратились на свои стоянки. Так Ганнибал хитроумно одолел пергамскую рать. И не только в этом бою, но и во многих других уже сухопутных сражениях побеждал он неприятеля с помощью таких же уловок.

12. Пока эти события происходили в Азии, случилось так, что в Риме послы Прузия обедали у консуляра Т. Квинкция Фламинина, и когда за столом был упомянут Ганнибал, один из них сказал, что тот находится во владениях Прузия. На следующий день Фламинин доложил об этом сенату. Отцы-сенаторы, считавшие, что не будет им покоя, пока жив Ганнибал, отправили в Вифинию легатов, среди которых был и Фламиний, с наказом требовать от царя, чтобы он не держал при себе злейшего врага Рима, но выдал его послам[1].

[1] Легаты, требовавшие выдачи Ганнибала: сам Т. Квинкций Фламинин – победитель Филиппа V, эксперт римской политики на востоке в течение многих лет; Л. Сципион –

Прузий не посмел отказать гостям и уперся лишь на том, что послы не должны требовать, чтобы он выдал Ганнибала лично, поскольку это нарушило бы долг гостеприимства. Пусть, мол, они сами ловят его, как могут, а местонахождение его будет найти легко. В самом деле Ганнибал всегда пребывал в одном месте – в крепости, данной ему царем в подарок. Замок этот он отстроил таким образом, чтобы со всех сторон здания имелись выходы, которые, как он опасался, ему пригодятся. Так оно и случилось. Когда римские послы явились туда и окружили дом большим отрядом, мальчик-слуга, заметив их от порога, сообщил Ганнибалу, что появилось необычно много вооруженных людей. Тот приказал ему обойти кругом все двери и спешно доложить, со всех ли сторон одинаково обложено здание. Мальчик быстро донес ему, как обстоит дело, удостоверя, что все выходы заняты, и тогда Ганнибал понял, что это сделано не случайно, что охотятся за ним и что жить ему дольше нельзя. Не желая, чтобы чужие люди решали его судьбу, верный прежней своей доблести, он принял яд, который привык всегда держать при себе.

13. Так, на 70-м году жизни, после долгих и многих трудов, упокоился этот доблестнейший человек. При каких консулах он скончался – неясно. Например, Аттик в своих Анналах сообщает, что он умер в консульство М. Клавдия Марцелла и Кв. Фабия Лабеона, Полибий говорит о Л. Эмилии Павле и Гн. Бебии Тамфиле, а Сульпиций Блитон называет П. Корнелия Цетега и М. Бебия Тамфила[1]. Добавим, что этот великий муж, обремененный великими военными предприятиями, не жалел времени на ученые занятия, ибо после него осталось несколько сочинений на греческом языке, в том числе книга к родосцам о деяниях Гн. Манлия Вольсона в Азии[2].

Многие историки описывали его войны, но среди них есть два автора, Силен и Сосил Лакедемонянин, которые сопровождали его в походах и жили вместе с ним, пока это угодно было судьбе. Тот же Сосил служил Ганнибалу и как учитель греческой словесности.

победитель Антиоха, брат Сципиона Африканского; П. Сципион Назика – двоюродный брат Сципиона Африканского. Несмотря на это скопление родственных имен, в римской традиции существовала версия о Сципионе Африканском – противнике травли Ганнибала. Также Плутарх резко противопоставлял мелочную мстительность Фламинина великодушию Сципиона, мягко обходившегося со своим побежденным врагом. Было ли предъявлено Антиоху требование о выдаче Ганнибала после битвы при Магнезии – вопрос спорный.

[1] Непот называет 183, 182 и 181 гг. Скорее всего, Сципион и Ганнибал умерли в один год – в 183 г. до н.э.

[2] Гн. Манлий Вольсон – консул 189 г., подписавший мирный договор с Антиохом. По собственному почину предпринял поход против малоазийских галатов, грабивших греческие города. Армия Вольсона в свою очередь прославилась мародерством и количеством вывезенной из Азии добычи.

Но пора уже мне кончить эту книгу и поведать о подвигах римских полководцев, чтобы читатель, сравнив деяния иноземных и своих вождей, легче решил, кому отдать предпочтение.

3.5. Начало Второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.) (Аппиан, «Римская история, «Война с Ганнибалом», I, 1-3)

I. 1. В этом сочинении излагается, что карфагенянин Ганнибал, вторгшись из Иберии в Италию, испытал от римлян в течение шестнадцати лет, которые он там непрерывно воевал, пока карфагеняне, подвергаясь опасности в своем собственном городе, не призвали его в свои владения, а римляне не изгнали его. Какая же у Ганнибала была истинная причина вторжения и какой внешний предлог, в высшей степени точно показано в Иберийском сочинении; однако я опишу это и здесь для напоминания.

2. Гамилькар, который был прозван Баркой, отец этого Ганнибала, был начальником войск карфагенян в Сицилии, когда римляне и карфагеняне сражались друг с другом из-за этого острова[1]. Ввиду распространившегося мнения, что он плохо вел дела, он подвергался преследованиям со стороны врагов и, боясь исхода суда, устроил так, что до сдачи отчета о своих действиях он был выбран полководцем против номадов. Оказавшись же полезным в этой войне и ублаготворив войско грабежами и подарками, он повел его без разрешения общины карфагенян к Гадейрам и переправился через пролив в Иберию[2], откуда он стал посылать богатую добычу в Карфаген, ублаготворяя народ, чтобы, если возможно, он не сердился на него за командование в Сицилии, а так как он приобрел большую область, слава его была велика, и он внушил карфагенянам желание овладеть всей Иберией, как будто это было легким делом. Закинфяне[3] же и все другие эллины, бывшие в Иберии, прибегают к помощи римлян, и карфагенянам определена граница их владений в Иберии: они не должны переходить реки Ибера; и это было вписано в договор между римлянами и карфагенянами[4]. После же этого, организовав находящуюся под властью карфагенян Иберию, Барка гибнет, пав в каком-то сражении[5], и полководцем после него становится Гасдрубал, зять Барки. Последнего на охоте убивает[6] какой-то слуга[7], господина которого Гасдрубал казнил.

---

[1] В Первую Пуническую войну, в 246-241 гг. до н.э.
[2] В 237 г. до н.э.
[3] Сатунтинцы.
[4] Ср. у Полибия.
[5] При осаде Гелики в 229/228 г. до н.э.
[6] В 221 г. до н.э.
[7] Кельтский раб.

3.8 Третьим после них полководцем в борьбе с иберами провозглашается войском вот этот Ганнибал, считавшийся воинственным и опытным в военных делах; он был сыном Барки и братом жены Гасдрубала; он был очень юным и еще как подросток постоянно находился при отце и зяте. И народ карфагенян постановил вручить ему командование[1]. Таким образом, Ганнибал, о котором я пишу дальше, становится полководцем карфагенян в области иберов; когда же враги Барки и Гасдрубала стали преследовать их друзей и презирали этого Ганнибала, как еще слишком молодого, Ганнибал, полагая, что это начало похода против него, и считая, что лично он будет в безопасности, если его отечество будет испытывать страх, стал приходить к мысли ввергнуть их в какую-либо великую войну. Он предполагал, как это и оказалось на деле, что война между римлянами и карфагенянами будет длительной, ему же принесет великую славу сама попытка, даже если бы случилось, что он потерпит в ней неудачу; говорили, что когда он был еще мальчиком, отец заставил его поклясться у алтарей, что он никогда не перестанет вредить римлянам. Ввиду всего этого он задумал в нарушение договора перейти Ибер, и для того, чтобы иметь предлог, он подговорил некоторых выступить обвинением против закинфян[2]. Написав об этом тотчас же в Карфаген и прибавив, что римляне тайком возбуждают Иберию к отпадению от них, он получил от карфагенян разрешение действовать, как он найдет нужным. И вот, перейдя Ибер, он до основания разрушил город закинфян, вследствие чего был нарушен договор между римлянами и карфагенянами, заключенный ими после войны в Сицилии.

3.6. Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 33, 34)

Все народы и цари со вниманием следили за борьбой двух сильнейших народов мира. Особенно интересовался ею царь Македонии Филипп[3] вследствие близкого соседства с Италией, отделенной от него одним проливом. Как только он узнал, что Ганнибал перешел Альпы, и с удовольствием услыхал о войне, загоревшейся между римлянами и карфагенянами, но не зная сил обеих сторон, еще колебался, которой пожелать победы. Между тем уже в третьей битве победа благоприятствовала карфагенянам, а потому Филипп также скло-

[1] Тотчас же после смерти Гасдрубала, т.е. в 221 г. до н.э.
[2] Сагунтинцев; 219 г. до н.э.
[3] Филипп V, царь Македонии, в течение многих лет вел борьбу с Римом. Во время второй пунической войны стал на сторону Карфагена.

нился на ту сторону, куда и счастие, и отправил послов к Ганнибалу. Они старались как можно дальше держаться от пристаней Брундизийской и Тарентинской[1], где стояли сторожевые суда римлян, и вышли на берег у храма Юноны Лацинской[2]. Оттуда они через Апулию отправились в Капую, но дорогой попали в середину неприятельских разъездов и были отведены к претору римскому М. Валерию Левину, стоявшему лагерем около Луцерии[3]. Здесь Ксенофан, старший посол, смело солгал перед претором, будто его послал царь Филипп для заключения дружественного союза с римским народом и что он имеет от царя поручения к сенату и народу римскому. Претор весьма обрадовался, что при измене прежних союзников[4] нашелся новый и столь знаменитый, обласкал послов и врагов принял ва дорогих гостей... Он дал им проводников, тщательно и подробно указал им дорогу и все места как занятые римскими войсками, так и находившиеся во власти карфагенян. Ксенофан благополучно пробрался через римские посты по Кампании, а оттуда прямо отправился в лагерь Ганнибала и заключил с ним дружественный союз на следующих условиях: «царь Филипп со всеми морскими силами, какие только может собрать (он мог, как полагали, выставить до 200 судов), должен двинуться к Италии и опустошать ее берега. Он должен всеми силами сражаться с римлянами на суше и на море. По окончании войны Италия вся, вместе с Римом, достанется карфагенянам, а всю военную добычу Филипп уступает Ганнибалу. Когда Италия будет завоевана, то Ганнибал перейдет в Грецию и будет вести для Филиппа войну со всеми народами, с кем он пожелает, и все прилежащие к владениям Филиппа в Македонии земли как на материке, так и на островах должны принадлежать ему, Филиппу». Таковы условия, на которых был заключен союзный договор между вождем карфагенским и послами царя македонского.

3.7. Условия мира с Филиппом Македонским (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 30, 32)

Мир с Филиппом заключен был на следующих условиях: все греческие государства, находившиеся в Европе и Азии, должны быть свободны и пользоваться своими законами; из тех государств, которые были под властью Филиппа, он должен вывести свои гарнизоны и передать их римлянам свободными до

[1] Брундизий и Тарент – портовые города Южной Италии.
[2] Юнона, согласно римской мифологии, – дочь Сатурна и Реи, жена и сестра Юпитера. Юнона Лацинская почиталась римлянами в качестве покровительницы брака.
[3] Луцерия – город в северо-западной части Апулии.
[4] Имеется в виду переход кампанских городов, и в первую очередь Капуи, на сторону Ганнибала.

наступления истмийских игр[1]; должен вывести гарнизоны также и из городов, находящихся в Азии: Еврома, Педас, Баргилий, Яса, Мирины, Абида, Фаса и Перинфа; их также решено было сделать свободными; о решении сената относительно свободы Клианов Квинкций[2] должен написать царю дофинскому в Прусу. Затем, Филипп должен был возвратить римлянам пленных и перебежчиков, выдать все крытые корабли, кроме пяти и одного царского, почти негодного к употреблению по своей величине, так как его приводили в движение 16 рядов весел; не держать вооруженными более 5000 воинов и ни одного слона; не вести войн за пределами Македонии без разрешения сената; уплатить римскому народу 1000 талантов, половину – теперь, а половину – по частям в продолжение 10 лет. Историк Валерий Анциат[3] передает, что на царя была наложена дань по 4000 фунтов серебра в течение 10 лет; Клавдий[4] – в течение 30 лет по 4200 фунтов, а немедленно теперь же 20 000 фунтов; по его же свидетельству, особо было прибавлено, чтобы Филипп не вел войну с пергамским царем Евменом, сыном Аттала – он в то время только что вступил на престол. В обеспечение этого были взяты заложники, в числе их Деметрий, сын Филиппа. Валерий Анциат прибавляет, что Атталу[5] заочно были подарены остров Эгиида и слоны, родосцам – Стратоникея и другие города Карии, которыми владел Филипп; афинянам отданы острова Лемнос, Имброс, Делос и Скирос.

3.8. Превращение Греции в римскую провинцию (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 31)

Все греческие государства одобряли этот мир, протестовали только италийцы. Это, говорили они, пустое писание, скрашенное призраком свободы; почему иные города передаются римлянам и не поименовываются, другие поименовываются и делаются свободными без передачи, как не потому, что освобождаются азиатские города, более безопасные по самой отдаленности, греческие же города, не будучи даже поименованы, захватываются, как Коринф, Халкида, Орей, Эретрия и Деметриада. Обвинение было не совсем неоснова-

[1] Истмийские игры - всенародные греческие празднества, происходившие на Истме (Коринфском перешейке).
[2] Квинкций – Тит Квинкций Фламинин, консул 198 г. до н.э., командовал римскими войсками во второй Македонской войне.
[3] Валерий Анциат – римский анналист. Жил во II в до н.э. Его произведения использовал Тит Ливий при написании своего труда.
[4] Квинт Клавдий Квадригарий – младший анналист.
[5] Царь Пергама Аталл I. Ахейский союз и Родос выступили на стороне Рима против Македонии во время второй Македонской войны, за что после победы Рима при Кеноскефалах получили часть владений Македонии.

тельно, ибо было сомнение относительно Коринфа, Халкиды и Деметриады, прочие же города Греции и Азии освобождались без всякого сомнения, а относительно этих трех городов приказано было уполномоченным постановить и полезное для государства, и согласное с их добросовестностью решение, какого потребуют политические обстоятельства. Причина тому заключалась в сирийском царе Антиохе, который, несомненно, переправится в Европу, как только признает свои силы достаточными; ему-то они и не желали оставлять такие удобные города, чтобы он свободно мог занять их. Квинкций с 10 уполномоченными отправимся из Елатми в Антикиру, а оттуда переправился в Коринф. Там почти целые дни шли совещания в присутствии 10 уполномоченных о свободе Греции. Квинкций неоднократно повторял, что нужно освободить всю Грецию, если хотят связать языки италийцам, если хотят всем внушить любовь и уважение к римскому имени, если хотят уверить, что римляне переплыли моря для освобождения Греции, а не для того, чтобы отнять власть у Филиппа и взять себе. Другие ничего не возражали относительно свободы городов, однако заявляли, что для них самих было бы безопаснее некоторое время оставаться под охраною римлян, чем взять в повелители Антиоха вместо Филиппа. Наконец, было решено так: передать Коринф ахеянам, с тем, однако, чтобы в его акрополе оставался римский гарнизон; Халкиду и Деметриаду удержать, пока не исчезнет опасность со стороны Антиоха.

Наступало обычное время празднования истмийских игр... В ту пору стекались со всех сторон не только из-за обычных дел, но и потому, что напряженно ожидали узнать, каково будет далее положение Греции, какова будет судьба каждого государства, в частности; не только втихомолку, но и открыто в своих беседах высказывали предположения о том, как поступят римляне; но едва ли кто-нибудь был убежден, что они совсем уйдут из Греции. Заняли места для того, чтобы смотреть на зрелище; глашатай с трубачом, по обычаю, выступили на середину арены, откуда обыкновенно объявлялось празднество торжественной формулой, и, водворив трубой молчание, глашатай произнес следующее:

«Римский сенат и главнокомандующий Т. Квинкций, победив царя Филиппа и македонян, приказывают, чтобы были свободны, не платили податей, имели свои законы все коринфяне, фокейцы, локрийцы, остров Эвбея, магнеты, фессалийцы, перребы и фтиотийские ахеяне». Он перечислил все племена, которые были под властью Филиппа. Когда выслушаны были слова глашатая, наступила большая радость, чем какая вообще доступна людям; каждый едва верил тому, что слышал; все с изумлением смотрели друг на друга, точно при виде призрака во сне; каждый спрашивал ближайших о том, что касается его, не веря своим ушам. Глашатай снова был позван, так как каждый желал не только

слышать, но и видеть вестника своей свободы; и он снова сказал то же самое. Затем, когда радость была уже несомненна, начались громкие рукоплескания, сопровождавшиеся криками, и много раз были повторены; таким образом было вполне очевидно, что для народа из всех благ нет ничего приятнее свободы. Затем игры были окончены весьма быстро; зрелище не привлекало ни внимания, ни взоров зрителей: до такой степени одна радость заглушила восприимчивость ко всем другим удовольствиям.

3.9. Причины Третьей Пунической войны (149-146 гг. до н.э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Катон Старший», 26-27)

Последним из деяний [Катона] на государственном поприще считают разрушение Карфагена. На деле его стер с лица земли Сципион Младший, но войну римляне начали прежде всего по советам и настояниям Катона, и вот что оказалось поводом к ее началу. Карфагеняне и нумидийский царь Масинисса воевали, и Катои был отправлен в Африку, чтобы исследовать причины этого раздора. Дело в том, что Масинисса всегда был другом римского народа, карфагеняне же, расставшись после поражения, которое им нанес Сципион, со своим владычеством, обремененные тяжелой данью, ослабевшие и униженные, стали союзниками Рима. Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что, если римляне не захватят город, исстари им враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случаи, под видом исправного выполнения условий мирного договора готовятся к войне.

Говорят, что, закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы подивились их размерам в красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он призывал к насилию и более открыто; высказывая свое суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: «Кажется мне, что Карфаген, не должен существовать». Напротив,

Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: «Мне кажется, что Карфаген должен существовать». Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, – замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздою, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозу, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами, говорят, Катон достиг своей цели: третья и последняя Пуническая война была объявлена. Он умер в самом начале военных действий, предсказав, кому суждено завершить войну; человек этот был тогда еще молод и, занимая должность военного трибуна, обнаруживал в сражениях рассудительность и отвагу. Его подвиги стали известны в Риме, и Катон, услышав о них, сказал: «Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».

И Сципион скоро подкрепил его слова своими делами.

3.10. Разделение управления между принцепсом и Сенатом (Дион Кассий, «Римская история», III, 12, 13)

Он закрепил следующим образом свое руководящее положение по отношению к сенату и народу, но, желая казаться настроенным демократически, он всю заботу и управление всеми делами, требующими какого-либо особого попечения, взял на себя и сказал, что будет управлять не всеми народами, да и теми, которые берет себе, будет править не все время; именно: более покорные, мирные и невоинственные он передал сенату, наоборот, более сильные, ненадежные и опасные и, мало того, имеющие внутри себя враждебные силы или сами по себе способные на мятежные действия, он оставил за собой. На словах он сделал так для того, чтобы сенат мог пользоваться наилучшими плодами управления безопасно, а чтобы все трудности и опасности управления пришлись на его долю, на деле же он сделал так для того, чтобы под этим предлогом сенатские провинции оставались невооруженными и неподготовленными к

военным действиям и чтобы только он один имел в своем распоряжении оружие и подготовлял военные силы. На этом основании были признаны подлежащими управлению народа и сената Африка и Нумидия, Авия и Греция вместе с Эпиром, Далмация и Македония, острова Сицилия и Крит вместе с Ливией, расположенной вокруг Кирены, Вифиния с прилегающим к ней Понтом, остров Сардиния и Бэтика[1]. Управлению же Цезаря подлежали[2] остальная Иберия, области вокруг Тарраковы и Лузитания, все галаты и варбонцы, лугдуны, аквитавы и кельты как сами, так и их колонии; из кельтов также те, которых мы называем германцами и которые, занимая все земли кельтов по течению реки Рейна, привели к тому, что всю эту страну, тянущуюся вверх по реке до самых ее истоков и вниз до самого британского океана, мы называем Германией. Точно так же в ведении Цезаря оказалась Сирия, так называемая Нижняя или Келесирия, Финикия и Киликия, Кипр и все египтяне. Впоследствии, он передал остров Кипр и Галатию, расположенную вокруг Нарбоны, в управление народа, а сам взял себе взамен этого Далмацию. Подобная же замена была произведена впоследствии и в отношении других народов, как это покажет конец изложения. Я так это сказал, потому что теперь каждый народ управляется отдельно, в то время мак прежде во многих случаях народы управлялись по два и по три вместе. Об остальных народах я не упоминаю, потому что некоторые ив них были покорены после того, другие, если и были уже во власти империи, управлялись не римлянами, но были автономными или были даны в управление каким-нибудь царствам, и те из них, которые после того оказались под властью римлян, всегда присоединялись к более сильному.

Так были распределены народы, но, желая отвлечь их от мысли, что он, как Цезарь, помышляет о монархическом образе правления, он ограничил десятью годами управление всеми переданными ему провинциями и обещал за этот срок установить в них прочный порядок и даже смальчишествовал, заявив, что если он укротит их за более короткий срок, то и вернет управление их народу раньше времени. И с этих пор прежде всего он поставил во главе управления самих членов сената у каждого народа, кроме египтян, и только у них одних так называемого всадника[3]. Затем, согласно сказанного мною, он распорядился, чтобш они вое имели полномочия на один год и чтобы они избирались по жребию.

---

[1] В основном все перечисленные выше государства были включены в состав римских провинций во II в. до н.э.

[2] Провинции, которые подлежали управлению Августа, были присоединены недавно, там часто вспыхивали восстания местного населения против гнета римлян.

[3] Египет занимал особое положение среди других провинций: он был личным владением Августа. Префект, который управлял им, назначался обычно из всадников.

3.11. Эдикты Августа из Киренаики

I. [7-6 г. до н.э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз, говорит:

«Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих цене в 2500 денариев или более, проживает всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества, угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания. Поэтому – впредь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киреваикой, если назначат в области Кдрены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян. Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом, если только найдется достаточное количество таких лиц, в 2500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители провинций навначат владеющих половиной, ню никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по раебору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью.

Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребий с именами римлян, из другой – с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть отведет по одному да римлян и из эллинов, обвиняемый же – трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик – римляне, и отдельно, в другой ящик – эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышание то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбудят дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и

Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин».

II. [7-6 гг. до н.э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Сцева за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Люция, Люция Стакция Македонянина, сына Люция и Публия Филорота, вольноотпущенника Публия после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся моего благополучия и государственных дел и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции, они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпустил из-под стражи. Авлу же Стлакцию, которого послы киренцев обвиняли в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор, пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения».

III. [7-6 гг. до н.э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов, отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей. Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей [лишь] по тому имуществу, которое было тогда, [когда было даровано право гражданина], а за все приобретенное после им следует платить установленное».

IV. [7-6 гг. до н.э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киреваике, за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам или же назначить суд присяжных, – по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам в силу моего эдикта будут даваться

судьи-эллины, не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик».

V. Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит: «Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Люция Пассиена в моем присутствии и за моей подписью, касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем живущим в провинциях, какую заботу прилагаем мы – я и сенат – о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

3.12. Внешняя политика Октаивана Августа
(Гай Светоний Транквилл, «Божественный Август, XX-XXV)

20. Из внешних войн только две он вел лично: далматскую – еще юношей, и кантабрийскую – после поражения Антония. В далматской войне он даже был ранен: в одном бою камень попал ему в правое колено, в другом он повредил голень и обе руки при обвале моста. Остальные войны он поручал своим легатам, хотя при некоторых походах в Германии и Паннонии присутствовал сам или находился неподалеку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи. 21. Так, частью под его начальством, частью под его наблюдением покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее – Ретия и альпийские племена винделиков и салассов. Он положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском, оттеснил германцев за Альбий[1], а подчинившихся ему свевов и сигамбров[2] перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна. Другие беспокойные племена он также привел к покорности.

(2) Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных. Он настолько был далек от стремления распространять свою власть или умножать воинскую славу, что некоторых варварских вождей он заставлял в храме Марса Мстителя присягать на верность миру, которого они сами просили; а с некоторых впервые пробовал брать заложниками женщин, так как видел,

---

[1] Альбий – Эльба, ее переходили с войсками Друз в 10 г., Домиций в 3 г. до н.э. и Тиберий в 5 г. н.э., но после поражения Вара в 9 г. н.э. римская граница опять отодвинулась к Рейну.

[2] Свевы – общее название большой группы германских племен; здесь имеется в виду племя убиев (может быть, Suebos вместо Ubios – ошибка в рукописном предании), переселенное Агриппой в 38 г. до н.э. из-за Рейна в окрестности ныне Кѐльна. Сигамбры были переселены Тиберием в 8 г. до н.э. на Маас в наказание за их победу над Лоллием.

что заложниками-мужчинами они не дорожат[1]; впрочем, всем и всегда он возвращал заложников по первому требованию. Всех, кто бунтовал слишком часто или вероломно, он наказывал только тем, что продавал их пленниками в рабство с условием, чтобы рабскую службу они несли вдалеке от родины и освобождение не получали раньше, чем через тридцать лет. (3) Слава о такой достойной его умеренности побудила даже индийцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа. А парфяне по его требованию и уступили ему беспрекословно Армению, и вернули ему знамена[2], отбитые у Марка Красса и Марка Антония, и добровольно предложили заложников[3], и даже царем своим выбрали из нескольких притязателей того, которого одобрил Август.

22. Храм Януса Квирина[4], который от основания города и до его времени был закрыт только раз или два, он за весьма короткое время запирал трижды в знак мира на суше и на море. Два раза он вступал в город с овацией[5] – после филиппийской и после сицилийской войны. Настоящих триумфов он праздновал три – далматский, актийский и александрийский – в течение трех дней подряд[6].

23. Тяжелые и позорные поражения испытал он только дважды, и обо раза в Германии: это были поражения Лоллия и Вара. Первое принесло больше позора[7], чем урона, но второе было почти гибельным: оказались уничтожены три легиона с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. При вести об этом Август приказал расставить по городу караулы во избежание волнений; наместникам провинций он продлил власть, чтобы союзников держали в подчинении люди опытные и привычные; (2) Юпитеру Благому и Величайшему он дал обет устроить великолепные игры, если положение государства улучшится, как делалось когда-то во время войн с кимврами и марсами[8]. И го-

---

[1] Ср.: Тацит. Германия. 8: «Плена германцы боятся гораздо больше для своих женщин, чем для себя, так что общины, принужденные в числе заложников ставить и благородных девушек, строже исполняют свои обязательства».

[2] Знамена были отбиты у Красса при Каррах и у Антония в 35 г. до н.э.

[3] Заложников: отправляя своих родственников заложниками в Рим, парфянский царь Фраат IV не столько выражал свою покорность, сколько избавлял себя от опасных претендентов на престол: это понимал еще Страбон.

[4] Храм Януса Квирина должен был быть открыт во время войны и закрыт во время мира. До Августа он закрывался на 43 года при легендарном Нуме и на несколько дней в 235 г., между Пуническими войнами; при Августе – в 29 и 25 гг. до н.э., третья дата неизвестна.

[5] Овация, «малый триумф», при котором полководец вступал в город не на колеснице, а пешком или верхом, и приносил в жертву не быка, а овцу (ovis, отсюда ovatio).

[6] Тройной триумф Августа справлялся 13-15 августа 29 г.

[7] Позором Лоллия была потеря знамени V легиона.

[8] Война Рима с кимврами – 105-101 гг. до н.э., война с марсами («Союзническая») – 91-89 гг. до н.э.

ворят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения[1] каждый год отмечал трауром и скорбью.

24. В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки старины. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он дозволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой. Римского всадника, который двум юношам-сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы, он приказал продать с торгов со всем его имуществом; но увидев, что его порываются купить откупщики[2], он присудил его своему вольноотпущеннику с тем, чтобы тот дал ему свободу, но отправил в дальние поместья. (2) Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестием. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб[3]. Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например приказывал стоять целый день перед преторской палаткой, иногда – в одной рубахе и при поясе, иной раз – с саженью или с дерновиной в руках[4].

25. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами», и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних. (2) Вольноотпущенников он принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, а в остальных случаях всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на иллирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна[5]. Но и этих он нанимал еще рабами у самых богатых хозяев и хозяек и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому. (3) Из воинских наград он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем

---

[1] День поражения в Тевтобургском лесу – 2 августа 9 г.

[2] Откупщики, принадлежавшие к сословию всадников, хотели выкупить товарища, чтобы отпустить его на волю.

[3] Ячменный хлеб – ячмень в походе давали вьючным животным, солдаты получали обычно пшеничный хлеб.

[4] Пояс на тунике был знаком изнеженности; мерить землю саженью и таскать дерн при постройке лагеря было делом рядовых солдат, а не центурионов.

[5] Колонии иллирийские от границы (Эмона, Аквилея, Тергеста) нуждались в укреплении в годы паннонского восстания, для защиты берега Рейна – после поражения Вара.

почетные венки за взятие стен и валов[1]: на них он был крайне скуп, и не раз присуждал их беспристрастно даже простым солдатам. Марка Агриппу после морской победы в Сицилии он пожаловал лазоревым знаменем[2]. Только триумфаторам, даже тем, кто сопровождал его в походах и участвовал в победах, он не считал возможным давать награды, так как они сами имели право их распределять по своему усмотрению.

(4) Образцовому полководцу, по его мнению, меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым. Поэтому он часто повторял изречения: «Спеши не торопясь», «Осторожный полководец лучше безрассудного»[3] и «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей».

Поэтому же он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, – никакая добыча не возместит потери.

3.13. («Деяния божественного Августа», Извлечение)

Деяний божественного Августа, которыми он земной круг власти рим[ского] народа покорил, и пожертвований, которые он сделал государству и римскому народу, вырезанных на двух бронзовых столбах, которые установлены в Риме, копия врученная.

1. 1. Девятнадцати лет отроду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетенное господством партии освобо[дил. 2. За] эт[о сен]ат поче[тн]ыми постановлениями в свой состав меня включил, когда консу[лами были] Г<ай> Панса, А<вл> Гирций, дав также право произносить суждения вместе с [кон]сулярами, и и[м]перий мне дал. 3. Он [мне] в качестве пропретора повелел вместе с консулами позаботиться, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба. 4. [Народ] также в том же году избрал меня консулом, когда об[а] консула [на вой]не погибли, и триумвиром для устройства государства.

2. Тех, кто убили моего отца, их я удалил в изгнание, в соответствии с законными приговорами суда совершив над ними месть, а после этого, когда они пошли войной на государство, дважды победил в сражении.

---

[1] Солдат, первый взобравшийся на неприятельскую стену или вал, награждался золотым венком (corona muralis, corona vallaris).

[2] Лазоревый цвет был символом морских побед; сам Секст Помпей в Сицилии носил лазоревый плащ.

[3] «Осторожный полководец…» – стих Еврипида (Финикиянки. 599. слова Полиника).

3. 1. Войны на суше и на море, гражданские и с в[неш]ними врагами, по всему земному кругу часто я вел и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал [п]ощаду. 2. Чужеземные народы, которых безопасно можно было простить, я предпочитал сохранять, а не уничтожать. 3. Тысяч римс[ких] граждан, приведенных к присяге мне, было почти пятьсот. Из них я вывел в колонии или оставил в их муниципиях, когда они отслужили, тысяч значительно более трехсот, и всех их наделил землями или деньгами наградил за военную службу. 4. Кораблей я захватил шестьсот, кроме тех, которые были меньше трирем.

4. 1. Дважды я торжественно всту[пил] в Город с овацией, трижды я совершал триумф на колеснице и был провозглашен дв[адцать од]ин раз императором. Се[нат] многочисленные триумфы для меня постановлял, от [к]оторых всех я отказывался. Лавры с ф[асц]и[й] я возлагал в Капитолии, выпол[ня]я обеты, которые тво[рил] во время каждой войны. 2. За деяния, мною или моими легатами под моим началом на суше и на [м]оре счастливо совершенные, пя[ть]десят п[я]ть раз постановлял сенат совершить моления бесс[мертным] богам. А [дней], когда по решению сената производились моления, было 890. 3. В моих триумфах было проведено за м[о]ей колесницей царей или царских детей девять. 4. Консулом я б[ы]л тринадцать раз, к[ог]да я это писал, я был [трид]цат[ь] седьмой год обладателем [трибу]нской власти.

5. 1. Дик[тат]уру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, [и в моем присутств]ии и наро[дом, и се]на[том], когда консулами были М<арк> Марцелл и Л<уций> Ар[рунций], [я не при]нял. 2. Я не [отказа]лся [при кр]айней недоста[че] пищи от [за]боты о п[родо] вольствии и этим так распо[ряд]ился, что за [немно]го [дне]и все государство на свои средства и своею заботой от страха и су[ществовавш]ей тогда опасности я освободил. 3. Консульство, тогда мне пред[ло]женное, годичное и постоянное, я не принял.

6. 1. Когда консулами были М<арк> Виниций и Кв<инт> Лукреций, а потом П<ублий> и Гн<ей> Лентулы и на третий раз Павел Фабий Максим и Кв<инт> Туберон, по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран [по]печителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. 2. То, что тогда сенат через меня совершить [ж]е[лал], я выполнил, пользуясь [триб]унс[к]о[й в]ластью. И в самой этой должно[сти коллегу] са[м по своей воле] у сена[та] про[сил и принимал].

7. 1. Три [умв]и[ром] для у[ст]рой[ст]ва [гос]ударства я был непреры[вно] десять лет. 2. П[ервоприсутствующим в се]нате я был до т[ого д]ня, когда писал это, в течение [сор]ока лет. 3. Великим пон[тификом], августом, членом коллегии Пятнад[ца]ти для [со]вершения священных церемоний, членом коллегии

семи э[пулоно]в, арвальским братом, членом коллегии Тициев, [фециа]лом я был…

24. 1. В храмы всех городов пр[ов]инции Азии, будучи победителем, я вернул украшения, которыми, разграбив храмы, то[т], с кем я вел войну, частным образом владел. 2. Серебряных моих статуй, пеших, и конных, и на квадригах, стояло в Городе около 80, каковые я сам удалил, и на эти деньги золотые дары в храме Апол[ло]на от своего имени и тех, кто меня статуями почтил, я поставил.

25. 1. Море я умиротворил от разбойников. В той войне рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, примерно тридцать тысяч захватив, господам для достойного наказания я отдал. 2. Поклялась мне в верности вся Италия по своей воле и меня вытребовала в вожди в войне, в которой я победил при Акциуме. Поклялись мне также в верности провинции Галлии, Испании, Африка, Сицилия, Сардиния. 3. Среди тех, кто под моими знаменами тогда воевал, было сенаторов 700, среди них тех, кто либо раньше, либо позже были сделаны консулами до того дня, когда это написано, 83, жрецов почти 170.

26. 1. Всех провинций римского народа, которых соседями были народы, которые не повиновались нашей власти, пределы я расширил. 2. Галльские и испанские провинци[и и] Германию, которые окружает Океан от Гадеса до устья Альбы-ре[к]и, я умиротворил. 3. Альпы от той области, к которой примыкает Адриатическое море, до Этрусского моря я умиротворил, ни с одним народом не ведя войны беззаконно. 4. М[ой] флот [п]о Океану от устья Рена до области, где восходит солнце, вплоть до границ кимвром плавал, куда ни по суше, ни по морю ни один римлянин до этого времени не приходил. И кимвры, и хариды, и семноны, и той же местности другие германские народы через послов просили о дружбе моей и римского народа. 5. По моему приказу и по моей воле были направлены два войска в одно примерно время в Эфиопию и в Аравию, которая называется Счастливой, и огромные обоих враждебных народов войска были перебиты в сражении, и множество городов было захвачено. В Эфиопии они дошли до города Напаты, с которым соседствует Мероэ. В Аравии до пределов сабейцев прошагало вой[ск]о, до города Мариба.

27. 1. Египет власти римского народа я подчинил. 2. Великую Армению, когда был убит ее царь Артаксий, хотя я мог сделать провинцией, я предпочел, по примеру наших предков, это царство Тиграну, сыну царя Артавазда, внуку также царя Тиграна, через Тиб<ерия> Нерона передать, который тогда был моим пасынком. И этот же народ, после того отп[ав] ший и взбунтовавшийся, усмиренный Гаем, моим сыном, царю Арио[барз]ану, сыну царя мидян Артабаза, для царствования я передал, а после е[го] смерти его сыну Артавазду. Когда

он был [уб]ит, [Тиг]рана, который происходил из царского армянского рода, в это ца[рство] я послал. 3. Все провинции, что за Адриатическим морем простираю[т]ся н]а восток, и Кирену, большей частью которых уже владели их цари, и, кроме того, Сицилию и Сардинию, охваченные рабской войной, я отвоевал.

28. 1. Колонии воинов в Африку, Сицилию, Македонию, обе Испании, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию, Писидию я вывел. 2. В Италии также были выведены по моей воле 28 колоний, которые при моей жизни были славнейшими и многолюднейшими.

29. 1. Многочисленные военные знамена, утраченные другими вождями, победив врагов, я возвратил из Испании и Галлии и от далматинцев. 2. Парфян трех римс[к]их войск доспехи и знамена отдать мне и, умоляя, просить о дружбе римского народа я принудил. А эти знамена в святилище, которое в храме Марса Мстителя, я, возвратив, поместил.

30. 1. Племена паннонцев, до которых, пока я не стал первоприсутствующим римского народа, римское войско никогда не доходило, побежденные Ти<берием> Нероном, который тогда был моим пасынком и легатом, власти римского народа я подчинил и продвинул иллирийские пределы до берегов реки Данувия. 2. Кроме этого, даков переправившееся войско по моей воле было побеждено и уничтожено, [а] потом приведенное за Данувий мое войско принудило племена даков переносить власт[ь р]имского [н]арода.

31. 1. Ко мне из Индии царей посольства часто присылаются, никогда до этого в[ре]мени не виданные ни при каком римском вожде. 2. Нашу др[уж]бу прос[ил]и через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, кот[орые] по ту и по сю сторону р[е]ки Танаиса, и царь албанцев и ибер[ов], и мидян.

32. 1. Ко мне с мольбами прибегали цари парфян Тирида[т и пот]ом Фраат, с[ын] царя Фраата, мидян [Ар]тавазд, адиабенцев Артаксар, британцев Думнобеллав[н] и Тинкоммий1, сугамбров Молон, маркоманнов, свево[в]… 2. [Ко] мне цар[ь] парфян Фраат, сын Орода, своих сыновей и внуков всех [послал] в Италию, не будучи побежденным в войне, но нашей дружбы прося, отдавая в залог своих де[те]й. 3. Многие другие народы испытали верность р<имского> н<арода>, когда я был первоприсутствующим, у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений.

33. От меня народы парфян и мидян получили царей, которых первенствующие этих народов через послов просили: парфяне Вонона, сына царя Фраата, внука царя Орода; мидяне Ариобарзана, сына царя Артавазда, вн[ука] царя Ариобарзана.

34. 1. В шестое и седьмое консульство, п[о]сле того как Гражданские в[ойны] я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римск[ого] народа передал. 2. За эту

мою заслугу постановлением сената я был назван Ав[густ]ом, и лаврами косяки моего дома были покрыты [всена]родно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щ[ит] в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каковом щите [свидетельству]ет, что его сенат [и на]род [рим]ский дали з[а] мужество, милосе[рд]ие, справедливо[сть и благоче]стие. 3. После этого времени я превосходил всех а[вторитетом], но власти име[л] не больше, [чем друг]ие, кто [б]ыли у меня когда-либо коллегами по должности.

35. 1. Когда тринадцатое консульство я исполня[л], [сена]т и в[са]дническое сословие, и весь римский народ наз[ва]ли меня от[цом] отечества, и чтобы это было записа[но] в вестибюле моего дома [и в курии] Юлиевой, и на Авг<устовом> Форуме под квадригами, которые мне [по] постановлению сената поставле[ны], указал. 2. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год…

3.14. Битва в Тевтобургском лесу
(Дион Кассий. «Римская история», LVI, 18-22)

18. Римляне владели некоторыми областями в Германии, причем эти области были расположены не одна подле другой, а в том порядке, как их завоевывали римляне, почему они и не упоминаются в истории. Их солдаты зимовали в этих областях и основывали там города, а варвары подчинялись римским обычаям, приходили на рынки и поддерживали с римлянами мирные отношения. Однако, они не могли забыть обычаи своих предков и своей страны, свой свободный образ жизни и мощь своего оружия. До последнего времени их отучали от этого лишь постепенно, применяя большую осторожность, так что они незаметно осваивались со своим новым образом жизни и сами даже не чувствовали происходивших с ними перемен. Когда же Квинтилий Вар, бывший до тех пор проконсулом Сирии, получил Германию в качестве провинции, он резко изменил политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани, как от подданных. Это им не понравилось. Вожди народа стремились к своему прежнему господству, а народ находил, что прежний государственный строй был лучше, чем принудительное господство иноземцев. Но так как они полагали, что боевые силы римлян на Рейне и в их собственной стране были слишком значительны, то они сперва не восстали открыто, а встретили Вара так, как будто они готовы были исполнить все его требования, и заманили его от Везера в страну херусков. Здесь они жили рядом с ним, находясь с ним в самых мирных и дружеских отношениях, и тем заставили его поверить, что они сами смиренно подчиняются его приказам, даже не вынуждая его применить силу оружия.

19. Таким образом случилось, что Вар перестал держать свои войска сосредоточенными в одном месте, как он должен был бы делать, находясь в неприятельской стране, но разослал своих людей в разные стороны, уступая просьбам более слабых либо для того, чтобы защитить определенные места, либо для того, чтобы переловить разбойников или же прикрыть доставку продовольствия. Вождями заговора и вероломной войны, которая уже начиналась, были наряду с прочими Арминий и Сегимер, которые находились постоянно при нем и часто пировали за его столом. Когда же он стал вполне доверчивым и уже не подозревал ничего дурного, – даже больше, не только не верил тем, кто подозревал худое в том, что происходило и советовал ему быть осторожным, но даже обвинял их в необоснованной трусости и привлекал к ответственности за клевету, – тогда по предварительному сговору восстали сперва некоторые отдаленные племена. Они считали, что таким образом они скорее заманят Вара в ловушку, когда он выступит против восставших и пойдет по стране, которую он считал дружеской, чем если они все сразу начнут войну против него, дав ему тем возможность принять необходимые меры предосторожности. Все так и случилось. Они дали ему выйти вперед и некоторое время его сопровождали, но затем остались позади под тем предлогом, что хотят стянуть свои войска и затем быстро прийти к нему на помощь. После этого они напали с заранее приготовленными, выпрошенными ими у Вара раньше войсками на римские отряды и разбили их наголову, после чего настигли самого Вара, который к тому времени углубился в непроходимые леса. Теперь предполагаемые подданные внезапно оказались врагами и произвели жестокое нападение на римское войско.

20. Горы здесь были полны ущелий, а неровная местность была покрыта высоким и густым лесом, так что римляне еще до нападения противника должны были порядком поработать над рубкой леса, прокладыванием дорог и постройкой мостов. Римляне вели за собой, совсем как в мирное время, множество повозок и вьючных животных; за ними следовало также большое количество детей, женщин и прочей прислуги, так что войско вынуждено было растянуться на большое расстояние. Отдельные части войска еще более отделились одна от другой вследствие того, что полил сильный дождь и разразился ураган. Поэтому почва вокруг корней и стволов деревьев стала скользкой, и шаги воинов стали неуверенными. Верхушки деревьев обламывались и своим падением увеличивали смятение, царившее среди войска. В этот тяжелый для римлян момент варвары напали на них со всех сторон, выступив из лесной чащи. Прекрасно зная дороги, они окружили их и сначала обстреливали издали. А затем, когда уже больше никто не сопротивлялся и многие были ранены, они атаковали их вплотную. Так как римские войска шли без всякого порядка, смешавшись

с повозками и с невооруженными, то им было трудно сомкнуть свои ряды, а потому они понесли большие потери, тем более, что они не могли со своей стороны причинить никакого вреда противнику, превосходившему их своей численностью.

21. Как только они нашли более или менее подходящее место, – насколько это было возможно в условиях лесистых гор, – они тотчас же разбили лагерь, сожгли большинство повозок и всякую ненужную утварь или оставили ее за собой, а затем, выступив на другой день, двинулись вперед в уже большем порядке и достигли открытого места; но и здесь им пришлось понести некоторые потери. Выступив отсюда, они вновь попали в лесистую местность; хотя они и оборонялись от наступавших на них германцев, но именно поэтому они испытали новое несчастье. Собираясь вместе в узких местах, для того чтобы сомкнутыми рядами нападать на противника одновременно и конницей и пехотой, они были затруднены в своих движениях деревьями и сами друг другу мешали. Они шли таким образом уже третий (четвертый?) день. Снова разразился сильный дождь, сопровождавшийся резким ветром, что не дало им возможности ни продвигаться вперед, ни укрепиться прочно на каком-либо месте и даже лишило их возможности пользоваться своим оружием, так как стрелы, дротики и щиты промокли насквозь и уже больше не годились к употреблению. Неприятель же, по большей части легко вооруженный, меньше от этого страдал, так как мог беспрепятственно продвигаться вперед или отступать. Помимо этого, неприятель превосходил римлян численностью (так как и ранее колебавшиеся теперь очутились здесь, по крайней мере для того, чтобы поживиться добычей) и окружил более слабых римлян, которые уже в предшествующих боях потеряли много людей, что помогло ему разбить их наголову. Поэтому Вар и наиболее видные римские полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов (тем более, что они уже были ранены).

22. Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни доследовали примеру своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве. Теперь германцы могли без всякой опасности для себя поражать и людей и коней.

3.15. Восстание паннонских и рейнских легионов (Тацит, «Анналы», I, 16)

Таково было положение дел в Риме, когда в паннонских[1] легионах вспыхнуло восстание без всяких новых причин, кроме того, что перемена императора указывала на возможность смут и приобретение добычи от междоусобной войны. В летних лагерях находились вместе три легиона под начальством Юния Блеза[2], который, услышав о смерти Августа и вступлении в правление Тиберия, или по причине государственного траура[3], или от радости[4], приостановил [в своей армии] обычные занятия. Этим было положено начало тому, что солдаты стали распускаться, заводить ссоры, слушать речи каждого негодяя, наконец, желать раздолья и праздности, получили отвращение к дисциплине и труду. Был в лагерях некто Перценний, когда-то предводитель театральных клакеров, а потом рядовой солдат, человек, дерзкий на язык, научившийся, благодаря театральной практике, собирать сходки...

Наконец, когда уже были готовы и другие элементы возмущения, он, как бы обращаясь с речью к народному собранию, спрашивал их: «Зачем вы повинуетесь, словно рабы, немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Когда вы осмелитесь потребовать облегчений, если не приступите к новому и еще не прочно сидящему государю с просьбами или оружием? Довольно уже мы в течение стольких лет грешили беспечностью, так как старшие из нас служат по тридцати или сорока лет и большею частью изувечены ранами. Даже и для вышедших в отставку служба не кончается, а находясь у знамени [ветеранов][5], они под другим названием переносят те же самые труды. И если кто из нас переживает столько приключений, того тащат еще в далекие страны, где под именем пахотной земли мы получаем сырые болота или невозделанные места на горах. Но самая служба в войске тяжка и не дает ничего: душа и тело оцениваются по десяти ассов в день. На эти деньги приходится покупать пла-

---

[1] Т.е. в легионах, стоявших в Паннонии, которая была римской провинцией с 10 г. до н.э.

[2] Он был консулом в 10 г. н.э.

[3] Приостановление судебных и всех других государственных дел происходило в республике во время военной опасности, а в империи – после смерти императора.

[4] Вследствие вступления во власть нового государя.

[5] Здесь речь идет именно о ветеранах, т.е. об особом корпусе, в который, выслужив установленный срок службы (20 лет), поступали ветераны, причем, они получали больше жалованья и несли уже не столь тяжелую службу, как прежде. Поэтому они назывались *vexillarii*. Но этих вексилляриев не нужно смешивать с часто упоминаемыми у Тацита отдельными отрядами. Солдаты их, так как им давалось особое знамя, также назывались вексилляриями, совсем не будучи ветеранами.

тье, оружие, палатки, откупаться от жестокости центурионов, покупать увольнения от военных работ[1]...

И нет для вас иного облегчения, как вступать на службу на определенных условиях: чтоб нам платили по денарию[2] в день, чтоб шестнадцатый год был последним годом службы, чтоб нас не удерживали сверх него при знамени, но в том же лагере награждали чистыми деньгами[3]. Разве преторианские когорты, где солдаты получают по два денария и возвращаются к своим пенатам после шестнадцати лет, принимают на себя больше опасностей? Мы ничего не говорим дурного о караульной службе в Риме. Однако мы, живя среди диких народов, видим неприятеля из наших палаток».

Между тем манипулы, посланные до начала возмущения в Навпорт[4] для [исправления] дорог, мостов и для других надобностей, узнав, что в лагере взбунтовались, поднимаются с места, грабят ближайшие деревни и Навпорт, который представлял подобие муниципия. Центурионов, которые их удерживали, они преследуют насмешками, бранью и ударами. Особое раздражение обнаруживают они против Ауфидия Руфа, лагерного префекта: стащив его с повозки, они взваливают на него багаж и заставляют его нести в первом ряду, спрашивая в насмешку, нравится ли ему нести столь большие тяжести и совершать столь продолжительное путешествие. Дело в том, что Руф служил долгое время простым солдатом, а затем, ставши центурионом, а потом префектом лагеря, восстановил, как человек состарившийся в труде и тягостях, старинные и тяжелые порядки военной службы и был тем суровее, что сам их вынес.

С их прибытием возмущение возобновляется; солдаты рассыпались и стали грабить окрестные селения. Немногих из них, наиболее обремененных добычей, Блез, для внушения страха остальным, приказывает высечь и заключить в тюрьму: тогда еще центурионы и все честные из рядовых повиновались легату. Но те, сопротивляясь влекущим их, хватаются за колена окружающих, зовут к себе на помощь, то называя по имени отдельных лиц, то центурию, к которой каждый из них принадлежал в своем манипуле, когорту, легион, кричат, что всем угрожает та же участь. В то же время они осыпают ругательствами легата, призывают в свидетели небо и богов, не оставляют ничего, чем можно возбудить ненависть, сожаление, страх и раздражение. Солдаты сбегаются

---

[1] Красноречивое описание положения солдат и злоупотреблений центурионов своею властью Тацит дает в «Историях», I, 46.

[2] Прежде денарий равнялся 10 ассам, и солдаты получали одну треть его; теперь они получали десять ассов, но сам денарий состоял уже из 16 ассов.

[3] Вместо земельных участков.

[4] Крупный город в Верхней Паннонии на реке того же имени, которая теперь называется Любляницей.

со всех сторон и, взломав тюрьму, снимают [с заключенных] оковы и присоединяют к себе дезертиров и осужденных за уголовные преступления...

Когда весть об этом дошла до Тиберия, то, несмотря на то, что он был человек скрытный и особенно таивший печальные события, он вынужден был послать [туда] своего сына Друза с важнейшими лицами в государстве[1] и двумя преторианскими когортами. Он не дал ему никаких вполне определенных поручений, но предоставил действовать, смотря по обстоятельствам. При этом когорты были усилены отборными солдатами сверх обыкновенного. К ним была прибавлена значительная часть преторианской конницы и храбрейших из германцев, находившихся в то время в качестве личной охраны императора... При приближении Друза легионы, как бы по обязанности, вышли навстречу, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блистая воинскими украшениями; и хотя они своею грязною и небрежною внешностью и лицом хотели выразить печаль, они скорее выражали упрямство.

Когда Друз вошел в окоп лагеря, они заняли ворота караулами и расставили густые отряды по определенным местам лагеря; остальные обступили трибунал огромным строем. [На трибунале] стал Друз, жестами требуя молчания. Как только шум прекратился, Друз прочел послание отца, в котором было написано, что Тиберий питает особую заботливость о храбрейших легионах, с которыми перенес очень много войн[2]; что, как только душа его успокоится от печали, он доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним сына для того, чтобы тот без отлагательства предоставил им то, что может быть тотчас предоставлено; что остальное должно быть оставлено вплоть до решения сената, который должен участвовать в раздаче как милостей, так и наказаний. Собрание отвечало, что Клементу центуриону даны поручения с тем, чтобы он доложил о них. Клемент начинает с отставки после шестнадцати лет, говорит о наградах по окончании службы, о том, чтобы каждый день платился денарий жалования, о том, чтобы ветеранов не удерживать под знаменем. Когда Друз стал отговариваться тем, что это зависит от воли сената и отца его, то был прерван криком: «Зачем он пришел, если не может ни увеличить солдатам жалованье, ни облегчить их труды, наконец, если не имеет никакой власти делать добро? Но ведь сечь и убивать их всем дозволяется. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать ожидание солдат, ссылаясь на Августа: те же хитрости принес с собой и Друз! Но неужели всегда к ним будут приходить только бесправные сыновья? Да это совершенная новость, чтоб император одни только выгоды солдата отдавал на рассмотрение сената. В таком случае следовало бы спрашивать тот же сенат всякий раз, когда назначаются казни или сра-

[1] В 27 главе упоминается один из знатных членов этой свиты Друза Г. Лентул.
[2] Это войны с паннонцами и далматами, 12-9 гг. до н.э. и 6 г. до н.э.

жения! Или награды находятся в руках деспотов, а наказания предоставлены на волю каждого?»

После этого были найдены главные мятежники и часть их, бродившая вне лагеря, была убита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторых выдали сами манипулы в доказательство верности. Нет другого, [говорили они], облегчения от этих зол, как оставить злополучный и осквернённый лагерь и, очистившись от вины, возвратиться каждому на свои зимние квартиры. Сперва возвратился восьмой легион, потом пятнадцатый. Девятый говорил, что нужно подождать письма Тиберия, но, оставшись по уходе других одиноким, он добровольно предупредил предстоявшую необходимость. Тогда Друз, так как дела пришли достаточно в порядок, не дождавшись прибытия назад депутатов, возвратился в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же самым причинам произошло возмущение в германских легионах, тем более сильное, что их было больше[1], причем был большой расчет на та, что Цезарь Германик не станет терпеть власти другого и подчинится легионам, которые своей силой все увлекут за собой. На берегу Рейна находились две армии: та, которая называлась верхней, находилась под командой легата Г. Силия, а нижнюю возглавлял А. Цецина. Главное управление ими принадлежало Германику, который в то время был занят производством ценза в Галлиях. Войско, которым командовал Силий, было в нерешительности и выжидало, чем кончится возмущение других. Солдаты нижней армии увлеклись до неистовства. Началось оно у двадцать первого и пятою легионов, а затем были вовлечены также первый и двадцатый легионы, ибо они в одних и тех же летних лагерях в области Убян проводили время в праздности или в исполнении легких обязанностей. Таким образом, услышав о кончине Августа, горожане, вошедшие в недавно произведенный в Риме набор, привыкшие к распутству, не способные переносить труды, стали убеждать других солдат такими рассуждениями: «Пришло время, когда ветеранам следует требовать скорой отставки, молодым солдатам - увеличенного жалования, всем вообще – предела их несчастий и отмщения центурионам за жестокость». Это говорил не один человек, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливыми солдатами, озирающимися на другие войска, которые сильнее их, а множество мятежных голосов кричало, что в их руках находится судьба Рима, их победами увеличиваются пределы республики, их название принимают полководцы. И легат не оказывал этому противодействия: преобладание безумствующих лишило его твердости. Вдруг эти бешеные, обнажив мечи, бросаются на центурионов: это самый давний предмет ненависти солдат, и с него началась их

[1] Их было восемь легионов, а паннонских три.

ярость. Повалив на землю, солдаты бьют их палками, каждого шестьдесят человек, чтобы тем сравняться с числом центурионов[1], затем изуродованных и истерзанных и частью уже мертвых бросают их перед окопом лагеря или в Рейн.

...У Германика произошло совещание о том, как помочь делу, так как пришло известие, что готовится депутация к верхней армии[2], чтоб привлечь ее к совместным действиям, что город Убян[3] предназначен к разрушению и что насыщенные добычею воины бросаются потом на разграбление Галлии. Страх усиливало то обстоятельство, что неприятель знал о возмущении римлян и что, если солдаты покинут берег, он сделает на него нападение; если же вооружить против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников, то откроется междоусобная война. Строгость была бы опасна, щедрость была бы преступна; не уступить солдатам ничего или уступить все – государство было бы одинаково в опасности. Итак, взвесив и те, и другие основания, постановили написать от имени Тиберия письмо следующего содержания: прослужившим двадцать лет дается отставка, кто прослужил шестнадцать, те увольняются от службы и удерживаются под знаменами, будучи свободны от всех обязанностей, кроме обязанности прогонять неприятеля; завещанные им [Августом] деньги, которых они требовали, выплачиваются им и удваиваются.

Солдаты поняли, что это придумано лишь ввиду крайних обстоятельств, и потребовали немедленного удовлетворения. Отставку поспешили дать через трибунов; раздачу денег отложили было до прибытия всех их в зимние лагери. Но, солдаты пятого и двадцать первого легиона не хотели трогаться с места, пока Германик не выплатил им денег в летних же лагерях, составив нужную сумму из денег друзей и своих собственных. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел на земли Убян, но то было отвратительное шествие войска, когда между знаменами и орлами ехали денежные кассы, отнятые у полководца. Германик отправился к верхней армии и привел к присяге второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы, которые не проявили никакого колебания. Некоторое колебание обнаружили солдаты четырнадцатого легиона: им были даны деньги и увольнения от службы, хотя они того и не требовали.

---

[1] В легионе было 60 центурионов; чтобы отомстить своим мучителям, солдаты придумали приставить к каждому из попавшихся им в руки центурионов 60 человек для наказания.

[2] К стоящей на Верхнем Рейне в Майнцском лагере, где главнокомандующим был Г. Силий.

[3] Куда при Клавдии (50 г.) была выведена колония ветеранов.

3.16. Восстание Такфарината в Нумидии
(Тацит, «Анналы», II, 52; III, 20-21)

В этом же году началась война в Африке под предводительством Такфарината. Он был родом из Нумидии, служил во вспомогательном войске в римском лагере, откуда затем бежал. Он стал набирать бродяг и людей, привыкших к разбою сначала для добычи и грабежа; потом составил из них по военному образцу отряды пехоты и взводы конницы; наконец, сделался предводителем уже не отдельной шайки, а целого народа мусаламийцев. Этот храбрый народ, близкий к африканским пустыням, не знавший еще в то время городской жизни, взялся за оружие и вовлек в войну соседних мавров, предводителем которых был Мазиппа. Войско они разделили таким образом, что Такфаринат взял себе отборных людей и, вооружив по-римски, держал их в лагере, чтоб приучить к дисциплине и команде; Мазиппа же с легкими отрядами распространял кругом пожары, убийства и сеял ужас. Они уже подговорили к тому же и кинифян, народ не маленький, когда Фурий Камилл, проконсул Африки[1], стянув вместе легион[2] и союзников, сколько их было под знаменами, повел их на врага; это была ничтожная сила, если взять во внимание количество нумидян и мавров; но он ничего так не боялся, как того, чтобы неприятели из страха не уклонялись от битвы... Когда Камилл поставил легион в середину, а по бокам две легких когорты и два отряда конницы, Такфаринат не отказался от боя. Нумидяне были разбиты, и для имени Фуриев была, после многих лет, приобретена военная слава...

В этом же году Такфаринат, о котором я говорил, что он разбит был в прошлом году Камиллом, возобновляет войну в Африке. Сначала он производил разные набеги с необыкновенной быстротой, которые по этой причине оставались безнаказанными, потом стал разрушать деревни, захватывать много добычи; наконец неподалеку от реки Пагиды[3] он осадил римскую когорту. Укреплением командовал Декрий, человек не ленивый сражаться, опытный в военном деле и считавший за бесчестие для себя такую осаду. Убедив солдат дать битву в открытом поле, он выставил войско перед лагерем. Когда же когорта при первом нападении на нее была опрокинута, он отважно бросился, не обращая внимания на стрелы, навстречу бегущим и укорял знаменосцев за то, что римские солдаты побежали от нестройных шаек или дезертиров. В то же

---

[1] Провинция, составлявшая область прежнего Карфагена.

[2] В сенатских провинциях обыкновенно не расквартировывались легионы, но так как это была провинция пограничная и находилась далеко от расположения других войск, то в распоряжение проконсула при Августе и Тиберии давался легион.

[3] Неизвестно, о какой реке идет тут речь.

время он был ранен, но, несмотря на проколотый глаз, повернул лицо прямо к неприятелю, пока не упал, покинутый своими.

Когда об этом узнал Л. Апроний, [он был преемником Камилла], то, тревожась не столько успехом неприятеля, сколько бесчестием своих, засек каждого десятого из позорной когорты по жребию, что было редким в то время делом и относилось к старым обычаям. И этой строгостью он произвел то, что отряд ветеранов, числом не больше как в пятьсот человек, разбил то же самое войско Такфарината, когда оно напало на укрепление, носящее название Фала[1]. В этом сражении рядовой солдат Гельвий Руф получил отличие за спасение гражданина и был награжден Апронием ожерельем и копьем. Цезарь прибавил к этому гражданский венок и больше высказал сожаление, чем досаду, относительно того, что Апроний сам не дал его по праву проконсула. Но Такфаринат, так как нумидийцы испугались и не хотели заниматься осадой крепостей, рассыпал свои войска, уступая там, где встречал упорное сопротивление, и снова возвращался.

Пока варвары следовали этому плану, они безнаказанно издевались над испытывающими неудачи и усталость римлянами. Когда же они повернули к приморским местам и, обремененные добычей, были привязаны к постоянному лагерю, то Апроний Цезиан, отправленный своим отцом с конницей и вспомогательными когортами, к которым он прибавил самых проворных солдат из легионов, дал нумидийцам удачную битву и прогнал их в пустыню.

3.17. Восстание Боудики в Британии (Тацит, «Анналы», XIV, 34-39)

У Светония был в распоряжении четырнадцатый легион, отряд двадцатого легиона и вспомогательные войска из близлежащих мест, всего почти десять тысяч воинов, когда он, наконец, решился вступить в бой. Для этого он избрал в тылу местность с узким ущельем, заросшую лесом, зная хорошо, что неприятель находился у него только с фронта, что равнина открыта и потому нет никакой нужды бояться засады. Солдаты легионов становятся плотными рядами; кругом их легковооруженные, на конце флангов столпилась конница. Войска же британцев летали туда и сюда пешими и конными отрядами в таком количестве, какого у них еще не бывало, и самонадеянно взяли с собой даже жен в качестве свидетелей своей победы, посадив их на повозки, которые поставили на крайней окружности равнины.

[1] Местоположение этого нумидийского города в точности не определено. Возможно, что он находился в восточной Нумидии.

Боудикка, везя на колеснице впереди себя дочерей, по мере приближения к тому или другому племени, заявляла, что «британцам, конечно, привычно воевать под предводительством женщин, но что теперь она идет мстить не как происходящая от знатных предков за царство и богатство (которые у нее отняты), а как одна из народа за потерянную свободу, за иссеченное розгами тело, за оскорбленное целомудрие дочерей... Но боги стоят за справедливое мщение: пал легион, отважившийся на сражение, остальные скрываются в лагерях или думают о бегстве. Они не вынесут даже шума и крика стольких тысяч [воинов], не говоря уже о натиске рукопашного боя. Если британцы взвесят причины войны и свою вооруженную силу, то им будет нужно или победить в этом бою, или пасть. Так решено женщиной! Вы, мужчины, можете жить и оставаться в рабстве».

И Светоний не молчал в таком решительном положении, и хотя он полагался на храбрость, но все-таки обращался к солдатам в одно и то же время с увещеваниями и просьбами не придавать значения крикам варваров и пустым угрозам. «У них, видно, больше женщин, чем молодежи. Люди не воинственные, безоружные, они тотчас сдадутся, как только почувствуют, столько уже раз разбитые, меч и храбрость людей, привыкших к победе. Даже и при участии в битве многих легионов незначительное число людей решает исход сражения; поэтому нам будет еще больше славы от того, что наше небольшое войско получит славу целой армии. Только идите плотными рядами, бросайте дротики и затем продолжайте валить горбами щитов и рубить мечами, не думая о добыче: когда выиграна победа, все достанется вам».

После этих слов полководца последовало такое воодушевление, и старые солдаты, видавшие много сражений, приготовились с таким видом пустить свои дротики, что Светоний был уверен в успехе и дал сигнал к битве.

Прежде всего легион, не двигаясь с места и опираясь на теснину, как на укрепление, выпустил свои стрелы верным прицелом на подошедшего ближе неприятеля и затем бросился на него как бы клином. Такой же быстрый натиск сделали и вспомогательные войска; в свою очередь, всадники своими длинными копьями сломили сопротивление наиболее стойко державшихся. Побежденным убегать было трудно, так как расставленные кругом повозки запирали выходы. Воины убивали без пощады даже женщин; пронзенные стрелами вьючные животные увеличили груды трупов. Громкая слава, приобретенная в этот день, равнялась со славой древних побед: ибо некоторые передают, что пало немногим менее 80 тысяч британцев, тогда как [римских] солдат было убито около четырехсот и немногим более ранено. Боудикка умерла, приняв яд. Пений Постум, префект лагеря второго легиона, узнавши об успехе четырнадцатого и двенадцатого легионов, пронзил сам себя мечом за то, что лишил свой

легион такой же славы и, воспротивившись уставу военной службы, не исполнил приказания полководца.

После этого вся армия содержалась в походном строе до полного окончания военных действий. Войска эти император увеличил, послав две тысячи легионеров, восемь когорт вспомогательных войск и тысячу всадников. С прибытием подкрепления был пополнен девятый легион, когорты и конные корпуса были размещены на новых зимних квартирах, и все племена, недостаточно верные или враждебные, были опустошены огнем и мечом. Но ничто так не удручало неприятелей, как голод, так как они не позаботились о посевах, и люди всех возрастов бросились воевать, думая захватить наши подвозы съестных припасов. Воинственные народы потому еще слишком медленно склонялись к миру, что присланный преемником Кату Юлий Классициан был в ссоре с Светонием и из личной вражды противодействовал общественному благу, распуская между прочим слух, что следует ждать нового наместника, который бы, будучи чужд раздражения, свойственного врагу и надменности победителя, был способен милостиво обходиться с изъявившим покорность населением. В то же время он дал знать в Рим, что нельзя ждать конца битвам, если не будет прислан преемник Светонию, неудачи которого он относил за счет плохого ведения дел, а успехи приписывал счастью.

Поэтому для проверки состояния Британии был послан вольноотпущенник Поликлет, причем Нерон очень надеялся, что назначение последнего не только породит согласие между наместником и прокуратором, но и успокоит миром непокорные сердца варваров. Поликлет не преминул отправиться в путь с огромной свитой, обременяя Италию и Галлию, а переехав океан, устрашить даже наших солдат. Но у врагов он возбуждал смех: им при существовании в то время еще пламенной любви к свободе пока незнакомо были могущество вольноотпущенников и они дивились тому, что полководец и армия, окончившие такую войну, покорствуют рабам. Императору было донесено обо всем в смягченном виде. Светоний сначала продолжал заведовать делами, но немного спустя, когда он потерял несколько кораблей у берега вместе с экипажем, ему приказано было, как будто бы война еще продолжалась, передать армию Петронию Турпилиану, который уже окончил консульство. Петроний, не раздражая неприятеля, и сам не тревожимый им, пребывал в беспечной праздности, которую называл миром.

3.18. Столкновения римлян с соседями
(Луцей Анней Флор, «Римская история», XXII-XXXI, XXXIII)

XXII. Норикская война. (4) Альпы подняли дух норикам. Будто война не могла подняться на скалы и снега! Цезарь с помощью своего пасынка Друза[1] покорил племена этой страны: бревнов, уценнов и винделиков. (5) Какова была дикость альпийских племен, легко показать на примере их женщин. За нехваткой метательных орудий они разбивали о землю головы своим младенцам и швыряли их в лицо воинам.

XXIII. Иллирийская война. (6) Иллирийцы живут у подножия Альп. Их словно бы охраняют теснины, образованные водопадами. Против них Цезарь предпринял поход[2] сам и приказал возвести мосты. (7) Увидев растерянность своего войска, вызванную водами рек и врагом, он вырвал щит из рук замешкавшегося при переходе воина и первым проложил дорогу. Авангард последовал за ним, и мост обрушился под тяжестью массы людей. Раненный в руки и ноги, окровавленный и освященный[3] опасностью, он положил врагов на лопатки.

XXIV. Паннонская война. (8) Две быстрые реки – Драва и Сава – защищают паннонцев. Опустошив соседей, они прячутся за их берегами. Для покорения паннонцев Цезарь послал Винния[4]. Они были разбиты на обеих реках. (9) Оружие побежденных, вопреки военному обычаю, было не сожжено, а сломано и брошено в поток, чтобы о славе Цезаря могли узнать те, кто еще сопротивлялся.

XXV. Далматинская война. (10) Далматы по большей части жили в лесах. Оттого они наиболее склонны к грабежам. (11) Уже консул Марий[5] как бы обезглавил их, предав огню город Дельминий. Затем Азиний Поллион[6], второй по таланту оратор[7], лишил их стад, оружия, земель. Но окончательное их покорение Август поручил Вибию[8]. (12) Он заставил этот дикий народ копать землю

---

[1] Клавдий Друз Нерон Германик, брат будущего императора Тиберия, вел войны с альпийскими племенами в 34-15 гг. до н.э.

[2] Иллирийская экспедиция Октавиана относится к 36-33 гг. до н.э.

[3] Флор употребляет слово augustior, намекая на имя Augustus, которое Октавиан получит позднее.

[4] Легат Октавиана Августа.

[5] Г. Марций Фигул, консул 156 г. до н.э.

[6] Азиний Поллион получил за победу над далматами триумф в 30 г. до н.э.

[7] Второй, т.е. после Цицерона. Некоторые комментаторы считают это место интерполяцией, но П. Яль полагает, что Флор хотел подчеркнуть, что полководец и оратор – одно и то же лицо (Florus, p. 65).

[8] Г. Вибий Постум, консул 5 г. до н.э., наместник Далмации в 6-9 гг. до н.э.

и добывать в рудниках золото. Самый неразвитый из народов делал это с таким усердием и старанием, будто золото шло на его собственные нужды.

XXVI. Мезийская война. (13) Страшно вспоминать, сколь дикими, сколь жестокими были мезийцы, из варваров варвары. (14) Один из вождей в наступившей перед сражением тишине воскликнул: «Кто вы есть?» С другой стороны ответили: «Римляне – владыки народов». (15) Тот в ответ: «Так будет, если вы нас победите». Условие принял Марк Красс. Тотчас же перед строем мезийцы заклали коня, потом дали обет – внутренности убитых вражеских вождей принести в жертву и съесть. (16) Я могу поверить, что это услышали боги, так как нельзя было заглушить гудение труб. Не меньший страх нагнал на варваров центурион Корнидий. Его выходка была достойна варвара, но произвела впечатление на столь глупых людей. Насадив на свой шлем горшок с углями, разгоравшимися при движении, он словно исторгал пламя из головы.

XXVII. Фракийская война. (17) Фракийцы часто бунтовали и прежде, но более всего при царе Реметалке[1]. Он приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, я даже к римскому оружию. Будучи покорены Пизоном[2], они неистовствовали даже в плену. Пытаясь укусить оковы, сами наказали себя за дикость.

XXVIII. Дакийская война. (18) Даки засели за горами. При царе Котисоне[3], когда Данувий, затвердев от стужи, соединял берега, они обычно совершали набега и опустошали окрестности. (19) Цезарь Август задумал отбросить этот неуловимый народ. Отправив Лентула[4], он прогнал их на другой берег реки. По эту сторону были установлены сторожевые посты. Дакия, таким образом, не была побеждена, вернее, победа над ней отодвинута, отложена[5].

XXIX. Сарматская война. (20) Сарматы скакали на конях по необозримым степям. Тому же Лентулу[6] показалось достаточным препятствовать их переходу через Данувий. У них нет ничего кроме снега, инея и лесов. Такое варварство, что даже нет понятия о мире.

---

[1] М. Лициний Красс, наместник Македонии 29 г. до н.э. Завоевал Мезию, подчинил фракийцев.

[2] Пришел к власти при поддержке Рима около 11 г. до н.э.

[3] Л. Кальпурний Пизон Фруги, консул 15 г. до н.э., воевал с фракийцами в 13-11 или в 12-10 гг. до н.э.

[4] Сообщение Флора о Котисоне как царе даков расходится со сведениями Светония о нем как фракийском царе. Котисон был разбит М. Лицинием Крассом.

[5] Гн. Корнелий Лентул, консул 14 г. до н.э. Дата экспедиции за Дунай точно не установлена; возможно, между 9 г. до н.э. и 6 г. н.э.

[6] Это место лишний раз подтверждает, что труд Флора создавался после дакийских побед Траяна.

XXX. Германская война. (21) О, если бы Октавиан не представлял себе столь же легкой победу над Германией! Намного большим был позор ее потери, чем слава приобретения.

(22). Но поскольку Октавиан знал, что отец его Г. Цезарь, вызывая германцев на битву, дважды переходил по мосту через Рен, он загорелся желанием создать в его честь провинцию. И добился бы своей цели, если бы варвары выносили наши пороки так же легко, как нашу власть.

(23) Друз, посланный в эту провинцию, сперва покорил узипетов, затем прошел через область тенктеров и каттов. Доспехами и украшениями маркоманнов он украсил высокий холм наподобие трофея.

(24) Затем он напал одновременно на могущественнейшие народности херусков, свебов и сикамбров, которые, распяв на кресте двадцать центурионов, связали себя этим преступлением наподобие клятвы и начали войну с такой уверенностью в победе, что в заранее заключенном договоре каждый из них оговорил себе добычу.

(25) Херуски выбрали коней, свебы – золото и серебро, сикамбры – пленных. Но вышло наоборот. Победитель Друз разделил и продал добычу – коней, скот, украшения и самих германцев.

(26) Кроме того, для охраны провинции он поставил гарнизоны и дозорные посты вдоль рек Мозы, Альбы и Визурга. По берегу Рена он устроил более пятисот крепостей. Борм и Гезориак он привязал к нам мостами[1] и укрепил флотом.

(27) Он проложил дорогу в тогда еще неведомые и нехоженые Герцинские горы. Наконец, в Германии наступило такое умиротворение, что казалось, изменились люди, другой стала земля и сам климат сделался мягче.

(28) Когда же мужественный юноша скончался, сам сенат[2] не из лести, а в признание заслуг – дал ему почетное имя по названию провинции, чего никогда еще не случалось.

(29) Труднее удержать провинцию, чем ее приобрести: добытое силой удерживается законностью.

(30) Поэтому недолгой была наша радость. Германцев скорее победили, чем укротили! Во время правления Друза они больше уважали наши порядки, чем оружие.

(31) После его смерти они возненавидели распущенность и надменность Квинтилия Вара[3] не менее, чем его суровость. Он осмелился собрать их на

---

[1] Согласно П. Ялю, около 12 г. до н, э.

[2] Борм – место на Рейне, Гезориак – на р. Лиана близ Булони. Перевод дается по П. Ялю.

[3] В рукописях – ipsi. Ipse – согласно поправке Перизония.

сходки и отдал неосмотрительный приказ[1]. Будто розга ликтора и голос глашатая могут смягчить необузданность варваров!

(32) Германцы, давно уже сокрушавшиеся, что ржавеют их мечи и бездействуют кони, решили, что мир с римлянами и римские законы хуже войны, и под командованием Армения[2] взялись за оружие.

(33) Вар настолько был уверен в прочности мира, что не двинулся с места, когда один из вождей, накий Сегест[3], выдал ему заговор.

(34) Итак, они неожиданно обрушились со всех сторон на неподготовленного и не опасавшегося нападения полководца в то время, когда он – какая беспечность! – улаживал споры у своего трибунала. Они разграбили лагерь, разбили три легиона.

(35) Вар встретил удар судьбы и свое поражение с той же силой духа, что и Павел в день Канн.

(36) Нельзя себе представить что-либо страшнее этого побоища в болотах и лесах, что-либо невыносимее издевательств варваров, особенно по отношению к законникам[4].

(37) Одним они выкололи глаза, другим отрубили руки, у одного зашили рот, предварительно вырезав язык. Держа его в руках, один из варваров воскликнул: «Наконец-то ты перестала шипеть, змея!».

(38) Они даже вырыли тело консула, преданное земле благочестивыми воинами. Что касается легионных орлов, то двумя из них варвары владеют до сих пор, а третьего орла[5], чтобы он не попал в руки врагов, знаменосец сорвал [с древка], спрятал под пояс и укрыл в окрасившемся кровью болоте.

(39) Результатом этого поражения было то, что империя, которую не задержало побережье океана, была остановлена на берегу реки Рена.

XXXI. Гетульская война. (40) Так было на севере. На юге скорее происходили восстания, чем велась война. Мусуламов и гетулов[6], населявших Сирт,

---

[1] П. Квинтилий Вар, консул 13 г. до н.э. В отличие от других авторов, Флор подчеркивает его суровость и жестокость. Веллей Патеркул указывает на легкомыслие Вара.

[2] Неясное место. Некоторые издатели вместо incauto рукописи B принимают чтение in catthos – против хаттов.

[3] Имеется в виду Арминий, князь племени херусков.

[4] Сегест – тесть и злейший враг Арминия. 22 Очевидно, к тем, которые были приглашены Варом для улаживания споров.

[5] Согласно Тациту, П. Стерций отыскал одного орла, Германик – другого. Третий орел был отнят у германцев П. Габинием. Допущенный Флором анахронизм дал основание некоторым старым издателям считать, что труд его написан во времена Августа.

[6] Мусулы – берберийское племя на границе между Нумидией и Гетулией. Гетулы – наиболее крупное из племен Ливии, обитавшие в глубине страны, южнее мармаридов.

победил Косс[1], получивший прозвище Гетулик, более громкое, чем одержанная им победа.

(41) Покорение мармаридов[2] и гарамантов[3] Август поручил Квиринию[4]. Последний мог бы приобрести титул Мармарик, но его победе была дана более умеренная оценка.

XXXII. Армянская война. (42) На Востоке больше всего забот было с армянами. Цезарь направил туда одного из своих внуков. Оба прожили недолгую жизнь, а второй к тому же бесславную. Луций скончался от болезни в Массилии, а Гай умер от раны в Сирии[5], после того как подчинил нашим законам Армению, склонявшуюся к парфянам.

(43) Армяне после поражения Тиграна были принуждены Помпеем лишь к такому виду зависимости, что получали от нас правителей. Когда этот обычай был нарушен, Гай Цезарь восстановил его с помощью битвы, кровопролитной, но не имевшей значительных последствий.

(44) Дон[6], которого царь поставил во главе Артагериды[7], прибыл к римлянам под видом перебежчика и дал Цезарю книжицу, которую представил как перечень царских богатств, а когда Цезарь погрузился в ее чтение, обнажил меч и напал на него. Цезарь на время пришел в себя от раны, но... (пропуск в тексте).

(45) Между тем варвар, окруженный со всех сторон враждебным войскам, принес искупление еще живому Цезарю, пронзив себя мечом и бросившись в костер.

XXXIII. Война с кантабрами и астурами. (46) На западе была покорена почти вся Испания, не считая той части, которая примыкает к Пиренейским скалам и омывается ближайшим, к нам Океаном. Здесь пришли в волнение два упорнейших независимых от империи народа – кантабры и астуры.

(47) С наибольшей решимостью и упорством проявили свой мятежный дух кантабры. Не довольствуясь защитой собственной свободы, они пытались

---

[1] Гн. Корнелий Лентул Косс Гетулик, консул 1 г. до н.э. С гетулами воевал в 5-6 гг.
[2] Мармариды, точнее мармарики, – племя, обитавшее между Египтом и Киренаикой.
[3] Гараманты – берберийская народность, обитавшая в глубине Ливии.
[4] П. Сульпиций Квиринин, консул 12 г. до н.э. В 21-20 гг. до н.э. вел войну с гарамантами.
[5] Неточно. Гай умер в Ликии, в городе Лимире.
[6] Дон – правитель Артагервды. Другим древним авторам известен как Адор и Аддон.
[7] В N – Artaxatis, L – Artasatis. Artageris предпочтительнее, поскольку Страбон сообщает о восстании, армянского города Артагериды на Евфрате под руководствам Адора.

подчинить соседей и утомили частыми нападениями ваккеев[1], турмогов[2] и аутригонов[3].

(48) Поэтому, когда стало известно об усилении их активности, экспедицию против них он не поручил никому, а оставил для себя. Он сам[4] прибыл в Сегисаму[5], поставил лагеря, после чего войском, разделенным на три части, охватил всю Кантабрию и обложил одичавший народ словно зверей.

(49) Не было им покоя и со стороны Океана, откуда он ударил в тыл врагам сильным флотом. Впервые схватились с кантабрами у стен Бергиды[6]. Оттуда они бежали на высочайшую гору Виндий, на которую, как они полагали, скорее поднимутся воды Океана, чем римское оружие.

(50) Сильное сопротивление оказал город Арацеллий[7], однако он был взят. Последней была осаждена гора Медулла. Когда римляне окружили ее сплошным рвом в 18 миль и одновременно подошли со всех сторон, варвары поняли, что им пришел конец. Они устроили погребальный пир, соревнуясь в выборе смерти – от меча, огня или яда, который они обычно добывают из тиссового дерева, большая их часть предпочла смерть, освободившись таким образом от плана, который им, в то время еще не покоренным, казался тяжелее смерти.

(51) Цезарь, зимовавший в Тарраконе у моря, узнал об этом от легатов Антистия[8] и Фурния[9] и от Агриппы[10].

(52) Прибыв к месту боев, он одних свел с гор, других привязал к себе с помощью заложников, третьих продал под венком[11] по праву войны.

(53) Сенат счел Цезаря достойным лавра и триумфальной колесницы, но он в то время был столь могущественным, что мог пренебречь триумфом.

(54) Тем временем со снежных гор опустилось огромное полчище астуров. Вопреки обыкновению эта атака варваров была продуманной. Они поставили свой лагерь у реки Астура и разделили войско на три части, подготавливая нападение одновременно на три лагеря римлян.

---

[1] Ваккеи – народность в Испании к востоку от лузитанов.

[2] Турмоги – неизвестное другим авторам племя Испании. Одноименный город находился близ современного Бургоса.

[3] Аутригоны, согласно поправке Салмасия. В рукописях: B – aurigantes, C – aurigonas.

[4] Имеется в виду Август, возглавивший поход против кантабров.

[5] Город ваккеев к западу от современного Бургоса.

[6] Этот город другим авторам неизвестен. Но Ливий упоминает племя вергистанов в Тарраконской Испании в рассказе о событиях 195 г. до н.э.

[7] Известен также Плинию Старшему. У Орозия – Рацилий.

[8] Г. Антистий Вет, видный цезарианец, консул 30 г. до н.э., легат 25 г. до н.э.

[9] Г. Фурний, в 25 г. до н.э. легат Августа в Испании, в 22 г. до н.э. – консул.

[10] М. Випсаний Агриппа, сподвижник Августа. Воевал в Испании в свое 3-е консульство.

[11] Военнопленный, продаваемый в рабство, имел на голове венок.

(55) Исход сражения с таким сильным и, против ожидания, подготовленным к войне врагом был бы неясен и, я думаю, чреват потерями с обеих сторон, если бы не предали бригецины.

(56) Предупрежденный ими Каризий[1] бросил войска против астуров и разрушил их планы, хотя и не без кровопролития.

(57) Остатки разбитого вражеского войска принял сильно укрепленный город Ланция[2], который защищался столь яростно, что воины потребовали предать его после захвата огню.

(58) Полководец с трудом отстоял его, сказав, что нетронутый город будет более значительным памятником римской победы, чем сожженный[3].

(59) Здесь конец боевым действиям Августа, как и сопротивлению Испании. Наступившие спокойствие и длительный мир были результатом как природного миролюбия испанцев, так и мудрых распоряжений Цезаря, который, опасаясь их бегства в горы, приказал заселить и возделывать местность в долине, где находились его лагеря.

(60) Здесь он повелел быть сходке племени, и это место считалось столицей. Благоприятствовали тому природные условия района: он изобиловал золотом, хризоколлой[4], киноварью и другими красками. Поэтому Август и приказал возделывать землю. Так астуры начали знакомиться с богатствами и сокровищами своей земли, котя они и добывали их не для себя, а для других.

Контрольные вопросы к третьему разделу

1. Выделите причины столкновения Рима и Карфагена в начале Первой Пунической войны. К каким результатам привело столкновение?

2. Выделите признаки реваншизма и охарактеризуйте их накануне Второй Пунической войны? Какова роль Македонии и Греции в данном конфликте? Можно ли назвать Ганнибала инициатором вооруженного конфликта?

3. Охарактеризуйте позиции сторонников и противников войны с Карфагеном.

4. Выделите особенности внешнеполитического видения Октавиана Августа и охарактеризуйте его внешнеполитическую концепцию.

5. Какое влияние на Римскую империю оказали волнения в Тевтобургском лесу, восстания римских легионов, жителей Нумидии и Британии и про-

---

[1] Т. Каризий, будучи легатом Августа с полномочиями пропретора, в 25 г. до н.э. разбил астуров и захватил крепость Ланцию.

[2] Город в земле астуров в 20 км к юго-востоку от Леона.

[3] То же выражение.

[4] Хризоколла – зеленая краска.

тивостояния римских гарнизонов с различными племенами, проживавшими на границе Римской империи?

Раздел 4. Роль католической церкви в международных отношениях в Европе в XI-XIV вв.

План

1. Внешнеполитические идеи католической церкви, отраженные в проектах построения «Божьего мира».
2. Особенности взаимоотношений католической церкви с Константинополем. «Вормский конкордат» и феномен «антипапства».
3. Понтификат Иннокентия III в сравнении с понтификатом Гонория III и Иннокентия IV.
4. Католическая церковь и ее позиция в противостоянии христианского мира монголо-татарскому нашествию.

Источники

1. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 2. Средние века. Благовещенск, 2013. С. 496-522.

Литература

2. Бедуелл Г. История Церкви. М., 1996.
3. Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. СПб., 2001.
4. Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских соборов. М., 2007.
5. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. В 4-х кн. М., 1994.
6. Бриллиантов А.И. Лекции по истории древней Церкви. СПб., 2007.
7. Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
8. Лебедев А.П. Вселенские соборы IV и V веков: Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.
9. Лебедев А.П. Вселенские соборы VI, VII и VIII веков: С приложениями к "Истории Вселенских соборов". 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.
10. Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2001.
11. Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т.I. Древность и средние века. М., 1999; Т.II. Новое время. М., 2000.
12. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей - 1054 г.). Брюссель, 1964 (и др. изд.).

13. Рожков В. Очерки по истории Римско-католической церкви: Курс лекций. М., 1998.
14. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1989.
15. Свенцицкая И.С. Судьбы апостолов: Мифы и реальность. М., 2005.
16. Симонов В.В. Церковь - общество - хозяйство. М., 2005.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/

Методические указания

Четвертый раздел посвящен внешнеполитическому курсу и отношениям католической церкви с государствами Европы и Восточного Средиземноморья. Конечно же, в первую очередь Церковь – это институт, который имеет иерархию, собственную нормативно-правовую базу и отличается тем, что исповедует религиозный культ. После падения Западной Римской империи и появления варварских королевств происходит становление Церкви, а с ее расколом в XI в. появляется Западная или Латинская ветвь.

В данном разделе представлены документы римско-католической церкви, связанные с ее программой по построению «Божьего мира», что отчасти приведет к Великому разделению церквей или Великой схизме, с противостоянием Папы и императора Германии и с распространением влияния папства. При анализе этих процессов студентам необходимо учитывать все условия, особенности и взгляды сторон, вступавших во взаимоотношения. Период раннего средневековья характеризовался быстрой милитаризацией общества. Формирование феода и вассально-ленных отношений привело к высокой степени рассеянности суверенитета, отчего право на ведение войны стало общим правом, ограничивать которое можно было только с помощью специальных постановлений, издаваемых органами, власть которых являлась бы общепризнанной. На роль таких органов претендовали Церковь и королевская власть. Помимо традиционных способов разрешить конфликтную ситуацию, формами регулирования международных отношений были Вселенские и поместные церковные соборы и светские конгрессы, а документами, регулировавшими международных отношений, были декреты и буллы пап, решения соборов и конгрессов.

Другой проблемой католической церкви стало противостояние официальных представителей Церкви с германским императором в «борьбе за инве-

ституру» и с феноменом «антипапства», в качестве примера приведена деятельность антипапы Анаклета II (в миру Пьетро Пьерлеони).

Важными вопросами в разделе являются два. Первый заключается в сравнении понтификатов трех пап: Инокентия III (1198-1216 гг.), Гонория III (1216-1227 гг.) и Иннокентия IV (1243-1254 гг.). Сравнение необходимо для понимания процесса ослабления влияния католической церкви после понтификата первого. Второй вопрос сводится к внешней политике католической церкви, направленной на противостояние монголо-татарскому нашествию, в котором проявилась двоякая позиция. Именно ее студентам необходимо охарактеризовать, а для этого внимательно следует изучить содержание документов.

Документы

4.1. Декрет о Божьем мире Тулузского собора (1041 г.)

§ 1. Этот мир был установлен епископами, аббатами, графами, виконтами и другими благородными лицами, боящимися Бога в нашем епископстве, с тем чтобы на будущее время, начиная с сего дня, никто не дерзал вторгаться силою в церковь, ни в ее ограду, пользующуюся одинаковыми привилегиями, ни на кладбище, ни в здания, которая построены или построятся около церквей на расстоянии 30 церковных шагов.

§ 2. Мы не относим сюда церквей, которые укреплены или укрепятся на подобие замков, ни те церкви, в которые грабители и воры сложат добычу своего хищничества иди воспользуются ими для своего убежища; впрочем мы повелеваем, чтобы и такие церкви оставались в сохранности, пока не будет подана жалоба епископу или капитулу. Когда же епископ или капитул потребуешь к себе грабителей, и они не явятся на его суд, в таком случае, по определению епископа и капитула, грабители и все их имущество лишаются права церковного убежища. Тот, кто вторгнется в церковь или место, окружающее ее на 30 шагов, и причинить кому-нибудь зло, за исключением вышеупомянутых грабителей, заплатить пеню за святотатство и вдвое истцу.

§ 3. Определено также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клериков, монахов, монахинь, причинять им зло, грабить общины каноников, монахов и монахинь, церковный земли, находящаяся под покровительством церкви, и клериков, не имеющих при себе оружия: если кто-нибудь преступить запрещение, то заплатить двойную пеню.

§ 4. Епископы издали также повеление, запрещающее отнимать кобылиц и жеребят моложе 6 месяцев, быков, коров, ослов, баранов, овец, коз, козлов и их малолетних.

§ 5. Никто не смеет сожигать или разрушать жилища крестьян или клериков, их голубятни и сушильни. Никто не смеют умерщвлять, бить, увечить крестьянина, раба и его жену, ни брать их и уводить, если они не сделали преступления, но и в этом случай они должны быть представляемы на суд, к чему прежде всего должно их пригласить добровольно. Одежда крестьянина не может быть отнимаема; никто не смеют сожигать их плуги, лопаты и оливковые рощи.

§ 6. Было постановлено, чтобы никто не овладевал чужими вещами для удержания их в залоге или другого какого-нибудь дела. Кто же нарушить мир и в течете двух недель не заплатить двойной пени тому, кому нанес вред, внесет

по истечении того срока двойную пеню, которая будет принадлежать епископу и графу, заведующему правосудием.

§ 7. Епископы наистрожайше постановили, чтобы Божия-Мир, к которому обязаны все христиане, соблюдался от заката солнца четвертая дня, т.е. среды, до восхода солнца второго дня, т.е. понедельника. Такой же мир предписан от первого дня адвента до восьмого дня после Богоявления, когда празднуется день св. Гилария. Тоже самоеот понедельника, предшествующего великому посту, до первого понедельника после св. недели, в канун и праздник обретения и воздвижения Креста, в кануны и три праздника св. Марии, в кануны и праздники всех апостолов, в канун и праздник св. Лаврентия; туда же были отнесены кануны и праздники св. Павла Нарбонского, св. Иоанна Крестителя, святых апостолов, св. Михаила архангела, кануны я праздники всех святых, также дни «Четырех времен года». К этому они присоединили предшествующия ночи от заката солнца и ночи последуйщия до солнечного восхода. Если кто-нибудь во время, назначенное для Божьего-Мира, причинить кому нибудь зло, то заплатить двойную пеню и подвергнется суду «холодной-воды». Если во время Божьего Мира кто-нибудь убьет человека, то определено с согласия всех христиан, что за намеренное убийство он будет изгнан на всю жизнь; если убийство случайно, то на время, определенное епископами и капитулом. Если кто-нибудь, в период мира сделает или заставить сделать засаду, чтобы овладеть человеком или его замком, то он заплатить пеню епископу или капитулу, как будто бы он совершил замысел.

Они запретили также, чтобы во время мира, то есть адвента и великого поста, никто не строил замка или другого укрепления, если только он не начал их за две недели до эпохи мира. Они повелели, чтобыразбирательства и тяжбы по делу мира происходили во всякое время пред епископом и капитулом, также и по делу охранения церквей, о чем было сказано выше. А те, противу которых епископ и капитул произнесли приговоры для приведения их к миру, также поручители и залогодатели, если они обнаружат чувство злобы на епископа или капитул, будут отлучены епископом и капитулом вместе с своими укрывателями и единомышленниками, как нарушители мира господня, и они сами, равно как и их имущества, исключались из Божьего-Мира.

4.2. Послание о Божьем мире св. Ивона, 1041 г.

Ивон, милостью божией служитель церкви в Шартре, всем верным своего диоцеза приветь!

О мире.

Знайте, мои дражайшие братья, если вы верите в достижение небесного Иерусалима, что для достижения такого дара верховного владыки, вы должны хранить мир, удаляя от вас далеко бич раздора. Христос, вступая в мир, открыл ему учение мира, при песнопении ангелов: «Слава в вышних Богу и на земле мир, к человекам благоволение! Христос, готовый оставить мир и возвратиться на небо, советовал тоже ученикам, говоря им: «Я даю вам мой мир, я оставляю вам мой мир». Апостол повелевает сохранять его: «Сохраните со всеми святость и мир, без чего никто не узрит Бога». Пришествие Христа имело целью не только примирить небо с землею, но и установить мир на земле, чтобы люди соделались единым телом во Христе в единении веры. Как может быть полезно сошетвие Христа для того, кто остается вне мира? Вы сами исповедали мир, когда став пред лицом Господа, виновника и друга всякого мира, отказались у купели крещения от дьявола, виновника и друга всякого раздора, и от всех его дел. И так, братия, если вы не хотите нарушить своих обязательству то вы должны сохранять мир, так-как вы клялись пред царем небесным, и Он воздаст вам за то вечною наградой. Знайте, братия, что нет раздоров в царстве небесном. Эти раздоры пришли к нам от виновника зла; христианское государство должно сохранять вечный мир, удалять всякую злую мысль, воздерживаться от всякого дурного поступка. Посмотрите, как вы далеки от такого совершенства, проводя дни, назначенные для спасения и добрых дел, в том, чтобы наносить и совершать дела, достойный осуждения.

Скажите, братия, если кто-нибудь из вас употреблял бы свою жизнь на то, чтобы увечить свое тело железом, огнем и подвергать всяким мучениям, а потом прекратил бы такие жестокости на четыре дня, то как вы думаете, не связали-ли бы его друзья, и как умопомешанного не отвели-ли бы к врачу? Не должно-ли еще более связывать святыми правилами религии того, кто является убийцею своей души? Но всякий возраст склонен ко злу, и извращенность людей заставляете их предпочитать злодеев друзьям мира, а потому, подобно сумасшедшим, они обращаются против врачей. Вследствие такой причины мы хотим снизойти к вашей слабости, рассчитывая на лучшее поведение с вашей стороны, когда вы будете более способны к спасению; мы закрываем глаза на ваше нечестие и в этом потоке несправедливостей не имея возможности исцелить вас совершенно, мы предпочитаем видеть вас лучше изнуренными и израненными, нежели полумертвыми.

Мы умоляем и просим вас, властью Господа нашего Иисуса Христа, кого мы считаемся представителями, хотя и недостойными, мы повелеваем вам подумать о своем спасении и сохранить мир по крайней мере в течении четырех дней, когда наш Господь и Спасатель учредил таинство нашего искупления, и

пусть ваши сердца, ваши руки и ваш язык воздержатся от всякого оскорбления друзей и даже врагов.

Кто повинуется предписаниям христианской религии, тот знает, что в пятый день (четверг) Господь Иисус совершил последнюю вечерю с своими учениками, что на этой вечере он даль им свое тело и кровь в знак примирения и исцеления нас от зол, и повелеть совершать такую вечерь в память о нем. Вечерь кончилась; он омыл ученикам ноги в знак покаяния и отпущения грехов; этим обрядом он показал, что сердца людей, даже преданных религии замараны пылью мира сего, и что нет смертного, который не нуждался бы в покаянии и снисходительности других. В конце того же дня, выданный своим учеником, он был предан в руки евреев; но и при этом он обнаружил столько кротости, что нисколько не сопротивлялся и исцелил ухо служителю первосвященника. Точно также в конце пятого дня, окончив свою земную жизнь, Он преславно вознесся на небо в виду своих учеников. Он молить за нас пред отцом, чтобы смиренное стадо последовало за славою своего божественного пастыря. Что хотел сказать всеми этими деяниями ваш Учитель? В чем он не подал нам примера мирной жизни? Потому надобно в этот день, когда предложено было такое исцеление христианам, чтобы никто не ранил себя, нанося рану брату, чтобы никто не осудил себя на вечную смерть, лишая жизни брата, и чтобы Иисус не погиб в его середе.

В шестой день (пятница), первый Адам быль сотворен из праха земли, и второй Адам, прийдя искупить род человеческий, воплотился в утробе Девы. В этот же день произошли страсти Христа, и падший человек кровью Иисуса воспринял на себя образ божий. В такой день, когда на землю был ниспослан мир, всякий человек обязан заботиться о мире, чтобы не впасть в руки смерти, которую привесь злой дух.

В седьмой день (суббота), Бог опочил от дел своих; тем самым св. Дух поучает нас, что мы должны воздерживаться от всякого дурного поступка и ожидать того дня, когда должно избегать тяжелых работ. Алюбить Бога и воспевать ему хвалу не может быть названо тяжелою работой. В знак того же покоя, в этот день тело Иисуса опочило в гробнице, а дух его, поправь ад, одержал победу над древним врагом. Христианин, искупленный кровью Христа, не будь неблагодарным к Иисусу, твоему благотворителю! в этот день спасения не призывай ада, похищая имущество ближнего и преследуя Того, кто не только не похищал чужого, но и своим пожертвовал за тебя.

В восьмой день и вместе первый (воскресенье), несомненно для всякого христианина Бог воскрес и своим воскресением преобразил наше воскресение, когда избранным будет дан вечный мир, и плот ее будет бороться с духом, ни дух с плотью.

Вследствие этих причин и других, которая, я не ногу привести по краткости своего послания, наши отцы определили, чтобы мир сохранялся особенно в эти дни, и нарушителей приговорили ее тяжким наказаниям, смотря по качествам лица и тяжести проступка. Следуй по их стопам, мы повелеваем прося, и просим повелевая, чтобы вы сохранили мир, учреждения которого мы послали вам письменно, и сохранение его обещайте нам с клятвою над святыми мощами. Это будет спасительно для ваших земных благ и для приобретения благ небесных. Повинующимся мир и благодать именем Бога, тем же, которые не послушаются нами постановленного, анафема, marathanata!

Будьте здравы!

4.3. Посольство Рима в Константинополь (Гумберт, «Отчет о посольстве в Константинополь», 1054 г.)

Приписываемый кардиналу Гумберту, епископу Сильва-Кандиды

Краткий отчет о том, что проделали послы Святого Римского и Апостольского Престола в Царствующем Граде

На двенадцатом году имперского правления Константина Мономаха, седьмом индикта, в самый день рождества блаженного Иоанна Крестителя, посланники Святого Римского и Апостольского Престола, а именно кардинал епископ Сильва-КандидыГумберт, архиепископ Амальфи Петр и Фридрих, диакон и канцлер [Римской Церкви], прибыли от господина Папы Льва IX. По настойчивости сих римских легатов, в Студийском монастыре в пределах города Константинополя, в присутствии императора и его князей (procerum), монах Никита предал анафеме один текст, который распространялся против Апостольского Престола и всей Латинской Церкви под названием "О пресном хлебе, субботе и браке священников". Кроме того, он предал анафеме всех тех, кто отрицал, что Римская Церковь есть первая из всех Церквей и кто положил упрекать ее вечно-православную веру в каком-либо виде. После этого, по предложении тех же Римских легатов и на глазах у всех, православный император приказал, чтобы вышеупомянутый текст был сожжен, что и было исполнено.

II. На следующий день, вышеупомянутый Никита покинул город и предстал перед сими легатами во дворце [… - название неясно]. Получив от них исчерпывающие ответы на свои вопросы, он охотно предал анафеме все слова, попытки и дела против первенствующего и Апостольского Престола. И так, после того, как они приняли его в общение, Никита стал их близким другом. Кроме того, слова или письма этих легатов против разного рода клеветы Греков и особенно против писем епископа Константинополя Михаила и епископа-

митрополита Охридского Льва, и против этого самого монаха Никиты были переведены по приказу императора и до сих пор сохраняются в сем городе.

III. Наконец, поскольку Михаил избегал их общества и беседы с ними и продолжал упорствовать в своей глупости, 16 июля вышеупомянутые легаты вошли в церковь Святой Софии, несмотря на возражения недовольного Михаила и в то время, когда духовенство в третий час утра по своему обычаю приготовлялось к Мессе, возложили хартию об отлучении от Церкви на главный алтарь, под пристальным взором присутствующего народа и духовенства. Как только они покинули [церковь], то отрясли прах от своих ног, во свидетельство им, согласно евангельскому речению (Мф. 10, 14), да будет Бог свидетелем и Судией. После того, как был восстановлен порядок в Латинских церквах в Константинополе и издана анафема против всех тех, кто принимал причастие с того момента от руки любого Грека, осуждающего Римские жертвенные дары, они были приняты православным императором с поцелуем мира, и с его дозволением и имперскими дарами 18 июля в спешке отправились в обратный путь ко св. Петру и своим домам. Но ввиду чрезвычайного давления и просьб со стороны Михаила, обещавшего, что он наконец-то вступит с ними в переговоры, 20 июля император был вынужден своими письмами вернуть их назад из Солембрии. Вернувшись в тот же самый день, они сначала поехали ко дворцу [… – название неясно]. Когда ересиарх Михаил узнал, что они возвратились, он на следующий день попытался привести их в церковь Святой Софии, как будто бы на совет так, чтобы, когда их хартия была предъявлена в переводе, которой он совершенно извратил, они могли бы быть убиты там народом. Принимая против этого меры предосторожности, благоразумный император не хотел, чтобы какой-либо совет состоялся без его присутствия. И так как Михаил всеми способами противился этому, император распорядился, чтобы сии легаты быстро уехали. Так и было сделано. В конце концов, ядовитый Михаил, огорченный тем, что его заговоры не осуществились, возбудил огромное восстание против императора за то, что его волей была оказана помощь легатам. Вследствие этого император вынужден был передать Михаилу переводчиков Латинян, а именно Павла и его сына Смарагда, ослепленных и с лишенными волос головами. И таким образом он прекратил беспорядки. Но после того, как император послал своих людей вослед легатам, он получил подлинный экземпляр буллы об отлучении, который был послан ему из одного из городов Русских, показал его гражданам и уличил Михаила в подделке хартии легатов. Возмущенный сим, он выслал друзей и родственников Михаила из дворца, лишив их постов, и по сей день все еще остается в глубокой враждебности к нему.

4.4. Раскол между Римом и Константинополем (Анафема константинопольскому патриарху, 1054 г.)

Вот экземпляр хартии об отлучении от Церкви:

Гумберт, Божией милостью кардинал и епископ Святой Римской Церкви; Петр, архиепископ Амальфи; и Фридрих, диакон и канцлер, всем чадам Католической Церкви.

Святой и Римский, Первенствующий и Апостольский Престол, которому, словно главе, принадлежит особое попечение обо всех церквах, ради мира и на благо Церкви удостоил нас чести, соделав своими послами в этот царствующий град, чтобы в соответствии с написанным, мы бы сошли сюда и увидели, действительны ли те жалобы, которые беспрестанно доходят до его слуха из этого великого города, или же все это не так. Итак, да будет известно славным императорам, духовенству, сенату и народу города Константинополя и всей Католической Церкви, что мы ощутили здесь великое добро, которому весьма радуемся во Господе, но так же и величайшее зло, от которого чрезвычайно печалимся. Что касается столпов имперской власти и ее чтимых и мудрых граждан, то город сей христианнейший и православный.

Что же до Михаила, произвольно именуемого патриархом, и тех, кто одобряет его глупость, то в их среде ежедневно сеются многие плевелы ересей.

Ибо, подобно Симонианам, они продают дар Божий; подобно Валезианам, оскопляют пришельцев и производят их не только в клириков, но даже и в епископов; подобно Арианам, перекрещивают тех, кто уже был крещен во имя Святой Троицы, в особенности Латинян; подобно Донатистам, утверждают, что за исключением лишь Церкви Греческой, Церковь Христова и подлинные Жертва и Крещение исчезли из всего мира;подобно Николаитам, позволяют и защищают плотские браки служителей священного алтаря; подобно Северианам, называют злословным закон Моисеев; подобно Пневматомахам или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа Святого от Сына; подобно Манихеям, кроме прочего, утверждают, что хлебная закваска одушевлена; подобно Назореям, соблюдают телесную чистоту Иудейскую до такой степени, что отказывают умирающим новорожденным детям в крещении ранее восьми дней порождении и не подают Причастия женщинам, которым угрожает смерть, в месячных истечениях или при родах, а если они язычницы, то запрещают им креститься; и, растя волосы на голове и лице, не принимают в общение тех, кто стрижет голову и бреет бороду, следуя установленной практике Римской Церкви.

В этих, а также и во многих других ошибках сам Михаил, хотя бы и вразумляемый письмами господина нашего Папы Льва, презрительно отказался

покаяться. Кроме того, когда мы, послы Папы, восхотели устранить причины такого большого зла разумным способом, он отказал нам в приеме и беседе, запрещал совершать мессу в церквах, так же как и ранее закрывал церкви Латинян, называя их «азимитами» [«опресночниками»], повсюду преследовал Латинян словом и делом столь сильно, что среди своих собственных чад предал анафеме Апостольский Престол, против воли которого продолжает писать, что он – «вселенский патриарх».

Итак, поскольку мы не потерпели это неслыханное оскорбление и рану, нанесенную Первенствующему, Святому и Апостольскому Престолу, и были озабочены, что католическая вера будет различными путями подрываться, властью Святой и нераздельной Троицы и Апостольского Престола, чье посольство мы выполняем, всех православных отцов семи соборов и всей Католической Церкви, мы подтверждаем следующую анафему, которую преподобнейший Папа произнес в отношении Михаила и его приверженцев, если не покаются.

Михаилу, неофиту, рекомому патриархом, который принял монашеские облачения только из-за страха пред людьми и ныне обвиняемому многими в самых тяжких преступлениях; с ним и Льву, называемому епископом Охридским; также Константину, сакелларию вышеназванного Михаила, который богохульно топтал ногами жертвенные дары Латинян; и всем их приверженцам в вышеупомянутых ошибках и предубеждениях: да будет им анафема, маранафа, вместе с Симонианами, Валезианами, Арианами, Донатистами, Николаитами, Северианами, Пневматомахами, и Манихеями, и Назореями, и всеми еретиками, с самим дьяволом и его ангелами, если однажды не покаются. Аминь, Аминь, Аминь.

Иная анафема, произнесенная в присутствии императора и его князей:

Кто упрямо противится вере Римской Церкви и ее жертвенным дарам, да будет анафема, маранафа, и да не позволено ему будет считаться католическим христианином, но еретиком-прозимитом (не приемлющим пресного хлеба в жертвоприношении). Да будет так, да будет так, да будет так.

4.5. Вормский конкордат

Грамота императора

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Я, Генрих, Божиеюмилостию император Римский, август, из любви к Богу, святой Римской церкви и владыке папе Каликсту и ради спасения души моей уступаю Господу Богу, и святым его апостолам Петру и Павлу, и святой Вселенской церкви всякую инвеституру

кольцом и посохом и предоставляю во всех церквях, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владения же и державные права св. Петра, кои от начала сей распри и до нынешнего дня, при отце моем или при мне были отняты, возвращаю оной святой Римской церкви, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе, я, с согласия и приговора князей, верну, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папой Каликстом, со святою Римской церквою и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо Римская церковь потребует помощи, я неложно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все сие совершено с согласия и совета князей, коих имена ниже следуют: Адальберт, архиепископ Майнцский; Ф., архиепископ Кельнский; Г., епископ Регенсбургский; О., епископ Бамбергский; Б., епископ Шпейерский; Г., епископ Страсбургский; Г., епископ Утрехтский; У., епископ Констанцский; Э., аббат Фульденский; герцог Генрих, герцог Фридрих, герцог С., герцог Пертольф, маркграф Типольд, маркграф Энгельберт, палатинГодфрид, пфальцграф Оттон, граф Беренгарий.

Я, Фридрих, архиепископ Кельнский и архиканцлер, скрепляю.

Грамота папы

Я, епископ Каликст, раб рабов Божьих, тебе, возлюбленному сыну моему Генриху, Божиеюмилостию императору Римскому, августу, предоставляю: избрание Тевтонской земли епископов, а равно и аббатов от местной власти зависящих, производить в присутствии твоем без симонии и какого-либо насилия с тем, чтобы ты, буде возникнет разногласие, по совету и решению митрополита и соепископов поддержал бы правую сторону и помог.

Избранный же да получает от тебя державные права передачей скипетра и исполняет высекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

Посвященный же в других частях империи да получит от тебя в шестимесячный срок державные права чрез передачу скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

А если ты будешь мне жаловаться на что-либо и просить помощи, я по долгу служения моего окажу тебе надлежащую помощь.

Заключаю честный мир с тобою и со всеми, кто есть и был на твоей стороне во время сей распри.

4.6. Письмо антипапы Анаклета II к сицилийскому королю Рожеру II по случаю его коронации (1130 г.)

Церковь при наших предшественниках, Урбане и Пасхалии получила много услуг от твоей матери, которая, шествуя всегда с таким благородством по стопам своего супруга, всегда заботилась об еѐ нуждах и еѐ охране. И ты, которого Божественное провидение в мудрости и силе вознесло над всеми другими князьями Италии, старался осыпать наших предшественников почестями и богатствами. Поэтому мы решили отличить тебя и твоих преемников почѐтным титулом и властью. В силу этого мы отдаѐм тебе в лен и, по силе нашего авторитета, передаѐм тебе, твоему сыну Роджеру и твоим другим сыновьям. Согласно твоим распоряжениям о престолонаследии, а также наследникам твоих детей корону королевства Сицилии, Калабрии и Апулии, которе обнимает всю ту область, какую мы и наши предшественники предоставляли герцогам Апулии, твоим предшественникам, Роберту Гюискару и его сыну Рожеру. Мы с обладанием этим королевством вручаем тебе все королевские отличия и королевские права на вечное время и возвышаем Сицилию в степень первой ппровинции королевства. Мы разрешаем и позволяем, чтобы от избранных архиепископов твоих владений, которых ты можешь избрать по своей воле, при содействии других епископов, ты и твои наследники получили священное помазание и королевскую корону. Все льготы, дары и привилегии, которые наши предшественники лали твоим предшественникам, Роберту Гюискару, его сыну Рожеру, Вильгельму, герцогу Апулийскому, и тебе самому, обеспечиваем тебе, твоим сыновьям и всем твоим наследникам. Мы даѐм и поручаем тебе и твоим наследникам княжество Капуанское со всеми его владениями, в том самом виде, как им когда-то владел князь Капуанский. Мы даѐм тебе в лен и утверждаем за тобой верховную власть над Неаполем и его провинциями. Снисходя к твоим желаниям, мы представляем архиепископу палермианскому, его преемникам и Палермианской церкви право посвящать трѐх епископов Сицилии, т.е. епископов сиракуз, Агригента и катании. Всеми этими привилегиями мы предоставляем всѐ это тебе и твоим детям, предполагая, что верность, которою ты обязан нам и нашим преемникам, будет храниться тобой свято. Ты со своими наследниками каждый год будешь вносить Римской церкви подать в шестьсот шифатов, когда мы этого потребуем. В случае, если в будущем кто-нибудь из светского или духовного сословия будет оспаривать эти привилегии или даря, тот подлежит отлучению от церкви. Но на всех тех, которы будут исполнять эти права, уступки и обещания, да будет мир Господа Нашего Иисуса Христа. Аминь.

4.7. Письмо Папы римского Иннокентия III воинству Христову и его Магистру (1210 г.)

Иннокентий и т.д. Магистру Фолькуину и братьям воинства Христового, поставленным в Ливонии, и т.д. Когда касательно участи земель, которые милостью святого духа недавно были обращены к почитанию веры Христианской, между вами и почтенным братом нашим, Рижским епископом, при нашей проверке протекал спор, где мы оставались посередине, и вы пришли к такому соглашению, что вы третью часть этих земель, а именно Литвы и Ливонии будете держать от этого епископа, но не будут связаны никакой временной службой за нее, за исключением того, что будете направлять для защиты церкви и провинции от язычников. А ваш же магистр, который был в силу обстоятельств, взамен обещает Рижскому епископу вечную покорность; но братья и клирики, которые им духовно служат, не будут уплачивать ему ни десятину, ни первые плоды, ни дары, ни кафедральное; колонисты же названной части от доли урожая, самими определенной, отдадут своим церквям десятину, от которых четвертая часть будет уплачена этому же епископу, а кроме этого этот же самый епископ, после неопровержимой проверке и на разумном основании своими силами отдаст возмещение. Вы же и ваши преемники будете иметь право по незанятым церквям на предоставление Рижскому епископу достойных особ, которых он сам не вытеснит от работы по украшению душ. Кроме того, когда он сам будет вас посещать, в своем доме позаботьтесь [его] обеспечить двадцатью подорожными один раз в год; однако при изобилии вашем содержите его дважды в год. От земель, которые по положению [находятся] за пределами Ливонии или Литвы, когда [их] с Божьей помощью вы приобретете, Рижскому епископу нисколько не будете платить и т.д. Дано в Латеране, в XIII-й день до ноябрьских календ. В тринадцатый год нашего понтификата.

4.8. Письмо Папы римского Иннокентия III князьям Польши и Померании (1213 г.)

Благородным мужам, князьям Польши и Померании. Хотя, по апостольскому свидетельству, невозможно быть угодным Богу без веры, но для того, чтобы быть угодным, недостаточно одной только веры, но особенно необходима любовь, о которой свидетельствует апостол, что: —если кто-либо на языках людей и ангелов славословит, и даже если имеет такую веру, что сдвинет горы, и раздаст все свое имущество на пищу бедным, но не имеет любви, совершенно ничего ему не принесет пользы. Как бы то ни было, но некоторые из вас, как

мы узнали, нисколько не размышляющие и не старающиеся узнать, что есть их, а что не есть Христа, очень быстро узнали, что некоторые из народов, в Пруссии проживающих, по-новому приняли благо возрождения, и постоянно обременяли их рабскими обязанностями, и привели пришедших к освобождению христианской веры худшими делами, чем то, что было, [когда] они пребывали под игом прежнего рабства, от которого они препятствуют спасению многих, которые должны быть обращены в веру, и временную услугу оказывают лучшим из ангелов, которые помимо раскаяния делающими должны восхваляться. И поэтому мы вас всех просим, увещевая, и призываем во имя Господа, передавая вам апостольское послание, поскольку с его точки зрения тот, кто пришел спасти то, что уже погибло, и дать душу свою в искупление в искупление многих; таким образом, детей новых насаждений не отягчайте, но поступайте настолько мягче с ними, насколько памятью о прежнем образе жизни слабые, легче скатятся в старое заблуждение, так что старые чванливцы едва удержат новый виноградник около евангельской истины. Мы же достопочтенному брату нашему, Г[енриху], Гнезненскому архиепископу, даем наши письма с поручением, чтобы тех поддерживал более склонными к Богу и защищал их от незаслуженных тягот и притеснений, а их притеснителей мы усмиряем посланным предостережением через суровую церковную проверку, не взирая на титулы и звания. Дано в Сигнии в августовские иды, в пятнадцатый год нашего понтификата.

Подписано выше этого Гнезненским архиепископом.

4.9. Послание Папы римского Гонория III христианам в Руссии (1224 г.)

Всем христианам в Руссии привет и апостольское благословение [шлет] епископ Гонорий, раб рабов Божиих. Мы полагаем, что вы прочли и запомнили, как апостол, своим примером поучая спутника, побудил в самой первой церкви сделать сборы, которые дали бы многочисленным святым, бывшим в Иерусалиме, возможность получить помощь, если она понадобится, чтобы в подобных случаях воспользоваться этими советами. Итак, достопочтенные братья наши епископы Ливонский, Селонский и Леальский и прочие, которые в пределах Ливонии проповедуют [учение] Господа Иисуса Христа, и тех, кто уже принял крещение, жаждут защитить от гонений язычников, подобно Амаликитянам, разными способами нападающим на Израиль, чтобы его или в пустыне истощить, или изгнать в Египет, не останавливаются перед тяжестью расходов, лишь бы им была оказала щедрая помощь благочестием христиан. Наставляем

и увещеваем всех вас, вменяя во отпущение грехов ваших, чтобы от достатка вашего, посланного от Бога, ради столь похвального дела раздавать им жертву милостыни, за что жертвователю воспоследует всяческое благо. Дано в Латеране, XVI Календы декабря, понтификата нашего год девятый.

4.10. Послание Папы римского Гонория III королям Руси (1227 г.)

Всем королям Руси привет и всяческие плоды благодати [шлет] Гонорий епископ, раб рабов Божиих. Радуемся во Господе, ибо, как вы слышали, послы ваши, отправленные к достопочтенному брату нашему, епископу Моденскому, нашему легату апостольского престола, смиренно просили его посетить края ваши, ибо, желая здраво внимать спасительному учению, вы готовы полностью отказаться от всех заблуждений, которые совершили, как было сказано, из-за недостатка проповедников, за что Господь, разгневавшись на вас, доныне подвергал вас многим бедствиям, и ждет вас еще более тяжелое несчастье, если не сойдете с тропы заблуждений и не вступите на путь истины. Ведь чем дольше будете коснеть в заблуждении, тем больших напастей вам следует страшиться. Потому, даже если и не гневается Господь ежедневно, то все же над теми, кто пренебрегает крещением, навис, наконец, меч его возмездия. Итак, желая от вас получить подтверждение, хотите ли вы принять легата Римской церкви, чтобы под воздействием его здравых наставлений вы постигли истину католической веры, без которой никто не спасется, всех вас настойчиво просим, увещеваем и умоляем, чтобы об этом желании вашем сообщили нам в посланиях и через надежных послов. Пока же, поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола, который при желании легко может воздать вам возмездием. Но лучше, если бы, соблюдая истинное послушание и божественные обряды, при всепрощении Господнем вы заслужили бы от обоих милость и любовь. Дано в Латеране, XVI Календы февраля, год XI [понтификата нашего].

4.11. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (26 августа 1247 г.)

Светлейшему Даниилу, королю Руси[1], и В[асилько], брату его, королю Владимира[2], и сыну Даниила[3], Иннокентий[4], епископ, раб рабов Божиих.

Оценив по достоинству ваше благочестие, мы соблаговолили внять обетам вашим и просьбы ваши, по воле Господа, благосклонно выслушали. Итак, отзываясь на моления ваши, чтобы ни один из крестоносцев или иных монашеских орденов на занятых ваших землях и тех, что еще будут заняты, ни во что не вмешивался и не мог бы приобретать земельных владений без вашего на то благоволения, предоставляем [это] вашей власти.И не единому человеку не следует нарушить этот лист нашего покровительства или посметь безрассудно выступать против него. Если же кто-либо посмеет сделать это, то пусть знает, что навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и Святых апостолов Петра и Павла. Дано в Лугдуне[5], в VI Календы сентября[6], в V год [понтификата].

4.12. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (15 сентября 1248 г.)

Александру, сиятельному королю Новгорода[7]. Господь отверз очи души твоей и наполнил тебя сиянием света своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брата, архиепископа Прусского, легата Апостольского престола[8],

---

[1] Королю Руси – обычная формула обращения папы Римского к галицко-волынским князьям. Даниил Галицкий был коронован в 1253 г. в Дрогичине.

[2] В[асилько] – Василько Романович, князь Владимиро-Волынский (1199-1271 гг.).

[3] Сыну Даниила – в это время у Даниила было двое сыновей: Роман и Лев, но из текста послания не ясно, кого из них имеет в виду папа.

[4] Иннокентий – папа Иннокентий IV (СинибальдоФиески) (1243-1254 гг.).

[5] ВЛугдуне – в Лионе.

[6] VI Календы сентября – 26 августа.

[7] Король (rex) – обычное именование русских князей, имевших конкретное княжение, в средневековых западноевропейских документах. Особенностью данной грамоты является то, что за указанием адресата здесь не указан автор послания, хотя из текста грамоты ясно, что она отправлена от имени папы Иннокентия IV.

[8] Архиепископ Прусский (также – Ливонский и Эстонский) и папский легат – Альберт фон Зуербеер. Выходец из Кѐльна. До 1229 г. – каноник бременской церкви. В 1229 г. был посвящен в рижские епископы архиепископом Бременским, но в результате интриг вице-легата в Ливонии Балдуина в 1231 г. на Рижской епископской кафедре оказался епископ Николай. Альберт же стал архиепископом Армагским в Ирландии. На должность архиепископа Прусского он был назначен в 1245 г. Тогда же стал папским легатом в регионе Восточной Балтики, на Руси и в Восточной Европе. Еще при жизни епископа Николая Альберт фактически взял на себя управление Ливонской церквью. После смерти Николая (в 1253 г.) перенес свою архиепископскую кафедру в Ригу (январь 1255 г.) и был утвержден

ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских[1]. Однако ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, Римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь, как Матерь нашей веры, и не почитающих Папу – наместника Христа, с сердцем, исполненным послушанием и радости. А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в граде твоем Плескове соборный храм для латинян[2].

За это намерение твое мы воздаем искреннейшую хвалу Спасителю всех людей, который, никому не желая погибели, искупил грехи наши, пожертвовав собой, и смертью своей подарил нам жизнь, а множеством своих унижений даровал нам защиту от несправедливости[3]. Мы, нежно заключая тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обретающийся в столь отдаленных

папой в должности рижского архиепископа. Буллой от 07.09.1247. папа повелел ему отправиться к Даниилу Галицкому, чтобы осуществить процедуру перехода князя, а также светских и духовных чинов Галицкой Руси в католичество. Одновременно Альберт получил от папы разрешение носить на Руси архиепископскую мантию, что означало согласие Иннокентия IV на включение русских земель в границы архиепископских владений Альберта.

[1] Поскольку информацию о намерениях Александра папа Иннокентий IV получил от архиепископа Прусского, то очевидно, первое послание к Александру, а также его ответ были доставлены людьми из окружения Альберта Зуербеера.

[2] Само по себе строительство католической церкви в православном городе не было чем-то необычным. Эти церкви предназначались для торговых людей, прибывавших из стран Западной Европы. Такие культовые сооружения были в средневековом Смоленске и в Новгороде на Готском дворе. Разговор же о соборном храме указывает на то, что Псков рассматривался как предполагаемый центр некой административной территории католической церкви. Зная о дальнейшей политике князя Александра, трудно поверить, чтобы он дал подобное согласие послам католических иерархов. Но если верно предположение о том, что послы застали Александра в ставке хана Бату на пути в Каракорум, то дальнейшая судьба князя и его отношения с великим ханом тогда не были ясны. После убийства отца Александр должен был предусматривать разные варианты своей политики с Монгольской империей, в том числе и не исключать союз с Западом. Поэтому он мог дать весьма уклончивый ответ относительно своих конфессиональных планов, но разрешить строительство культового сооружения для духовных нужд попадавших в Псков католиков. Альберт же, стремившийся вместе с епископом Дорпатскими рыцарями Ливонского ордена утвердить свое господство в Псковской земле, решил заранее заручиться согласием папы на создание здесь епархии, входившей в его архиепископство. Поэтому и результаты переговоров его послов с русским князем были представлены папе в преувеличенном виде. К тому же в такой ситуации было легче, в случае необходимости, получить разрешение на крестовый поход в Новгородское государство для защиты якобы существующей там католической общины.

[3] Г. Рошко переводит «iniuriishonoravit» как «облек великой славой». Более точно было бы перевести «даровал защиту от несправедливости».

краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения.

Итак, мужайся, дражайший сын наш. Забудь прошлое, устреми все помыслы к цели более совершенной, дабы, непоколебимо и решительно храня верность Церкви, о чем мы уже говорили, и усердствуя в лоне ее, ты взрастил бы цветы сладостные, кои принесут плоды, навеки избавленные от тлена. И не думай, что подобное послушание чем-то принудительным для тебя будет[1]. Ведь требуя его, мы ждем от человека одной только любви к Богу и возрастания праведности. Ибо, покинув тело, он, по заслугам своим, будет причислен к лику праведных и внидет туда, где сияет свет неземной и где яства сладкие, коими нельзя пресытиться, и где крепки объятия милосердной любви, коей нельзя насытиться.

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя. Поэтому мы обращаемся к твоему Королевскому величеству с молениями, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена Церкви, дабы ты отнесся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных[2]. Мы же, следуя совету того же архиепископа 4, позволяем тебе воздвигнуть упомянутый храм.

Писано в Лионе, в XVII Календы октября, года VI[3].

4.13. Письмо короля Венгрии Белы IV Папе римскому Григорию IX от 18 мая 1241 г. с сообщением о нападении татар

Святейшему во Христе отцу Григорию божьей милостью святой римской церкви верховному понтифику Б[ела] той же милостью король Венгрии [изъявляет своѐ] во всѐм насколько должное, настолько и благочестивое почтение. Поскольку католическая вера по воле Господа дала всходы в венгерских преде-

---

[1] О том, что признание духовной власти Римского папы не ограничит свободу действий князя Александра в государственной и политической сферах, говорится и в других документах. Отметить это было необходимо, так как взаимоотношения иерархов Западной и Восточной христианских церквей со светскими правителями своей паствы строились на разных принципах.

[2] Иначе говоря, данное послание было и своеобразным уведомлением князя Александра о прибытии на Русь католического архиепископа. Однако это намерение Альберта реализовано не было. Не ясно также, когда была (и была ли вообще) доставлена эта грамота Александру Ярославичу.

[3] Поскольку папа Иннокентий IV вступил в должность в конце июня, документы, написанные после 24-28 числа этого месяца, датируются уже следующим годом его понтификата.

лах, как наши прародители со всеми подчинѐнными их власти, так и мы, после того как приняли на себя управление королевством, с подлинным благоговением и почтением имеем римскую церковь матерью и наставницей. [И чтобы] ваше святейшество было лучше осведомлено, мы вам достоверно сообщаем о несчастном и горестном уделе, доставшемся нам и венгерскому королевству от свирепствующего подобно жестокому зверю татарского войска. Ибо недавно, во время близкое к празднику Воскресения Господня (31 марта 1241 г.), с великой силе и в большом числе они пришли в Венгрию, и всех, кого только смогли отыскать, не обращая внимания на пол и возраст, убили остриѐм меча, церкви и освящѐнные божественным именем места осквернили огнѐм, убийством людей и другими своими преступлениями, хвастая, что всех и главным образом христиан покорят своему господину. Просим мы и умоляем, пусть прозорливость вашего святейшества, ради помощи христианскому народу, даст нам и венгерскому королевству совет и явит спасительную помощь. Своим усердием вы сможете предотвратить гибель всего мира, и пусть из-за небольшого промедления не разорвѐт волк агнца на куски, и не случится это с тем, кому вы стараетесь помочь. Для того чтобы более полно рассказать вам о прочем, мы посылаем к вам очевидца случившихся событий, почтенного отца, любезного и верного нам вацского епископа С[тефана], надеясь, что к сообщѐнному им о нас вы отнесѐтесь с несомненным доверием.

Дано в Загребе в XV июньские календы. (18 мая 1241 г.)

4.14. Письмо Папе римскому из Фехервара от 2 февраля 1242 г.

Святейшему во Христе отцу и господину[1]… божественным провидением святой римской церкви присно понтифику капитул [церквей] Фехервара, Эстергома, Буды, Весприма, Печа, орденов цистерцианцев, премонстрантов, святого Августина и святого Бенедикта аббаты, приоры и братья, [а также] братья проповедники[2], миноритыы[3], госпитальеры, тамплиеры и других орденов братья, комиты, рыцари, горожане, обитатели замков и все прочие [люди] обоих полов в упомянутых городах, замках, комитатах и прочих укреплѐнных местах, собранные из венгерского королевства, спасшиеся от татар, [желают] поцеловать

[1] Трудно понять, кому из понтификов было адресовано это письмо. Во второй половине 1241 г. на римском престоле сменилось 2 папы (Григорий IX ум. 22 августа, Целестин IV ум. 10 ноября), а следующий папа Иннокентий IV был избран лишь спустя полтора года 25 июня 1243 г.

[2] Доминиканцы.

[3] Францисканцы.

землю у [ваших] святых ног. Поскольку святая римская церковь является матерью и наставницей всех церквей, к ней одной, после Бога, словно к материнскому лону осталось обращать свой взор[1] другим церквям, сильно угнетѐнным и незнающим, как им должно поступить. И потому от вашей, святой отец, божественной кротости вселенской церкви должна быть забота, чтобы вы по примеру милосердного и сострадательного Господа[2], чьѐ место вы занимаете на земле, являли милосердие для всех, особенно в отношении тех, кто в обиду имени распятого на кресте жалким образом был унижен, считая среди них и церковь венгерского королевства, изнурѐнную многими и различными опасностями и обращенную без малого почти в ничто. К вам, как в особое после Бога убежище, она подняла из глубины мучений[3] свой затуманенный из-за слѐз взор, здраво полагая и твѐрдо рассчитывая, что, если ей послужит лекарством апостольское благочестие, она вскоре поправится, чтобы снова восстать[4]. Итак, пусть вашему святейшеству будет известно, что называемые «татарами» недруги того кто был распят, как мы полагаем – во искупление наших грехов, внезапно и словно из ниоткуда вторглись в Венгрию и сильно опустошили это королевство до самой реки Дунай. Они перебили епископов, аббатов, монахов, братьев проповедников, миноритов, тамплиеров, госпитальеров, препозитов, архидиаконов, каноников, священников, клириков, комитов, рыцарей, находящихся в утробе [матерей] младенцев и бесчисленное множество прочих людей обоего пола, кого, пока те легкомысленно были порознь[5], они смогли отыскать. Но и юношей с девушками, и грудного младенца со старцем[6] сжѐг ненасытный огонь[7], и не осталось даже плачущих вдов, как сказано у пророков[8]: стоял плач от множества убиваемых безутешно горько стенающих. Кто одевался в цвета шафрана[9], точно также уходили в неволю, как и нищие[10]. И что более всего достойно сожаления и бесчеловечно – в божьем святилище[11] они сжигали мирян и священников, мощи святых и само тело Господа, умножая свою вину, попирали ногами, церкви превращали в притоны, а могилы святых в стойло для своего скота. В эту же ночь бедствия[12], восклицая одновременно сердцем и устами, мы

---

[1] 2 Пар. 20, 12.
[2] Псал. 85, 15; 102, 8; 110, 4; 111, 4; 144, 8; Иак. 5, 11.
[3] Плач. 2, 11; 3 Цар. 14, 4; Быт. 48, 10.
[4] Псал. 40, 9.
[5] Прит. 23, 28; Суд. 20, 48.
[6] Втор. 32, 25.
[7] Лев. 6, 10.
[8] Наум. 3, 3.
[9] Плач. 4, 5.
[10] Плач. 1, 18.
[11] Псал. 73, 7.
[12] Быт. 35, 3: «в день бедствия».

с самой сильной мольбой обращаемся к вашему святейшеству, да придут перед взор вашего милосердия стенания узников, чтобы была явлена кара за кровь рабов божьих[1], за поругание имени того кто был распят. Чтобы были осуждены[2] человекоубийцы, святотатцы и хулящие[3] за множество злобы своей, познав того, кого они предвкушали пронзить[4]. Но и мы, выше наших сил сопротивляясь у переправ через Дунай врагам имени Христова, ожидали помощи от матери церкви, и не было [еѐ]. Когда же Дунай замѐрз, у татар появилась возможность свободно в любом месте переправиться на наш берег. После чего, перейдя [реку], исполненные враждебными замыслами[5], они снуют туда-сюда по землям [королевства], стремясь в своей злобе исполнить задуманное[6]. Мы же, в большом числе и надлежащим образом вооружившись, держимся в замках Фехервара, Эстергома, Весприма, Тихони, Дьѐра, Святой Горы Венгрии[7], Мошона, Шопрона, Ферреокаструма, Новокаструма, Залы, Леуки и в прочих замках и укреплѐнных местах возле Дуная, на другом же берегу в Пожони, Нитре, Комаруне, Филеке, Альбе Новокаструме, а также в прочих замках и укреплѐнных местах, помимо божьего милосердия, ожидая помощи от вашего святейшества и божьей церкви. Твѐрдо надеясь, что если, сочувствуя нам, вы захотите вскоре прийти нам на выручку и помочь сопротивляться нашим врагам, да будет вам известно, что мы часто терпели ущерб от их коварства, в котором и заключается их главная сила. Поэтому сокрушѐнным сердцем[8] и жалобным голосом[9] мы умоляем ваше святейшество милостиво выслушать наилюбезнейшего нам во Христе фехерварского каноника и препозита церкви святого Николая Фехерварского магистра Шаламона и его товарищей, очевидцев произошедшего и специальных наших посланников, которым мы повелеваем [пасть] к ногам вашего благочестия ради помощи венгерской церкви. Ради Бога удостойте их ласкового внимания и, поскольку промедление для нас опасно, к божьей и вашей славе, как только можно быстро, беспрепятственно отошлите их к нам обратно. Но поскольку мерзость нашего запустения[10] велика и из-за еѐ бесконечности еѐ невозможно описать, и да не повредит пространность изложения вашего изысканного слуха, отнеситесь с самым полным доверием ко всему, что

---

[1] Псал. 78, 10-11.
[2] 1 Мак. 7, 42.
[3] 2 Мак. 9, 28; Деян. 19, 37.
[4] Зах. 12, 10; Ин. 19, 37.
[5] Дан. 13, 28.
[6] 1 Цар. 20, 7; 25, 17; Ис. 40, 2.
[7] Паннонхалма.
[8] Псал. 33, 19.
[9] Иер. 9, 19; 31, 15.
[10] Мф. 24, 15; Мр. 13, 14; Дан. 9, 27.

наши посланники должны поведать вашему святейшеству о происходящем в наших пределах. Дано в Фехерваре в день очищения славной девы[1].

4.15. Письмо Папы римского Григория IX королю Венгрии Беле IV от 16 июня 1241 г.

Григорий епископ и т.п. возлюбленному во Христе сыну нашему знаменитому венгерскому королю Беле [шлѐт своѐ] приветствие и т.п. Услышав стенания и плач возвышенной скорби, из-за многих горестей преисполнившись печали, мы горько рыдали из-за того что ниспосланный с небес суд уже повсеместно истребляет христианский народ, меч неверных беспрестанно губит верных, а клинок язычников жестоко безумствует среди христиан. Умноженный крик злодеяний человеческого рода, достигнув ушей Создателя, того, кто, словно не видя, молчал до настоящего времени, кто, словно терпя, ожидал от своего народа исправления, заставил обнажить меч мстителя несправедливостей и обрушившейся карой за грехи убрать от глаз своего терпения мерзость бесчестных поступков. Поэтому все, чьим сердцем завладел страх Господень, облачившись во власяницы и посыпав себя пеплом, с вздохами и слезами пусть молят божественное милосердие, чтобы тот Наилучший, кто во все времена привык быть выше зла и кто всегда усерден к прощению, приказал вернуть обнажѐнный меч в ножны, и, излив свой гнев на народы, которые его не знают, сжалился бы над народом помеченным знаком сына своего. Мы же уповаем, что, хотя Бог и решил изобличить нас строгой бранью, он не желает истребить от лица своего те королевства, которые призывают имя его; и даже стремится избавить от вечного наказания тех грешников, для которых, ради порицания нашего народа, старается употребить благодеяние временной кары: ибо хотя искушение смерти в пустыне и поразило некогда сыновей Израиля, однако гнев Господень на них длился не долго. Однако, хотя мы и были сильно опечалены из-за насилий над всеми верными [христианами], из твоих писем, пролив немало слѐз, мы узнаѐм и о скорби венгерского королевства, которое в значительной степени было захвачено во время татарского нашествия. Чем яснее в твоих письмах мы обнаруживаем благоговение перед Богом и апостольским престолом, чем более явно [в тебе?] мы узнаѐм светлой памяти твоих прародителей и блистательное королевство в стремлении быть угодным церкви, тем более сильная и ни на что не похожая печаль преисполняет наше сердце. Возлагая большую надежду на того, кто хотя и дал ассирийскому королю Синнахерибу возможность напасть на землю Израиля, однако, раздражѐнный сокрушением

[1] В праздник Сретенья Господня, 2 февраля.

Иезекии, за ночь истребил множество врагов, мы ободряем твоѐ Спокойствие, усердно призываем и молим Господа Иисуса Христа, твѐрдо надеясь на того, кто сделал невредимым простой народ, а взгляд надменный унизил. Побуждаем тебя смело и мужественно, как и подобает королевскому могуществу, напасть на татар, защитить венгерское королевство и католическую веру, которая, как известно, от них особенно пострадала. Ведь чем усерднее и отважнее ты будешь сражаться, тем более величия и чести стяжаешь своему имени. Мы же тебя и венгерское королевство в такой нужде не можем и не должны оставить без помощи, деятельно стараясь с согласия Господа подавать [тебе свои] помощь и совет. Принимая тебя и твою семью под свою и апостольского престола защиту, тебе и всем, кто, приняв знак креста, выйдет против этих татар на защиту венгерского королевства, мы даѐм отпущение [грехов] и щедро раздаѐм индульгенции, которые [обычно] на общем совете выдаются отправляющимся в Святую Землю.

Дано в Латеране в XVI июльские календы, в лето [нашего понтификата] XV.

Таким же образом и знаменитому королю и герцогу Склавонии Коломану.

4.16. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (22 января 1248 г.)

Епископ Иннокентий и т. д. приветствует любезнейшего во Христе сына [нашего,] Даниила, светлейшего короля Руси[1] и т.д. Поскольку опасностей легче избежать, если укрепиться против них щитом Провидения, мы просим светлость твою, умоляем и усердно увещеваем об особом одолжении, чтобы, как только станет тебе известно, что полчище татар движется на христианский мир, ты поспешил бы уведомить об этом любезных детей, братьев дома Тевтонского в Пруссии[2], дабы, как только через оных братьев дойдет это до нашего сведения, мы могли бы поразмыслить, как с помощью Божией сим татарам оказать мужественный отпор. Дано в Лугдуне, в XI Календы февраля[3], в пятый год понтификата нашего.

---

[1] Королю Руси – обычная формула обращения папы Римского к галицко-волынским князьям. Даниил Галицкий был коронован в 1253 г. в Дрогичине.

[2] Братьев дома Тевтонского в Пруссии – Тевтонский орден в Пруссии, с начала 30-х гг. XIII в. ведущий завоевание прусских земель. В 1243 г. Римская курия, будучи одним из главных инициаторов агрессии Тевтонского ордена в Пруссию, а также его церковным сюзереном, основала на территории, завоеванной Тевтонским орденом, четыре епископства, получив по праву церковного патроната треть прусских земель.

[3] XI Календы февраля – 22 января.

В том же духе любезнейшему во Христе сыну нашему, брату Даниила, светлейшего короля Руси[1].

4.17. Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (23 января 1248 г.)

Благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому[2] Иннокентий епископ, раб рабов Божиих[3]. Отец грядущего века, князь мира, сеятель благочестивых помыслов, Спаситель наш Господь Иисус Христос окропил росою своего благословения дух родителя твоего, светлой памяти Ярослава[4] и, с дивной щедростью явив ему милость познать себя, уготовил ему дорогу в пустыне, которая привела его к яслям господним, подобно овце, долго блуждавшей в пустыне. Ибо, как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому[5], отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата[6], в присутствии Емера, военного советника[1]. И

---

[1] В том же духе... брату Даниила – по-видимому, текст послания брату Даниила Василько Романовичу не сохранился.

[2] Князь Александр Ярославич, который был в тот момент князем Новгородским и великим князем Киевским. Именование князей Северо-Восточной Руси «суздальскими», а не «владимирскими», характерно для средневековых западноевропейских источников, встречается и в ливонских хрониках. ПланоКарпини называл отца Александра – великого князя Ярослава Всеволодовича – «великим князем в некой части Руси, которая называется Суздаль». Именование здесь Александра «князем» или «герцогом», а не «королем», объясняется тем, что «Суздальским» князем он был тогда не по занимаемому столу, а по факту его родства – т.е. принадлежности к дому Суздальских (Владимирских) князей.

[3] Папа Иннокентий IV, понтификат которого датируется 24 (по другим данным – 25 или 28). Резиденция папы находилась не в Риме, а в Лионе.

[4] Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, князь Киевский, прибыл в Каракорум в 1246 г. на празднования по случаю вступления на великоханский трон хана Гуюка.

[5] Иоанн де Плано Карпини – настоящее имя Джованни дельПьяно-Карпине (начало 1180-х – между 1248 и 1252 гг.), родом из г. Перуджа, из богатой семьи. Сподвижник Франциска Ассизского, один из основателей Ордена францисканцев и Ордена миноритов. Исполнял дипломатические поручения папы Римского в Германии, Испании, Португалии. Посол папы к монгольскому хану в Каракоруме. Описал свое путешествие из Лиона в Каракорум и пребывание при дворе хана (с лета 1245 г. до ноября 1246 г.). В Каракоруме встречался с князем Ярославом Всеволодовичем. После возвращения в Лион (осень 1247 г.) Плано Карпини был посвящен в архиепископы и получил в управление епархию в Антивари.

[6] О том, что князь Ярослав согласился принять католичество, известно только из данного послания папы. Исследователи относятся к данному сообщению, как правило, с доверием. Хотя Иннокентий IV ссылался на ПланоКарпини, последний в своем сочинении не дает даже намека на то, что князь Ярослав в разговорах с ним изъявил желание перейти в лоно католической церкви. Странно, что он умолчал о таком важном факте, хотя не забыл

вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни[2].

Поскольку он столь счастливо завершил свой жизненный путь[3], то надобно благочестиво и твердо уверовать в то, что, причисленный к сонму праведников, он покоится в вечном блаженстве там, где сияет немеркнущий свет бесконечный, где разливается благоухание, не исчезающее от дуновения ветра, и где постоянно пребывает он в объятиях любви, в которой несть пресыщения.

Итак, желая, чтобы ты, как законный наследник отца своего, подобно ему обрел блаженство, мы, вроде той женщины из Евангелия, зажегшей светильник, дабы разыскать утерянную драхму[4], разведываем путь, прилагая усердие и

упомянуть о встречах по поручению папы с князем Даниилом Романовичем Галицким и его братом, князем Васильком. Не преминул он и рассказать о беседе с православными священниками Галицко-Волынской Руси, во время которой не только зачитал грамоту к ним Иннокентия IV, но и от своего собственного имени увещевал их «вернуться к единству святой матери Церкви». Думается, что Ярослав в разговоре с Плано Карпини дал лишь «согласие на переговоры с курией». Именно к такой осторожной формулировке склонился по мере исследования темы В. Т. Пашуто. Причем согласие князя могло касаться не столько перемены веры, сколько вопроса о совместных действиях против монгольской угрозы. Думается, что, докладывая папе о результатах дипломатической миссии, Плано Карпини преувеличивал свою заслугу в обращении Ярослава к католической вере. Тем более, что письменного подтверждения намерений князя не было, а разговоры проходили только в присутствии переводчика из свиты князя. В записках же для потомков Плано Карпини постарался избежать прямых указаний на свою теологическую победу над русским князем на тот случай, если вдруг обнаружится это преувеличение.

[1] Советник Емер – воин и переводчик Ярослава Темер, известный по сочинению Плано Карпини. Он был также переводчиком Плано Карпини при аудиенциях его у великого хана Гуюка уже после смерти Ярослава. Естественно, что Темер был в курсе намерений Ярослава. Но вряд ли его можно в полном смысле считать – советником князя, т.е. тем человеком, к мнению которого Ярослав прислушивался. В поздних летописных сводах (например, в Московском летописном своде конца XV в., в Воскресенской летописи) упоминается о неком Федоре Яруновиче, который выдал намерения князя Ярослава «царю», т.е. хану Гуюку. В. Т. Пашуто отождествляет Федора Яруновича с Темером. Это, однако, сомнительно. Темер (Тимир), скорее, восточное имя, а Ярун – славянское. К тому же отчество на «вич» свидетельствует о знатном – боярском, происхождении Федора, что не соответствовало обязанности «толмача». Правда, какой-то боярин Федор Ярунович действительно мог состоять в окружении князя Ярослава. В русских источниках первой половины XIII в. упоминается только один Ярун – воевода, участвовавший в Липицкой битве 1216 г., а также в битве на Калке. Возможно, он и был отцом Федора.

[2] По рассказу Плано Карпини, подтверждаемому сообщениями русских летописей, Ярослав Всеволодович был отравлен на приеме у ханши Туракины и умер 30 сентября 1246 г.

[3] Весьма абсурдно звучит упоминание о «счастливой» смерти князя. В связи с этим копировавший документ в Ватиканском архиве аббат Альбертранди заменил «feliciter» на «infeliciter» (о «несчастливой», «злосчастной»). Но и в следующей фразе послания говорится о «счастливом» («felici») завершении жизни Ярослава. Очевидно, «счастливым» завершение жизни князя стало потому, что он успел принять верное решение о переходе в лоно Римской церкви. Последовавшая же вскоре после этого гибель князя представлена как страдание за веру. За что ему и уготовано вечное блаженство.

[4] Ср. Лука, 15, 8-9.

тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезей по стопам своего отца, достойного подражания во все времена, и с такой же чистотою в сердце и правдивостью в уме предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви, чтобы ты, покинув путь греха, ведущего к вечному проклятию, смиренно воссоединился с той церковью, которая тех, кто ее чтит, несомненно ведет к спасению прямой стезей своих наставлений.

Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша (с которой обращаемся к тебе), исполняя наш долг, которая служит твоей же пользе; ибо весь спрос с тебя: чтобы убоялся ты Бога и всем сердцем своим его любил, соблюдая заветы его. Но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишен, коль скоро откажешь в своем повиновении нам, мало того – Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступится своею честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величию служить стремится.

Вот о чем светлость твою просим, напоминаем и ревностно увещеваем, дабы ты матерь Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что, коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того – Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем[1].

Ведомо, что от опасностей легче бежать, прикрывшись щитом мудрости. Потому просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы, как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать[2].

---

[1] Смысл двух последних абзацев можно рассматривать, как обещание Александру, если он примет католичество, помочь занять главенствующее положение среди князей Северо-Восточной Руси и противостоять монголам.

[2] Иначе говоря, призывая князя к союзу против монголов, Иннокентий IV отводит Александру Ярославичу лишь роль разведчика, оставляя за собой разработку стратегии и тактики военных действий. Последнее предполагало ввод войск католических государств на территорию Руси.

За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей[1], мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней. Писано в Лионе X дня февральских Календ, в год V[2].

4.18. Послание Папы римского Иннокентия IV магистру и братьям Тевтонского ордена (24 января 1248 г.)

Магистру[3] и братьям Тевтонского дома в Пруссии Иннокентий епископ, раб рабов Божиих.

Поскольку Даниилу, светлейшему королю Руси и... брату его, а также благородному мужу Александру, князю Суздальскому[4], направили мы наши грамоты с тем, чтобы, как только станет им известно, что полчище татар движется на христианский мир, они поспешили бы уведомить нас об этом, дабы, как только через вас дойдет это до нашего сведения, мы могли бы поразмыслить, как с помощью Божией сим татарам оказать мужественный отпор, ибо опасностей легче бежать, если укрепиться против них щитом мудрости, просим, как только это станет вам известно через них или от кого-либо из них, вы поспешили бы уведомить нас об этом. Писано в Лугдуне, в IX Календы февраля[5], в пятый год [понтификата нашего].

4.19. Послание Папы римского Иннокентия IV христианам Восточной Европы с призывом Крестового похода против татаро-монголов (14 мая 1253 г.)

Епископ Иннокентий, раб рабов Божиих, всем христианам в пределах королевства Богемии, Моравии, Сербии и Померании [шлет] привет и апостольское благословение.

Поскольку мы, недостойные, по воле Божией, поставлены оберегать других, то обязаны думать не столько о явных, сколько о тайных опасностях, дабы сердца правоверных не дрогнули и они без особых усилий отразили бы эти

---

[1] Надежду на то, что Александр примет предложение папы, вселял отказ князя прибыть в Каракорум по требованию ханши Туракины после смерти его отца.

[2] Lugdunus – латинское название г. Лиона, где находилась резиденция папы Иннокентия IV.

[3] Магистру – в 1247-1248 гг. магистром Тевтонского ордена в Пруссии был Генрих фон Вейде.

[4] Александру, князю Суздальскому — Александр Ярославич Невский, князь Новгородский, великий князь Владимирский.

[5] IX Календы февраля – 24 января.

опасности, тщательно подготовившись и мужественно укрепившись против них щитом Провидения, и чтобы, если, не дай Бог, они нагрянут, христианам было бы не столь тяжко, а ущерб от опасностей этих был бы не столь велик, ибо их удалось предусмотреть. Более того, мы с прискорбием сообщаем о бедствиях, жестоко причиненных некоторым христианским землям внезапным нашествием татар, о бедствиях, о которых невозможно говорить без слез, ибо, нимало не считаясь ни с возрастом, ни с полом, эти татары уничтожили многих христиан. Но хотя их отступление даст вам краткое отдохновение от перенесенных мук, все же, пока они обретаются у врат христианского мира и пока им не будет отрезан путь к вам, вы и помышлять не должны, что можно жить спокойно, ибо расплатой за это может послужить тяжкое разорение. Воистину, недавно из посланий любезнейшего во Христе сына нашего, сиятельного короля Руссии[1], которому по причине соседства с ними стали известны многие их секреты, мы узнали, что упомянутые татары готовятся к уничтожению всех тех, кому во многих местах по благодати Божией удалось спастись от них бегством, и что, доколе не остановит их Бог, они будут яростно попирать соседние с ними христианские земли; посему, чтобы в ближайшем будущем ваши земли не разделили судьбу несчастных и чтобы пагубное нашествие, не возымев мужественного отпора, не погубило многих, то именно им [вашим землям], которые уже подверглись их нашествиям, надлежит положить предел их упрямой гордыне, чтобы сородичи этих татар встретили бы вооруженный отпор. В противном случае, если вы будете безропотно сидеть сложа руки, а не оказывать им отпор, республике[2] и вашим [землям] будет нанесен немалый ущерб, когда они проложат свой смертоносный путь через вас к другим христианам. Впрочем, пусть в столь решительной битве считается полезным материальное оружие, было бы много полезнее осенить себя знамением спасительного креста, дабы вы, рыцари Христа, который возглавит ваше войско, вы, осененные славным крестом, с той доблестью, с какой Христос победил воздушные силы, чудом остановили бы натиск сих татар. Воистину, кажется излишним дожидаться трубного гласа[3], который воззвал бы вас к битве в столь решающий момент, ибо, нам представляется, вы не лишены здравомыслия и по зрелом размышлении вы и безо всякого сигнала устремитесь в битву, как если бы он прозвучал. Но, чтобы не показалось, что мы не думаем о вашем спасении, а требуем крови вашей, которую при молчаливом попустительстве может пролить меч безбожников, то мы сочли необходимым направить к вам любезного сына [нашего]... аббата Мецано[4],

---

[1] Короля Руссии – речь идет о Данииле Галицком.

[2] Республике – «республика» – обычное в папских документах название христианского (католического) мира.

[3] Ср. Откр. 8, 13; 9; 10.

[4] Аббата Мецано – Опизо из Мессаны, папский легат.

мужа редкостной честности, знакомого с упомянутыми посланиями и снискавшего своими достоинствами уважение наше и братьев наших, чтобы он сам и другие, кого он сочтет достойными, божественно наделенные мудростью Духа Святого, проповедуя слово креста, старались бы защитить вас знамением этого креста от сих татар, равно как от прочих язычников, которые не менее татар жаждут крови христианской. Да понесет каждый христианин крест свой и последует во всеоружии за знаменем славы Всевышнего Царя, чтобы по меньшей мере смыть пятно вменяемого вам позора, будто ныне вы малодушно бежите от неверных, которым имя ваше внушит страх. А чтобы ничто не помешало столь спасительному делу, всем, кто, вдохновившись этим призывом, возьмет крест, мы щедро воздадим отпущением грехов и наделим их теми же привилегиями, что и идущих на помощь Святой земле. Дано в Ассизи, во II Иды мая, понтификата нашего год десятый.

В том же духе архиепископам и епископам и всем христианам в Русции.

4.20. Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Узбеку

Бенедикт епископ и проч. Его Величеству Хану Узбеку Императору Татар светлейшему милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. С радостью и благосклонно приняли мы любезных сыновей мужей благородных Петранодель Орто, бывшего владетеля Каффы и Алберта его товарища исповедующих католическую веру, посланников вашего величества, вместе с любезным сыном Гелия из Венгрии, францисканцем, посланником высокого князя Джанибека, Вашего первородного сына, назначенных к нам, и то, что они от имени Вашего Величества постарались предложить, мы выслушали терпеливо и ласково и обсудили прилежно. Поелику же упомянутые посланники превознося множеством громких похвал Ваше величие, могущество а равно и чувство любви и уважения питаемое Вами до сих пор и прежде к нам и св. Апостольской столице, объяснили нам, присоединив приятный рассказ, что Вы, выражая это чувство любви и уважения в похвальных делах, посланников ваших, отправленных нами за долго перед тем в Китайскую империю представившихся Вам, приняли милостиво и ласково из уважения к Богу, к нам и упомянутой апостольской столице, и человеколюбиво повелели выдать им деньги и все нужное и снабдить их на дорогу до самого места назначения не только не скудно, но даже с избытком и роскошно. – Далее, что снисходя благосклонно на наши просьбы и увещания, с которыми мы поручили Вашей милости христиан католиков подлежащих Римской церкви, живущих в Вашей Империи, Вы усу-

губили относительно их Вашего Величества щедрости и милости, предоставив им свободу починять и строить по прежнему церкви и другие церковные строения и епископам и духовным католическим проповедывать слово Божие и совершать св. церковные таинства по обычаю и обряду св. Римской церкви, матери всех верных и учительницы. – Кроме того, что, когда несколько подлых людей, решившихся на неслыханное злодеяние, низким и изменническим способом покусились на жизнь Вашу и ночью осадили Вас в Вашем дворце, подложив под него огонь, а после того старались несправедливо сложить это злодеяние на упомянутых христиан, Вы, счастливо избавившись с помощью Божьею от подобной опасности, помня наши просьбы и увещания и вдохновенные Божественной мудростию, сочли упомянутое обвинение несправедливостию и клеветою и по милости Вашей выпустили означенных христиан мирно на свободу, как невиновных в означенном преступлении, исключая трех, которые по наущению злого духа присоединились, говорят, к злодеям и были вместе с ними наказаны. Все это в высшей степени угодное Богу и нам и нашей столице, любящим справедливость и милосердие и одобряющим то что достойно одобрения, увеличивает славу Вашего имени и приспособляет Вас к получению милости Божественной благодати. По истине мы надеемся и веруем что Божественное провидение, которое не ошибается в своих предначертаниях, внушило Вам вышеупомянутые и другия благочестивые дела, в которых Вы, как мы с радостию узнали, преуспеваете, и ниспошлет вдохновение в сердце Ваше, так что Вы, узнав наконец истину, т.е. Христа, озаренные светом католической веры, и приняв ее, без чего нет никому спасения, войдете в одну овчарню, в которой один пастырь, и не лишитесь пастбищ вечного насыщения по окончании настоящей жизни. По этой причине мы заступающие хотя и за недостаточные заслуги, место Бога на земле, желая этого горячо для спасения души Вашей, просим Ваше Величество и настоятельно увещеваем, чтобы Вы, подумав внимательно, в глубине души Вашей, как коротка жизнь человеческая и как неверны и часто внезапны судьбы мира сего, старались усердно, по силам Вашим, преуспевать во всем, чтобы соединиться с сонмами небесными. Об этом и о всем прочем, относящемся к Вашему спасению, мы покорными молитвами просим и будем просить Бога. Далее за благосклонность и милости оказанные, как это сказано выше, милостию Вашею упомянутым христианам католикам и за подарки от Вас, от Вашего достославного первородного сына и светлейшей императрицы, супруги Вашей, поднесенные нам упомянутыми посланниками и принятые нами с благодарностиюво уважение к пославшим их, мы приносим Величеству Вашему чувствительнейшую благодарность, присоединяя к вышесказанным просьбам и увещаниям, чтобы благосклонность Вашей милости к упомянутым христианам католикам, подведомственным упомянутой Римской

церкви, всегда возростала и увеличивалась. Кроме того, так как мы узнали, что между Вами и чиновниками и подданными любезнейших в Христе сыновей наших, светлейших королей Венгерского… и Польского… случаются иногда на границах Вашего и их государств ссоры и войны, которых следствием убийство людей, опустошение и более еще плачевная опасность для душ, то благоволите Ваше Высочество прекратить нападение Ваше на эти государства: а если упомянутые короли нанесут Вам или Вашим подданным не заслуженную обиду или оскорбление и Вы заблагорассудите сообщить об этом нам, мы будем стараться всеми силами с помощию Божиею, чтобы со стороны королей сделано было Вам и Вашим подданным приличное удовлетворение. В Авиньоне, 17 Августа, в шестой год первосвященства (1340)

4.21. Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Джанибеку

Бенедикт Епископ и проч. Достойному мужу, князю Джанибеку, первородному сыну Е. В. государя Узбека Императора Татар светлейшего милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. Представившегося нам недавно любезного сына Гелию из Венгрии, францисканца, посланника вашей знатности мы приняли ласково, как по угажению к Вам, так равно приняв во внимание его честность, и то что от имени Вашего он хотел нам сообщить, мы выслушали благосклонно и уразумели прилежно. Хотя о любви вашей, внушенной Вам Господом, которую вы питаете и питали до сих пор к св. апостольской столице и Римской церкви матери всех правоверных христиан и учительнице а вместе с тем о благосклонности и расположении, которые оказываете постоянно безпрестанно христианам католикам, повинующимся Римской церкви, живущим в Империи отца Вашего, из любви к Богу и уважения к нам и к упомянутой апостолькой столице, мы давно слышали из приятных нам донесений; однакож упомянутый посланник превознося и величая Вас множеством громких похвал, как за это, так равно и за другия хорошия и благочестивые дела, говорил нам много приятного об Вас и о многих Ваших добродетелях, которыми податель всех благ наделил Вас. Радуясь в Господе добродетельными поступками Вашими и желая Вашего спасения и преуспеяния в том, чем можете заслужить милость в настоящей жизни и славу вечного блаженства в будущем, мы убедительно просим Вашу знатность и увещеваем в Господе, чтобы Вы неусыпно заботясь о всем, что нужно для спасения души Вашей, принимало охотно душеспасительные наставления и увещания упомянутого Ильи посланника Вашего, любящего Вас, как мы убедились, искренно, и чтобы Вы, не доз-

воляя потухнуть в себе чувству благоговения, данному Господом всех добродетелей, приняли упомянутых христиан под Ваше покровительство и оказывали им нужную благосклонность и милости, чтобы сам Бог, источник всех благ и не оставляющий без награды ни одного доброго дела, озарил Вас оком благости своей, пролил в душу Вашу свет истинной веры и направлял действия Ваши к тому, что угодно ему и полезно для Вашего спасения. За присланный Вами подарок, представленный упомянутым посланником, и за милости оказанные Вами упомянутым христианам, мы еще раз изъявляем чувствительнейшую благодарность. Дано в Авиньоне 17 августа. В шестой год.

Контрольные вопросы к четвертому разделу

1. Охарактеризуйте положения документов 4.1 и 4.2. Какую мысль хотели донести авторы документа? Каким должен быть «Божий мир», по мнению двух авторов?

2. Какие проблемы имели место во взаимоотношениях Рима и Константинополя? В чем суть раскола?

3. С какими событиями связаны документы 4.5 и 4.6?

4. В чем суть феномена антипапства?

5. Сравните понтификаты Иннокентия III, Гонория III и Иннокентия IV и выделите признаки, свидетельствующие об ослаблении влияния Рима.

6. Какие идеи продвигал римский папа, призывая господаря Венгрии, князей Руси, рыцарей Тевтонского ордена и христиан Восточной Европы вступить в борьбу с монголо-татарским игом? Какие цели преследовала римско-католическая церковь в попытке установить дипломатические отношения с монголо-татарскими ханами? В чем заключался мотив? Почему римско-католическая церковь переориентировалась с продвижения идеи Крестового похода против монголо-татар на установление с ними дипломатии?

Раздел 5. Международные отношения и дипломатия в эпоху Крестовых походов

План

1. Причины и предпосылки Крестовых походов. Речь Папы Урбана II и поход бедноты.
2. Первый крестовый поход: основные события и итоги.
3. Реакция европейских государей на взятие Иерусалима Саладином (Салах ад-Дином). Взаимоотношения между европейскими государями во время Второго и Третьего крестовых походов. Позиция Рима и Константинополя.
4. Четвертый крестовый поход: цели, события и итоги. Внешнеполитическая позиция папы Иннокентия III.
5. Влияние на международные отношения последних Крестовых походов.

Источники

1. Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя. М., 1993.
2. Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.
3. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986.
4. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 2. Средние века. Благовещенск, 2013. С. 1007-1188.

Литература

1. Доманин А. Крестовые походы. Под сенью креста. М., 2003.
2. Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад // Византийский временник. Т. 36. 1974. С. 100-121.
3. Он же. Никейская империя и Восток // Византийский временник. Т. 39. 1978. С. 93-101.
4. Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956.
5. Он же. Папство и Крестовые походы. М., 1960.
6. Он же. Византийская политика папства и начало крестовых походов // Средние века. Вып. 14. 1958. С. 27-48.
7. Он же. Из истории международных отношений в Западной Европе в конце XII - начале XIII вв. // Средние века. Вып. 23. 1963. С. 120-133.

8. Он же. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
9. Он же. Некоторые вопросы истории Четвертого крестового похода и международные отношения на Балканах начала XIII в. в работах болгарского ученого Б. Примова // Средние века. Вып. 11. С. 156-161.
10. История Средних веков. Крестовые походы (1096-1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. М., 2001.
11. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981.
12. Куглер Б. История Крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1995.
13. Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом // Византийский временник. Т. 21. 1962. С. 260-274.
14. Мишо Ж. История Крестовых походов. М., 2001.
15. Нистазопулу-Пелекиду М. О византийской дипломатике в период Никейской империи // Византийский временник. Т. 48. 1987. С. 64-72.
16. Осокин Н. А. История средних веков. Минск, 2003. С. 465-486; 534-546; 599-612.
17. Степаненко В. П. Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // Византийский временник. Т. 50. 1989. С. 85-92.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: http://www.xlegio.ru
2. Восточная литература. Средневековые источники по истории Запада и Востока. URL: http://www.vostlit.info
3. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/

Методические указания

Пятый раздел содержит вопросы по проблеме организации и проведения Крестовых походов в форме военно-колонизационных кампаний с целью освобождения Гроба Господня от арабов и турок-сельджуков. В исторических источниках подчеркивается воинственное настроение рыцарей, объясняемое в первую очередь не желанием защитить христианские святыни от рук неверных варваров-язычников, а жаждой наживы, стремлением возместить все потери, связанные с организацией масштабных по численности участников и довольно продолжительных по времени военных кампаний.

Составители рекомендуют проводить три занятия по данной теме, чтобы студенты сформировали четкие представления об особенностях развития международных отношений и дипломатии в период Крестовых походов. По каждому походу есть документы, среди которых преобладают мемуары и хроники участников крестоносного движения. В приводимых отрывках современники характеризуют отношение различных слоев населения Европы к «крестоносному движению». Они пытаются объяснить, чем было вызвано стремление крестьян отправиться в неведомые страны, показывают роль церкви, которая воздействовала на религиозные чувства земледельцев-христиан, готовых в бегстве искать спасение от поборов и вымогательств сеньоров, от страшного голода, от постоянных нападений разбойников и от притеснения со стороны феодалов-рыцарей. При изучении документов становится понятно, что религиозный фанатизм был очень тесно связан с материальным положением участников.

Большая часть документов посвящена IV Крестовому походу, приведшему к вооруженному столкновению с Византией и завоеванию Константинополя. Данный акт агрессии свидетельствует о кризисе «крестоносного движения» и снижению популярности идеи священной войны за Иерусалим. Особенно в этом плане интересна двойственная политика папы Иннокентия III, фактически санкционировавшего захват Константинополя. В плане сравнения взглядов на события завоевания крестоносцами столицы Византии студентам было бы полезно рассмотреть взгляды каждого хрониста и историка в отдельности. Так, в разделе представлены отрывки из произведений крупного французского феодала **Жоффруа Виллардуэна**, одного из руководителей Четвёртого крестового похода, написавшего хронику «Завоевание Константинополя». В разделе также представлен труд французского средневекового хрониста **Роберта де Клари**, рыцаря из Пикардии, сопровождавшего в Четвертом крестовом походе своего сеньора Пьера Амьенского, ставшего известным благодаря своей хронике «Завоевание Константинополя». Кроме того, в перечне приведены отрывки из работ монаха-хрониста **Гунтера Пэрисского**, автора произведения «История завоевания Константинополя», и византийского историка **Никиты Хониата**, который родился в городе Хойе, во Фригии, получил образование в Константинополе, достиг высокого положения по службе. Во время захвата Константинополя последний был очевидцем трагических событий и едва спасся от гибели, сбежав в Никею. Там он провел последние годы жизни, описывая события, которые пережил. Автор оставил «Хронику» в 20 книгах, охватывающую период истории Византии, включая события 1118-1206 гг. Несмотря на некоторые неточности, она отличается достоверностью и представляет большой интерес.

Студентам можно разделиться на группы, а можно каждому взять конкретного автора и попытаться понять его взгляд на произошедшее событие. По-

сле этого можно в формате дискуссии, либо в формате представления доклада попытаться представить точку зрения определенного участника исторического события, охарактеризовать ее и сделать собственный вывод. Каждый студент или группа студентов представляет точку зрения отдельно взятого автора. Далее идет процесс сравнения. В этом плане можно рассмотреть позицию римского папы Иннокентия III, чтобы составить целостное представление о том, как проходило планирование и свершение агрессивного акта по отношению к Константинополю и Византии в целом.

Последние документы отражают взгляды и настроения участников последних Крестовых походов. В первую очередь следует студентам проанализировать деятельность французского короля Людовика IX Святого, соотнести ее с событиями во Франции, в христианском мире и в восточносредиземноморском регионе. Все это позволит составить целостное представление о закате эпохи Крестовых походов.

Документы

5.1. Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе (Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского)

В год от воплощения господня тысяча девяносто пятый, на пределах Галлии торжествовался великий собор, а именно в Оверне, в городе именуемом Клермон. На нем присутствовал папа Урбан Второй, с епископами и кардиналами. Был же этот собор знаменит большим стечением галлов и германцев, как епископов, так и князей. Устроив предварительно церковные дела, владыка папа выступил (26 ноября) на широкую площадь, потому что не было здания, стены которого могли бы вместить в себе всех присутствующих. Обращаясь ко всем с приятною сладостью риторики, он произнес:

«Народ франков... К вам обращается моя речь, к вам несутся слова моих убеждений. Я хочу вам поведать, что привело меня в ваши пределы, какая ваша крайность и всех верных заставила меня стать пред вами. От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от бога, отродье, сердце и ум которого не верит в господа, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви жебожии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предстоять труд отметить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей...

В особенности же вас должна вызывать святая гробница спасителя и господа нашего, которою владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна, и едва дает хлеб своим обрабатывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... «течет медом и молоком». Иерусалим – плодоноснейший перл земли, второй рай утех...»

Когда папа Урбан... говорил все это и многое другое в этом роде, все присутствовавшие были до того проникнуты одною мыслью, что в один голос воскликнули: «Так хочет бог, так хочет бог!».

5.2. Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе (Из «Деяний франкских пилигримов, ушедших на завоевание Иерусалима» Фулькерия Шартрского)

...Услыхав, что турки отняли у христиан внутренние части Романьи... [папа] спустился через горы в Галлию и в Оверни, в городе Клермоне... созвал собор... И держал длинную речь... о многих потрясениях колеблющегося мира. Затем... увещал... мужественно встать на борьбу с дьявольскими кознями и за возвращение святой церкви, жестоко ослабленной нечестивыми людьми.

Он сказал: «... необходимо, чтобы вы ускоренным порядком поспешили на помощь вашим братьям, обитающим на Востоке и нуждающимся в вашей, неоднократно обещанной им помощи. На них обрушились... турки н арабы... они одержали верх над ними, неоднократно разбивая их в бою, многих убили или же взяли в плен, церкви разгромили, а империю опустошили...

Поэтому и обращаюсь со смиренной просьбой, и не я, а господь, чтобы вы, глашатаи христовы, почаще убеждали всех, к какому бы кто ни принадлежал сословию, как пеших, так и конных, как бедных, так и богатых, чтобы они своевременно посодействовали восточным христианам в изгнании из пределов христианского мира той негодной породы людей...

Всем идущим туда, в случае их кончины на сухом пути, или на море, или в бою с погаными, отныне да будет отпущение грехов...Пусть выступят против неверных в бой, которому надлежит начаться, в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, кои с давних пор привыкли злоупотреблять правом частной войны против своих единоверцев-христиан.

Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем. Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в прежние времена сражался против братьев и соплеменников. Да получат нынче вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть двойная честь увенчает труды тех, кто не щадил себя во вред и телу, и душе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат, кто здесь недруг богу, там станет другом ему. Пусть идущие во святую землю не медлят, но, сдав в надежные руки свое имущество и собрав средства на путевые издержки по прошествии зимы, в ближайшую весну с богом бодро выступят в путь».

5.3. Петр Пустынник и его деятельность
(Из «Алексиады» Анны Комниной)

...Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт[1] по имени Петр, по прозвищу Кукупетр[2], отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти к гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франции, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян»[3]. И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты.

...Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая огромная толпа из разных мест все разом переправиться через пролив Лонгивардии?)[4]; сначала одни, затем другие, потом следующие, – постепенно все совершили переправу и двинулись по суше.

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского[5] войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные

---

[1] Кельтами Анна Комнина называет выходцев с Запада (это наименование употребляется ею наряду с другими – латинянами).

[2] Кукупетр, т.е. Петр в клобуке. Так Анна называет Петра Пустынника. Как и Альберт Аахенский, она считает Петра главным зачинщиком похода и ни словом не упоминает о Клермонском соборе. Возможно, здесь сказывается влияние ее источников – рассказов бывших крестоносцев, народных легенд: ведь Петр был предводителем крестьянской массы.

[3] Агаряне – арабы и турки. Название это, распространенное в средневековье, восходит к библейской легенде об Агари, египетской рабыне-наложнице патриарха Авраама, сын которой от него – Измаил явился родоначальником этих народов.

[4] Адриатическое море.

[5] Ромеи – самоназвание византийцев («римляне»).

из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода – ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город[1]. Боэмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии[2] и пришел в столицу через Угрию[3]. Племя кельтов – вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое – становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок[4], император посоветовал ему дождаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, пере-правился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Елеиополь. За ним последовало около десяти тысяч норманнов[5]. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи[6], обращаясь со всеми с крайней жестоко-

---

[1] Т.е. Константинополь.

[2] Анна ошибается: воинство Петра Пустынника не переправлялось через Адриатическое море, а двигалось по дороге через Ниш, Средец, Филиппополь, Адрианополь. В Константинополь Петр прибыл 30 июля 1096 г. Впереди его крестоносцев шли отряды Вальтера Голяка. Западные хронисты иначе, чем Айна, определяют численность войска Петра. Вообще соотношение приведенных сю цифр (100 тысяч конников и 24 тысячи пехотинцев) сомнительно.

[3] Угрия – Венгрия.

[4] «Раньше», т.е. во время своего паломничества в Иерусалим, когда он подвергался нападению турок и сарацин.

[5] Под норманнами, так же как и под кельтами, латинянами, Анна подразумевает здесь «западных людей» вообще.

[6] После переправы в Малую Азию войско Петра Пустынника разделилось на две враждующие части: норманнов и германцев (во главе с Рено де Брей) и франков, оставшихся верными Петру. К Никее отправился отряд Рено.

стью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они (горожане) после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд[1].

Султан[2], узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его[3], норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее[4]. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом[5]. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

---

[1] Точное местоположение этого города неизвестно. По сведениям анонимного автора «Деяний франков», Ксеригорд был расположен в четырех дня от Никеи.

[2] Имеется в виду иконийский султан Кылыч-Арслан (1092-1107).

[3] Турки осадили Ксеригорд 29 сентября 1096 г. и взяли его на девятый день осады.

[4] Согласно рассказу Альберта Аахенского, крестоносцы знали о поражении у Никеи и о движении турецкого войска, но по настоянию Готфрида Буреля, рыцаря, пользовавшегося большим влиянием в отряде Петра, выступили навстречу туркам.

[5] По словам автора «Деяний франков», турки застали крестоносцев спящими в лагере и многих убили. Оставшиеся в живых бросились бежать к Киоту, некоторые пытались спастись морем. Эти события датируются октябрем 1096 г.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь...[1]

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям[2], он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неугодно, чтобы они поклонились гробу господню.

5.4. Движение первых крестоносцев (Из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского)

В начале лета того же самого года (1096 г.), когда Петр и Годескальк отправились в путь со своим войском, выступили в поход и другие бесчисленные дружины христиан из различных государств и земель, а именно из Франции, Англии, Фландрии и Лотарингии. Пылая огнем божественной любви и возложив на себя знамение креста, они стекались толпами со всех сторон, неся с собою все хозяйство, съестные припасы, оружие и все, что было необходимо для их пути в Иерусалим. Эти люди, выходя из своих государств и городов отдельными партиями, соединялись потом в одно целое...

Не знаю, по воле ли божества или вследствие умственного заблуждения, они восстали с жестокостью против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестокосердно избили его, особенно в Лотарингии, утверждая, что тем они полагают начало своему походу и борьбе с врагами веры христовой. Такое избиение иудеев совершили первыми граждане города Кельна, напав неожиданно на то небольшое число их, которое обитало там; они переранили и изувечили почти всех самым бесчеловечным образом, срыли их дома и синагоги и разделили между собой множество денег. Устрашенные такими жестокостями, иудеи в числе 200 бежали и ночью переплыли на судах в Неисс; но встреченные пилигримами и крестоносцами были все умерщвлены и ограблены, так что не спаслось ни одного человека.

Встречались и другие омерзительные преступлення среди того громадного сборища людей безумных и легкомысленных... Некоторые признавали гуся и козу одинаково наделенным даром духа святого и брали этих животных руко-

---

[1] Анна ошибается: Петра в то время не было с крестоносцами. Он находился в Константинополе, где вел переговоры с Алексеем.

[2] Петр имел в виду отделившийся от его войска отряд Рено.

водителями на пути в Иерусалим; им оказывалось почтение, и эти люди, сами подобные животным, оставались в своем заблуждении с совершенным спокойствием души. Да убоятся сердца верующих подумать, что господь Иисус желает, чтобы гроб, где лежало его святейшее тело, был посещен бессмысленными и глупыми животными и чтобы эти животные руководили христианскими душами... Но удивительно ли, что в наше время встречаются такие ужасы и такой срам среди стольких тысяч человек, на голову которых господь и обратил наказание?

5.5. Вожди рыцарских ополчений Первого крестового похода (Из «Деяний франкских пилигримов» Фулькерия Шартрского)

В этом году (1096 г.) все страны земли наслаждались прочным миром и изобиловали хлебом и вином по расположению божию, дабе не ослабли в пути по недостатку хлеба те, кто решили следовать за ним со своими крестами согласно его предписаниям. И так как подобает удерживать в памяти отправившихся туда[1] князей, то назову Гуга Великого, брата Филиппа, короля франков[2], который, первый из героев, переправился через море[3] и пристал около болгарского города Дураццо. Неблагоразумно высадившись с немногочисленным войском, он был взят в плен жителями и доставлен к константинопольскому императору[4]. Здесь он оставался некоторое время, будучи не совсем свободен[5].

А после него тою же дорогою[6] прошел апулиец Боэмунд, сын Роберта Гискара[7], по национальности нормандец. Далее, Годфрид, герцог Лотарингии, с большим войском шел через Венгрию. Граф Раймунд Провансальский[8] с готами[9] и гасконцами и епископ Адемар из Пюи[10] прошли через Далмацию.

Некий Петр Пустынник с большим числом присоединившихся к нему пехотинцев[11], но с немногими рыцарями первым прошел через Венгрию. Впоследствии главою его ополчения был Вальтер[12], прозванный «Без денег», пре-

---

[1] В Иерусалим.
[2] Французский король Филипп I.
[3] Гуг шел на Юг через Италию и переплыл Адриатическое море.
[4] Византийский император Алексей I Комнин (1081-1118 гг.).
[5] Император держал его в почетном плену.
[6] Через Балканский полуостров к Византии.
[7] Роберт Гискар (Хитрец) – нормандский герцог Сицилии.
[8] Раймунд тулузский.
[9] Готы – жители Южной Франции, некогда населенной вестготами.
[10] Епископ Адемар был папским представителем (легатом) в войске крестоносцев.
[11] Пехотинцы здесь противопоставляются рыцарям как простой народ.
[12] Вальтер называется другими историками, участвовавшими в первом крестовом походе, Голяком.

восходнейший рыцарь. Впоследствии он был убит турками, вместе to своими спутниками, между городами Никомидией и Никеей.

В октябре начал путь Роберт, граф Нормандии, сын Вильгельма[1], короля Англии. Он набрал себе большое войско из нормандцев, англичан и бретонцев. С ним шли также Стефан, благородный граф Блуа и Роберт, граф Фландрский. Их сопровождали многие другие знатные лица.

5.6. Письмо[2] предводителей рыцарей-крестоносцев Урбану II[3]

Достопочтенному господину папе Урбану Боэмунд и Раймунд, граф Сен-Жилля, Готфрид, герцог Лотарингин, и Роберт, граф Нормандский, Роберт Фландрский, граф и граф Евстафий Булонский [посылают] привет и [обещают] верную службу и, как сыновья своему духовному отцу, [изъявляют] истинное во Христе повиновение[4]. Все мы хотим и желаем поведать вам, сколь великой милостью господней и явственной его поддержкой нами [была] взята Антиохия, а турки, которые нанесли много поношений господу нашему Иисусу Христу[5], были захвачены и убиты, [так что] мы, иерусалимцы Иисуса Христа отомстили за несправедливость, причиненную богу; [как] мы, которые прежде осаждали турок, были затем [сами] осаждены турками, явившимися из Хорасана[6], Иерусалима[7], Дамаска[8] и многих земель, и каким образом милостью Иисуса Христа были освобождены. После того как взята была Никея и мы разбили огромную массу турок, которых повстречали, как ты [уже] слышал, в июльские календы в Дорилейской долине[9], [и после того как] преследовали великого Солимана и всех его [людей], и опустошили [его] земли и награбили богатства,

---

[1] Вильгельм Завоеватель.

[2] От 11 сентября 1098 г.

[3] Манускрипты этого послания сохранились в двояком виде отдельно (Флорентийская, Парижская и Ватиканская рукописи XI-XII вв.) и в качестве вставки в хронику Фульхерия Шартрского. сделанной, однако, рукой другого лица. Заключительная приписка в некоторых рукописях отсутствует.

[4] В перечне авторов послания не значится граф Гуго Вермандуа. Он в это время находился на пути в Константинополь, куда его направили князья из Антиохии, и потому в составлении этого.документа не принимал участия.

[5] То есть тем, что наносили поражения франкам.

[6] Хорасан – персидская территория, центр сельджукских владений; оттуда прибыла к Антиохии главная часть воинства эмира Кербоги.

[7] Имеются в виду отряды тогдашнего владыки Иерусалима – сельджукского эмира Му'ина ад Даулы Сукмана ибн Артука, находившиеся в составе армии Кербоги.

[8] Речь идет об отрядах дамасского эмира Дукака.

[9] Битва с сельджуками в Дорилейской долине произошла 1 июля 1097 г. Она принесла победу крестоносцам.

приобретя и замирив всю Романию, мы приступили к осаде Антиохии. В то время, пока она осаждалась нами, мы претерпели много бедствий от схваток, [происходивших] близ города с турками и язычниками[1], которые нередко и в большом числе нападали на нас, так что едва ли не можем сказать, что скорее сами были осаждены теми, которых держали запертыми в Антиохии[2]. В конце концов, одолев их во всех этих сражениях и таким образом обеспечив торжество вере христианской, я, Боэмунд, сговорился с одним турком[3], который предал мне этот город; за день до того я вместе со многими воинами христовыми приставил несколько лестниц к стене и так-то 3 июня мы взяли город, сопротивлявшийся Христу. Самого Кассиана, правителя этого города, мы умертвили со многими его воинами[4], а жен, сыновей и домочадцев вместе с золотом, серебром и всем их добром оставили у себя[5]. Мы не сумели взять, однако, антиохийскую цитадель, хорошо укрепленную турками; когда же хотели на следующий день[6] овладеть ею, то узрели за стенами города бесконечное множество турок, рассеявшееся по полям. Как мы и ожидали уже в течение многих дней[7], они пришли сражаться с нами. Они осадили нас на третий день, а в упомянутую крепость вступило свыше сотни турецких воинов; турки хотели обрушиться на нас вместе с теми, кто занял ее раньше, через ворота, что находились ниже крепости и вели к ней[8]. Но мы, утвердившись на другой горе, напротив крепости, держали под неусыпным надзором дорогу, которая спускалась в город, разделяя оба войска; мы бились как за городом, так и в самом городе, днем и ночью,

---

[1] «Турки и язычники» – выражение, часто встречающееся в источниках: под «язычниками» имеются в виду другие противники крестоносцев, т.е. арабы, «сарацины», персы, павликиане и т.д.

[2] Почти в таких же словах характеризует положение крестоносцев в период осады Антиохии провансальский хронист Раймунд Ажильский.

[3] Речь идет о Фирузе, начальнике крепостной башни в Антиохии.

[4] Кассианом латинские источники называют Яги-Сиана, эмира Антиохии. В письме приведены неверные сведения о его гибели. Из других источников известно, что Яги-Сиан был убит вовсе не крестоносцами, а сирийцами или армянами, когда пытался бежать из Антиохии, захваченной крестоносцами. Голову убитого эмира они доставили Боэмунду Тарентскому, чтобы выговорить себе различные льготы.

[5] Ни в одном другом источнике нет ни малейшего намека на то, что этим лицам в действительности была сохранена жизнь.

[6] То есть на следующий день после захвата Антиохии, следовательно, 4 июня. Это известие также единственное, встречающееся в источниках.

[7] Слухи о приближении большого турецкого войска докатились до крестоносцев еще тогда, когда они осаждали Антиохию, – во второй половине мая 1098 г. Армия Кербоги, о которой здесь говорится, подступила к городу 5 или 6 июня.

[8] Цитадель находилась в южной части Антиохии, где имелись ворота, ведшие в крепость.

дабы они, войдя, не напали бы на нас в еще большем числе, а тех, кто пытался прорваться, мы теснили к лагерю[1].

И вот, когда они увидели, что ничем не могут повредить нам с этой стороны, то окружили нас отовсюду так [плотно], что и никто из нас не мог выйти и к нам не мог проникнуть. По этой причине все мы были настолько удручены и пали духом, что многие, умирая от голода и погибая от всяких иных напастей, убивали своих отощавших коней и ослов и поедали [их мясо].

Тем временем на подмогу нам явилась высочайшая милость всемогущего бога, пекущегося о нас: в храме блаженного Петра, князя апостолов, мы нашли копье господне, которое, будучи брошено рукой Лонгина, пронзило бок нашего Спасителя[2]; [это копье мы нашли] в месте, трижды возвещенном некоему рабу святым апостолом Андреем, который открыл ему также и место, где оно находилось[3]. И мы были так ободрены и укрепились благодаря находке святого копья и многими другими божественными откровениями, что те, кто до того охвачены были страхом и поникли было [духом], теперь, охваченные готовностью отважно биться, один побуждал другого.

Так-то мы находились в осаде три недели и четыре дня[4], а накануне дня Петра и Павла[5], вверившись богу и исповедавшись во всех наших тревогах, молясь, вышли мы из ворот города со всем нашим воинским снаряжением; нас

---

[1] Через ворота в цитадели засевшие в ней имели возможность проникать в город, так что крестоносцы вынуждены были, чтобы избежать опасности соединения гарнизона крепости с армией Кербоги, блокировавшей антиохию извне, оттеснять их назад, в крепость.

[2] По евангельскому рассказу (Иоанн, гл. XIX, ст. 34), во время распятия Иисуса Христа некий римский воин ударил копьем в бок Иисуса, уже висевшего на кресте. Позднейшая традиция гласит, что воином этим был некто Лонгин, вокруг имени которого в средние века сложились всевозможные религиозные легенды (об его чудесном исцелении от глазной болезни в результате случайного прикосновения к глазам ладонью с каплей крови распятого Христа.обращении в христианство и пр.) и которого церковные историки превратили в христианского мученика, якобы павшего жертвою гонений в Кесарии. Как было доказано еще в XVIII в. французским ученым А. Этьеном, имя «Лонгин» возникло на основе греческого слова «лонгея - копье. Впервые оно появляется лишь в памятнике VI в. – в апокрифическом, т.е. официально отвергнутом церковью, так называемом Евангелии Никодима. Копье, будто бы ранившее Иисуса, стало одной из наиболее почитаемых реликвий, – о нем-то и идет здесь речь.

[3] Подробнейшим образом историю находки этой реликвии в церкви св. Петра 14 июня 1098 г. передает Раймунд Ажильский, более скупо – ряд других латинских хронистов, очевидцев Первого крестового похода. Интересно, что в передаче итало-норманнского Анонима апостол Андрей «являлся» бедному провансальскому крестьянину, извещая его о местонахождении копья, дважды, тогда как Раймунд Ажильский сообщает, будто видение было пятикратным. Видимо, среди крестоносцев ходили разные версии этой церковной легенды, сфабрикованной духовенством.

[4] С 4 по 28 июня 1098 г.

[5] 28 июня.

было настолько мало[1], что мы полагали сами, что нам придется не сражаться против них, а бежать от них. Тогда мы приготовились к бою и расположили отряды как пеших, так и конных с тем, чтобы главные силы пребывали с копьем господним; в первом же столкновении [мы] принудили неприятеля к бегству[2]. Но враги, по своему обыкновению, стали рассредоточиваться во все концы: они заняли холмы и дороги и, откуда только могли, старались окружать нас, рассчитывая таким образом всех нас истребить.

Однако на выручку нам, знавшим по опыту многих боев их ловушки и [коварные] приемы, явилось божественное милосердие, и те, кто в сравнении с ними был в ничтожнейшем числе, поддерживаемые десницей господней, заставили их пуститься в бегство, бросив свой лагерь со всем, что в нем находилось. Одержав победу, мы целый день преследовали неприятелей, многих вражеских воинов поубивали, [а затем] радостные и торжествующие двинулись к городу. Крепость, о которой было упомянуто, эмир[3], сидевший в ней с тысячью воинов, сдал Боэмунду, сдавшись и сам; при содействии Боэмунда он обратился в христианскую веру, и таким-то образом господь наш Иисус Христос подчинил римской религии и вере весь город Антиохию. По, как это обычно случается, всегда в радостные события вторгается что-то печальное[4]: 1 августа, когда уже военные действия прекратились, умер епископ Пюиский, которого ты направил к нам своим викарием и который в ходе всей войны пользовался великим почетом.

Ныне мы, сыновья твои, лишенные посланного нам родителя, обращаемся к тебе, духовному отцу нашему. Ты, который возгласил этот поход и словом своим побудил всех нас покинуть наши земли и оставить то, что в них было, ты, кто предписал нам последовать Христу, неся его крест, и внушил нам [мысль] возвеличить христианское имя! Заверши то, к чему [сам] призвал нас, прибудь к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою. Ведь здесь [в Антиохии] получило начало самое имя «христианин». Ибо после того, как блаженный Петр был возведен на кафедру, которую мы каждодневно зрим[5], те кто

---

[1] Это известие подтверждается данными хронистов: так, по сообщению Раймунда Ажильского, у графа Тулузского оставалск 200 рыцарей, державших под надзором цитадель Антиохии; по Альберту Аахенскому, под командованием Готфрида Бульонского было к тому времени лишь 2000 рыцарей.

[2] Схватка произошла на равнине, что на правом берегу реки Оронт.

[3] Ахмед ибн Меруан.

[4] Эта фраза – прозаический пересказ стиха Овидия.

[5] В средние века распространено было представление, будто апостол Петр был первым епископом в Антиохии. В храме, названном его именем, стояла кафедра, якобы принадлежавшая этому апостолу, и, по всей видимости, князья крестоносцев, собиравшиеся здесь на свои совещания, ежедневно созерцали эту «кафедру Петра».

прежде именовался галилеянами[1], с этого времени вообще стали прозываться христианами. Не кажется ли, что нет ничего справедливее па земле, чтобы ты, являющийся отцом и главой христианской религии, пришел в главный город и столицу христианского имени и завершил бы войну, которая есть твоя собственная [война], от своего имени? Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами[2]. Итак, снова и снова взываем[3] к тебе, дражайшему отцу нашему: приди как отец и глава в свое отечество, воссядь на кафедре блаженного Петра, чьим викарием[4] ты состоишь; и да будешь иметь нас, сыновей своих, в полном повиновении... Искореняй же своей властью и нашей силой уничтожай всяческие ереси, каковы бы они ни были. И так, вместе с нами завершишь ты поход по стезе Иисуса Христа, начатый нами и тобою предуказанный, и отворишь нам врата обоих Иерусалимов[5] и сделаешь гроб господень свободным, а имя христианское поставишь превыше всякого другого.

Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам бог, который живет и царствует во веки веков. Аминь![6].

Мне сообщено нечто [такое], что идет сильно против бога и всех христолюбцев, именно [то], что принявшие святой крест[7] получают от тебя дозволение оставаться среди христолюбцев[8]. Я этому весьма удивляюсь, ибо коль скоро ты – зачинщик священного похода, то откладывающие отправление в путь не должны были бы получать у тебя сочувствия и какого-либо расположения до тех пор, пока не выполнят обета идти в поход. И [надобно], чтобы ты не расстраивал нам и не портил то доброе, что затеял, но [напротив] чтобы своим прибытием и [привлечением] всех благих мужей, каких можешь привести с собой, ты поддержал нас. Приличествует, чтобы мы, с божьей помощью и с по-

---

[1] Ученики Иисуса Христа, согласно богословской традиции, именовались галилеянами (Галилея – область севернее Иерусалима).

[2] Здесь перечисляются приверженцы различных, существовавших в те времена толков (направлений) в христианстве: греки были православными; армяне – монофиситами; сирийцы – маронитами, иначе монофелитами, а частью – яковитами (разновидность монофиситского учения).

[3] Слова, по-видимому, указывающие на то, что уже до этого письма Урбану II направлялись какне-то сообщения о предшествующих событиях крестового похода.

[4] Викарий – заместитель.

[5] Имеются в виду земной и небесный Иерусалим, т.е. рай на земле и на небе.

[6] Начиная с нового абзаца следует текст приписки, вероятнее всего, сделанной рукой Боэмунда.

[7] «Принять крест» – выражение, равнозначное «стать крестоносцем», т.е. принять обет (обязательство) идти в крестовый поход.

[8] Намек на какие-то неблаговидные действия папы, разрешавшего кое-кому отказываться от исполнения принятых на себя обязательств.

мощью твоих святых молитв приобретшие всю Романию, Киликию, Азию[1], Сирию, имели бы в твоем лице помощника и поддержку - второго после бога. Ты же должен ограждать нас, своих сыновей, во всем тебе повинующихся, от неправедного императора, который понаобещал нам много всякого, но сделал-то очень мало. Зато все беды и помехи, которые мог нам причинить, – он причинил.

Сия грамота писана 11 дня входящего сентября.

5.7. Взятие Иерусалима Саладином (Салах ад-Дином) (Из «Хроники» Бернарда)

Саладин отправился из Аскалона для осады Иерусалима; на следующий день он обложил город... Но до начала осадных действий он предложил жителям сдать город... если же они не согласятся, то пусть знают его клятву в случае приступа овладеть городом не иначе, как силою. Жители Иерусалима отвечали, что он может делать, что хочет, но они не уступят города. Тогда Саладнн приказал изготовиться к приступу. Жители также вооружились и вступили в битву с сарацинами...

Турки дошли до рвов и, спустив туда копачей, приставили лестницы к стенам. В два дня они подкопали стены на 15 локтей. Подкопав и подперев стену бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стены обрушилась в ров. Христиане не могли вести контрмины, ибо опасались камней и стрел, которых они не могли выдержать...

Тогда христиане собрались для совещания, как поступить... и просили Балиана Ибелина идти к Саладину и спросить, каковы его условия. Он пошел и начал переговоры.

Балиан[2] отправился в третий раз к Саладину... Был определен выкуп для тех, которые могут его внести; все же остальное их имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имеют право забрать с собою, и никто им в том не воспрепятствует... Когда все было устроено, Саладин дал время для продажи и заклада имущества, чтобы внести выкуп. Срок был назначен в 50 дней, и всякий, кто к этому времени окажется в городе, будет принадлежать Саладину со всем своим имуществом. Саладин обещал, когда христиане выйдут за город, он прикажет отвести их в целости на христианскую землю...

Когда все было таким образом определено, Балиан простился с Саладином и вернулся в город... Все собрались, и Балиан рассказал им все, как было. Они

[1] Так названа здесь Армения.

[2] Балиан Ибелин – один из главных баронов Палестины.

одобрили образ его действия, ибо он не мог поступить лучше. Тогда отправили к Саладину ключи от города, и он, получив их, выразил великую радость... Сдача Иерусалима произошла в пятницу... что бывает во второй день октября в год от воплощения господня 1188 (1187 г.).

5.8. Из переписки Фридриха I Барбароссы и Саладина (1188 г.) (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

I. Фридрих, божиею милостью, император римлян, всегда августейший, великий победитель врагов империи, счастливый покровитель христианства – Саладину, главе сарацин, мужу знаменитому, и который, по примеру Фараона, будет вынужден оставить преследование божьих детей

Мы получили с живейшим удовольствием грамоту, писанную вами, и наше величество находит ее достойною ответа. Ныне, так как вы осквернили св. землю и так как защита города Иисуса Христа составляет нашу обязанность, как главы империи, то мы извещаем вас, что если вы не оставите немедленно этой земли и не дадите нам должного удовлетворения, то мы, вспомоществуемые святостью Христа, предпримем войну со всеми ее случайностями и отправимся в поход в ноябрьские календы. Мы с трудом поверили бы, что события древней истории могут быть вам неизвестны; а если вы их знаете, то почему вы действуете так, как будто они неизвестны вам? Знаете ли вы, что обе Эфиопии, Мавритания, Скифия, земли, населенные парфянами и запечатленные кровью нашего Красса; что Аравия, Халдея и в особенности Египет, где великий Антоний – о горе! – дозволил поработить себя нечестивой любви Клеопатры; одним словом, что все эти земли зависели от нашей империи? Можете ли вы не знать, что Армения и другие бесчисленные страны подчинялись нашему господству?Короли их, кровью которых так часто обагрялся меч римлян, знали хорошо про то; и вы также с божиею помощью поймете, что могут наши победоносные орлы, что могут полки многочисленных народов; вы испытаете на себе ярость тех тевтонов, которые ходят в оружии даже во время мира; вы познакомитесь с обитателями Рейна, с юношеством Истрии, которое не знает бегства; с баваром высокого роста; с жителями Швабии, гордыми и хитрыми; с жителями Франконии, всегда осмотрительными; с саксом, который играет мечем; с народами Турингии и Вестфалии; с быстрым брабанцем; с лотарингом, который не знает мира; с беспокойным бургундом; с обитателями Альп; с фризом, который ловко поражает дротиком; с богемцем, который с радостью принимает смерть; с болонами (поляками), более свирепыми, чем звери их лесов; с Австриею,

Истриею, Иллириею, Ломбардиею, Тосканою, Венециею, Пизою; в день, предназначенный для Рождества Христа, вы узнаете, что мы еще можем владеть мечем, хотя, по вашим словам, старость уже удручает нас.

II. Королю, искреннему другу, великому и превознесенному Фридриху, королю Германии!

Во имя милосердого Бога, милостью Бога единого, всемогущего, всевышнего, победоносного, вечного, царству которого нет конца. Мы возносим ему вечное благодарение, а милость его над всем миром: мы молим, да ниспошлет благодать свою на своих пророков и в особенности па нашего наставника и своего апостола (nuntium) пророка Магомета, которого он послал для установления истинной религии, долженствующей восторжествовать над всеми прочими религиями. Между прочим, мы сообщаем королю, мужу искреннему, могущественному, великому, другу возлюбленному, королю Германии, что к нам явился некто по имени Гейнрих, называя себя вашим послом, и представил нам какую-то грамоту, которую объявил вашею грамотою. Мы приказали прочесть грамоту и выслушали его самого, и на то, что он сказал на словах, отвечали устно. Но вот и письменный наш ответ. Вы перечисляете нам всех тех, которые в союзе с вами пойдут на нас, и называете их и говорите: «король такой-то земли, и король иных земель и граф такой, и граф этакой; и такие-то архиепископы и маркграфы и рыцари». Но если бы мы также захотели исчислить всех, которые служат нам, которые подчиняются нашим повелениям, которые повинуются нашему слову и которые сражаются под нашими распоряжениями, то не было бы возможности поместить всего того в нашей грамоте. Вы приводите имена христианских народов; но народы мусульманские гораздо и гораздо многочисленнее христианских. Между нами и христианскими народами, о которых вы говорите, лежит целое море; а между бесчисленными сарацинами и между нами пет никакого моря и никакого препятствия к соединению. Мы имеем в своем распоряжении бедуинов (Bedevini), которых одних было бы достаточно, чтобы противопоставить нашим врагам; у нас есть туркоманы; если мы их пошлем против своих врагов, они истребят их; мы имеем сельских жителей, которые, получив приказание, мужественно сразятся с людьми, вторгшимися в наши земли, для разграбления их и завоевания. Это не все. У нас есть, кроме того, боевые солдаты (т. е. наемники), помощью которых мы вступили в эту страну, завоевали ее и победили наших врагов. Эти храбрые люди, равно как и все языческие короли (reges paganissimi), не будут колебаться, если мы призовем их, и не станут медлить, если узнают нашу волю. И если, как говорит ваша грамота, вы соберетесь, если вы пойдете на нас, как то прибавляет ваш посол, то и мы пойдем вам на встречу, вспомоществуемые святостью Бога. Нам недо-

статочно того, что мы завоевали эту приморскую страну (Палестину и Финикию); если будет угодно Богу, мы переплывем моря и с божиею помощью завоюем ваши земли: ибо, придя сюда, вы будете должны привести с собою все свои силы и явиться в сопровождении всего своего народа, так что в вашем государстве не останется никого для защиты. Когда Господь в своем всемогуществе дает нам победу над вами, нам ничего не останется, как идти, опираясь на силу божию и его волю, чтобы овладеть вашими землями. Уже два раза все христиане соединились против нас, нападая на Вавилонию (Египет): в первый раз они угрожали Дамиетте и во второй раз – Александрии; между тем в ту эпоху христиане еще были владетелями Палестины и Финикии. Но вы знаете, в каком положении и в каком жалком виде христиане возвратились из того и другого похода. Теперь, напротив, эта страна в нашей власти. Господь наделил нас провинциями; он отодвинул наши пределы в ширину и в длину: он отдал нам Египет с прилежащими землями, страну Дамаска, Финикию, Палестину с ее замками; страну Эдессы со всем принадлежащим ей и царство Индию (т. е. счастливую Аравию) со всем принадлежащим ему: и все это, по милости Бога, находится в наших руках, и князья мусульманские повинуются нам. Если мы дадим приказание им, они не откажутся исполнить его; если мы попросим багдадского калифа – да сохранит его Господь – придти к нам, он встанет с престола своей империи и поспешит нам на помощь. Святостью и могуществом Бога мы овладели Иерусалимом и его страною: в руках христиан остаются три города: Тир, Триполь и Антиохия, которые не замедлять подчиниться пашей власти. Если вы решительно хотите войны и если, с божиею помощью, мы покорим все христианские города, то мы выступим вам на встречу, как о том сказано выше в нашей грамоте. Если же, напротив, вы предпочитаете добрый мир, то отправьте начальникам тех трех городов приказание выдать нам их без всякого сопротивления, а мы возвратим вам святой Крест; дадим свободу всем пленным христианам, находящимся в наших владениях; допустим одного вашего священника при гробе; возвратим аббатства, существовавшие до Первого крестового похода (in tempore paganissimo) и окажем им покровительство: и дозволим приходить пилигримам в течение всей нашей жизни, и будем иметь с вами мир. И так, в случае, если грамота, доставленная нам Гейнрнхом, есть действительно грамота короля, то мы написали эту грамоту в ответ на то: и да наставит нас Бог своим советом и своею волею!

Грамота сия писана в год от пришествия пророка нашего Магомета DLXXXIV. Слава единому Богу! И да сохранит Бог пророка нашего Магомета и его род.

От победоносного царя, возвещателя истины, знамени правды, правителя мира и религии, султана сарацин и язычников, служителя двух святых домов и проч. и проч.

5.9. Ричард I Львиное Сердце и 3-й Крестовый поход (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

Король, заметив корабль, приказал Петру из Бара, начальствовавшему одной из галер, отправиться узнать, кто на нем. Петр донес, что ему отвечали, будто бы этот корабль принадлежит королю Франции. Ричард тотчас же подъехал к кораблю, но, слыша на нем не-французский язык и не замечая знака христиан, был изумлен, при ближайшем рассмотрении, и величиною, и прочностью постройки судна, на котором возвышались три большие мачты. Бока его были выкрашены зеленым и желтым цветами, и он, по-видимому, был наполнен всякого рода провизиею. Кто-то видевший в Берите, как его нагружали, уверял впоследствии, что на нем помещалось всякого рода оружие, тяжестью на 100 верблюдов, а именно: пращи, луки, копья и т. п. Кроме того, на нем находилось бесчисленное количество провизии, множество сосудов с греческим огнем и двести штук самых ядовитых змей, предназначенных на погибель христианам. На корабле присутствовали семьэмиров и до 80 отборных турок. Для лучшего осведомления.о нем, к нему начали приближаться и другие галеры; им отвечали, что это генуэзцы и идут в Тир; но такие ответы вызывали большие подозрения, и один из наших галерных начальников уверял, что корабль — сарацинский, и вызвался доказать то, хотя бы предприятие стоило ему жизни. Король приказал ему следовать на веслах, и когда галера подошла близко, экипаж корабля на приветствия английских моряков отвечал залпом стрел. Заметив то, король дал распоряжение напасть на корабль; стрелы полетели с обеих сторон. Так как ветер был ничтожен, то ход корабля уменьшился; но наши галеры хотя и окружили его отовсюду, но не могли ничего сделать: так прочна была его постройка, и так упорно и отчаянно защищались сарацины. Наши, не имея сил одолеть противника, начали ослабевать в нападении. Непобедимый Ричард, которого отвага ничем не могла быть охлаждена, кричал изо всех сил: "Неужели вы дадите кораблю уйти, не коснувшись его? О срам! после стольких побед, вы уступаете теперь трусливо! Нельзя отдыхать в виду неприятеля, посланного вам судьбою. Знайте, что вы будете повешены на крестах или наказаны унизительною смертью, если дадите уйти пеприятелю". Англичане, почувствовав по нужде отвагу, приблизились к кораблю и, забросив веревки на

руль, пытались задержать ход; другие же, при помощи этих веревок, успели даже перескочить на борд. Турки, сопротивляясь с упорством, перерубили одним руки, другим ноги и голову и побросали в море. Англичане, пылая местью, пошли с яростью на приступ, спепились с кораблем и напали на турок, которые продолжали упорную защиту; воодушевленные отчаянием, они всеми силами давали отпор нападающим. Тогда англичане, бросившись на нос корабля, привели турок в беспорядок; но они, соединившись и став тесно друг с другом на средине корабля, решились храбро умереть или отразить неприятеля. Это были все молодые люди, хорошо вооруженные и привыкшие к военному делу. Долго боролись с обеих сторон; падали и христианские, и мусульманские воины. Между тем турки, сражаясь постоянно с отчаянием, принудили англичан отступить и очистить корабль. Тогда последние, возвратившись на свои галеры, оценили его со всех сторон и искали нового и более удобного места для приступа. Король, видя опасность, которой подвергались его люди, и невозможность покорить турок, сохраняв в то же время корабль с оружием и припасами, которыми он был нагружен, приказал своим галерам разбить корабль своими железными шпорами. Галеры, приступив к такому маневру, ударили изо всей силы в бок корабля и пробили его; он пошел немедленно ко дну. Турки, спасаясь от погибели, бросились в волны; но наши одних перебили, других утопили. Король спас 35 человек, между которыми были эмиры и люди, искусные в построении машин; все же остальные погибли; оружие, змеи и весь груз утонул. Сарацины, смотревшие с высоты соседних гор и бывшие свидетелями такого поражения, отправились, исполненные печали, донести о том Саладину.

5.10. Послание Иннокентия III с призывом к 4-му Крестовому походу

АРХИЕПИСКОПУ НАРБОНСКОМУ И ЕГО ПОМОЩНИКАМ, АББАТАМ, ПРИОРАМ И ДРУГИМ ПРЕЛАТАМ ЦЕРКВИ, А ТАКЖЕ ГРАФАМ, БАРОНАМ И ВСЕМУ НАРОДУ НАРБОНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

После плачевной потери Иерусалимской земли, после достойного слѐз поражения народа христианского, после скорбного захвата [сарацинами] земли, по которой ступали ноги Христа и где Господь, Царь наш, в начале веков и в середине земли соизволил свершить спасение, после позорной для нас утраты Животворящего Креста, на котором он заплатил за спасение мира и стѐр летопись прежнего кровопролития, [после всего этого] Апостольская Церковь, встревоженная этим несчастьем, трудилась, взывая и скорбя, так, что от непре-

станного взывания голос еѐ почти охрип, а от горького плача очи еѐ едва не закрылись.

Разве не вещала Апостольская Церковь по сей день, что, если предадим мы Иерусалим, то изменит нам, согласно Пророку, десница наша, и что присохнет язык наш к нашему горлу, если не будем помнить о нѐм? И не возвышал ли порой наш Престол голос почти до трубного, стараясь подвигнуть народ христианский на битву Христову и на отмщение обид Господа нашего, говоря его же словами: «Все проходящие путем, взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь».

И вот наследство ваше перешло к другим, дома ваши у чужеземцев, пути Сиона сетуют, что нет идущих на праздник, враги его стали во главе, и Гроб Господень, которому Пророк возвестил в будущем славу, осквернѐн и обесславлен нечестивыми.

Слава наша, о коей говорит апостол: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа», в руках неприятеля, и сам Господь наш Иисус Христос, который, умирая за нас, избавил нас от плена, теперь сам как бы пленѐн нечестивыми и лишѐн наследия своего.

В своѐ время, когда в лагере [иудейском] находился ковчег Бога Саваофа, Урия отказался входить в свой дом и наслаждаться законной супружеской любовью.

Ныне же князья наши, в то время, как слава Израилева в обиду нам перенесена со своего места, наслаждаются распутной любовью, обременѐнные преступлениями и богатством. Они преследуют друг друга с неумолимой ненавистью, и покуда тщатся они отомстить друг другу запричинѐнные обиды, никого из них не трогают обиды, причинѐнные Господу; не слышат они, что уже поносят нас враги наши, говоря: «Где же бог ваш, который ни себя, ни вас не может спасти от наших рук?

Вот уже оскверняем мы святыни ваши; вот уже простираем нашу длань на самые вожделенные ваши владения и с прежней силой ведем натиск и наперекор вам забираем земли, в которых вы замышляли ввести веру вашу.

Мы уже затупили и поломали копья галлов, разбили напор англов, сокрушили силы тевтонцев. Теперь мы повторно укрощаем пыл испанцев, и если даже вы обрушите на нас все ваши доблести, то вряд ли далеко продвинетесь. Так где же Бог ваш? Пусть он проснѐтся и поможет вам, будет защитником и вам и себе!

Ведь тевтонцы, которые надеялись одержать над нами неслыханный триумф, плыли к нам с большой жаждой победы. Но заняли они только никем не защищѐнный город Бейрут, и после этого лишь бегство спасло их и других кня-

зей ваших от жестокого убеждения в нашей силе и от вечного оплакивания потомками их гибели.

Ваши цари и князья, только что бежавшие с Востока, по возвращении в свои норы, – мы не называем их царствами, – чтобы скрыть свой страх, предпочли воевать друг с другом вместо того, чтобы вновь испытать нашу мощь и силу.

Что же остаѐтся нам после истребления мечом мести тех, кого вы оставили под предлогом защиты своих стран, как не вторгнуться в ваш собственные земли, дабы предать забвению ваши имена и память о вас?

Как же, братья и сыновья, опровергнем поношения упрекающих? Как сможем ответить им, когда видим, что они часто правы, чему мы недавно слышали подтверждение? Ибо получили письма из-за моря с известием, что когда тевтонцы на кораблях прибыли в Акку, то захватили город Бейрут, который никто не защищал.

Сарацины же напротив, напав на Яффу, захватили еѐ жестокой силой и разрушили до основания, убив многих воинов Христовых.

Тевтонцы же, как только получили известие о смерти императора, не дожидаясь очередной переправы, погрузились на корабли и вернулись домой. После этого сарацины, собравшие для отпора им многочисленное войско, до того распоясались на христианской земле, что христиане не могут ни выходить без опаски из своих городов, ни жить в них спокойно; снаружи им угрожает меч, внутри – страх.

Обретите же, сыны, дух мужества; возьмите щит веры и шлем спасения и, укреплѐнные не столько числом и силой, а скорее духом Господа нашего, которому нетрудно спасать нас и в большом и в малом, помогите по мере сил ваших тому, кто дал вам жизнь и пропитание. Ведь Он растратил себя ради вас и, приняв облик раба и уподобившись человеку по виду и обычаю, нѐс послушание до самой смерти, смерти на кресте! А вы, преуспевшие от Его бедности, во время изгнания Его бездействуете и не идѐте на помощь бедному и гонимому!

Но тот, кто при такой необходимости откажет в послушании Иисусу Христу, что сможет сказать он в своѐ оправдание, когда будет стоять перед судом Его? Если Господь претерпел смерть для человека, будет ли человек медлить с принятием смерти за Господа, когда несоизмеримы блага бренные с будущей уготованной нам славой? Разве откажет слуга господину в богатствах временных, если господин даѐт слуге богатства вечные, которые не видит око, и не слышит ухо, и которые не приходят на сердце человеческое? Ибо собирает человек сокровища на небе, где их не выкопают и не похитят воры, и где их не покроет тлен и не попортит червь!

Пусть же все и каждый в отдельности приступят к делу. Пусть к следующему марту каждый город самостоятельно, равно как и графы с баронами в меру своих возможностей направят для защиты земли, в которой родился Господь, соответствующее средствам число воинов, чтобы они оставались там хотя бы два года.

Пусть усердие наше станет ежедневным, участие всех церквей постоянным; мы даже будем считать эту заботу исключительной среди прочих, ибо благодаря ей надеемся помочь всем пострадавшим на Восточной земле. Если помощь не придѐт незамедлительно, то остаток [урожая] сожрѐт саранча, и новые дела будут хуже прежних.

Разве не видим мы, как другие берутся за труды тяжкие и невыносимые, но сами и пальцем не шевелим, чтобы взяться за эти дела, много говорим и ничего или очень мало делаем, хотя тот, кто и поучает и делает, большим назовѐтся в Царстве небесном. Примеру того, кто старается и делать и поучать, следуем и мы, может быть недостойные, в наших землях. С нашей стороны, чтобы помочь Святой земле и людьми и делами, предписываем кардиналам, легатам апостольской церкви, Соффредо, пресвитеру церкви Св. Праксиньи, и Петру, диакону церкви Св. Марии на Виа Лата, – мужам особо набожным, известным учѐностью и честностью, усердным в трудах и молитвах, возлюбленнешим братьям нашим, взявшим крест собственной рукой – предписываем им смиренно и преданно предстоять воинству Христову, не питаясь подаянием, но будучи поддержанными средствами нашими и наших братьев. Через них же мы намерены направить соответствующую помощь Святой земле.

Пока же мы направляем означенного кардинала Петра, диакона Св. Марии на Виа Лата ко дворам возлюбленнейших во Христе сыновей наших сиятельных королей Филиппа Франкского и Ричарда Английского для установления мира или перемирия хотя бы на пять лет с предписанием и побуждением народам к послушанию Христову; [какового желаем и постановляем почитать как легата Апостольского Престола и покорнейше подчиняться его поручениям и указаниям].

Означенного же кардинала Соффредо, пресвитера Св. Праксиньи, отправляем в Венецию для помощи Святой земле.

Далее по общему решению наших братьев постановляем, настоятельно поручаем и предписываем вам, братья архиепископы и епископы, и возлюбленные сыны аббаты, приоры и другие прелаты церкви, настоятельно поручаем и предписываем до ближайшего марта собрать определѐнное число воинов или соответствующие этому числу деньги по вашим возможностям для изгнания языческого варварства и для сохранения наследства Господа, которое он приобрѐл своей собственной кровью.

Что же касается того, кто думает противиться этому благочестивому и нужному постановлению (чему не хотелось бы верить), то мы постановляем наказывать такового как нарушителя священного канона и отстранять от должности вплоть до соответствующей сатисфакции.

Полагаясь на милосердие Господа и на авторитет блаженных апостолов Петра и Павла, от которых Господь некогда передал нам, может быть недостойным, власть обязывать и освобождать, мы обещаем тем, кто примет на себя тяготы и расходы этого начинания, полное прощение грехов, в которых они раскаются устами и сердцем, а также увеличение надежды на вечное спасение в качестве воздаяния.

Тем, кто не сами отправятся в путь, но только сообразно своим средствам и занятиям снарядят достойных мужей, с обеспечением им моратория на срок не менее двух лет, и соответственно тем, кто, пусть и за чужой счет, но лично примут на себя тяготы паломничества, также будет дано полное прощение их грехов.

Мы желаем также, чтобы это прощение, смотря по величине пожертвований и, главным образом ввиду набожности, коснулось и тех, кто надлежащим образом пожертвует Святой земле из своего имущества.

[Для более беспрепятственного и надежного содействия того или иного лица земле рождения Христова] имущество тех, кто принял крест, будет под защитой нашей и блаженного Петра, а также архиепископов и всех прелатов церкви Господней. Это имущество будет сохраняться целым и нетронутым вплоть до достоверной смерти или до возвращения указанных лиц. Кто же [из священников] воспротивится [этому], будет осужден церковным судом без права обжалования.

Если выступление в поход окажется для кого-либо связано с необходимостью принесения клятвы по выплате процентов, то вы, братья архиепископы и епископы, в ваших диоцезах под угрозой наказания без права обжалования со всей суровостью должны принуждать кредиторов к отказу от принятия клятвы и вообще от процентов. Если всѐ же кто-либо из кредиторов заставит таковых выплатить проценты, то под угрозой наказания без права обжалования со всей суровостью принуждайте их к возмещению.

Мы предписываем вам, сыновья церкви, и самим, и понуждая светские власти, заставлять евреев отказываться от процентов и до такого отказа путем отлучения от общины лишать их содействия всех верующих в Христа, будь то товары или что-то другое.

И пусть никто не уклоняется от этого труда, ибо это было установлено не нами, а самими апостолами, которые собирали средства по городам для помощи страждущим братьям в Иерусалиме.

И не сомневайтесь в милосердии Господа; как бы ни был разгневан Он грехами нашими, всѐ-таки именно Он руководит вами, когда вы в смирении души и тела вступаете на путь странствования, на который Он не допустил предков. Ибо видно сговорились меж собой предки и сказали: «Наша рука высока, и не Господь сделал все сие» и себе, а не Господу приписали славу победы.

И потому мы надеемся, что не откажется в гневе от милосердия Тот, кто и будучи разгневанным не забывает сострадать, увещевая и побуждая нас: «Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам».

И мы верим, что если вы пойдѐте путем Господа, то не последуете за теми, которые осуетились, идя за суетой, которые с наслаждением предавались разгулу и пьянству и вытворяли в заморских странах то, на что не отваживались в землях, где они родились, из боязни навлечь на себя большой позор и великое злословие. Мы думаем, что вы возложите свою надежду единственно на Того, кто не оставляет надеющихся на Него, от тех, что отказываются не только от незаконного, но и от положенного им. Он сбросил в море колесницы и войско фараоново, преломил лук сильных и смѐл врагов Креста Христова как уличную грязь, дав славу не нам или вам, а имени своему. Он славен в святых и дивен в величии, Он свершает чудеса и творит радость и восторг после плача и рыданий.

Чтобы было легче справиться с этим делом, направляем вас, братья, архиепископ Немаузенский и епископы Аустразийские, проповедовать другим Слово Божие и призывать к исполнению апостольского поручения ваших товарищей епископов и других, и так следовать делу Господа, чтоб и самим стать участниками этого апостольского прощения и полностью проявить в этом свое усердие. Похвально, что к вам присоединятся один из братьев рыцарей Храма и один из госпитальеров Иерусалимских, оба мужья достойные и рассудительные.

Датировано в Реатинском дворце, 18 августа.

Такие же письма направлены архиепископам Лугдунскому и Виеннскому, епископам, а также аббатам, приорам и другим прелатам церкви, графам и баронам и всему народу каждой провинции. И точно также всем в королевствах Франции, Англии, Венгрии и Сицилии.

5.11. Послание Иннокентия III королям Англии и Франции

СИЯТЕЛЬНОМУ КОРОЛЮ ФРАНЦИИ

О заключении мира с королѐм Англии и о начале войны против сарацин.

Посредник между богом и людьми Иисус Христос во осуществление таинства искупления человека завещал ученикам мир, дабы они хранили его меж собой и призывали к его соблюдению других, говоря: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам».

Вспомним также совет пророка не только искать мир, но и следовать ему: «Ищи мира и следуй за ним».

Поэтому мы, продолжатели Христа, может быть, недостойные, следуя его примеру и подражая обычаю наших предшественников, желаем и обязуемся устанавливать и поддерживать между враждующими согласие истинного мира, особенно тогда, когда из этого несогласия происходит большой раздор и между самими противниками и между церквами, а также ущерб бедному люду этих стран и даже всему народу христианскому.

Ведь, не говоря уже об истреблении мужей, о разорении церквей, о притеснении бедноты и о несчастьях всего народа и галльского и английского из-за войны, которую ведѐшь ты и возлюбленный во Христе сын наш король Англии, вас обоих можно считать причиной и условием ущерба всему народу христианскому и причиной разорения Иерусалимской провинции.Из-за оттока оттуда людей для войны между вами, там не только ещѐ не восстановилась убыль народа с начала [войны], но, более того, видно приближение серьѐзной опасности, какой христиане не знали до сего дня.

Ибо на смену прежним печальным известиям пришли новые, ещѐ более грустные, как, например, с тевтонского корабля «Аккон» и другие. Примите их дословно.

Поскольку для помощи Восточной земле как людьми, так и делами мы намерены наделить особыми полномочиями Святого креста возлюбленных сыновей наших, легатов Апостольской Церкви, кардиналов Соффредо, пресвитера Св. Праксиньи, и Петра, диакона Св. Марии на Виа Лата, мужей достойного нрава, зрелого благоразумия, уважаемых за знания и особо почитаемых нами среди братьев, то, чтобы не оставались они покуда без дела, посылаем к вашим дворам означенного кардинала, диакона Св. Марии на Виа Лата, одаренного ученостью и прославленного благочестием, угодного, как мы надеемся, и Богу и людям, доверив ему посольские полномочия.

В противном же случае, как ни тяжело нам беспокоить каким-либо образом королевское величество, но, поскольку мы почитаем Бога выше тебя и должны предпочитать общее благо твоим удобствам или же неудобствам, то, если ты по совету означенного легата не примешь и не выполнишь смиренно в предписанный срок наше апостольское поручение, тогда по согласию всех наших братьев страна твоя будет подвергнута интердикту, т. е. кроме крещения

новорожденных и покаяния умирающих в этом божьем заведении никакие службы проводиться не будут.

Если и после этого ограничения не выполнишь, что тебе поручаем, то и сам, и твои главные благожелатели и советники узнают усмиряющую суровость Церкви; то же самое будет и с землѐй короля Англии и с его благожелателями и советниками. Почтенным же братьям нашим архиепископам, епископам и возлюбленным сынам аббатам, приорам и всем прелатам церкви обоих королевств поручаем и в чистоте Духа Святого предписываем, чтобы, под угрозой понижения в чине и должности, старались неукоснительно соблюдать приговор интердикта согласно предписанной форме и понуждали также блюсти его других.

То же самое мы также поручаем рыцарям Храма и госпитальерам иерусалимским под угрозой отмены их привилегий и индульгенций и верим, что они будут руководствоваться в этом деле не твоим хотением, а пользой, не дружбой, а выгодой, не бременем, а честью и будут иметь попечение о всѐм народе христианском.

Постановляем также, что любой священник, каких бы он ни был чина и должности, который вздумает совершить для тебя божественную службу после нашего интердикта, подвергнется опасности лишения чина и бенефиция.

Внемли же нам, возлюбленный сын, и, видя заботу твоей матери, Апостольской Церкви, ощущая необходимость содействия и руководствуясь общим благом, предпочти спасение души влечению плоти и разум чувству, не противься Апостольскому Престолу властью королевской, но отдайся сыновнему смирению; в этом твои честь и спасение.

Такое же написано сиятельному королю Англии. Так же, кроме того, написано всем архиепископам, епископам, аббатам, приорам и другим прелатам церкви в обоих королевствах.

5.12. Начало 4-го Крестового похода
(Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

1. Знайте, что в тысяча сто девяносто седьмом году[1] от воплощения нашего господа Иисуса Христа, во время Иннокентия III[2], апостолика Рима, и Филиппа[3], короля Франции, и Ричарда[4], короля Англии, был святой человек во

[1] См. прим. 5.
[2] Римский папа Иннокентий III (1098-1216 гг.). Виллардуэн, так же как Робер де Клари, называет его «апостоликом Рима».
[3] Филлип II Август - французский король (1180-1223 гг.).
[4] Ричард I Львиное Сердце - английский король (1189-1199 гг.).

Франции по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово божье во Франции[1] и в других окрестных землях. И знайте, что наш господь творил через него многие чудеса.

2. Знайте, что слава этого святого человека распространилась настолько, что дошла до апостолика Рима Иннокентия; и апостолик послал во Францию, и поручил [этому] благочестивому мужу, чтобы он проповедовал крест от его имени. И после того он отправил туда своего кардинала господина Петра Капуанского[2], принявшего крест; и поручил через него [давать] такое отпущение грехов, о котором я вам скажу: [те], кто возьмут крест и прослужат богу в войске один год, будут свободны от всех грехов, которые они совершили и в которых исповедовались. И так как это отпущение было весьма широким, то сердца людей сильно растрогались; и многие приняли крест потому, что отпущение было столь большим.

3. На следующий год[3] после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, звавшемся Экри[4]; и милостью божьей случилось так, что Тибо[5], граф Шампани и Бри, принял крест, а также Луи, граф Блуасский и Шартрский[6], и было это перед началом адвента[7]. Так вот, знайте, что этот граф Тибо был мо-

---

[1] Т.е. в Иль де Франс. Фульк, приходский священник в 1191-1202 гг., получил первоначальную известность в Париже, проповедуя против ростовщичества и разврата, о чем рассказывает французский хронист XIII в. Жак Витрийскнй. Называя 1197 год в качестве начальной даты проповеди крестового похода этим священником, автор придерживается счета времени по церковному календарю: в соответствии с ним год считался до праздника пасхи. Последняя приходилась тогда на 29 марта 1098 г. Поскольку Иннокентий III был избран папой 8 января, очевидно, что Фульк приступил к проповеди между 8 января и 29 марта 1098 г.

[2] Петр Капуанскнй – папскнй легат при войске крестоносцев, кардинал-дьякон церкви св. Марии, позднее – кардинал-пресвитер церкви св. Марсилия. Иннокентий III направил его во Францию 14 августа 1198 г., одновременно распорядившись, чтобы духовенство содействовало сбору денег на нужды крестового похода.

[3] Т.е. в 1199 г.

[4] Экри на реке Эн, в Арденнах (в настоящее время – Асфельд Ла Виль. В 20 км к юго-западу от г. Ретеля).

[5] Тибо III (род.в 1179 г.), граф Шампани и Бри, племянник Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце. Брат Тибо III - Генрих (Анрн) II Шампанский занимал престол Иерусалимского королевства в 1192-1197 гг. Тибо III умер 25 мая 1201 г. Вместо него бароны избрали предводителем крестового похода маркиза Бонифация Монферратского.

[6] Луи (род.в 1171 г), граф Блуасский и Шартрский, один из предводителей крестоносцев, участвовавших в Четвертом крестовом походе. Его отец, граф Тибо V Блуасский, был участником Третьего крестового похода и умер под Акрон в 1191 г.

[7] Адвент - в католицизме время приготовлений к рождественским праздникам (от лат. «адвентус» – «пришествие», т.е. «приход» в мир Иисуса Христа); описываемые события ироисходили 28 ноября 1199 г.

лодым человеком не старше двадцати двух лет, и графу Луи было не больше двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Филиппа[1], а также двоюродными братьями[2] и с другой стороны племянниками короля Англии[3].

4. Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма высоких барона Франции, Симон де Монфор[4] и Рено де Монмирайль[5]. Великая слава прошла по земле, когда эти два высоких мужа возложили на себя крест...

В гл. 5-7 перечисляются светские и церковные сеньоры, взявшие крест во владениях Тибо Шампанского, Луи Блуасского и в Иль де Франс.

8. В начале поста следующего года, в самый день пепла[6], принял крест Бодуэн[7], граф Фландрии и Эно – в Брюгге, и графиня Мария, его супруга, которая была сестрою графа Тибо Шампанского…

Далее в этой главе и в гл. 9-10 вновь перечисляются бароны и рыцари, изъявившие намерение идти в крестовый поход. В гл. 11-14 описывается организационная подготовка Крестового похода видными французскими феодалами. Первое совещание собиравшихся отправиться на Восток состоялось в Суассоне и не дало результатов, второе – в Компьене, к северу от Парижа, на реке Уазе. Сам автор присутствовал на этих совещаниях. Чтобы заполучить корабли для переправы морем войска крестоносцев, сеньоры избрали в качестве послов в Венецию шесть знатных рыцарей (по двое – от Тибо Шампанского, Луи Блуасского и Бодуэна Фландрского), в их числе был и Виллардуэн. Ранней весной, в начале февраля 1201 г., посольство прибыло в Венецию, обладавшую самым большим на Западе морским флотом.

15. Дож Венеции, чье имя было Энрико Дандоло и который был мужем весьма мудрым и доблестным[1], оказал им большие почести, и он и другие го-

---

[1] Тибо III – по линии своей матери Марии, Луи - по линии своей матеры Аэль; обе были двоюродными сестрами Филиппа II Августа.

[2] Тибо III - со стороны своего отца Генриха Шампанского, Луи - со стороны своего отца Тибо V Блуасского; тот и другой – братья Алисы Шампанской, матери Филиппа II Августа.

[3] Матери того и другого (Мария и Аэль) были двоюродными сестрами Ричарда Львиное Сердце. То есть Тибо и Луи были двоюродными братьями как по линии матерей, так и – отцов, ибо матери были сестрами, отцы – братьями между собой.

[4] Симон IV, сеньор Монфора и Эпернона с 1181 г., вассал французского короля и родич Матье Монморанси.

[5] Вассал французского короля.

[6] В первую среду так называемого великого поста (ежегодный многодневный весенний запрет па употребление, мясной, молочной и рыбной пищи) – 23 февраля 1200 г. По установлениям католицизма, во время богослужения в этот день священник осыпает головы верующих пеплом от сожженных верб, сопровождая обряд произнесением библейской формулы, требующей от человека помнить, что он сотворен из праха и после смерти возвратится в прах («И возвратиться прах в землю, чем он и был». – Екклезиаст, гл. 12, ст.7).

[7] Граф Бодуэн (Балдуин) IX (род.в 1171 г.), впоследствии - первый император Латинской империи (1204-1205 гг.).

рожане; и он принял их весьма доброжелательно. И когда они представили грамоты своих государей, он чрезвычайно изумился тому делу, по которому они прибыли в [его] страну. Грамоты были доверительные; графы просили верить им [послам] как лично им самим и обязывались исполнить все, что пообещают шестеро [послов].

16. И дож отвечал им: «Сеньоры, я ознакомился с вашими грамотами; мы удостоверились в том, что ваши сеньоры – самые знатные люди из тех, которые не носят короны[2], и они просят нас верить в то, что вы скажете, и [в то], что они твердо выполнят [условия], на которые вы пойдете. Ну, так скажите же, что вам угодно».

17. И послы отвечали: «Государь, мы хотим, чтобы вы созвали свой совет[3], и завтра, если вам угодно, перед вашим советом мы вам скажем, о чем вас просят наши сеньоры». И дож им ответил, что он просит у них отсрочку на четыре дня; и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего добиваются.

18. Они переждали до четвертого дня, который он им установил; они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен, и нашли дожа и его совет [собравшимися] в особом покое и изложили свое поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от высоких баронов Франции, которые взяли знак креста, чтобы отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу, и отвоевать Иерусалим, если то соблаговолит бог. И поелику они знают, что никакой [другой] народ не имеет столь великого могущества, чтобы оказать им содействие, как вы и ваш народ, то они просят вас, бога ради, чтобы вы сжалились над Заморскою землею и [отомстили за] оскорбления [нанесенные] Иисусу Христу, и чтобы вы потрудились над тем, чтобы они могли иметь у вас корабли для перевоза и для войны».

19. «А на каком условии?», – произнес дож. – «На любых условиях, сказали послы, какие бы вы им ни предложили или присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». – «Конечно, сказал дож, это большое дело, которое они у нас попросили, и кажется, что они имеют в виду важное предприятие; мы вам дадим ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. И вы не удивляйтесь, если срок [так] велик; ибо следует много поразмыслить о столь великом деле».

20. В срок, который им назначил дож, они вернулись во дворец. Все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены, я не могу вам их передать; но заключение совещания было таково: «Сеньоры, сказал дож, мы сообщим вам

---

[1] Речь идет, конечно, не о воинских доблестях престарелого дожа: Виллардуэн имеет в виду его выдающийся ум государственного деятеля.

[2] Корону носили только короли и императоры, а герцоги, графы и бароны ее не имели.

[3] Речь идет о «Синьории» – Малом, или частном, совете при доже, состоявшем из шести человек.

решение, которое мы приняли, [прежде, чем] сумеем склонить наш Великий совет[1] и всю общину земли [нашей] одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, чтобы узнать, можете ли согласиться [на это].

21. Мы поставим грузовые суда[2] для перевоза четырех тысяч пятисот коней и девяти тысяч оруженосцев, а в кораблях[3] – четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших воинов. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают прокорм на девять месяцев. Вот что мы по меньшей мере сделаем на том условии, что нам заплатят с каждого коня четыре марки и с каждого человека две [марки].

22. И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня; когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить богу и христианству, в каком бы то месте ни было. Общая сумма этого расхода, только что указанного, составляет девяносто четыре тысячи марок.

23. А вот что мы сделаем сверх того: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер[4] из любви к богу[5], на условии, что до тех пор, пока наш союз будет существовать, от всех завоеваний, которые мы сделаем, будь то земли или деньги, на море или на суше, половину получим мы, а другую – вы. Теперь посоветуйтеська, можете ли вы это выполнить и принять»[6].

24. Послы вышли; и они сказали, что сообща переговорят об этом и ответят им назавтра. Они совещались и проговорили [всю] эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять [предлагаемые условия]; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он поговорит об этом со своими людьми, и к чему он придет, даст им о том знать.

---

[1] Власть дожа контролировалась «Большим», или «Великим», советом, в ведении которого находились наиболее важные дела государственного управления, и «Малым» советом.

[2] Так называемые «юисье» – транспортные парусные корабли с глубоким трюмом, в который по перекидному мосту, через дверцы в задней части корпуса, можно было вводить коней прямо с причала.

[3] Так называемые «нефы» – крупные вместительные суда, круглой формы, с несколькими мачтами и большими парусами; на передней и задней части палубы находились деревянные башни, «шато» («замки»). Нефы двигались медленно и отличались слабой маневренностью, неповоротливостью.

[4] Галеры – длинные, легкие гребные корабли (наподобие античных галер), оснащенные вместе с тем и парусами, которые, однако, имели для их движения второстепенное значение. Отличались большой подвижностью и маневренностью.

[5] То есть якобы безвозмездно.

[6] Условия договора, как они переданы Виллардуэном, не вполне совпадают с содержанием самого текста договора, который сохранился. См. стр. 169 и сл.

25. На утро [следующего] третьего, дня[1], дож, который был человеком мудрым и могущественным, созвал свой Великий совет; и совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим умом и талантом, который был у него весьма велик и весьма хорош, он склонил их [к тому, чтобы] одобрить и пожелать [выполнить] [его] предложение.

Сначала он их склонил таким образом, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласились и не одобрили. Наконец, он созвал, по крайней мере, сразу десять тысяч в церкви св. Марка[2], красивейшей из всех, какие только существуют; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню св. духа и молили бы бога просветить их насчет просьбы, с которой к ним обратились послы. И все весьма охотно исполнили это.

26. Когда окончилась обедня, дож отправил к послам и предложил им просить униженно весь народ, чтобы он согласился на утверждение этого договора. Послы явились в церковь. Их внимательно рассматривали многие люди, которые их никогда не видали.

27. Жоффруа Виллардуэн[3], маршал Шампани, по соглашению с другими послами и с их одобрения взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые высокие и могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинают вас проникнуться жалостью к Иерусалиму, находящемуся в порабощении у турок, и [они просят], чтобы вы, ради бога, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу. Обратились же они к вам, ибо знают, что ни один народ на море не имеет такого могущества, как вы и ваш народ. И они повелели нам припасть к вашим стопам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не сжалитесь над Святою землею за морем».

28. Тогда шесть послов склонились на колени, проливая обильные слезы, и дож и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздев высоко руки, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и грохот, что, казалось, проваливается земля.

29. И когда этот великий шум успокоился и [успокоилась] эта великая жалость, столь великая, что подобной никто не видал никогда, добрый дож Венеции, который был человеком мудрым и доблестным, взошел на кафедру, и говорил народу, и сказал ему [так]: «Сеньоры, посмотрите на честь, которую оказал вам бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие

---

[1] То есть на следующий день после получения ответа послов и на третий день после того, как дож предложил им свои условия до говора.

[2] Знаменитый собор, посвященный апостолу Марку, сохранился до настоящего времени.

[3] Автор говорит здесь о самом себе: он, вероятно, был главой посольства.

народы и ищут вашей помощи, чтобы вместе [с вами] совершить столь великое дело, как освобождение нашего господа».

30. Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не умею вам их передать. Однако конец дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и переписаны. Когда они были изготовлены, на совете было разъяснено, что поход будет направлен в Вавилон[1], потому что с этой стороны турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А всем, было объявлено, что отправятся за море[2]. Тогда был великий пост[3], [и постановили], что через год со дня св. Иоанна[4], который был в 1202 году от воплощения Иисуса Христа, бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли [должны быть] готовы ко времени их прибытия [туда].

31. Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дожу в большой дворец, где находился Великий совет и Малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колено со слезами и клялся над святым Евангелием честно соблюсти соглашения, которые были [начертаны] в грамотах, и то же [сделал] его совет, который состоял из сорока шести особ[5]. И послы, в свою очередь, поклялись держаться своих грамот и что они доброй верой выполнят клятвы своих сеньоров и свои [собственные]. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих послов в Рим к папе Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно.

32. Тогда послы заняли в городе пять тысяч марок серебра и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они ехали несколько дней, от одного места к другому, пока не прибыли в Пьяченцу, [что] в Ломбардии. Там они разделились: Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие пошли в Геную и Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской Земле[6].

---

[1] Имеется в виду египетский город Каир, на Западе называвшийся тогда Вавилоном.

[2] То есть конкретная цель похода присутствующим не была указана.

[3] В 1202 г. великий пост был с 4 февраля до 21 марта.

[4] 24 июня 1202 г.

[5] Ранее, в гл. 25, автор указывает, что «Великий» совет состоял из 40 человек. Очевидно, здесь имеется в виду совместное заседание «Великого» и «Малого» советов.

[6] Послы отправились туда в расчете на то, что Пиза и Генуя, где еще раньше по указанию Иннокентия III была развернута проповедь крестового похода, окажут содействие крестоносцам. Однако, как известно из других источников, Генуя и Пиза, являвшиеся соперниками Венеции, отказались принять участие в крестовом походе.

5.13. Роберт де Клари
«Завоевание Константинополя»

I. Здесь начинается история тех, кто завоевал Константинополь; мы расскажем вам, кто они были и по каким причинам туда направились. Случилось так, что в это самое время святой отец Иннокентий был папой римским, а Филипп – королем французским[1]; был еще другой Филипп, который являлся императором Германии[2], и от воплощения[3] прошло тысяча двести три или четыре года. Жил в то время некий священник, – по имени Фульк, – он имел приход в Нейи, что в Парижской епархии[4]. Этот священник был человеком великого благочестия и превосходным церковнослужителем, и он ходил по стране[5], проповедуя крестовый поход, и много людей следовали его проповеди, ибо он был столь благочестив, что господь бог творил через него много великих чудес. И этот священник собрал много денег, чтобы доставить их святой земле, что по ту сторону морей. И крест приняли тогда граф Тибо Шампанский, граф Фландрский...

Далее следует обстоятельный перечень известных автору светских сеньоров разного ранга и рыцарей, равно как и священнослужителей, изъявивших намерение по призыву Фулька из Нейи встать на «стезю господню»; мемуарист особо выделяет и поименно перечисляет баронов и рыцарей, принявших крест в его родной земле – Амьенуа, включая своего непосредственного сеньора Пьера Амьенского, «великолепного рыцаря, смелою и отважного». ...Ну, там было еще [то есть помимо упомянутых] столько других рыцарей – из Франции, и из Фландрии, и из Шампани, и из Бургундии, и из прочих земель, что мы не смогли бы перечислить вам всех рыцарей, смелых и доблестных; те, которых мы здесь назвали, были самыми богатыми людьми, и они носили знамя, и мы еще не назвали всех тех, кто носил знамя. А из тех, кто там совершил больше всего подвигов оружия и храбрости, - богатых или бедных, – мы сможем вам назвать некоторую часть.

Снова приводится перечень «богатых и бедных» рыцарей, причем вначале следуют имена знатных баронов, затем – простых рыцарей, среди которых находился, в частности, Айом де Клари, брат мемуариста...

---

[1] См. Жоффруа де Виллардуэн.

[2] Хронист именует императором германского короля Филиппа Швабского (Гогенштауфена) (1198-1208 гг.).

[3] То есть рождества Христова, которое, по учению христианской церкви, представляло собой акт воплощения «слова божьего», или святого духа, в образ человека – Иисуса Христа.

[4] См. Жоффруа де Виллардуэн.

[5] Имеется в виду Иль де Франс и другие области королевского домена во Франции.

...И те, коих мы здесь перечислили, это были те, кто там совершил более всего подвигов оружия и отваги; а многих других храбрых людей, конных и пеших, было столько тысяч, что числа их мы не ведаем.

II. Так собрались все графы и знатные бароны, которые приняли крест. Потом они созвали всех высоких сеньоров, взявших крест, и когда все собрались, посоветовались между собой, чтобы определить, кого они сделают своим предводителем и сеньором.

И они избрали графа Тибо Шампанского и поставили его своим сеньором; потом они разъехались, и каждый отправился в свою землю. А затем, не прошло и много времени, как граф Тибо скончался, и он оставил пятьдесят тысяч ливров крестоносцам и тому, кто после него станет предводителем и сеньором крестоносцев, дабы они [деньги] были употреблены, как того крестоносцы пожелают. А потом умер также господин Фульк, что причинило большое горе крестоносцам.

III. Когда крестоносцы узнали, что граф Шампанский, их сеньор, умер, и господин Фульк тоже, они были этим сильно опечалены, огорчены и обеспокоены, и однажды, собравшись в Суассоне, стали советоваться между собой, что им делать, и кого им поставить своим предводителем и сеньором. И они решили послать к маркизу Бонифацию Монферратскому в Ломбардию. Они направили туда добрых послов. Послы приготовились и поехали оттуда к маркизу. Когда они прибыли на место, то обратились к маркизу и сказали ему, что бароны Франции приветствуют его, [они] просят и умоляют его, во имя бога, явиться переговорить с ними в тот день, который они ему назначили. Услышав это, маркиз был сильно удивлен, что его пригласили бароны Франции. И он ответил послам, что посоветуется об этом [деле] и назавтра даст им знать, что он решил сделать по этому поводу. И он устроил послам пышное празднество. Когда наступил следующий день, маркиз сказал им, что он поедет переговорить с ними [баронами] в Суассон в тот день, который они ему определили. И послы распрощались и возвратились назад. А маркиз предложил им [взять] из его коней и из его сокровищ, но они ничего взять не захотели. И когда они воротились, то дали баронам знать, что содеяли. Итак, маркиз приготовился к поездке и перевалил через горы и Мон Жу[1] и прибыл в Суассон во Франции. Наперед он известил баронов о своем прибытии, и бароны встретили его и устроили ему пышное празднество.

IV. Когда маркиз прибыл в Суассон, он спросил у баронов, почему они его позвали. И бароны посовещались и сказали ему: «Сеньор, мы позвали вас потому, что граф Шампанский, наш сеньор, который был нашим предводите-

[1] Мон Жу – Сен-Бернарский проход в Альпах.

лем, умер; и мы пригласили вас как самого умудренного опытом и доблестного человека, какого мы [только] знаем, такого, который мог бы лучше всего посодействовать в походе по стезегосподней, предпринятом для служения богу. Мы все просим вас также, бога ради, быть нашим сеньором и из любви к богу взять крест». И при этих словах бароны преклонили перед ним колени и сказали ему, чтобы он не утруждал себя изысканием денег, потому что они отдадут ему большую часть денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский. Маркиз сказал, что обсудит [предложение]; и когда он посоветовался, то ответил, что возьмет крест из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле. А епископ Суассонский[1] был уже наготове и дал ему крест. И когда он взял его, тогда ему вручили двадцать пять тысяч ливров из тех денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский.

V. Когда маркиз взял крест, он сказал баронам: «Сеньоры, – сказал маркиз, – куда желали бы вы направиться и в какую землю сарацин хотели бы пойти?» Бароны ответили, что они не хотят идти в страну Сирию, ибо не смогли бы там добиться ничего путного; они думают отправиться в Вавилон[2] или в Александрию, в самую сердцевину стран сарацин, туда, где они сумели бы причинить им наибольший вред; и они намерены нанять флот, который всех их перевез бы туда. Тогда маркиз сказал, что это хороший план, и что он охотно присоединяется к нему, и что нужно для этого направить добрых послов, выбранных из лучших [имеющихся] среди них рыцарей, в Пизу, в Геную и в Венецию; все бароны согласились с этим планом.

VI. Тогда они избрали своих послов; все решили, что туда должны отправиться мессир Конон Бетюнский и маршал Шампанский[3]; выбрав своих послов, бароны разъехались, и маркиз уехал в свою землю, и каждый из остальных тоже. А послам поручили нанять корабли для перевозки четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пеших воинов[4]. Послы приготовились к своей поездке и отправились в нее без промедления. Они прибыли в Геную и поведали генуэзцам [о своем деле] и сказали им, чего они добиваются, и генуэзцы сказали, что они никоим образом не могут прийти им на помощь в этом деле. Затем послы отправились в Пизу и обратились к пизанцам, и те ответили им, что у

---

[1] Епископ Невелон Суассонский. В I главе Робер де Клара называет имя этого церковнослужители первым в перечне французских и немецких князей церкви, изъявивших готовность отправиться в крестовый поход.

[2] Т.е. в Каир.

[3] Имеется в виду Жоффруа Виллардуэн, впоследствии – историк Четвертого крестового похода.

[4] Первая цифра близка к той, которая фигурирует и в договоре крестоносцев с Венецией от 1201 г.: по договору она обязалась поставить флот для перевозки 4500 рыцарей. Вторая цифра - 100 тысяч пехоты - вымысел Робера де Клари: текст договора называет цифры в 9 тысяч щитоносцев и 20 тыс. пехоты.

них не хватило бы достаточного количества судов и что они ничего не смогли бы сделать. Потом, наконец, они отправились в Венецию, и поведали дожу Венеции[1] [о своем деле] и сказали, для чего они приехали, [а именно], что они хотят обеспечить перевоз четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пехотинцев. Услышав то, дож сказал, что посоветуется об этом деле, ибо столь крупное предприятие нужно хорошенько обдумать. Итак, он созвал всех высоких советников города, и переговорил с ними, и поведал им, что у него попросили [послы]. И когда они хорошенько обсудили, дож тогда ответил послам и сказал им: «Сеньоры, мы охотно заключим с вами сделку, и мы поставим вам достаточный флот за сто тысяч марок, если вам угодно, договорившись, что вместе с вами отправлюсь и я, а также половина тех, кто во всей Венеции способен носить оружие, и на условии, что мы получим половину всех завоеваний, которые будут там добыты; и мы поставим вам, [кроме того], за наш счет пятьдесят галер, и в течение года с того дня, который мы вам назначим, мы перевезем вас в ту страну, какую вы пожелаете, будь то Вавилон или Александрия». Когда послы это услышали, они отвечали, что сто тысяч марок - это чересчур дорого; и они столь успешно поторговались, что заключили сделку за восемьдесят семь тысяч марок; дож, венецианцы и послы поклялись исполнить этот договор. Затем дож сказал, что хотел бы получить задаток в двадцать пять тысяч марок, чтобы начать постройку флота; и послы ответили, чтобы он направил вместе с ними во Францию [своих] послов и что они им охотно уплатят двадцать пять тысяч марок. После чего послы распрощались и уехали; дож же послал вместе с ними знатного мужа из Венеции для получения задатка.

VII. После того дож приказал огласить по всей Венеции свое распоряжение: пусть никакой венецианец никоим образом не осмеливается заниматься торговлей, но пусть все помогают строить флот; так они и сделали. Они начали сооружать самый богатый, какой когда-либо видели, флот.

VIII. Когда послы воротились во Францию, они дали знать, что вернулись. Тогда пригласили всех баронов-крестоносцев явиться в Корби. И когда все они там собрались, послы сказали, чего они добились. Когда бароны услышали их, они были этим сильно обрадованы, и целиком одобрили [то], что [послы] совершили, и оказали большие почести посланцам дожа Венеции, и вручили им деньги графа Шампанского и деньги, которые собрал господин Фульк, а потом граф Фландрский добавил из своих денег, так что вышло двадцать пять тысяч марок. И их вручили послу дожа Венеции и дали ему добрую охрану для сопровождения его до его страны.

---

[1] Венецианский дож Энрико Дандоло (1193-1205 гг.).

IX. Потом было велено всем крестоносцам из всех земель отправиться в дорогу на пасху с тем, чтобы прибыть в Венецию непременно между Пятидесятницей[1] и августом месяцем. Так они и поступили. И когда прошла Пасха, они прибыли все до одного. И много было отцов и матерей, сестер и братьев, жен и детей, которые сильно печалились из-за отъезда тех, кого они любили.

X. Когда все пилигримы собрались в Венеции и увидели богатый флот, который был построен, богатые нефы, большие галиоты и юисье для перевозки коней, и галеры, они сильно дивились [этому] так же, как и большим богатством, которое встретили в городе. Увидев, что не могут все в нем разместиться, они посоветовались между собой и решили расположиться на острове св. Николая[2], который целиком был окружен морем и находился на расстоянии одного лье от Венеции. Пилигримы отправились оттуда на остров - разбили там свои палатки и устроились наилучшим образом, как только могли.

XI. Увидев, что все пилигримы прибыли, дож Венеции созвал всех венецианцев. И когда они все явились, он распорядился, чтобы половина из них снарядилась и приготовилась погрузиться на корабли вместе с пилигримами. Когда венецианцы услышали это, одни возрадовались, другие сказали, что не могут идти [в поход]; и они не могли достигнуть согласия о том, как половина из них сумела бы отправиться [в поход]. Дело дошло до того, что бросили жребий...

Едва только пилигримы расположились на острове св. Николая, дож Венеции и венецианцы направились для переговоров с ними, и они потребовали уплаты обусловленной суммы за наем флота, который они снарядили. И дож тогда сказал им, что они поступили плохо, ибо запрашивали через своих послов подготовить флот на четыре тысячи рыцарей с их снаряжением и на сто тысяч пеших воинов, а из этих четырех тысяч рыцарей пришло не более одной тысячи, потому что прочие отправились в другие гавани; что же до ста тысяч пеших воинов, то явилось не более пятидесяти или шестидесяти тысяч. «Вот почему мы хотим, – сказал дож, – чтобы вы уплатили нам деньги, о которых мы договорились». Услышав такое, крестоносцы стали совещаться и порешили между собой, что каждый рыцарь уплатит четыре марки [за себя] и за каждого коня – четыре, и каждый конный оруженосец – две марки, и что тот, кто даст самую малую сумму, даст одну марку. Собрав эти деньги, они уплатили их венецианцам, но еще осталось уплатить пятьдесят тысяч марок. Когда дож и венецианцы увидели, что пилигримы не заплатили им больше, все они были разгневаны, так что дож сказал им [крестоносцам]: «Сеньоры, сказал он, на наш взгляд, вы поступили худо, ибо как только ваши послы заключили сделку со мной и моим

[1] Церковный праздник, иначе – Троица.
[2] Остров Лидо вблизи Венеции.

народом, я повелел, чтобы ни один купец во всей моей земле не занимался торговлей, но чтобы они пособляли подготовить флот, и с тех пор они приложили к этому [свои] старания и вот уже целый год с половиной и более ничего не заработали на этом. Мало того, они много израсходовали на это [дело]; поэтому мои люди желают, и я также, чтобы вы уплатили нам деньги, которые вы нам должны. Если вы этого не сделаете, то знайте, что вы не двинетесь с этого острова до того мгновения, пока мы не получим свое, более того, вы не найдете никого, кто бы принес вам питье и еду». Дож был многоопытным человеком и потому не дозволял доставлять им в достаточном количестве питье и еду.

XII. Когда графы и простые воины-крестоносцы услышали, что сказал дож, они весьма приуныли и почувствовали себя в весьма затруднительном положении, и тогда учинили вторичный сбор [денег] и заняли сколько могли у тех, у кого, как они считали, имеются деньги. Тогда они уплатили (собранную сумму) дожу и, когда произвели ее уплату, осталось недоплаченными еще тридцать шесть тысяч марок; и тогда они им (крестоносцы венецианцам) сказали, что их [крестоносцев] дела плохи, и что войско сильно обеднело из-за этой уплаты, которую они произвели, и что у них больше нет денег для уплаты, но что у них осталась лишь малая толика для содержания рати. Увидев, что они [действительно] не могут выплатить все деньги, но сильно огорчены этим, дож переговорил со своими и сказал им: «Сеньоры, если мы отпустим этих людей уйти восвояси, то навсегда прослывем дрянными обманщиками.Пойдемте-ка лучше к ним и скажем им, что если они хотят вернуть нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые они нам должны, из первых же завоеваний, которые они произведут и которые составят их долю, то мы перевезем их за море». Венецианцы согласились поступить так, как сказал дож. Они тотчас же направились к пилигримам туда, где те располагались. И когда они туда явились, дож сказал пилигримам: «Сеньоры, – сказал он, – мы, мои люди и я, рассудили таким образом, что если вы хотите законно гарантировать нам, что уплатите нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые вы нам должны, из первой же добычи, которую вы захватите как свою часть, то мы перевезем вас за море». Когда крестоносцы услышали, что им сказал и что определил дож, то они весьма возрадовались, и припадали к его стопам от радости, и клялись ему, что весьма охотно сделают то, что дож им определил. После чего они устроили столь большое веселье ночью, что не было ни одного бедняка, который не возжег бы большого факела, и они носили на остриях копий большие светильники вокруг своих палаток и внутри [них], так что казалось, что все войско объято пламенем.

XIII... Дож явился к ним [крестоносцам][1] и сказал им: «Сеньоры, сейчас зима: мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не удержало бы, потому что я уж взялся вас перевезти, если бы только это вас не удержало. Однако давайте-ка сделаем доброе дело!» Сказал дож: «Недалеко отсюда есть город под названием Задар. Жители этого города причинили нам великое зло, и я и мои люди, мы хотим отомстить им, если сможем. И, поверьте мне, мы отдохнем там эту зиму, примерно, до пасхи. А к тому времени мы подготовим наш флот и тогда уже с помощью господа бога поплывем за море. Город же Задар очень хорош и весьма богат всяким добром». Бароны и знатные крестоносцы дали свое согласие на то, что предложил дож; но все остальные в войске не знали об этом решении: там присутствовали только люди самого высокого положения. Итак, все они сообща приготовились к своему походу, приготовили свой флот и вышли в море. И у каждого из знатных людей был свой неф – для него и его вассалов, и свой юисье – для его коней, и у дожа Венеции было пятьдесят галер, поставленных целиком за его счет. Галера, на которой находился он сам, вся была алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый стяг; здесь стояли четыре трубача, трубившие в серебряные трубы, и находились кимвалы[2] которые гремели, выражая большое торжество. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было выдано. Пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они там пели Veni creator spiritus[3]. И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали.И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые корабли и столько других судов – это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было, по крайней мере, сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков, и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо. Они плыли по этому морю, натянув паруса и с поднятыми на корабельных башнях стягами и флажками, и можно было, сказать, что все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали. Так достигли они города под названием Пола. Они причалили туда, подкрепились и побыли там потом немного, пока хорошенько не освежили свои силы и не пополнили съестные припасы, которые закупили и погрузили на свои корабли. Затем они снова вышли в море. Если они ликовали и радовались великой радостью уже до того, то в это мгновение они тоже переживали радость и даже

[1] Робер де Клари рассказывает о пребывании крестоносцев на острове Лидо осенью 1202 г.
[2] Большие барабаны.
[3] Лат.: «Приди, о дух всевиждущий» - начальные слова из литургического песнопения.

еще большую, так что жители города надивиться не могли на такое их торжество, и на их огромный флот, и на их великую знатность; они говорили, – и то была сущая правда, – что никогда и ни в какой стране не видано было такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV. Венецианцы и пилигримы держали курс так, что прибыли к Задару в ночь на праздник святого Мартина[1]. Жители города Задара, увидев эти суда и этот огромный флот, затрепетали от страха. Они заперли все городские ворота и вооружились самым лучшим образом, как люди, решившие защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатным [людям] в войске. Он сказал им: «Сеньоры, сей город причинил нам много зла, мне и моим людям: я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас также быть мне в помощь». И все бароны и люди высокого положения ответили ему, что охотно ему помогут. Ну, а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы ненавидели их. И они [жители Задара] запаслись также грамотами из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-либо вред, будут отлучены [от церкви][2]. С добрыми послами они переслали эти грамоты дожу и крестоносцам, которые туда причалили. Когда послы явились в войско, грамоты папы римского были прочитаны дожу и пилигримам. Когда грамоты прочитали и дож услышал их, он сказал, что, не откажется отомстить жителям города из-за папского отлучения. После этого послы удалились. Дож вторично обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни при каких обстоятельствах не откажусь отомстить им, даже папы ради!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны ответили, что они охотно пособят ему; остались в стороне только граф Симон де Монфор и мессир Ангерран де Бов[3]. Последние сказали, что не пойдут против воли папы, ибо не желают быть отлученными; и тогда они собрались и уехали на всю зиму в Венгрию. Когда дож увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города; жители города увидели тогда, что долго им не продержаться, и они сдались на милость [крестоносцам] и сдали им город. Пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины: пилигримы получили одну половину, а венецианцы – другую.

XV. А потом случилось так, что вспыхнула распря между венецианцами и меньшим народом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и еще полдня. И эта распря была столь великой, что рыцари лишь с большим трудом

---

[1] 10 ноября 1202 г.

[2] Иннокентий III действительно в особом послании к крестоносцам, направленном им через аббата де Лочедио, запретил им «нападать на христианские земли».

[3] Это был клирик, младший на братьев де Бов: старшими были рыцари Робер и Юг де Бов. Мемуарист упоминает их в I гл. Записок, перечисляя участников похода из области Амьенуа.

могли разнять их. Разняв их, они установили столь добрый мир между ними, что с того времени они никогда уже не препирались друг с другом.

Потом знатные крестоносцы и венецианцы советовались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город. И они порешили между собой направить в Рим гонцов, чтобы добиться снятия отлучения: туда послали епископа Суассонского и монсеньора Робера де Бов, которые испросили у папы грамоты, гласившие, что отлучение снято со всех пилигримов и всех венецианцев. Получив эти грамоты, епископ по возможности раньше вернулся; монсеньор же Робер де Бов не воротился вместе с ним, а отправился прямо из Рима за море.

XVI. Между тем, пока крестоносцы и венецианцы пребывали там в течение зимы, они призадумались о том, что сильно поиздержались. Они совещались об этом и решили, что не могут плыть ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, с помощью которых они могли бы двинуться туда, поскольку они почти все истратили, как па текущие расходы, которые им пришлось производить, так и на то, чтобы заплатить большую сумму за наем флота. Они сказали, что не могут больше плыть дальше, а если и направятся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни продуктов питания ни денег, которыми смогли бы продержаться.

5.14. Договор господина Балдуина, графа Фландрского, и Теобальда, графа Труаского, и господина Людовика, графа Блуаского, заключенный со знатным господином Энрико Дандоло, дожем Венеции, о перевозке в Святую землю (1201 г.)[1]

Многократно сообщалось, что [некогда] земля Иерусалимская была захвачена язычниками и [затем], когда и как то было угодно господу, освобождена во хвалу [его] и к его славе[2]. В наше время, однако, население этой страны вновь впало в столь плачевное состояние, что Иерусалим, где покоилось [когда-то] почитаемое тело [господа], взят врагами креста Христова, приумножающими тьму нечестивых деяний, причиненных ему; взяты [также] другие города и

[1] Текст этого договора приводится в хронике венецианского историка XIV в. Андреа Дандоло. Автор сообщает вначале о том, как на десятом году правления дожа Энрико Дандоло в Венецию прибыли послы крестоносцев, которые вступили с ним в переговоры; затем, передав вкратце основное содержание соглашения, заключенного Венецией с предводителями крестоносцев, и отозвавшись в похвальном тоне о твердом исполнении условий этого договора со стороны дожа, отметив также, что во время отсутствия последнего в Венеции его заменял сын – Райнерий Дандоло, хронист помещает самый текст договора.

[2] Имеется в виду завоевание Иерусалима крестоносцами, участниками Первого похода, в 1099 г.

крепости, так что сохранилось лишь немного таких мест, которые не попали бы подих владычество[1]. Мы не должны думать, что это произошло в силу несправедливости разящего судии[2], но вернее [это случилось, как надо считать], из-за неправедности провинившегося народа, ибо читаем [в книгах], что когда народ обращался к господу, то один человек заставлял отступать тысячу, а двое гнали (перед собой) десять тысяч[3]. Ибо если бы господь хотел, то [своим] бесценным приговором он покарал бы [за] причиненное ему зло; но он весьма желал испытать христиан и показать им, что коль скоро находится кто-либо, кто разумеет бога или устремляется к нему [душой], то такой человек с радостью воспримет ниспосланную ему в определенное время кару, и берет меч и щит, и поднимается на подмогу [всевышнему]. Многие князья, а именно римский император[4], короли Франции[5] и Англии[6], герцоги, маркизы, графы и бесчисленные бароны, а также прочие, опоясавшись силой меча, поспешили на освобождение Святой земли, но поскольку они не были вполне единодушны в [деле] служения [богу], то мало [в чем] преуспели в этих краях[7].

Итак богу угодно было в настоящее время внушить вам, светлейшим князьям, графам Балдуину Фландрскому и Эно[8], палатину Теобальду Труасскому[9], Людовику Блуасскому и Клермонскому[10] и другим мужам [столь же] благородной крови, дабы, осененные знамением креста, подняли меч во служение ему[11], против нечестивых деяний варваров. Посему, зрело поразмыслив и не видя, что иное могло бы оказать столь серьезную помощь Святой земле и обуздать врагов, кроме того, чтобы волей божьей вы соединились с нами и мы совместно предприняли бы это служение [богу], – вы направили к нам весьма благород-

---

[1] Речь идет об успехах арабов в борьбе против завоевателей-крестоносцев, в особенности об успехах, одержанных после разгрома сил Иерусалимского королевства в битве при Хаттине и захвата Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г.

[2] Т.е. бога.

[3] Авторы этой преамбулы договора имеют в виду, в первую очередь, библейские легенды подобного рода, но, возможно, также и гиперболизированные хронистами XII в. известия о подвигах «святых» рыцарей, участников Первого крестового похода. «Героические» сказания об их деяниях, о победах немногих крестоносцев над целыми армиями «неверных» и пр. получили в XII в. широкое распространение на Западе.

[4] Фридрих I Барбаросса.

[5] Филипп II Август.

[6] Ричард I Львиное Сердце.

[7] Здесь подразумеваются события Третьего крестового похода 1189-1192 гг., завершившегося полупоражением крестоносцев, которое было обусловлено, главным образом, взаимной враждой крупнейших западных государств, выславших крестоносные армии на Восток.

[8] Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно, с мая 1204 г. – первый государь основанной крестоносцами Латинской империи.

[9] Граф Тибо Шампанский.

[10] Граф Луи Блуасский.

[11] Т.е. богу.

ных мужей Конона Бетюнского, маршала Гауфреда[1], Иоанна де Фригес[2], Аларда Макерельского, Милона де Провэн и Гвальтера де Гаудонвилла со смиренной мольбой, чтобы мы, руководствуясь божественным милосердием, дали вам совет и помощь[3] в этом деле; [и было заявлено], что вы полностью изложите ваши пожелания и намерения и что вы пожелаете сделать все согласно нашей воле и [нашему] совету, который будет дан.

Выслушав [все] это, [что было говорено] послами и сказано во врученных нам с вашей стороны грамотах, мы, Энрико Дандоло, милостью божьей дож Венеции, Далмации и Кроации, приняв, что следовало, с [подобающими] почестями и быстротою, возрадовались во глубине души нашей и вспомнили наших предшественников[4], которые в надлежащее время великодушно приходили на помощь Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения господа, удостоились славы и почета. Мы тщательно выслушали ваши просьбы, почитая господа и следуя движению сердца и всей души, еще и вследствие обращения верховного понтифика[5], который весьма часто с отеческой заботливостью увещевал нас об этом, а также потому, что мы не сомневаемся [в том], что вы хотите потрудиться [ради дела бога] преданно, с чистыми помыслами и верностью.

Итак, названные выше послы просили, чтобы мы предоставили вам флот для перевоза четырех тысяч пятисот хорошо вооруженных рыцарей и стольких же коней, и девяти тысяч щитоносцев (притом, если этих щитоносцев недостанет, то сумма денег, названная ниже, не должна быть уменьшена), и двадцати тысяч хорошо вооруженных пехотинцев, со съестными припасами, [сроком] на один год, что мы и обещали им предоставить. Продовольствие на одного человека будет [таково]: каждому – шесть секстариев хлебом, и мукой, и зерном, и овощами, и пол-амфоры вина. А на каждого коня – три венецианской меры модия [корма], воды же – сколько потребуется. Для перевоза указанных выше коней мы должны поставить столько уссериев[6], сколько соответственно будут необходимы. [Что же касается] судов для перевоза людей, [то] мы дадим [их] столько, сколько сообразно определению нашему и баронов наших, сделанному по совести, будет достаточно.

---

[1] Так в латинской транскрипции именуется здесь маршал Жоффруа Виллардуэн из Шампани.

[2] Латинская транскрипция имени Жана Фриэзского, упоминаемого в мемуарах Жоффруа Виллардуэна.

[3] «Дать совет и помощь» – традиционная формула обращения в практике взаимоотношений между феодалами.

[4] Имеются в виду прежние венецианские дожи.

[5] Так в средние века именовали папу римского (здесь имеется в виду Иннокентий III).

[6] Уссерии (соответствуют «юисье» французских авторов) – корабли, в трюмах которых перевозились лошади.

И этот вышеупомянутый флот должен быть поставлен в .течение одного года, начиная с праздника святых апостолов Петра и Павла[1], грядущего к чести бога и блаженного апостола и евангелиста Марка[2] и [всего] христианства, если это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится только нашей и вашей общей волей.

Сверх того, однако, и мы [сами] по собственному желанию должны выставить для служения божьего пятьдесят вооруженных галер, которые точно так же будут [находиться] на службе господа в течение года, коль скоро это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится лишь нашей и вашей волей.

За это вы обязуетесь уплатить нам восемьдесят пять тысяч марок чистого серебра кельнской меры, которая употребляется в нашей земле; из этой суммы мы должны получить пятьдесят тысяч марок кавгустовским календам[3]; другие десять тысяч – между этим сроком и праздником всех святых[4]; еще десять тысяч – ко дню очищения блаженной [девы] Марии[5]. Остальные пятнадцать тысяч марок мы должны получить, начиная с этого дня и в течение всего ближайшего месяца апреля[6]. А в течение всего этого месяца и люди и кони со всем необходимым снаряжением должны прибыть в Венецию для перевоза; и они должны отправиться [в поход] и находиться на службе бога один год, если будет сочтено целесообразным и [условие это] сохранится только нашей и вашей волей.

Не следует упускать из виду [и то], что вы не должны приобретать съестное [где-либо] между Кремоной и Венецией, а также между Болоньей, Иммолой, Фавенцией и Венецией иначе как с нашего согласия.

И между нами и вами должно быть такое прочное единение, что мы должны хорошо обходиться с вами, а вы – с нами.

Если же по соизволению божьему мы сообща или порознь добудем что-либо силою или по договору, то из всего этого мы должны получить половину, а вы – другую половину. Все выше изложенное послы ваши, упомянутые [ранее], от своего имени, а также за ваши души скрепили клятвою на святом Евангелии божьем; [они поклялись], что вами и ими [все это] будет соблюдено, что и вы сами таким же образом поклянетесь в том, что выполните [упомянутые условия], и заставите поклясться ваших баронов в том, что они [их] выполнят, и

---

[1] 29 июня 1201 г.

[2] Апостол Марк, которому церковь приписывает авторство одного из евангелий, считался покровителем Венеции. Последняя поэтому нередко именуется в источниках городом или республикой св. Марка.

[3] 1 августа 1201 г.

[4] 1 ноября 1201 г.

[5] 2 февраля 1202 г.

[6] То есть в течение апреля 1202 г.

всю рать, которая будет выставлена с вашей стороны, если [на то] сохранится наша воля. Если сможете, вы склоните также поклясться в том же господина короля Франции[1].

Мы же [со своей стороны] поклялись в том, что исполним все, что обязались дать вам согласно сказанному выше о флоте, если будет соблюдено то, что было нам обещано с вашей стороны, и все прочее, записанное в этом соглашении; равным образом в этом поклянутся и наши бароны. А если мы не явимся с упомянутым выше войском, [тогда] те, кто заменят нас[2], в этом предприятии, поклянутся выполнить [договоренное] и заставят поклясться [в этом] всех прочих, кто будет с нашей стороны в этом войске, коль скоро [на то] будет ваша воля.

Относительно же нашей воли и воли ваших послов насчет [всего] сказанного постановлено, что надлежит избрать по шесть мужей с каждой стороны с тем, чтобы в случае возникновения какого-либо осложнения между нашей и вашей ратью, да отвратит его бог, они уладили бы [споры], приведя [всех] к согласию; и это они также будут совершать под клятвою и по совести.

Вы добьетесь также того, чтобы получить от господина папы грамоту об этом соглашении, заключенном подобным образом, с тем, чтобы, если какая-либо из сторон отступит от этого договора, на нее была бы возложена та доля наказания, которую она по справедливости должна нести.

Для того же, чтобы все написанное обрело прочность, мы повелели скрепить этот текст печатью, выдавленной нашей свинцовой буллой.

Акт совершен в Венеции, в Риво Альто, во дворце упомянутого господина дожа. Писано рукой Андреа Конрадо, пресвитера и канцлера нашей курии, в год от воплощения господа тысяча двести первый, месяца апреля, четвертого индикта[3].

Я, Вивиан, писец-нотарий и судья господина Генриха, римского императора, видел и читал подлинник этого [договора], ничего не добавил и не сократил, сохранив лишь то, что нашел, доподлинно скопировал это в сию книгу, собственноручно скрепил и подписал.

---

[1] Имеется в виду Филипп II Август, который, однако, как известно, не принял непосредственного участия в Четвертом крестовом походе.

[2] Т.е. другой дож, который сменит престарелого Энрико Дандоло (ему было тогда за 90 лет).

[3] Индикт – средневековая мера отсчета годов по пятнадцатилетним циклам. Система индиктов была введена в период Позднеримской империи. В разных христианских странах начальная дата индикта была неодинаковой. В Риме до 1087 г. ею считалось 1 сентября, затем – 1 января или 25 декабря («рождество Христово»).

5.15 Жоффруа Виллардуэн
«Завоевание Константинополя»

47. После Пасхи, около Пятидесятницы[1] пилигримы начали отправляться из своих земель. И знайте, что много было пролито слез жалости, когда они покидали свои края, их люди и их друзья... Так отправились они через Бургундию и горы Монжьо[2] через гору Сенис[3] и Ломбардию. И таким образом начали они собираться в Венеции и размещались на некоем острове, который именуется островом св. Николая[4] [и находится] в гавани...

Далее автор рассказывает о тех отрядах крестоносцев, которые, сев на корабли во Фландрии, поплыли было в Венецию через Гибралтар, но не сдержали слова, данного сеньорам – графу Бодуэну Фландрскому и Генриху д'Эно, – и, убоявшись опасностей, которым подверглись те, кто связал себя с Венецией, направились в Сирию, минуя этот город[5].

51. Больше мы не станем говорить вам о них и расскажем о пилигримах, большая часть которых уже прибыла в Венецию. Там уже был граф Бодуэн Фландрский[6] и многие другие. Тут к ним пришло известие, что многие пилигримы направились другими дорогами в другие гавани; и они были весьма встревожены [этой новостью], ибо [вследствие этого] не могли бы выполнить договора и заплатить венецианцам деньги, которые были им должны.

52. И они порешили, посоветовавшись друг с другом, отправить надежных послов навстречу пилигримам, навстречу графу Луи Блуасскому[7] и Шартрскому, который еще не прибыл, чтобы ободрить их и умолить их сжалиться над святою Заморскою землею, и напомнить им, что им невыгодна никакая другая дорога, кроме как через Венецию.

53. Для этого посольства были избраны граф Юг де Сен-Поль и Жоффруа, маршал Шампани; и они шли до Павии в Ломбардии[8]. Там они застали графа Луи с большим числом добрых рыцарей и пеших воинов. Их увещевания

---

[1] Пятидесятница, иначе Троица, – церковный праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи, в 1202 г. этот день приходился на 2 июня.

[2] Монжьо – коммуна во Франции, которая находится в регионе Юг – Пиренеи. Департамент – Аверон. Входит в состав кантона Сен-Бозели. Округ коммуны – Мийо.

[3] Гора в Альпах, через которую шла дорога от Лиона до Турина.

[4] Остров в Адриатическом море, административно располагается в черногорской общине Будва.

[5] Они предполагали попасть в порт Бриндизи, откуда обычно паломники отплывали в Палестину.

[6] Еще в апреле 1202 г. граф Фландрский проходил через Клерво.

[7] Луи Блуасский отправился в путь несколько позднее Бодуэна – 4 мая 1202 г. он был еще в Шартре.

[8] Павия расположена на дороге от горы Сенис к Венеции.

и их мольбы склонили отправиться в Венецию многих людей, имевших намерение пойти другими путями в другие гавани.

54. Тем не менееиз Пьяченцы много добрых людей пошли другими дорогами в Апулию (следует перечень имен рыцарей, среди которых упоминается Жилль де Тразеньи, вассал Бодуэна Фландрского; последний дал ему из своих денег пятьсот ливров, чтобы он шел с ним в поход). Вместе с ними отправилось множество рыцарей и пеших людей, имена которых не записаны.

55. Это обстоятельство нанесло большой ущерб тем, которые отправились в Венецию, и было причиною большого для них несчастья, о чем вы можете скоро услышать.

56. Таким образом, граф Луи и другие бароны отправились в Венецию; и они были приняты там с великим торжеством и с великой радостью и расположились на острове св. Николая вместе с прочими [пилигримами]. Сколь прекрасно было это войско и какие превосходные [это были] люди; никогда никто не видел ни стольких воинов, ни такого отличного войска; и венецианцы продавали им [все] в таком изобилии, что хватало всякого добра, которое нужно было для коней и для людей; и корабли, изготовленные ими, были столь богаты и прекрасны, что никогда еще ни один христианин не видел ничего более богатого и прекрасного; галер и грузовых кораблей было в три раза больше, нежели сколько требовалось для пилигримов.

57. Ах! Как было жаль, что прочие, те, кто отправились в другие гавани, не явились сюда! Христианство непременно восторжествовало бы и земля турок понесла бы урон. Венецианцы превосходно выполнили перед ними [крестоносцами] все свои обязательства и даже сверх того; и они требовали теперь от графов и баронов сдержать условия и с их стороны, и требовали произвести уплату денег; ибо они были готовы к отплытию.

58. В войске пилигримов потребовали собрать деньги в уплату за перевоз; и нашлось довольно таких, которые говорили, что не могут оплатить свой перевоз, и бароны собрали с них столько, сколько те могли [дать]. Таким образом, они внесли сколько смогли, денег. Когда же произвели сбор всей суммы в уплату перевоза и когда уплатили, то денег оказалось недостаточно – менее половины.

59. Тогда бароны сошлись вместе и рассудили так: «Сеньоры венецианцы очень хорошо выполнили свои обязательства и даже сверх того; но нас собралось здесь не столько, чтобы, оплатив наш перевоз, мы выполнили бы наши обязательства; и это случилось из-за отсутствия тех, кто отправился в другие гавани. А посему бога ради пусть каждый из нас выложит все свое имущество с тем, чтобы мы могли выполнить заключенные условия; ибо лучше уж оставить здесь все свое достояние, нежели потерять то, что мы уже внесли, и нарушить

наши соглашения; ведь если это войско не отбудет [отсюда], то не удастся и отвоевание Заморской земли»,

60. Тогда произошло великое разногласие, исходившее от большей части баронов и остальных [пилигримов], которые говорили: «Мы заплатили за свой перевоз и охотно отправимся, если они хотят нас везти; если же не хотят, то мы соберем деньги и отправимся искать перевоза в другие места». Коль скоро они рассуждали таким образом, то потому, что им очень хотелось, чтобы войско распалось. А другая часть[1] говорила: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедными, нежели видеть Войско распавшимся, ибо, если богу будет угодно, он вернет нам [наше]».

61. Тогда граф Фландрии начал отдавать все, что имел, и все, что смог занять[2], и то же сделал граф Луи, и маркиз[3], и граф де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Вы могли бы увидеть тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасных золотых и серебряных сосудов, чтобы произвести уплату. И когда они уплатили, все же тридцать четыре тысячи марок серебра не достало до обусловленной суммы. Этим [обстоятельством] были весьма обрадованы те, которые скрыли свое имущество и не пожелали из него ничего платить: они полагали, что войско распадется и рассеется. Но бог, который подает советы лишенным совета, не пожелал, чтобы они так страдали.

62. И тогда дож говорил своему народу и сказал ему: «Сеньоры, эти люди не могут больше платить; а то, что они уже заплатили, мы все это заработали в силу соглашения, которое они не в состоянии выполнить. Однако наше право не будет признано повсюду, и мы, и наше государство навлекли бы на себя сильное порицание. Потребуем-ка у них [полюбовного] соглашения.

63. Король Венгрии отнял у нас Задар[4] в Славонии[5], который является одним из укрепленнейших городов на свете; при всем нашем могуществе, он никогда не сможет быть завоеван без помощи этих людей. Предложим им, чтобы они нам помогли его завоевать, и мы предоставим им отсрочку для уплаты тридцати четырех тысяч марок серебра, которые они нам должны, до тех пор, пока бог дозволит нам заработать их вместе, нам и им». Это предложение было внесено [крестоносцам]. И выступили против него многие из тех, кто хотел,

---

[1] То есть, по Виллардуэну, меньшинство.

[2] Сохранился документ о том, что в октябре 1202 г. он занял 118 марок.

[3] Бонифаций Монферратский.

[4] Задар – крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря в Далмации. В начале XIII в. принадлежал Венгрии. В течение предшествующего столетия между Венецией и Венгрией шла упорная борьба за овладение городом, во время которой он переходил из рук в руки. Последний раз Венеция потерпела неудачу в 1192 г.

[5] Славония – Далмация.

чтобы войско рассеялось, но, несмотря на все, соглашение было заключено и утверждено.

64. В воскресенье все собрались в церкви св. Марка. Это было великое торжество; там было много местного люда и большая часть баронов и пилигримов.

65. Перед началом большой обедни[1] дож Венеции, по имени Энрико Дандоло, взошел на кафедру и говорил народу и сказал ему: «Сеньоры, вы вступили в союз с лучшими людьми во вселенной и ради самого высокого дела, какое когда-либо предпринималось. Я уже стар и слаб, и нуждаюсь в покое, и страдаю телесными недугами[2], но, тем не менее, я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы предводительствовать и руководить вами, как я, ваш правитель. Если вы дадите свое согласие, чтобы я взял знак креста, дабы охранять вас и править вами, и чтобы на моем месте остался мой сын и охранял бы страну, тогда я пойду жить или умирать имеете с вами и с пилигримами».

66. И когда они [крестоносцы] его услышали, то вскричали в один голос: «Мы вас молим богом, чтобы вы согласились и сделали бы это, и чтобы вы отправились вместе с нами».

67. Весьма велика была тогда жалость народа той земли и пилигримов, и много было пролито слез, ибо этот мудрый и добрый старец имел такие большие основания оставаться дома: ведь он был в преклонных годах и на его прекрасном лице были очи, коими он не видел ни капли, ибо он потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великого сердца! Ах! как мало походили на него те, которые, дабы избежать опасности, отправлялись в другие гавани!

68. Итак, он сошел с кафедры, и направился к алтарю и встал на колени, сильно плача; и ему нашили крест на его большую шапку[3] из бумажной материи, спереди, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест. И многие венецианцы начали также в большом числе и в великом множестве принимать крест; а до этого дня их взяло крест весьма немного. Наши пилигримы были весьма обрадованы и сильно тронуты тем, что дож возложил на себя крест, как по причине его мудрости, так и присущей ему доблести.

69. Таким-то образом, как вы слышала, дож принял крест, Тогда венецианцы начали приготовлять корабли, и галеры, и грузовые суда, чтобы принять на них баронов для отплытия; и уже так много времени прошло после назначенного срока, что приближался сентябрь[4].

---

[1] Торжественное богослужение по воскресеньям и праздничным дням.

[2] Согласно рассказу венецианской хроники Андрея Дандоло, еще в бытность свою послом в Константинополе Энрико Дандоло был ослеплен по приказу императора Мануила. Французские хронисты приводят иные версии причин слепоты дожа.

[3] Дожи носили высокую шапку. Обычно крест нашивался на плечо.

[4] Сентябрь 1202 г.

70. А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес и самом неожиданном происшествии, о каком когда-либо вы могли слышать. В это время был в Константинополе император по имени Исаак[1]; и у него был брат, которого звали Алексей[2] которого он выкупил у турок из плена. Этот Алексей схватил своего брата императора к выколол у него глаза прочь и сделался императором вследствие этой измены, как вы [только что] слышали[3]. Он долго держал его в темнице вместе с его сыном по имени Алексей. Этот сын убежал из темницы и на корабле прибыл в один приморский город, называвшийся Анкона[4]. Оттуда он направился к королю Германии Филиппу[5], который был женат наего сестре[6]. И он явился в Верону, в Ломбардии, и остановился в этом городе, и нашел довольно пилигримов и другого народа, отправлявшихся в войско [крестоносцев][7].

71. И те, которые помогли ему убежать и которые были с ним, говорили ему: «Государь, близ нас в Венеции находится войско, состоящее из лучших людей и лучших рыцарей в мире, которые отправляются за море; обратись к ним; пусть они сжалится над тобою и над твоим отцом, который так претерпел и вы лишились своего наследия. И если они согласятся тебе помочь, ты сделаешь им все, что они тебе выскажут. Быть может, они сжалятся». И он сказал, что исполнит это весьма охотно, и что совет этот хорош.

72. Таким образом, он выбрал послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому[8], который был предводителем войска, и к другим баронам. И когда бароны увидели их, то весьма изумились и сказали послам: «Мы хорошо понимаем, что вы говорите; мы отправим вместе с ним посольство к королю Филиппу, туда, куда он отправился[9]; если он хочет помочь нам вотвоеваний Святой земли, то и мы ему поможем возвратить его землю; ведь мы знаем, что она несправедливо отнята у него и его отца». Таким образом, были отправлены послы в Германию, к константинопольскому царевичу и к королю Филиппу.

73. Прежде чем случилось то, о чем мы рассказали, в войско пришло известие, которым бароны и другие люди были сильно опечалены, а именно, что

---

[1] Исаак II Ангел (1185-1195 гг. и 1203-1204 гг.).
[2] Алексей III (1195-1203 гг.).
[3] Речь идет о дворцовом перевороте в Константинополе в 1195 г.
[4] Время бегства царевича точно не известно, но скорее всего, оно произошло весной 1202 г.
[5] Король Филипп Швабский (1198-1208 гг.) из династии Гогенштауфенов, четвертый сын Фридриха I Барбароссы.
[6] С 1197 г. он был женат на дочери Исаака II – Ирине.
[7] Это были немецкие крестоносцы.
[8] Т.е. в Венецию, вероятно, в сентябре 1202 г.
[9] Царевич Алексей успел побывать в Риме, о чем Виллардуэн не знает, откуда и уехал ко двору Филиппа Гогенштауфена.

скончался и умер мессир Фульк, добрый, святой человек, который первым проповедовал крестовый поход[1].

74. А после этого происшествия[2] к ним присоединился, отряд весьма доблестных людей из Германской империи, которым они были очень рады [следует перечень имен немецких сеньоров, рыцарей и священнослужителей].

75. И тогда нефы и грузовые суда были распределены баронами[3]. Ах! Боже [мой], [какие] туда были введены превосходные боевые кони! И когда суда были нагружены оружием и съестными припасами, и [сели на них] рыцари и оруженосцы, вдоль бортов и корабельных башен были повешены щиты и флаги, которых там было столько и таких прекрасных[4].

76. И знайте, что они везли на кораблях камнеметательницы и тараны числом до трехсот и более, и в большом количестве всякие приспособления, которые предназначаются для взятия города. И никогда еще более прекрасный флот не отплывал из какой-либо гавани; и это было на восьмой день праздника св. Ремигия[5], в год одна тысяча двести второй от воплощения Иисуса Христа. Так они отбыли из гавани Венении, о чем вы [только что] слышали.

77. Накануне дня святого Мартина[6] они появились перед Задаром в Славонии и увидели город, укрепленный высокими стенами и высоким башнями; и тщетно стали бы вы искать более прекрасный, более укрепленный и более богатый город. И когда пилигримы увидели его, они сильно изумились, и один говорил другому: «Каким образом можно силой взять такой город, если этого не содеет сам бог?»

78. Первые корабли, которые подошли к городу, бросили якоря и стали ожидать других. И утром была прекрасная, ясная погода, и все галеры прибыли вместе с грузовыми судами и прочими кораблями, которые плыли сзади; и они ворвались в гавань силою, и разорвали цепь, которая была очень прочна и хорошо скована; и они спустились на сушу таким образом, что гавань была между ними и городом. И вы могли бы увидеть тогда многих рыцарей и многих оруженосцев, выходивших из кораблей и выводивших оттуда добрых коней, и много богатых палаток и шатров. Так расположилось войско, и в день святого Мартина Задар был осажден[7].

---

[1] Фульк умер в мае 1202 г.

[2] Имеются в виду завязавшиеся тогда разговоры предводителей крестоносцев с царевичем Алексеем и германским королем Филиппом.

[3] Галеры оставались под командованием дожа и венецианцев.

[4] Флажки обычно помещали на корабельные «башни».

[5] Праздник св. Ремигия приходится на 1 октября, следовательно, флот отплыл из Венеции 8 октября 1202г.

[6] Праздник св. Мартина приходится на 11 ноября, следовательно, флот появился перед Задаром 10 ноября 1202 г.

[7] 11 ноября 1202 г.

79. К этому времени прибыли не все бароны; так, еще не явился маркиз Монферратский, который остался позади по делу, что у него имелось. Этьен Першский остался больной в Венеции, а также Матье Монморанси; и когда они выздоровели, то Матье Монморанси прибыл и присоединился к войску в Задаре. Однако с Этьеном Першским случилось совсем по-другому: ибо он оставил войско и отправился в Апулию. С ним поехали Ротру де Монфор, и Ив де Жай, и многие другие, которых за это сильно хулили, и еще в марте [они] направились [прямо] в Сирию.

80. На другой день после св. Мартина[1] из Задара вышли люди, и они явились переговорить с дожем Венеции[2], который был в своем шатре, и сказали ему, что они готовы сдать город и все свое добро на его милость, чтобы спасти свою жизнь. И дож сказал, что не заключит ни такого, ни другого договора, пока не посовещается с графами и баронами, и что он им скажет об этом.

81. В то время как он пошел говорить [об этом] графам и баронам, та часть [пилигримов], о которой вы уже слышали раньше, те, кто хотел, чтобы войско разошлось, завязала переговоры с задарскими послами и сказала им [так]: «Почему вы хотите сдать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если уж вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойны». И они взяли одного из них, по имени Робер де Бов, который подошел к городским стенам и сказал [горожанам] то же самое. Так послы [Задара] вернулись в город, и договор не состоялся.

82. Когда дож Венеции явился к графам и баронам, он им сказал: «Сеньоры, жители города хотят сдать его, сохранив свою жизнь, на мою милость; но я не заключу ни такого, ни другого договора без вашего совета». И бароны ему ответили: «Государь, мы советуем вам принять [предложение задарцев] и [даже] просим вас об этом». И он сказал, что сделает это; и все они вернулись в шатер дожа, чтобы заключить договор; и они увидели, что послы удалились по совету тех, кто хотел роспуска войска.

83. Тогда встал аббат Во[3] из цистерцианского ордена и сказал им: «Сеньоры, именем папы римского я запрещаю вам нападать на город: ибо это христианский город, а вы – пилигримы». И когда дож это услышал, он был сильно разгневан и возмущен, и сказал графам и баронам: «Сеньоры, я имел договор, что этот город сдается на мою милость, а ваши люди разорвали его: вы же обещали мне помочь в его завоевании, и [теперь] я требую от вас выполнить это».

84. Тогда графы и бароны и те, кто держал их сторону, заговорили разом все вместе и сказали: «Они нанесли великое оскорбление, те, кто не допустил

---

[1] 12 ноября 1202 г.

[2] Энрико Дандоло, находившимся среди крестоносцев.

[3] Гюи, аббат монастыря Во де Серней.

этого договора, и не было дня, чтобы они не старались добиться роспуска войска. Таким образом мы будем унижены, если не поможем взять город». И они приходят к дожу и говорят ему: «Государь, мы поможем вам взять город – наперекор тем, которые хотят помешать этому».

85. Так было принято решение; и утром[1] они расположились перед гаванью города, и поставили свои камнеметательницы и другие свои орудия, которых у них имелось довольно; а со стороны моря они установили на кораблях лестницы. И камнеметательницы начали стрелять по городским стенам и по башням. Приступ этот длился так пять дней; и тогда они послали своих людей для подкопа к одной башне, и они стали вести подкоп степы. И когда увидели это те, кто находился в городе, они тотчас попросили заключить такой договор, в котором отказали было по совету тех, кто хотел роспуска войска.

86. Так город сдался на волю дожа Венеции, и жизни [горожан] были спасены. И тогда дож явился к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, милостью божьей и вашей мы завоевали этот город. [Уже] пришла зима, и мы не можем больше двинуться отсюда вплоть до Пасхи, ибо мы не нашли бы в каком-нибудь другом месте рынка, а этот город весьма богат и хорошо обеспечен всяким добром. Разделим его надвое: половину мы возьмем себе, а вы себе – другую».

87. Сказано – сделано. Венецианцы получили часть близ гавани, где стоят корабли, а французы получили другую. И тогда были каждому распределены здания в его месте, как это и подобало. И войско разбило лагерь и стало располагаться в городе.

88. И когда все они расположились, спустя три дня в войске случилась очень большая неприятность: ибо между венецианцами и французами вспыхнула распря, весьма крупная и весьма жестокая; и со всех сторон прибегли к оружию. И распря была столь велика, что мало было улиц, где бы не происходила великая баталия мечами, и копьями, и арбалетами, и дротиками; и много людей было ранено и убито.

89. Венецианцы, однако, не могли выдержать сражение, и они начали нести большие потери. И знатные люди, которые не хотели зла, вооруженные, ворвались в гущу сражавшихся и начали их разнимать. И когда их разнимали в одном месте, бой возобновлялся и другом. Дело продолжалось так почти до самой ночи; и все же ценой больших усилий и с большим трудом они разняли их. И знайте, что это было самое большое горе, которое случалось когда-либо в каком-либо войске; и недоставало малого, чтобы все войско было погублено. Но бог не захотел, чтобы оно так пострадало.

---

[1] 13 ноября 1202 г.

90. Весьма большие потери понесли обе стороны. Там был убит один знатный барон из Фландрии, по имени Жиль де Ланда; и он был поражен в глаз, и от этого удара был убит в схватке, и многие другие, о которых столько не говорилось [нами]. После этого дож Венеции и бароны были сильно заняты целую неделю примирением участников баталии; и они старались там до тех пор, пока мир, благодарение богу, не был установлен...

105. Посовещавшись друг с другом, бароны порешили отправить [посольство] в Рим к [папе], ибо он выказал им свое неудовольствие за взятие Задара; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, тех, кого сочли вполне пригодными для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суассонский, а другой – мэтр Жан Нуайонский, канцлер графа Бодуэна Фландрского; а из рыцарей – один был Жан де Фриэз, а другой – Робер де Бов, И они поклялись над Евангелием, что честно исполнят поручение и что возвратятся в войско[1].

106. Трое прекрасно сдержали свою клятву, а четвертый, поступил дурно: это был Робер де Бов. Ибо он выполнил поручение так плохо, что хуже не мог, и нарушил клятву, и по стопам других отправился в Сирию. Однако остальные трое действовали очень хорошо и выполнили свое посольство, как это поручили бароны, и они сказали папе: «Бароны умоляют вас простить [их] за взятие Задара, ибо они поступили как люди, которые не могли поступить лучше, по вине тех, кто отправились в другие гавани, и потому что в ином случае они не могли сохранить войско. И поэтому [они] просят вас, как своего доброго отца, чтобы вы дали им свои предписания, которые они готовы выполнить».

107. Папа сказал послам, что он хорошо знает, что если им пришлось совершить большое злодеяние, то это было из-за отсутствия других, и что он сожалеет об этом. И тогда он сказал, что дает свое благословение баронам и пилигримам и разрешает их как своих сынов; и он посоветовал им и просил их, чтобы они удержали войско вместе; ибо хорошо знал, что без этого войска невозможно послужить богу. И он дал полномочие Невелону, епископу Суассонскому и Жану Нуайонскому вязать и решить пилигримов[2], пока в войско не прибудет его кардинал[3].

---

[1] Посольство отправилось в Рим в декабре 1202 г.

[2] «Вязать и решить» – евангельское выражение, применяемое в церковной практике для обозначения права священника прощать грехи или права епископа снимать отлучение.

[3] Сообщение Виллардуэна не вяжется с данными папской переписки. Только позднее кардиналу Петру Капуанскому было вменено в обязанность снять отлучение – при условии, если крестоносцы клятвенно изъявят готовность повиноваться папе. Возможно, что Невелон Суассонский и Жан Нуайонский были уполномочены папским легатом осуществить это поручение.

5.16. Роберт де Клари
«Завоевание Константинополя»

XIII... Дож явился к ним [крестоносцам][1] и сказал им: «Сеньоры, сейчас зима: мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не удержало бы, потому что я уж взялся вас перевезти, если бы только это вас не удержало. Однако давайте-ка сделаем доброе дело!» Сказал дож: «Недалеко отсюда есть город под названием Задар. Жители этого города причинили нам великое зло, и я и мои люди, мы хотим отомстить им, если сможем. И, поверьте мне, мы отдохнем там эту зиму, примерно, до пасхи. А к тому времени мы подготовим наш флот и тогда уже с помощью господа бога поплывем за море. Город же Задар очень хорош и весьма богат всяким добром». Бароны и знатные крестоносцы дали свое согласие на то, что предложил дож; но все остальные в войске не знали об этом решении: там присутствовали только люди самого высокого положения. Итак, все они сообща приготовились к своему походу, приготовили свой флот и вышли в море. И у каждого из знатных людей был свой неф – для него и его вассалов, и свой юисье – для его коней, и у дожа Венеции было пятьдесят галер, поставленных целиком за его счет. Галера, на которой находился он сам, вся была алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый стяг; здесь стояли четыре трубача, трубившие в серебряные трубы, и находились кимвалы[2] которые гремели, выражая большое торжество. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было выдано. Пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они там пели Veni creator spiritus[3]. И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали. И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые корабли и столько других судов – это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было, по крайней мере, сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков, и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо. Они плыли по этому морю, натянув паруса и с поднятыми на корабельных башнях стягами и флажками, и можно было, сказать, что все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали. Так достигли они города под названием Пола. Они причалили туда, подкрепи-

---

[1] Т.е. в Палестине.

[2] Мир между Иерусалимским королевством и мусульманами на Востоке был подписан 21 июня 1198 г. сроком на пять с половиной лет.

[3] Король Имрэ (1196-1205 гг.).

лись и побыли там потом немного, пока хорошенько не освежили свои силы и не пополнили съестные припасы, которые закупили и погрузили на свои корабли. Затем они снова вышли в море. Если они ликовали и радовались великой радостью уже до того, то в это мгновение они тоже переживали радость и даже еще большую, так что жители города надивиться не могли на такое их торжество, и на их огромный флот, и на их великую знатность; они говорили, – и то была сущая правда, – что никогда и ни в какой стране не видано было такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV. Венецианцы и пилигримы держали курс так, что прибыли к Задару в ночь на праздник святого Мартина[1]. Жители города Задара, увидев эти суда и этот огромный флот, затрепетали от страха. Они заперли все городские ворота и вооружились самым лучшим образом, как люди, решившие защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатным [людям] в войске. Он сказал им: «Сеньоры, сей город причинил нам много зла, мне и моим людям: я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас также быть мне в помощь». И все бароны и люди высокого положения ответили ему, что охотно ему помогут. Ну, а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы ненавидели их. И они [жители Задара] запаслись также грамотами из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-либо вред, будут отлучены [от церкви][2]. С добрыми послами они переслали эти грамоты дожу и крестоносцам, которые туда причалили. Когда послы явились в войско, грамоты папы римского были прочитаны дожу и пилигримам. Когда грамоты прочитали и дож услышал их, он сказал, что, не откажется отомстить жителям города из-за папского отлучения. После этого послы удалились. Дож вторично обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни при каких обстоятельствах [букв.: ни за какую цену] не откажусь отомстить им, даже папы ради!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны ответили, что они охотно пособят ему; остались в стороне только граф Симон де Монфор и мессир Ангерран де Бов[3]. Последние сказали, что не пойдут против воли папы, ибо не желают быть отлученными; и тогда они собрались и уехали на всю зиму в Венгрию. Когда дож увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города; жители города увидели тогда, что долго им не продержаться, и они сдались на милость [крестоносцам] и сдали им город. Пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины: пилигримы получили одну половину, а венецианцы – другую.

---

[1] Легат Иннокентия III.

[2] Между венецианцами и князьями крестоносцев.

[3] Флотилия отбыла из Венеции 8 октября и прибыла к Задару 10 ноября 1202 г.

XV. А потом случилось так, что вспыхнула распря между венецианцами и меньшим народом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и еще полдня. И эта распря была столь великой, что рыцари лишь с большим трудом могли разнять их. Разняв их, они установили столь добрый мир между ними, что с того времени они никогда уже не препирались друг с другом.

Потом знатные крестоносцы и венецианцы советовались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город. И они порешили между собой направить в Рим гонцов, чтобы добиться снятия отлучения: туда послали епископа Суассонского и монсеньора Робера де Бов, которые испросили у папы грамоты, гласившие, что отлучение снято со всех пилигримов и всех венецианцев. Получив эти грамоты, епископ по возможности раньше вернулся; монсеньор же Робер де Бов не воротился вместе с ним, а отправился прямо из Рима за море.

XVI. Между тем, пока крестоносцы и венецианцы пребывали там в течение зимы, они призадумались о том, что сильно поиздержались. Они совещались об этом и решили, что не могут плыть ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, с помощью которых они могли бы двинуться туда, поскольку они почти все истратили, как па текущие расходы, которые им пришлось производить, так и на то, чтобы заплатить большую сумму за наем флота. Они сказали, что не могут больше плыть дальше, а если и направятся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни продуктов питания ни денег, которыми смогли бы продержаться.

5.17. Послание Иннокентия III, запрещающее нападение на Константинополь

МАРКИЗУ МОНФЕРРАТУ И ГРАФАМ Б. ФЛАНДРИИ, Л. БЛУА И Г. СЕН-ПОЛЬ.

Об их отправлении в Святую Землю. (Ферентинский дворец, год шестой)

[Когда вы покидали Египет рукою крепкою и мышцею высокою (Второзаконие, 5.15), чтобы принести себя в жертву Господу, мы скорбели немало и скорбим поныне, что Фараон преследует вас бегущих, или скорее вы следуете за Фараоном, который старается заманить вас в рабство под предлогом некой необходимости и под завесой набожности.] Как мы уже сообщали вам, мы скорбели и скорбим равно и о нас самих, и о вас, и обо всѐм народе христианском.

Мы скорбим о себе, поскольку, пока мы с надеждой на добрый урожай сеяли в слезах, проповедуя, часто не без горечи сердца и телесного трепета,

слово Божье с помощью наших легатов и посланий и призывая всех почитателей имени Христа к отмщению причинѐнных ему обид, враг рода человеческого посеял поверх сорняки и так испортил наши семена, что пшеница, кажется, превратилась втернии.

О вас же [мы печалимся], ибо когда вы уже вычистили старую закваску и уже полагали, что изгнали своими действиями прежнего [греховного] человека, небольшое количество старой закваски (хорошо, если небольшое) снова испортило всѐ содержимое. И покуда вы не бережѐте ваши белые одежды, как если бы вновь одели старые, снимаете руку с плуга и оглядываетесь назад подобно жене Лота, до тех пор нельзя считать вас, как сказал апостол, благонадѐжными для Царствия Божия (Лука, 9.62).

[О народе же христианском мы скорбим, ибо он оказался более всего унижен там, где, казалось должен был более всего возвыситься.] Ведь когда многие, пришедшие ранее на помощь Святой земле, услышали, что вы не приплывете, они, отчаявшись дождаться вас и при следующей переправе, отправились на родину. Сарацины же, зная об их отъезде и сомневаясь в вашем прибытии, воспряли духом против христиан, хотя мы и не можем сказать, что они побеждают [христиан] из-за их отягощенности грехом, как утверждается почти повсюду.

Однако мы радуемся, что, получив наше послание и осознав своѐ глубокое заблуждение, вы преданно и смиренно стали следовать апостольским указаниям. И поскольку вы, сыны графы и оба барона галльские, признали и подтвердили это и обязались в письме с печатью дать в соответствии с нашими наставлениями сатисфакцию относительно того, что повлекло под Ядерами вашу экскоммуникацию, то вы и ваши потомки получаете милость отпущения.

Пусть ваше раскаяние будет искренним, чтобы вы так сожалели о содеянном, что остерегались бы подобного впредь. Ибо тот, кто вновь делает то, в чѐм кается, - это не кающийся, а насмешник, и подобен собаке, возвращающейся к своей блевотине, раскаявшийся и вернувшийся ко греху. И даже легче тот грех, который совершается однажды, чем совершенный раз и затем повторѐнный.

Поэтому пусть никто из вас не тешит себя мыслью, что можно захватывать или разорять земли греков, поскольку они не послушны Апостольскому Престолу, или потому что император константинопольский, свергнув и даже ослепив своего брата, захватил империю силой.

Действительно, сколь бы велики ни были проступки этого императора и его людей, не вам судить об этом, и крест вы приняли не для того, чтобы мстить за эти несправедливости, а за обиды, причинѐнные Святому кресту, для послушания которому вы, собственно, и направляетесь.

Так что мы предупреждаем и строго призываем ваши светлости и приказываем вам этим апостольским посланием не обманываться самим и не позволять другим обманывать вас, будто вы действуете в некотором роде благочестиво, ибо это противно богу и приведѐт ваши души к погибели. Вместо этого вы должны покончить со своевольными выходками и якобы неизбежными нарушениями и отправиться на помощь Святой земле, дабы отомстить за обиды кресту и взять у врагов добычу, которую вы, в случае задержки в пределах Романии, будете возможно вынуждены взять у братьев. В противном же случае мы не сможем и не должны обещать вам благодать прощения.

Мы хотим, чтобы вы твѐрдо помнили суть нашего указания и не нарушили его легкомысленно: мы запрещаем вам под угрозой экскоммуникации вторгаться в земли христиан или разорять их, разве только они сами каким-то образом затруднят ваш путь, или появится какая-то справедливая и необходимая причина; как действовать в таком случае, вам смогут посоветовать наши легаты.

Чтобы вина дожа и народа Венеции не усиливала ваше наказание, мы желаем и поручаем вам вручить им письмо, которое мы им направляли, но которое, по нашим сведениям, ещѐ находиться у вас, дабы они не думали, что их грех прощѐн.

Датировано Фер[ентинский дворец], год шестой.

5.18. Из «Хроники» Никиты Хониата

Жители города, передавая себя в руки судьи, вышли навстречу латинянам с крестами и святыми изображениями Христа, как это делается в торжественных и праздничных случаях. Но и это зрелище не смягчило души латинян, не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни и звуком труб побуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди? О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости!.. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши, их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов... О разграблении главного храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканные драгоценностями необыкновенной красоты, приводившие в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им нужно было вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновен-

ного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото... они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами…

Трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умилостивить этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспыльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Кто попадал в беду, тот, кто не удерживал перед ним своего языка, так равным образом часто воины извлекали мечи против того, кто говорил мало или уклонялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь; на улицах плач, вопли и стенания, на перекрестках рыдания, во храмах жалобные стоны. Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые – нищими. Так – на площадях; так – в закоулках; так – в открытых общественных местах; так и в тайных убежищах! Таким-то образом... беззаконничали западные войска против населения христова, не оказывая решительно никому ни малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имущества, жилищ и одежд и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь!.. Вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и многократно клявшиеся им и словом божиим проходить христианские страны без кровопролития... вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей Иерусалима!

...Неприятели проводили время в непотребствах, забавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяниях над римскими обычаями... Каждый день они пьянствовали и объедались…

Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот злополучный день укрылись в моем доме... Не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы он ни убежал, его непременно вытаскивали и уводили... Был у меня в то время один близкий домашний человек, родом венецианец... он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы.

Мы вышли в небольшом числе. Венецианец тащил нас за руки, как будто своих пленников. Лица наши были печальны и одежды плохие.

5.19. Роберт де Клари
«Завоевание Константинополя»

XLI. ...И тогда отдан был по всему войску приказ, чтобы все, великие и малые, вооружились, и когда они все вооружились, то исповедались и причастились, ибо сильно сомневались, смогут ли пробиться к Константинополю.

Потом они построили свои отряды, свои корабли, свои юисье и галеры, и рыцари со своими конями пошли в юисье, и они пустились в путь; и они приказали трубить в позолоченные и медные трубы, число которых было почти сто пар, и столько же и даже больше барабанов и колоколов.

XLII. Когда жители города увидели эту большую флотилию и это большое войско, когда они услышали звуки труб и гром барабанов, которые производили великий шум, тогда все они до единого вооружились и взобрались на крыши домов и на городские башни. И им показалось, что все море и вся земля содрогаются, и что все море покрыто судами. Однако ж император приказал всем своим вооруженным силам выступить к берегу, чтобы его защищать.

XLIII. В начале главы автор рассказывает о том, как греки при виде крестоносцев, высадившихся с кораблей на берег, обратились в бегство по направлению к городу.

...Когда рыцари выехали [на конях] из юисье, они начали преследовать этих греков и гнали их до некоего моста вблизи окраины города. На этом мосту были ворота, через которые греки вбегали в Константинополь. Когда крестоносцы возвратились [к кораблям] после преследования греков, они посоветовались, и венецианцы сказали, что их корабли будут в безопасности, только если станут в гавани; тогда они порешили привести их в гавань. А гавань Константинополя была прочно заперта большой железной цепью, которая тянулась от города и на другой стороне — к башне Галаты. Башня эта была весьма укрепленной и легко защищаемой и хорошо обеспеченной воинами для ее защиты.

XLIV. В начале главы повествуется о взятии крестоносцами Галатской башни, о прорыве цепи, преграждавшей доступ в Константинопольскую гавань, а также о том, как флотилия крестоносцев вошла в гавань, где завоеватели овладели находившимися там греческими судами. После этого был разработан план осады города, которую венецианцы должны были вести с моря, французы – с суши. Дож Венеции распорядился подготовить осадные орудии и лестницы, с помощью которых будет предпринят приступ стен. После успешной для крестоносцев стычки с греками у моста, ведшего к городу, крестоносцы подошли к стенам византийской столицы.

И когда они достигли города, знатные люди расположили свои шатры перед Влахернским дворцом, который принадлежал императору, – этот дворец находился прямо на краю города. Тогда дож Венеции распорядился подготовить весьма дивные и весьма прекрасные осадные орудия, ибо он приказал взять перекладины от корабельных мачт, которые [обычно] держали паруса, – а длиной они в тридцать локтей или даже более того; и [потом] он велел хорошенько скрепить их и привязать прочными веревками к мачтам и так устроить поверх них добрые перекидные мостики с веревочными поручнями; и [каждый]

мостик был такой ширины, что по нему могли проехать кряд три вооруженных рыцаря; и дож распорядился столь хорошо укрепить мостики и прикрыть их с боков столь прочными кусками ткани, что тем, кто должен был переезжать по ним для приступа (города), нечего было опасаться ни арбалетов, ни стрел. А [каждый] мостик был таким, что высота его от края корабля до земли была наверняка сорок локтей, а то и больше. На каждом юисье была камнеметательница, которая все время бросала снаряды на стены и в город. Когда венецианцы оборудовали свои корабли, как я вам только что здесь рассказал, пилигримы с другой стороны расставили наилучшим образом свои камнеметательницы, из которых они били так далеко, что достигали императорского дворца; а в то же время горожане оттуда стреляли со своей стороны, достигая палаток пилигримов. Потом они посовещались, пилигримы и венецианцы, и договорились назавтра всем вместе двинуться приступом на город – и по суше, и по морю.

Когда наступило утро следующего[1] дня и венецианцы приготовились, построили свои суда и подплыли как можно ближе к стенам, чтобы качать приступ; когда в то же самое время пилигримы расположились с другой стороны, случилось так, что император Константинопольский Алексей[2] вместе со своей ратью выехал из города через ворота, называемые Румскими, и там выстроил своих ратников семнадцатью отрядами. В этих семнадцати отрядах насчитывалось около ста тысяч всадников. Потом он направил сколько мог из этих семнадцати отрядов туда, где стояло войско французов в обход [крестоносцев], а остальных удержал при себе. И он приказал выйти из города всем пешим людям, способным носить оружие, и расположиться у стен, от края до края, между армией французов и стенами. Увидев себя таким образом окруженными этими отрядами, французы ужаснулись и выстроили свои отряды, образовав всего семь таких отрядов из семисот рыцарей, потому что больше у них не было; да и из этих семисот пятьдесят были пешими[3].

XLV. После того, как они выстроили таким образом свое войско, граф Фландрский потребовал, чтобы под его командование был поставлен первый отряд, и ему его предоставили; граф Сен-Поль и монсеньор Пьер Амьенский получили второй отряд; монсеньор Анри[4], брат графа Фландрского, и немцы взяли командование третьим отрядом. И было решено, что пешие оруженосцы последуют за отрядами всадников с тем, чтобы три или четыре группы оруженосцев приходились бы на каждый конный отряд. И у каждого отряда оруженосцами были воины из его земли. Потом, когда были построены три отряда,

---

[1] 17 июля 1203 г.
[2] Алексей III.
[3] То есть оруженосцами.
[4] Граф Эно.

которым предстояло биться против императора, они [крестоносцы] выстроили четыре остальных, которые должны были защищать лагерь [крестоносцев]. Маркиз[1], являвшийся предводителем всей рати, находился в арьергарде и защищал лагерь с тыла; граф Луи[2] командовал вторым отрядом, который подошел позднее, шампанцы составляли третий отряд, бургундцы – четвертый, а маркиз начальствовал над [всеми] этими четырьмя отрядами. Мало того, в дело пустили всех конюших, которые стерегли лошадей, и всех поваров, которые могли носить оружие; всех их облачили в одеяла, в седельные коврики, дали им [в руки] котелки, скалки, пестики [для ступ], так что они имели такой безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшой люд императора, расположившийся перед стенами[3], увидев их, был объят страхом и ужасом. А те четыре отряда, о которых я вам сказал выше, защищали лагерь, опасаясь, как бы отряды императора, стоявшие вокруг лагеря, не пробили брешь и не уничтожили бы лагерь и палатки. И конюших, и поваров – их повернули в сторону города, в сторону пехоты императора, выстроенной у стен. И когда пехотинцы императора увидели наш меньшой люд столь несообразно вооруженным, это навело на них такой ужас, что они не отважились ни сдвинуться с места, ни подступить к ним [с этой стороны] так, что [нашему] войску никогда не пришлось защищаться.

XLVI. Затем был отдан приказ, чтобы граф Фландрский, граф Сен-Поль и монсеньор Анри, которые командовали первыми тремя отрядами, выступили против императора, а его хорошо защищали, — и потому, какая бы надобность ни была у остальных четырех отрядов, они не должны были двигаться с места до тех пор, пока не увидели бы, что все, так сказать, потеряно и чтобы не позволить себя окружить или стеснить другими отрядами [императора], занявшими плацдарм вокруг лагеря.

В то время как французы построились таким образом, венецианцы, находившиеся в море, тоже не теряли времени; напротив, они пододвинули свои корабли к стенам, так что воины отлично вскарабкивались на степы города по лестницам и мостикам, которые изготовили на судах; и они стреляли, кидали копья, бросали снаряды из своих баллист и шли на приступ более чем яростно; им удалось поджечь город, так что выгорела часть города по величине равная Аррасу[4]. И они не отваживались ни просочиться, ни вступить в город, ибо их было чересчур мало и они бы там не продержались; и тогда они возвратились на свои корабли.

---

[1] Бонифаций Монферратский.
[2] Луи Блуасский.
[3] У Влахернского дворца.
[4] Город во Франции.

XLVII. Автор описывает, как происходило сближение первых трех отрядов крестоносцев с девятью отрядами Алексея III, насчитывавшими каждый по три-четыре, а то и по пять тысяч всадников.

...Женщины и девушки во Влахернском дворце прильнули к окнам, и прочие горожане, в том числе женщины и девушки, взобрались на городские стены и глядели [оттуда] на скачущих рыцарей, и, с другой стороны, на [приближавшуюся] императорскую рать. Они говорили друг другу, что наши походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так красиво вооружены и их кони покрыты такой красивой попоной.

В гл. XLVIII, продолжая повествование о надвигавшейся, казалось, схватке между обеими сторонами, автор рассказывает, как, соединившись вместе, три отряда крестоносцев сблизились с греками настолько, что арбалетчики с той и с другой стороны могли стрелять в противника. До столкновения осталось преодолеть лишь небольшую возвышенность, и рыцари первыми оказались на ее вершине, тогда как греки сгруппировались у подножия холма. Их разделял лишь канал, по которому в Константинополь поступала вода. Тем не менее, предводители рыцарских отрядов колебались идти на полное сближение и вступать в бой с императорской ратью, понимая, что слишком удалились от своего лагеря, откуда их не было видно, так что в случае надобности они не могли бы получить оттуда необходимую помощь.

В свою очередь, греки, по рассказу мемуариста, были изумлены и ошеломлены видом двигавшихся прямо, на них рыцарских отрядов. И пока французы совещались между собой о дальнейших действиях, император со своими отступил в Константинополь…

LII. На другое утро, когда горожане узнали, что император бежал, они не сделали чего-либо иного, а подошли к воротам, открыли их, вышли оттуда, явились к лагерю французов и вызвали Алексея, сына Исаака. Им объяснили, что он находится в шатре маркиза. Придя туда, они застали его там; и его друзья устроили пышный праздник и возликовали, и весьма поблагодарили баронов, и сказали, что они поступили весьма хорошо, совершив это достойное деяние. Они сказали также, что император бежал, а что бароны должны войти в город и во дворец словно к себе. Тогда собрались все высокие бароны войска и взяли Алексея, сына Исаака, и с большой радостью и с великим торжеством ввели его во дворец. Явившись во дворец, они приказали освободить из темницы отца молодого человека, Исаака, и его жену, которую заключил туда его брат, тот, кто был императором. И когда Исаак был освобожден из темницы, он очень обрадовался, увидев сына, обнял его и горячо поблагодарил всех баронов, которые там присутствовали, [Исаак] сказал, что он освобожден из темницы сначала с помощью божьей, а затем – с их [помощью]. После чего принесли

два золотых трона и посадила Исаака на один трон, а Алексея, его сына, на другой, рядом.

Далее в главе рассказывается о том, как Исаак, став императором, освободил из темницы Алексея Мурцуфла, которого сделал «своим бальи», за что в последствии жестоко поплатился. После этого Робер де Клари сообщает, будто к крестоносцам обратился иконийский султан.

Он сказал им, когда они еще находились вблизи Константинополя: «Конечно, сеньоры, сказал он, вы, завоевав столь великий город, как Константинополь, который является главой мира, и восстановив на троне законного наследника Константинополя, которого короновали императором, вы свершили деяние истинных баронов, акт великой доблести». И в самом деле, жители этой страны говорили, что Константинополь является главой мира.

Далее рассказчик сообщает, будто иконийский султан тоже обратился к крестоносцам с просьбой помочь и ему отвоевать его владения у брата, но бароны отклонили его просьбу.

Когда они вышли из своего совета, то ответили султану, что не могут сделать то, что он просит, ибо им еще нужно получить полагающееся по условиям договоренности от императоров, и было бы опасно оставлять столь великий город как Константинополь в том положении, в котором он находится...

LXXIV. Потом, когда епископы кончили проповеди, объявив пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедались и причастились. Когда настало утро понедельника[1], все пилигримы хорошенько снарядились и вооружились; при этом венецианцы и пилигримы починили мостики своих кораблей, своих юисье и своих галер; потом они выстроили их рядом друг с другом и двинулись в путь, чтобы начать приступ; флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились, насколько это было возможно, к стенам, то бросили якорь. А встав на якорь, стремительно ринулись на приступ; они начали стрелять [из луков], метать копья, бросать греческий огонь на башни; но огонь не мог их одолеть, потому что они были покрыты [сырыми] кожами. А те, кто находился в башнях, защищались отчаянно и стреляли по меньшей мере из шестидесяти камнеметательниц, и каждый снаряд попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо прикрыты кучами хвороста и охапками виноградной лозы, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не в силах был поднять такой камень. А император Мурцуфл стоял на холме; и он приказал трубить в свои серебряные трубы и бить в свои барабаны, и устроил сильный шум, и ободрял своих воинов, говоря: «Сюда! Сюда!» – и он направ-

[1] 12 апреля 1204 г.

лял их туда, где, как он видел, в этом была особенно большая надобность. Во всем флоте имелось не более четырех или пяти кораблей достаточно высоких, чтобы достичь уровня башни, такими они были высокими; и на всех ярусах деревянных башен, которые были надстроены над каменными, - а их там было пять или шесть, или семь, – помещались воины, защищавшие башни. Пилигримы тем не менее столь хорошо атаковали, что корабль епископа Суассонского ударился об одну из этих башен, его отнесло [туда] чудом божьим, ибо море никогда не было спокойно, а на мостике этого корабля находились венецианец и два вооруженных рыцаря; когда корабль стукнулся о башню, венецианец ухватился руками и ногами, как только мог, и оказался в башне. Когда он был уже там, воины, стоявшие на этом ярусе – англичане, датчане и греки, – заметили [его] и подскочили к нему с секирами и мечами, и разрубили его на куски. Когда море снова бросило корабль вперед, он опять ударился об эту башню; тогда один из двух рыцарей, по имени Андрэ д'Юрбуаз, не сделал ни того, ни другого, а ухватился руками и ногами и на карачках пробрался в башню. Когда он оказался в ней, ее защитники кинулись к нему с секирами и мечами и жестоко обрушились на него; но поелику, с помощью божьей, он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал бог, который не хотел, чтобы они долго избивали его и чтобы он там погиб. Напротив, бог хотел чтобы город – в наказание за свое предательство и убийство, совершенное Мурцуфлом, и за их [греков] неверность – был взят и чтобы все они [греки] были обесчещены; и рыцарь вскочил на ноги и, поднявшись, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены страхом, что убежали ярусом ниже. Те, кто был там, увидев, что воины, находившиеся над ними, побежали, также освободили этот ярус и не отважились оставаться там, а потом на башню взошел второй рыцарь, и вслед за ним другие. Очутившись в башне, они берут крепкие веревки и прочно привязывают корабль к башне; когда море отбрасывало корабль, башня шаталась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот ее опрокинет или оторвет ее от корабля (а может быть это чудилось от страха?). И когда на других нижних ярусах увидели, что башня уже заполнена французами, ее защитников обуял столь великий страх, что никто не осмелился там оставаться; напротив, они оставили башню. А Мурцуфлу все это было хорошо видно, и он подбадривал своих воинов и направлял их туда, где, как он видел, приступ велся с наибольшей силой. Между тем, как только башня эта была взята столь чудесным образом, корабль монсеньора Пьера де Брасье, в свою очередь, подплывает к другой башне; и когда он ударился об нее, те, кто находился на корабельном мостике, начали стремительно осаждать эту башню приступом, да так успешно, что, чудом божьим, и эта башня была взята.

LXXV. Когда эти две башни были захвачены и заполнены нашими ратниками, которые заняли башни, они не отваживались двигаться с места по той причине, что увидели множество воинов на стене вокруг себя, и в других башнях; и у их подножия – и это было настоящее чудо, сколько их там было. Когда монсеньор Пьер Амьенский[1] видит, что те, кто в башнях, не трогаются с места, и когда видит положение греков, он не делает ни того, ни другого, а спускается на сушу вместе со своими ратниками, на клочок земли между морем и стеной.

Сойдя туда, он обнаруживает прямо перед собой потайной ход, створки у дверцы которого были оторваны, но сам ход снова замурован. Он входит туда, имея при себе по меньшей мере десять рыцарей и шестьдесят оруженосцев. С ним был также клирик по имени Айом де Клари[2], отличавшийся великой доблестью; когда это требовалось, он был первым во всех приступах, в которых участвовал; а при взятии Галатской башни он явил более всего отваги, жертвуя своей жизнью, и подобно всем, бился один на один бок о бок с монсеньором Пьером де Брасье. Последний же превосходил всех остальных, будь то простые воины или знатные сеньоры; там не было никого, кто совершил бы столько ратных подвигов, жертвуя собственной жизнью, как Пьер де Брасье. Когда они подошли к этому потайному ходу, то стали наносить сильные удары копьями, а со стен камни сыпались на них столь густо, что казалось, будто они погребены под камнями, так много их бросали [оттуда]; те же, кто находился внизу, имели щиты, которыми прикрывались от метавших копья. [Кроме того], с высоты стен в них швыряли сосуды с кипящей смолой, снаряды с греческим огнем и громадные камин, – только чудом божьим они не были все раздавлены; монсеньор Пьер и его воины сильно [там] измаялись от этих трудов и усилий, но они с такой силой обрушились на этот потайной ход добрыми ударами, пустив в дело секиры, мечи, колья, куски железа и копья, что пробили в нем широкую дыру. Когда эта дыра была пробита, они поглядели через нее и увидели перед собой столько людей всякого положения, что можно сказать, там было полмира, – и они не отважились туда войти.

LXXVI. Когда клирик Айом увидел, что никто не осмеливается войти в тайный ход, он вышел из рядов и объявил, что войдет [туда]. Был там некий рыцарь, его брат, по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать к сказал ему, что он не войдет туда; но клирик объявил, что он это сделает, и полез руками и ногами; когда его брат видит это, он хватает его за ногу и начинает тянуть к себе, но вопреки воле своего брата, хотел он того или нет, клирик влез в дыру. Когда он оказался на площади, к нему устремилось множество греков, а те, кто стоял на стенах, стали бросать в него огромные камни. Увидев

[1] Пьер Амьенский – сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.
[2] Это был брат рассказчика.

это, клирик выхватывает нож, кидается им навстречу и вынуждает их обратиться в бегство как скотину. И он крикнул тем, кто находился с другой стороны потайного хода, монсеньору Пьеру де Брасье и его ратникам: «Сеньор, ступайте смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве – они бегут». Услыхав это, монсеньор Пьер и его ратники, находившиеся по другую сторону, вошли в дыру, а их было не более десяти рыцарей вместе с ним самим; правда, с ним было еще около шестидесяти оруженосцев, и все были пешими. И когда они появились в городе, те, кто находились на стенах и в этом месте, увидев [наших], были охвачены таким страхом, что не осмелились оставаться там и очистили большую часть стены, а потом бежали, кто как мог. Император же Мурцуфл, предатель, был близко отсюда, не более чем на расстоянии брошенного камня, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроить сильный шум.

LXXVIII. ...Предатель Мурцуфл, увидев [рыцарей], бросил свои палатки, оставил в них свои сокровища и пустился прямо по городу, который был весьма велик в длину и в ширину – местные жители говорили, что для того, чтобы обойти стены, нужно пройти девять лье, столь велика протяженность стен, которые окружают город; а внутри город имеет две французские мили в длину и две – в ширину. Так монсеньор Пьер де Брасье завладел палатками Мурцуфла, его сундуками и драгоценностями, которые он в них оставил. [Началось повсеместное отступление защитников стен и башен]. Так был взят город.

Когда город был так прекрасно взят и французы вошли в него, они держали себя там совершенно спокойно. Бароны собрались на совет и обсудили, что делать дальше. По войску раздался клич, чтобы никто не смел двигаться в город, ибо идти туда значило бы подвергаться опасности, поскольку на них могли бы бросать камни с крыш дворцов, которые были очень велики и высоки, и их могли бы убивать на улицах, которые были столь узки, что они не сумели бы в них защищаться, и их можно было бы отрезать огнем, в котором они бы сгорели. Опасаясь подобных бед и опасностей, они [крестоносцы] не отважились проникнуть в город и разойтись по нему; напротив, они оставались на своем месте, вполне спокойными; после чего бароны договорились о следующем: если бы греки, у которых было в сто раз больше вооруженных людей, чем у французов, вздумали дать бой завтра, тогда пусть крестоносцы завтра утром вооружатся и выстроят свои боевые отряды, и ожидают на площадях, у стен в городе; а если бы [греки] не захотели ни сражаться, ни сдать город, то надо будет выяснить, с какой стороны дует ветер и поджечь с наветренной стороны [место, где находятся греки], – так они [крестоносцы] сумели бы одолеть их [греков] силою. Все бароны согласились с этим планом. Когда настал вечер,

пилигримы скинули оружие и дали себе отдых; они подкрепились и легли спать там, где были, неподалеку от своих кораблей, с внутренней стороны стен.

LXXIX. ...Когда греки увидели, что их император бежал, они разыскали знатного мужа по имени Ласкарь, занимавшего высокое положение в городе, и прямо этой же ночью провозгласили его императором...[1].

LXXX. Когда настало следующее утро, [греческие] священники и [прочие] духовные лица в торжественных облачениях (там были англичане, датчане и люди других племен) являются процессией в лагерь французов, просят у них милости, рассказывают им все, что содеяли греки, а потом сообщают, что все [знатные] греки бежали и в городе остался только бедный люд. Услыхав это, французы весьма обрадовались. По лагерю вскричали, чтобы никто не завладевал домом прежде, чем не установят, в каком порядке это будет сделано. Потом сошлись бароны и богатые люди и держали совет между собой, так что меньшой народ и не знал об этом ни слова, и даже бедные рыцари: и так порешили [бароны], что они возьмут себе лучшие дома в городе; именно с тех пор они [знатные] стали предавать меньшой люд и выказывать свое вероломство и быть худыми соратниками, за что и заплатили очень дорого, как мы вам о том расскажем далее[2]. Итак, они послали захватить все лучшие и самые богатые дома в городе и овладели ими прежде, чем бедные рыцари и меньшой народ войска заметили это. А когда узнали об этом, то побежали как попало и взяли то, что могли взять. И они нашли довольно [домов], и овладели достаточным [их] количеством, и немало еще осталось, ибо город был велик и густо населен. Маркиз взял себе дворец Львиная пасть[3] и монастырь св. Софии, и покои патриарха; другие знатные мужи, а равно и графы взяли себе самые богатые аббатства и самые богатые дворцы, какие только там можно было сыскать; и с того времени, как город был взят, никто не причинил зла ни бедным, ни богатым. Напротив, те, кто хотел уйти [из города], ушли, а кто хотел остаться, остались; а ушли самые богатые жители города.

LXXXI. А потом отдали распоряжение, чтобы все захваченное добро было снесено в один монастырь, находившийся в городе. Туда снесли все добро, и выбрали десять рыцарей из числа знатных людей среди пилигримов и десять венецианцев, которые слыли честными, и приставили их охранить это добро.

---

[1] Феодор Ласкарь, впоследствии император Никейской империи (1208-1222 гг.).

[2] Робер де Клари имеет в виду последовавший в апреле 1205 г. разгром крестоносцев болгарами и плен латинского императора Балдуина I, о чем рассказывается в CXII главе записок.

[3] Так называет Робер де Клари дворец Вуколеон, переиначивая греческое название, буквально означавшее дворец «быкольва» (на барельефе, украшавшем этот дворец, был представлен лев, терзающий быка), на французский лад, в соответствии с народной этимологией, – в «Пасть льва» (Bouke de Lion).

Когда добро было туда принесено, то добро это оказалось столь велико (там было столько дорогих сосудов, золотых и серебряных, и вышитых золотом материй, и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом, все это добро), что никогда с тех пор, как сотворен мир, [никем] не было видано и захвачено столько добра – и притом такого редкостного по благородству и такого богатого – ни во времена Карла Великого, ни во время Александра, ни до, ни после, и я, со своей стороны, полагаю, что в сорока самых богатых городах мира едва ли найдется столько богатств, сколько найдено было в Константинополе. Недаром греки считали, что в Константинополе было [собрано] две трети земных богатств, а третья разбросана по остальному свету. Те самые люди, которым поручено было охранять всю добычу, растаскивали золотые драгоценности, какие хотели, и разворовывали добро; и каждый из богатых людей брал либо золото, либо златотканые материи, либо что ему больше нравилось и потом все это уносил. Таким-то образом начали они красть, так что настоящий, справедливый раздел ко благу всего войска никогда не был произведен, а бедным рыцарям и оруженосцам, которые так помогли завоевать это добро, достались лишь серебряные слитки вроде тех, что попрятали дамы в своих ваннах. Остальное же добро, которое было оставлено для раздела, было подло расхищено, как я вам уже об этом рассказывал. Тем не менее, венецианцы получили свою часть; что касается драгоценных камней и великих сокровищ, подлежавших разделу, все это было подло расхищено, как мы вам об этом ещѐ скажем потом.

LXXXVIII. …В этом Влахернском дворце нашли огромные сокровища и большие богатства, там нашли богатые короны, принадлежавшие прежним императорам, и золотые драгоценности, и богатые, вышитые золотом, материи, и роскошные императорские облачения, и богатые драгоценные камни, и столько всяческих богатств, что невозможно было перечислить все эти великие сокровища золота и серебра, которые обнаружили во дворце и во многих других местах города.

5.20. Гунтер Пэрисский. «История завоевания Константинополя»

X. ...Войско [крестоносцев] было далеко не в радостном настроении, ибо, ввязавшись в чужие дела[1], подверглось большому риску. Надобно верить, что

[1] Хронист подразумевает вмешательство крестоносцев в политико-дипломатические интриги, связанные с внутренней борьбой в Византии.

бог определил быть тому, чтобы этот город[1], который вследствие своей обширности и могущества уже давно отложился от римского престола, лишь доблестью наших и их неожиданной победой был возвращен к церковному единству...[2].

Автор говорит далее о крайне затруднительном положении, в которое попали воины Христовы.

[С одной стороны], находясь в непосредственной близости от города, они не чувствовали себя в достаточной безопасности перед лицом бесчисленного и враждебного [им] народа греков; [сдругой] – они не могли, не подвергаясь превратностям, да и то лишь с огромными усилиями, уйти отсюда, так как у греков было множество кораблей, на которых они замышляли в случае бегства [крестоносцев] преследовать их или вовсе истребить в сражении.

Вот почему случилось, – а такое обычно бывает редко, – что наши вознамерились осадить тот самый город, из-под которого не осмеливались бежать.

Сославшись в объяснение этой ситуации на «тайные предначертания божьи», автор в начале следующей главы возвращается к недавним событиям и раскрывает обстоятельства, поставившие крестоносцев в столь трудные условия; хронист напоминает о том, что они решили оказать содействие в восстановлении царевича Алексея.

XI. ...[Крестоносцы] руководствовались различными мотивами, [исходили] как из уважения к королю Филиппу, который очень просил наших за Алексея, так и из того, что им казалось благочестивым делом восстановить на престоле, коль скоро это представляется возможным, законного, жестоко низвергнутого [с него] наследника царства, а также уступая просьбам и обещаниям молодого человека, который, будучи восстановлен на престоле, смог бы оказать большую поддержку всем пилигримам – и ныне, и потом. К этому добавилось и еще одно [обстоятельство]: они знали, что Константинополь был для святой римской церкви мятежным и ненавистным городом, и не думали, что его покорение нашими явилось бы очень уж неугодным верховному понтифику или даже [самому] богу. В особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы, чьим флотом они пользовались для плавания, – [венецианцы действовали так] отчасти в надежде получить обещанные деньги, до которых народ этот весьма жаден, отчасти – потому, что город этот, сильный множеством кораблей, притязал на главенство и господство во всем этом море. Из-за стечения

---

[1] Константинополь, вблизи которого расположилась рать крестоносцев.

[2] Речь идет о событиях, развернувшихся уже в конце 1203 - начале 1204 г., после того как крестоносцы, вторгшись в столицу Византии, водворили там Исаака II и его сына Алексея (IV).

всех этих и, вероятно, иных обстоятельств получилось так, что все единодушно согласились принять сторону молодого человека[1] и обещали ему свою помощь.

Была, однако, как мы верим, и другая причина, намного более древняя [по происхождению] и важная [чем все эти], а именно – совет благости господа, который намеревался таким образом унизить этот народ, преисполнившийся гордыней из-за своего богатства, и привести [его] к миру и согласию со святой вселенской церковью. Казалось соответствующим [предначертаниям божьим], чтобы народ этот, который нельзя было исправить иным способом, был бы наказан смертью немногих и потерей мирских благ, коими он владел в изобилии, и чтобы народ пилигримов обогатился добычей, [взятой] у гордецов, а вся [их] земля перешла бы в наше владение, и чтобы западная церковь украсилась священными реликвиями, которые присвоили себе недостойные [греки], и вечно радоваласьбыим. Особенно важно еще и то, что этот часто упоминаемый [нами] город, который всегда был вероломен [по отношению] к пилигримам, поменяв, наконец, Соизволением божьим, своих жителей, пребудет верным и единодушным [единоверным] и сможет оказывать нам тем более постоянную помощь в одолении варваров, в Завоевании Святой земли и овладению ею, что находится большой близости к ней...

Конец XI и большую часть гл. XII автор посвящает рассуждениям о божественных истоках уклонения крестоносцев с пути, завершая эти рассуждения следующими словами:

XII. ....Надобно, следовательно, верить, что это по неодолимому божественному предначертанию случилось так, что наше войско, которое тотчас после взятия Задара поспешало двинуться в Александрию, изменив своему намерению, объявило войну этому большому городу[2] и, направив флотилию, вражески вторглось в его пределы, разбило свой лагерь неподалеку от его стен и расположилось там, изготовясь к бою.

В завершение гл. XII автор кратко рассказывает о штурме византийской столицы и бегстве Алексея III, а в начале гл. XIII пишет о возведении на престол молодого Алексея, умалчивая при этом о восстановлении его отца Исаака II.

XIII. ...Он распорядился благослонно и щедро выплатить нашим князьям половину обещанных денег в надежде, что [и] оставшуюся [половину] сумеет отдать в кратчайшее время. Несколько дней наши оставались в этом городе и с умеренностью оказывали услуги как новому царю, так и самим горожанам, остерегаясь в особенности быть кому-нибудь обременительными гостями.

---

[1] Царевича Алексея.

[2] Константинополю.

Однако так как город, несмотря на свои огромные размеры, не мог вместить такого множества людей и коней, и к тому же - людей, принадлежавших к двум народам, столь различным по языку и обычаям, [да к тому же] не испытывавшим взаимного доверия друг к другу, то ими [крестоносцами] сочтено было за благо оставить город, удалиться на широкую равнину близ него[1], разбить здесь лагерь и спокойно ожидать исполнения царских обещаний.

XVII. ...Затем корабли с укрепленными на них башнями приблизились, насколько можно было, к стене; и в то время как несколько храбрецов полезли по лестницам наверх, герольды громко возвестили: тот, кто первым взберется на вражеские стены, получит в награду сто марок. И тогда ты увидел бы, как все с неистовостью стали добиваться того, что предназначалось лишь одному, – не столько из стремления к обещанным деньгам, сколько из любви к богу и ради общей пользы и для завершения начатых трудов...

Взломав ворота, крестоносцы ворвались в город.

XVIII. С радостными криками ринулись в открытые ворота те, кто был на кораблях, сделав вид, будто грозят врагам смертью копьями, мечами, камнеметательницами, стрелами и всякого рода метательным оружием, а [на самом деле] не имея вообще никакого желания [устраивать] кровопролития; как растерявшихся овец, погнали они врагов по всем площадям города, и те бежали в таком множестве, что даже простор широких улиц был им тесен для бегства; [наши] накинулись на них с такой стремительностью, что не давали им ни передохнуть, ни оглянуться назад. И хотя они и могли убивать сколько угодно, на что и сами не могли когда-либо рассчитывать, умерщвлены были лишь очень немногие [из греков]. Крестоносцы по своей воле давали им пощаду, ибо еще находившиеся с ними в лагере монахи [в том числе], конечно, Мартин и другие, часто увещевали их не марать по возможности своих рук кровью. Тем не менее, в тот день[2] убито было около двух тысяч горожан, но [они погибли] не от [рук] наших, а от [рук] тех франков, итальянцев, венецианцев, немцев и прочих, которые уже раньше жили в городе, но во время осады были заподозрены в измене, и так как соединились с нашими, то подверглись изгнанию греками [из Константинополя]. Помня эту несправедливость, они жесточайшим образом мстили [теперь] грекам за свою обиду. Из наших же никто вообще не был убит, за исключением одного благородного и знаменитого рыцаря, который во время натиска на врагов по неосторожности неожиданно свалился вместе с конем, на котором сидел, в какой-то ров, причинив этим всем сотоварищам, пребывавшим в радости, сильное горе.

---

[1] Крестоносцы расположились лагерем на восточном берегу залива Золотой Рог в Галате, предместье Константинополя.

[2] По Гунтеру, крестоносцы ворвались в Константинополь 18 апреля 1204 г.

Только тогда, когда все враги были побеждены и обращены в бегство и самым жалким образом изгнаны из города, и только после того как ворота были тщательнейше заперты, победителям дозволено было заняться добычей, но не ранее того: под угрозой казни (букв.: потери головы) было запрещено до полной победы помышлять о добыче. Итак, они нашли повсюду и в изобилии такое количество денег в золоте и серебре, такое великолепие благородных камней и одежд, такое сверхизобилие драгоценных товаров, такую массу съестных припасов, такие замечательные наполненные всевозможным добром дома, что все они вдруг превратились из пришлецов и нищих в богатых горожан.

Тем временем упомянутый выше пожар опустошил почти третью часть города[1]: ибо в то время, пока все, горожане и паломники, были поглощены столь тяжкой опасностью[2], [там] не нашлось никого, кто мог бы погасить беспрепятственно распространявшийся огонь...

5.21. Жоффруа Виллардуэн «О завоевании Константинополя»

194. Новый император часто ходил навещать баронов в лагерь и оказывал им многие почести, наилучшие, которые он мог [оказывать]: он и должен был так поступать, ибо они весьма хорошо послужили ему. Однажды он явился в лагерь, чтобы особо повидать баронов, и вошел в дом Бодуэна, графа Фландрии и Эно. Туда были позваны дож Венеции с особенно высокими баронами; и он обратился к ним с речью и сказал; «Сеньоры, я – император божьей и вашей милостью; и вы оказали мне такую большую услугу, какой никто и никогда еще не оказывал христианину. Да будет вам ведомо, что мне выказывают внешнее расположение многие, кто меня не любит; и греки весьма раздражены, в особенности тем, что я возвратил свое наследие с вашей помощью.

195. Близок срок, когда вы должны удалиться, а ваш договор с венецианцами продолжится только до праздника св. Михаила[3]. Я не могу в столь короткое время произнести уплату [того, что должен вам]. Знайте, что греки ненавидят меня из-за вас. И если вы меня оставите, я потеряю свою землю и они убьют меня. Но сделайте-ка то, что я вам скажу: вы бы остались здесь до марта, а я бы сохранил вам ваш флот в течение года от Михайлова дня, и оплатил бы расходы венецианцам, и доставлял бы вам все необходимое до пасхи. За это время

[1] В действительности, Константинополь в 1203-1204 гг. поджигался крестоносцами трижды.
[2] Т.е. военными действиями.
[3] 29 сентября 1203 г. В соответствии с договором 1201 г. о перевозе, венецианский флот должен был оставаться в распоряжении крестоносцев в течение одного года со дня отплытия из Венеции, следовательно, с 1 октября 1202 г. до 30 сентября 1203 г.

я успел бы так упрочить свое положение в стране, что мне нечего было бы опасаться потерять ее; да и ваши условия были бы таким образом исполнены; ибо при помощи доходов со всех своих земель и заплатил бы вам должное; и я бы снарядил корабли, чтобы плыть с вами или послать [других], как я это вам обещал[1]. У вас же осталось бы свободным целое лето для похода».

196. Бароны отвечали, что они поговорят об этом друг с другом, без него. Они признавали вполне, что то, что он говорил, верно и что это наилучший выход как для самого императора, так и для них. Однако они ответили, что не могут сделать так, не испросив общего мнения всего войска; и что они потолкуют об этом с войском и дадут ему ответ, какой получат. После того император Алексей расстался с ними и возвратился в Константинополь. А они остались в лагере и на следующий день устроили сходку. И были приглашены все бароны и предводители войска и большая часть рыцарей; всем была передана просьба императора, как он ее им изложил.

В гл. 197-200 рассказывается, как после жарких споров, в которых те, кто жаждал «распадения войска», требовали немедленно отправиться в Сирию, крестоносцы согласились принять предложение Алексея IV и провести зиму под стенами Константинополя. В это время заболел и скончался Матье Монморанси. В гл. 201-202 повествуется о военном походе, предпринятом императором Алексеем IV, при участии отрядов крестоносцев, дляумиротворении империи.

203. Пока император Алексей находился в этом походе[2], в Константинополе случилась весьма большая беда; ибо вспыхнула ссора между греками и латинянами, которые жили в Константинополе; а их там было много[3]. И я не знаю, что за люди, по злобе, подожгли город; и пожар был столь огромен и столь ужасен, что никто не в состоянии был ни погасить его, ни утихомирить. Увидев это, бароны войска, расположившиеся по другую сторону гавани, были сильно опечалены и прониклись великой жалостью, видя эти высокие церкви и эти богатые дворцы объятыми пламенем и погибающими, и эти широкие торговые улицы горящими в огне; но они ничего не могли сделать.

204. Огонь дошел до гавани и за нее, в самую густонаселенную часть города и, с другой стороны, до самого моря[4] [добравшись] совсем близко к храму св. Софии. Пожар продолжался два дня и две ночи, и множество людей никак не могли его потушить; и ширина пламени достигала около полулье. Никто не смог бы перечислить вам ни ущерб, [причиненный пожаром], ни имущество, ни

---

[1] Согласно договору, заключенному в Задаре.
[2] Между 15 и 22 (или 19) августа 1203 г.
[3] Речь идет о латинянах, обосновавшихся в византийской столице еще до крестового похода.
[4] Т.е. до Пропонтиды (Мраморное море).

богатство, которое там погибло и было погублено, ни сказать о тех многих мужчинах, женщинах и детях, которые [там] сгорели.

205. Все латиняне, которые жили в Константинополе, из каких бы стран они ни происходили, не рискнули более там оставаться; они взяли своих жен, своих детей и свое добро, которое еще могли вытащить из огня и избавить [от него]; и они сели на лодки и корабли и отъехали от гавани к пилигримам. А их было немало, едва ли не 15 тысяч, от мала до велика; и пилигримам это оказалось весьма полезно, что они приехали к ним[1]. Так разделились французы и греки, ибо они уже не были так едины, как до того; и они не знали, кого в этом винить; и это было тяжко для тех и других.

В гл. 206-210 автор, упомянув о кончине цистерцианского аббата де Лосс, поддерживавшего политику предводителей Крестового похода, рассказывает о возвращении Алексея IV из похода (11 ноября 1203 г.) и о радостной встрече, устроенной ему. Однако, как выяснилось, он вернулся, возгордившись своими успехами, и даже не удостоил крестоносцев визитом, как обычно. Алексей IV медлил с уплатой денег или отделывался мелкими выплатами и просил одну отсрочку за другой; убедившись в том, что он не желает выполнять условий соглашения, бароны и дож Дандоло направили к нему посольство.

211. Для этого посольства были избраны Конон Бетюнский, Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский из Провэна; а дож Венеции отправил трех высокопоставленных мужей из своего совета. Послы сели на своих коней, опоясались мечами и вместе подъехали к Влахернскому дворцу. И знайте, что они шли на большую опасность и на большое приключение, если иметь в виду вероломство греков.

212. Спешившись у ворот, они вошли во дворец и увидели императора Алексея и императора Исаака, его отца, сидящими на двух престолах рядом друг с другом; близ них восседала императрица, которая была женой отца и мачехой сына и сестрой короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множеством высоких людей, и все это походило на двор богатейшего князя.

213. По совещании с прочими послами, взял слово Конон Бетюнский, муж весьма мудрый и красноречивый: «Государь, мы пришли к тебе от лица баронов войска и дожа Венеции. Знай, что тебе вменяют в упрек, что они оказали тебе великую услугу, как то известно всякому и очевидно само по себе. Вы клялись им, вы и ваш отец, выполнить заключенное вами соглашение; у них ваши грамоты об этом. Вы не выполнили договор, как то должны были бы.

---

[1] Мемуарист имеет в виду уже события, связанные со вторым штурмом Константинополя в апреле 1204 г.

214. Они увещевали вас многократно, и мы теперь увещеваем в присутствии всех ваших баронов, соблюсти договор, [заключенный] между вами и ими. Если вы это сделаете, все пойдет хорошо; если же не сделаете, то знайте, что с этого часа и на будущее время они не считают вас ни сеньором, ни другом, и они уж постараются добиться своих прав всеми способами, какими смогут. А вас они предуведомляют, что не причинят зла ни вам, ни кому другому, пока не получат ответа; ибо они никогда не обращались к измене, да и на их родине нет обыкновения поступать таким образом. Вы хорошо слышали, что мы вам сказали: посоветуйтесь [и поступите], как вам будет угодно».

215. Греки были чрезвычайно изумлены этим вызовом и сочли его за великое оскорбление; и они говорили, что еще никто и никогда не осмеливался бросать вызов константинопольскому императору в его собственных покоях. Император Алексей выразил послам свое неудовольствие, и другие греки, бывшие с ними до тех пор в лучших отношениях, – также.

216. Великий шум поднялся во дворце; и послы вернулись к воротам и сели на коней. Когда они выехали за ворота, не было ни одного из них, который не считал бы себя весьма счастливым; это было и не удивительно, ибо они спаслись от великой опасности; было недалеко до того, чтобы все они были схвачены и умерщвлены. И они возвратились в лагерь и рассказали баронам, как они действовали. Так началась война, и всякий причинял другому зло, как мог, и на суше, и на море. Греки и франки схватывались во многих местах; но, благодарение богу, они не бились без того, чтобы греки несли большие потери, нежели франки. Так продолжалась война долгое время, до глубокой зимы...

221. И тогда греки, порвавшие таким образом с франками, увидели, что надежды на примирение нет; и они составили против своего сеньора тайный заговор с целью измены. [При дворе] был некий грек, которого император любил более всех прочих и который именно рассорил его с франками. Звали этого грека Мурцуфл[1].

222. По совету с другими и с их согласия в полночь, когда император Алексей спал у себя, те, кто должны были его охранять (прежде всего Мурцуфл и его сообщники), схватили его с постели и бросили в темницу. И Мурцуфл, с помощью и по совету прочих греков, обулся в пурпуровые сапожки[2]. Так он стал императором, потом он короновался в храме св. Софии. Так вот, услышьте, была ли когда-нибудь и кем-нибудь совершаема столь ужасная измена!

---

[1] Мурцуфл – прозвище («с насупленными бровями») Алексея Дуки. Среди крестоносцев считалось, что он был одним из зачинщиков низвержения в 1195 г. Исаака II Ангела. Подвергнутый затем заключению, он был освобожден Алексеем IV.

[2] Дворцовый переворот в Константинополе произошел в январе или в начале февраля 1204 г.

223. Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен и Мурцуфл коронован, им овладел великий страх, и он заболел, и болезнь длилась недолго, и он умер. А сей император Мурцуфл два или три раза приказывал отравить [его] сына, но богу было не угодно, чтобы он умер. Тогда он задушил его насмерть[1]. И когда он был задушен, Мурцуфл повсюду распустил слух, будто он умер своей естественной смертью; и он распорядился похоронить его с почестями, как императора, и закопать в землю, и притворился весьма опечаленным случившимся.

224. Однако убийство нельзя скрыть. Вскоре стало ясно грекам и французам, что было совершено убийство, как вы о том слышали [мой рассказ]. Тогда бароны армии и дож Венеции держали совет; и там присутствовали епископы и все духовенство. И все церковнослужители были согласны в том [а те, кто имел полномочия от [папы], доказывали баронам и пилигримам], что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права властвовать над страной, и те, кто согласятся, то [они] соучастники убийства и, сверх того, они должны быть заподозрены в том, что отказываются от повиновения Риму.

225. «Вот почему мы вам заявляем, – говорило духовенство, – что война хороша и справедлива; и если вы имеете доброе намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то получите такое отпущение грехов, какое дал вам папа, [какое он дал] всем, которые умрут, исповедавшись». Знайте, что эти слова послужили большой поддержкой баронам и пилигримам.

226. Война между франками и греками сделалась ужасного и нисколько не утихала: напротив, она все более усиливалась, и не проходило дня без схватки на суше или на море. …

240. ...Совет постановил, что они будут готовиться снова[2] в течение следующего дня, который приходился на субботу, и все воскресенье, а в понедельник[3] двинутся на приступ, связав по двое корабли, на которых имелись лестницы. Таким образом два корабля атакуют одну башню... Как сказано, так и сделано...

241. Император Мурцуфл расположился со всем своим войском перед линией приступа и раскинул там свои пурпурные палатки. Так все оставалось до самого утра понедельника. Тогда все те, кто был на кораблях, юисье и галерах, вооружились. А жители города боялись их меньше, чем вначале: они были настолько самонадеянны, что стены и башни были усеяны людьми[4]. Тогда

---

[1] Алексей IV царствовал до 28 или 29 января 1204 г. и погиб 8 февраля 1204 г., пробыв на престоле, как сообщает Никита Хониат, 6 месяцев и 8 дней.

[2] Первый приступ был предпринят крестоносцами 9 апреля 1204 г. и закончился неудачей.

[3] 12 апреля 1204 г. – дата, которую приводят все источники.

[4] Некоторые исследователи предполагают, что численность греческого войска достигала 140-150 тыс. человек.

начался изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; шум битвы был так громок, что, казалось, земля рушится.

242. Приступ продолжался долго, – до тех пор, пока наш господь не поднял сильного ветра, называемого бореем[1]: этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу. Два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Рай»[2], подошли к одной башне, один – с одной, другой – с другой стороны (так направляли их бог и ветер) настолько близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В мгновенье ока некий венецианец и один французский рыцарь, по имени Андрэ д'Юрбуаз[3], взошли на башню; вслед за ними на нее вступили и другие; а защитники башни были разбиты и бежали.

243. Когда рыцари, находившиеся на юисье, видят это, они бросаются на берег, и точно так же приставляют лестницы к стене и поднимаются наверх силою. Так овладели они чуть ли не четырьмя башнями. Тогда кидаются на приступ те, кто был на кораблях, юисье и галерах, как ни попало; и они взламывают трое ворот и вступают в город. И тогда начинают выводить коней из юисье; и рыцари вскакивают верхами и припускаются прямо в лагерь императора Мурцуфла. Тут он выстроил свои боевые отряды впереди палаток. И когда греки увидели пред собою всадников, они впали в смятение; а император бросился бежать по улицам во дворец Львиной пасти[4].

244. И вы увидели бы тогда, как греки терпят поражение, и наши овладевают их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что нет им ни числа, ни меры. Большая часть знатных греков отступила к Влахернским воротам. Уже настал вечер, и было поздно; наши устали сражаться и убивать. И они начали собираться на большой площади, находившейся в Константинополе. И порешили расположиться вблизи стен и башен, которыми овладели; ибо никак не думали, что им удастся завоевать город – с его крепкими церквами и крепкими дворцами и с таким количеством народа – ранее, чем через месяц. Как порешили, так и сделали.

245. Таким образом, они расположились перед стенами и башнями, вблизи своих кораблей, как вы слышали, и Константинополь был взят в понедельник, что перед вербным воскресеньем[5].

---

[1] Северный ветер.

[2] На этих кораблях находились епископы Суассонский и Труасский, о чем сообщает в одном из своих писем Бодуэн Фландрский.

[3] По данным некоторых хроник, рыцарь Андрэ д'Юрбуаз принадлежал к семье епископа Невелона Суассонского.

[4] Речь идет об императорском дворце Вуколеон.

[5] 12 апреля 1204 г.

246. Так отдыхали ночью ратники (наши], – они сильно поустали. Но император Мурцуфл не спал, он собрал всех своих и объявил, что намерен атаковать французов.

Однако он не сделал то, что говорил, а ускакал по другим улицам, как можно дальше [от расположения крестоносцев], и прискакал к воротам, которые называются Золотыми воротами[1]; через них он бежал и покинул город; вслед за ним бежали те, кто мог бежать, а [наши] ратники ничего об этом не ведали.

247. В эту ночь, близ ставки маркиза Бонифация Монферратского, не знаю, какие люди, опасавшиеся, как бы греки не ринулись на них, подожгли город между ними и греками. И вот город начинает гореть, и пламя бурно распространяется; и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день – до самого вечера. Это был третий пожар, случившийся в Константинополе с той поры, как франки явились в страну [греков]; и сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции.

248. Ночь прошла, и настало утро вторника[2]; все в войске вооружились – и рыцари, и оруженосцы; и каждый занял место в своем боевом отряде. Они выступили из лагеря, думая, что придется вступить в битву, более ожесточенную, чем та, которую провели за день до того, – ведь они вовсе не ведали, что император ночью бежал. Но они не встретили никого, кто оказал бы им сопротивление.

249. Маркиз Бонифаций Монферратский проехал вдоль всего берега – прямо к дворцу Львиной пасти; а когда он туда прибыл, дворец сдался ему на условии, что всем, кто в нем был, сохранят жизнь. Там находилась большая часть благородных дам, укрывшихся во дворце; среди них была сестра французского короля, бывшая императрицей[3], и сестра венгерского короля, тоже императрица[4], и много других знатных дам. О сокровищах этого дворца и говорить нечего; их там имелось столько, что не было им ни числа, ни меры.

250. Точно так, как этот дворец был сдан Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец сдался Анри, брату графа Бодуэна Фландрского... Там тоже были найдены несметные сокровища, их было не меньше, чем во дворце Львиной пасти. Каждый ввел во дворец, сданный ему, своих людей и поставил

---

[1] В южной стене византийской столицы.

[2] 13 апреля 1204 г.

[3] Имеется в виду Агнеса, сестра Филиппа II Августа и тетка Луи Блуасского, просватанная в 1178 г. за сына императора Мануила Комнина – Алексея (II). Брак этот не состоялся, поскольку будущий император Андроник принудил Алексея жениться на своей дочери Ирине, а в 1183 г. этот 63-летний император (Андроник II) сам женился на французской принцессе, которой едва исполнилось 11 лет.

[4] Мария, сестра венгерского короля Имрэ, вдова императора Исаака II Ангела.

стражу охранять сокровища. Остальные воины, рассеявшиеся по городу, тоже захватили изрядную толику. Добыча была столь велика, что никто не мог бы вам сказать, сколько там было золота и серебра, сосудов и драгоценных камней, атласных и шелковых материй, меховых одежд и всяческих богатств, какие когда-либо имелись на земле. Но Жоффруа, маршал Шампанский, правдиво свидетельствует – по истине и по совести – что со времени сотворения мира никогда не было столько завоевано в каком-либо городе.

251. Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно [для всех]. Таким образом, войско пилигримов и венецианцев разместилось по квартирам, и все радовались чести и победе, которой удостоил их бог; ибо те, кто находился [ранее] в бедности, [теперь] пребывали в богатстве и в роскоши. Так отпраздновали они в этом торжестве и в этой радости, ниспосланной богом, вербное воскресенье[1] и великую пасху[2]. Им следовало, конечно, всемерно восхвалять нашего господа бога: ведь их всего-навсего было не более двадцати тысяч вооруженных людей, а с божьей помощью они одолели четыреста тысяч человек или даже более, и притом в самом могущественном городе, отлично защищенном, городе великом и укрепленном со всех сторон.

252. После того брошен был клич по всему войску от лица Бонифация Монферратского, который был его предводителем, а также от имени баронов и дожа Венеции, [а именно], чтобы вся добыча была снесена и собрана так, как об этом было условлено и скреплено клятвою под страхом отлучения[3]. Местом сбора определены были три церкви, отданные под охрану французам и венецианцам, самым честным, каких только могли найти. И тогда каждый начал приносить свою добычу и складывать вместе,

253. Некоторые приносили добросовестно, другие же пет, ибо не бездействовала жадность, корень всех зол: корыстолюбцы начали попридерживать и то, и другое, и наш господь стал их любить менее других. О, всеблагий боже! Как честно они вели себя до тех пор! И господь покровительствовал им и их делу, и вознес их над прочими. Однако сколь часто добрые терпят от злых.

254. Между тем, имущество и добыча были собраны [вместе]. Но знайте, что принесено было не все, ибо нашлись такие, которые, не посчитавшись с угрозой папского отлучения, удержали [кое-что] из добычи. А то, что снесли в церкви, было собрано и разделено пополам между франками и венецианцами так, как в том клялись. И знайте, что когда они поделили [добычу], пилигримы уплатили из своей доли пятьдесят тысяч марок серебром венецианцам, а поделили между собой чуть ли не сто тысяч марок. И знаете, каким образом? Двое

---

[1] 18 апреля 1204 г.
[2] 25 апреля 1204 г.
[3] Согласно условиям мартовского договора 1204 г. «О разделе Империи».

пеших оруженосцев получили столько же, сколько один конный, а двое конных оруженосцев – [столько], сколько рыцарь. И знайте, что никто, какого бы он ни был ранга и какие бы ни имел заслуги, не получил больше, чем ему полагалось, не считая украденного.

255. А над ворами, теми, кто был изобличен, знайте, учинили строгий суд и многих повесили. Граф Сен-Поль повесил своего рыцаря, который кое-что утаил, с экю на шее; таких, которые утаили, и среди малых, и среди знатных имелось много, но это не было известно. Посудите сами, сколь велико было добро: ибо, не считая утаенного и доли венецианцев, там было принесено наверняка на четыреста тысяч марок серебром и едва ли не десять тысяч всяческих сбруй и уздечек. Константинопольская добыча была поделена так, как вы это слышали.

5.22. Письмо Иннокентия III, осуждающее ограбление Константинополя

МАРКИЗУ МОНФЕРРАТУ

Чтобы он защищал и оберегал покорѐнную Константинопольскую империю, пока папа не будет осведомлѐн о справедливости этого завоевания.

Мы хвалим твою мудрость и усердие в Боге, ибо среди различных забот и занятий ты выказываешь озабоченность спасением души и стремление к оному.

Ведь какая польза человеку, если он обретет весь мир, а душе своей причинит вред? И чем заплатит человек за душу свою? Не выкупит еѐ брат, [не] выкупит человек, и не даст он умилостивление своѐ Богу и цену искупления души своей, даже если будет трудиться вечно и жить

Через возлюбленного сына нашего и нашего апостольского представителя Соффредо, кардинала – пресвитера Св. Праксиньи, мы получили твоѐ письмо, в котором ты старался сказать нам, что с изнурѐнным сердцем и чистым духом во исполнение апостольского назидания и, руководствуясь надеждой индульгенции, ты торжественно снял с себя крестовый обет, которому ты всегда старался верно следовать неиспорченной душой.

[Ты пишешь], что, после того, как ты взял на себя сопровождение юноши, заявившего, что Константинополь принадлежит ему по праву, имел место совет возлюбленного сына легата апостольской церкви, кардинала Петра пресвитера Св. Марцелла, и не только совет [этого] человека, но и жестокая необходимость увела армию после избиения жителей Ядер в Романию для приобретения продовольствия.

И конечно, ты и другие крестоносцы, превратив необходимость в подвиг, намеревались представить это прежде всего, как благодарное и преданное послушание Апостольскому Престолу и как всѐ ещѐ ожидаемое содействие Святой земле, каковое вы сочли уже полностью завершѐнным после того, как столица оказалась взятой без пролития крови, а узурпатор империи бежал, после того, как вы восстановили в ней [столице] на вершине императорского достоинства и отца, и сына и способствовали тому, что они, побудили их к тому, что они, положив руки на Евангелия, выразили добровольное послушание Апостольскому Престолу и сообщили нам в имперском послании, в дополнительное подтверждение верности, что, подкрепят делом то, что обещали прежде устами.

Но, когда вы всеми силами готовились к отплытию в Сирию, присущее грекам вероломство, при полном нарушении ими клятв и договоров, огнѐм, хитростью и ядом не раз, а многократно коварно преграждало вам путь, что побудило вас к занятию столицы, хотя вы не желали их погибели и старались избежать еѐ.

И, после того, как столица, слава Богу, чудесно побеждена, независимо от того, что и как вы делали, по воле или неохотно прибегая к совету ваших священников, вы всегда оставались [по твоему мнению] верными обету, дабы благодаря вам непослушные сыны вернулись в необходимое и преданное послушание своей матери, и дабы Восточная Церковь соединилась в качестве главного члена со своей главой; и, чтобы это удалось полнее и лучше, вы и раньше в нерешительности ждали и ныне ждѐте с нетерпением совета Апостольского Престола, без которого всякое дело погибает или становится бесполезным.

Ты уверяешь, что принял знак креста, дабы покончить с грехами молодости и уничтожить всѐ богопротивное, что накопляется в человеческом прошлом, но не для того, чтобы еще тяжелее и разнузданнее грешить под покровом благочестия и под знаменем креста, а чтобы каждым деянием служить нашему испытанию, во всем руководствуясь материнскими советами и поручениями. Так что, если мы сочтем полезными для Апостольского Престола и для Святой земли содеянное в Романии и твою задержку там, ты получишь благодаря этому отпущение грехов, но не избежишь опасностей и трудов. Но зато, не считая владений и почестей, которые ты получаешь в избытке, мы возлагаем на тебя то, благодаря чему ты всего скорее заслужишь избавление от гнева высшего суда: ведь то, что ты написал выше является лишь молчаливым ответом на упрѐки, которые могут быть так [гневно] брошены против крестоносцев.

Ведь вы торжественно клялись в послушании кресту для освобождения Святой земли от рук язычников, и под угрозой отлучения вам было запрещено вторгаться в земли христиан или грабить их за исключением случая, когда бы

они сами коварно вам помешали, или если бы появилась другая и справедливая причина, позволяющая вам действовать иначе, пользуясь советами наших легатов. Вы же, не имея никакой власти и влияния в Греции, очевидно совсем утратили чистоту вашего обета, ибо направили армию не против сарацин, а против христиан в намерении не освободить Иерусалим, а предпочесть небесным богатствам земные путѐм захвата Константинополя.

Не укладывается в голове, что некоторые [крестоносцы] совершали насилие, разврат и кровосмешение на глазах людей без различия религии, пола и возраста, что утехам солдат были отданы не только замужние женщины и вдовы, но и женщины и девы, посвященные Богу. Мало было грабить имперские богатства и забирать добычу у богатых и бедных, вы посягнули на церковные сокровища, и, что хуже всего, на еѐ главное достояние, срывая серебряные чаши с алтарей, расхищая святые сокровищницы, иконы, кресты и реликвии, так что греческая церковь, подвергнутая таким насилиям, не думает возвращаться в послушание апостольскому престолу; она видела в латинянах только пример порока и порождение мрака и теперь по праву презирает их больше, нежели собак.

Ты же просил у Апостольского Престола совета о том, что следует делать вам с упомянутым юношей для возвращения себе Константинопольской империи от власти и суда незаконных или даже захваченных силой; так уж видно мог спросить, что надлежит вам делать при срочной нехватке продовольствия, без которого вы не могли исполнить крестовый обет. Такая неотложная причина была бы справедливой, и на это можно было направить ваши усилия, ибо так вы бы намеревались наконец помочь Святой земле и способствовать преувеличению Апостольской Церкви.

Но поскольку вам отказали в обещанном и необходимом, полностью нарушив клятвы и соглашения, а тем паче нападали на вас с оружием, с огнем, с хитростью и ядом, вы, оказавшись таким образом в безвыходном положении, осуществили заслуженное возмездие в отношении раскольников и клятвопреступников, которые без права отказывали вам в должном.

И видится божий суд в том, что те, кого милосердно терпели и даже настойчиво увещевали не только другие, но и мы, и которые не желали возвращаться к единой церкви и оказывать какую-либо помощь Святой Земле, теперь потеряли и место своѐ и народ, ибо когда злые люди находят злой конец, добрая земля даѐтся добрым земледельцам, которые производят плоды в нужное время.

Об этом же читаем у пророка Даниила: Но есть на небесах Бог, открывающий тайны, он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей (Дан.II): Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, ко-

му хочет (Дан.IV). И известна всем пословица, что право царей всегда право силы. Ибо Божий суд иногда столь скрыт, что пророк говорит: бездна великая! (Псал.XXXV); так что и апостол был вынужден воскликнуть: О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? (Рим.XI.)

Мы же не смеем судить о столь глубоком суде, особенно пока не будем вполне осведомлены о истинном состоянии дел, когда и они смогут быть наказаны справедливо по грехам, совершенным перед Богом, и вам, наказавшим их несправедливо из ненависти к ближним (если только можно назвать ближними тех. кто медлит с приближением). Господь может быть даст справедливое воздаяние, соответствующее их справедливому наказанию, о чѐм сказано у пророка: поскольку ты служил мне в Тире, даю тебе Египет; где он называет Ассирию бичом своей ярости. Но отбросив сомнения, одно доводим мы до твоего сведения, советуем то, что будет благотворно и для Апостольского Престола, и для Святой земли, и для твоей души: в страхе перед Господом и с надеждой на прощение храни и защищай землю, обретѐнную благодаря Божьему суду, и обретай то, что должно быть удержано и защищено, управляя подвластным тебе народом по справедливости, храня мир и примиряя верой, дабы восстановить благотворность Церкви в меру своих сил, раскаиваясь и платя за содеянное, ибо такое дело вряд ли возможно без искупления, ибо кто прикасается к смоле, измажется ею. Свято соблюдай обещанное обетом: мудро и всеми силами стремись на помощь Святой земле; в этом ты клялся торжественно и духом, и телом; да и легче та земля может быть возвращена из этой.

Если ты будешь оставаться верным и преданным нам и Апостольскому Престолу по примеру твоих отцов и братьев, которые с чистым сердцем, с доброй совестью и с неподдельной верой стремятся, чтобы святая Римская Церковь почиталась и уважалась всеми, то мы со всей полнотой благоволения и со всей надѐжностью заверяем, что будем стремиться делать всѐ возможное, дабы в наибольшей степени способствовать твоей чести и преуспеянию.

5.23. 6-й Крестовый поход

Герольд, Патриарх Иерусалимский, «Письмо всем верующим» (1229 г.)

Герольд, патриарх Иерусалима, всем верующим-приветствие.

Если бы стало широко известно насколько удивительным, нет, даже возмутительным, было поведение императора в восточных землях от начала до

конца к великому ущербу для дела Иисуса Христа и к великому вреду для веры Христианской, от ступней его ног до макушки головы не нашлось бы в нѐм здравомыслия. Ибо он пришѐл, отлучѐнный от церкви[1], без денег и последуемый едва ли 40 рыцарями, и надеялся поправить свои дела, ограбив жителей Сирии. Едва он прибыл туда, как самым бесцеремонным образом захватил того знатного господина И. (Иоанна) Ибелина и его сыновей[2], которых он пригласил к своему столу под предлогом беседы о делах на Святой Земле. Затем короля, которого он пригласил встретить его, он удерживал почти что как пленника. Так он, насилием и обманом, овладел королевством.

После этих достижений он проследовал далее в Сирию. Хотя поначалу он обещал совершать чудеса и хотя в присутствии глупцов он бахвалился громогласно, он немедленно послал султану Вавилона[3] предложение о мире. Такое поведение сделало его презренным в глазах султана и его подданных, особенно когда они обнаружили, что он возглавляет отнюдь не многочисленное войско, что в какой-то степени добавило бы вес его словам. Под предлогом обороны Иоппы, он выступил с армией христиан к этому городу с тем, чтобы быть ближе к султану и с тем, чтобы было легче вести переговоры о мире или заключить перемирие. Что ещѐ сказать? После долгих и таинственных совещаний, не посоветовавшись ни с кем из жителей [Святой] Земли, он внезапно объявил в один прекрасный день, что заключил мир с султаном. Никто не видел текста этого договора о мире или перемирии, в то время как император дал клятву соблюдать статьи, о которых они договорились. Более того, вы сможете ясно увидеть насколько злы были его намерения и насколько обманчиво содержание определѐнных статей этого договора о перемирии, который я вам и посылаю. Император, чтобы обрести доверие своему слову, пожелал от султана лишь устной гарантии, которую он и получил, и как он говорит, среди прочего, ему был уступлен и святой город.

---

[1] В 1227 г. немецкие крестоносцы двинулись в путь, но после трех дней в море Фридрих возвратился в Бриндизи, сказавшись серьезно больным. Так переход был полностью расстроен, и Григорий IX отлучил виновного от церкви, не приняв его ссылок на болезнь. Едва только вышел флот из порта Бриндизи, как был рассеян бурею; император заболел и, опасаясь за свою жизнь и, может быть, также за империю и королевство Сицилию, вдруг отказался от своего отдаленного предприятия и высадился на берег в порту Отрантском. Григорий отпраздновал отъезд Фридриха как торжество церкви, на возвращение же он взглянул как на возмущение против святого престола.

[2] Император (Фридрих II) прибыл на Восток весной 1228 г. Он высадился на Кипре, где вызвал смертельную злобу знаменитой и могущественной фамилии Ибелинов и большей части знати, захватив маленького короля Генриха I Лузиньяна и назначив самого себя сюзереном острова. Он даже попытался заключить в темницу «Старого Государя», Жана д'Ибелина, его сыновей и брата, коннетабля Кипра.

[3] Султан Каирский (Египет) Камил-Мелик.

Он вышел туда с армией христиан накануне воскресенья, когда поют «Oculi rnei». На следующее воскресенье, без всякой подобающей церемонии и несмотря на своѐ отлучение, в часовне у гробницы нашего Господа, явно в ущерб своей чести и императорскому достоинству, он возложил диадему на своѐ чело[1], несмотря на то, что сарацины по-прежнему владеют Храмом Господнем и Храмом Соломоновым, и несмотря на то, что они открыто, как и ранее, проповедуют закон Муххамеда[2] – к великому смущению и огорчению пилигримов.

И этот самый принц, который ранее так часто обещал укрепить Иерусалим, втайне покинул город на следующий же понедельник. Госпитальеры и Тамплиеры обещали, торжественно и искренне, помогать ему всеми своими силами и своими советами, если он пожелает укрепить город, как он обещал. Но император, которого не заботило правильное ведение дела, и который видел ненадѐжность того, что он уже сделал, и то, что город, в том состоянии, в котором он был ему уступлен, нельзя ни защитить, ни укрепить, был удовлетворен одним только именем-сдача, и в тот же день поспешил со своим семейством в Яффу. Пилигримы, прибывшие в Иерусалим вместе с императором, став свидетелями его отъезда, не желали отстать от него.

В следующее воскресенье, когда поют «Laetare Jerusalem», он прибыл в Акру. Там, чтобы обольстить людей и обрести их расположение, он даровал им определѐнную привилегию. Богу известна причина, заставившая его поступить таким образом, а его последующее поведение сделает это известным и людям. И потом, когда близок был отъезд, и когда все пилигримы, смиренные и радостные, после посещения Гроба Господня, собирались удалиться, якобы исполнив своѐ паломничество, [а на самом деле] потому что не было заключено перемирия с султаном Дамаска, мы, увидев, что Святая земля опустела и покинута пилигримами, в нашем совете разработали план по удержанию воинов, для общего блага, на средства из пожертвований короля Франции, святая ему память.

Когда император услышал об этом, он выразил нам своѐ удивление этим, поскольку он заключил перемирие с султаном Вавилона. Мы же ответили ему, что нож до сих пор ещѐ в ране, поскольку нет перемирия с султаном Дамаска, племянником вышеназванного султана и его противником, добавив, что даже если султан Вавилона будет противиться тому, первый (т.е. султан Дамаска-прим. пер.) по-прежнему сможет причинить нам вред. Император в ответ ска-

---

[1] Мало того, что он, будучи отлученным от церкви, не имел права на обряд коронации, так он ещѐ в нарушение всех церемоний, надел корону собственноручно.

[2] По условиям договора мусульмане сохранили за собой в священном городе Омарову мечеть и право свободно отправлять свое богослужение.

зал, что никто из воинов не должен оставаться в его королевстве без совета с ним и с его согласия, поскольку теперь он король Иерусалима. Мы же ответили на это, что по сути этого вопроса, как и по всем остальным подобным вопросам, мы глубоко сожалея о том, не можем, не подвергнув опасности спасение наших душ, подчиниться его желаниям, ибо он отлучѐн от церкви. Император ничего не ответил на это, но на следующий день он приказал, через глашатая, пилигримам, проживавшим в городе, собраться за городом, и с помощью особых посланников он также созвал священников и монахов.

Обращаясь к ним лично, он начал горько жаловаться на нас, осыпая нас ложными обвинениями. Затем, обратив свои замечания преподобному магистру Тамплиеров, он публично изо всех сил пытался опорочить честь последнего всякими напраслинами, тем самым пытаясь перебросить на других ответственность за свои собственные ошибки, ставшие теперь очевидными, и добавил в конце, что мы собираем войска с целью навредить ему. После этого он приказал всем иностранным воинам, если они ценят свои жизни и имущество, не оставаться в Земле с этого дня, и приказал графу Томасу, которого он собирался оставить управляющим страной, наказывать поркой любого, кто будет медлить с отъездом, дабы наказание одного послужило примером для многих. Сказав это, он удалился, не став слушать ни извинений, ни ответов на обвинения, выдвинутые им столь постыдным образом. Он немедленно постановил учредить пост из нескольких арбалетчиков у ворот города, приказав им позволять выходить Тамплиерам, но не разрешать им возвращаться. Затем он укрепил арбалетчиками церкви и другие возвышенности, и в особенности те, которые допускали сообщение[1] между Тамплиерами и нами. И вы можете быть уверены, что они никогда не проявляли столько же враждебности и ненависти к сарацинам.

Что касается нас, увидев его явную злокозненность, мы собрали всех священников и пилигримов, и пригрозили отлучением всем тем, кто будем помогать императору своими советами или услугами против церкви, Таплиеров, других монахов святой земли, или пилигримов.

Император, осознав, что его козни не будут иметь успеха, не желал более оставаться в Земле. И, поскольку ему было бы приятно разрушить хоть что-нибудь, он велел, чтобы арбалеты и осадные орудия, которые долгое время хранились в Акре для защиты Святой Земли, были тайно загружены на его суда. Некоторые из них он даже отослал султану Вавилона, как своему дорогому другу. Он послал войско на Кипр, чтобы получить там огромные подати, и что показалось нам ещѐ более удивительным, он уничтожил те галеры, которые он

[1] Очевидно, находившиеся в пределах видимости друг у друга, что позволяло обмениваться сигналами.

не смог взять с собой. Узнав об этом, мы решили упрекнуть его в этом, но избегая возражений и замечаний, он тайно взошѐл на галеру, и, стараясь остаться незамеченным, в день апостолов св. Филлипа и св. Якова, поспешил к острову Кипр, не сказав никому прощай, оставляя Иоппу в нужде; и лучше бы он не возвращался.

Очень быстро управители вышеупомянутого султана перекрыли все выходы из Иерусалима для бедных христиан и сирийцев, и многие пилигримы так и умерли в пути[1].

Вот что сделал император, к ущербу Святой Земли и своей собственной души, равно как и многое другое, что уже известно, и что мы оставляем другим для рассказа. Да соблаговолит милостивый Бог облегчить последствия [его деяний]! Прощайте.

5.24. 7-й Крестовый поход. Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»

Глава 2. ПОДГОТОВКА К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ 1244–1248 годы

Год или два спустя после описанных мной событий случилось, что по Божьей воле король Людовик XI, который был тогда в Париже, очень серьезно заболел и был настолько близок к смерти, что одна из двух дам, которые ухаживали за ним, собралась было накрыть простыней его лицо, решив, что он уже скончался. Но вторая, которая стояла по другую сторону ложа, не позволила ей это сделать и сказала, что не сомневается – его душа еще не покинула тело.

Но пока король лежал, слушая спор этих двух дам, Господь наш позаботился о нем и тут же вернул его в такое состояние, что если недавно он не мог вымолвить ни слова, то теперь снова обрел дар речи. Как только Людовик смог заговорить, то попросил дать ему крест, что и было незамедлительно сделано. Едва только королева-мать услышала, что к нему вернулась речь, она преисполнилась несказанной радости. Но, поняв, что он попросил крест, – что она услышала из его собственных уст, – королева-мать опечалилась так, словно увидела его лежащим на смертном одре.

После того как король принял крест, его примеру последовали три его брата: Робер, граф д'Артуа, Альфонс, граф де Пуатье, и Шарль, граф д'Анжу, который позже стал королем Сицилийского королевства. К ним мы должны до-

[1] Иерусалим был возвращен христианам, но оставался без укреплений; ему постоянно приходилось опасаться нападений мусульман. Обитатели Святой земли жили в беспрерывной тревоге, никто больше не осмеливался посещать Святые места; более 10 000 пилигримов были умерщвлены в Иудейских горах.

бавить Гуго, герцога Бургундского, Гийома, графа Фландрского, брата недавно почившего Гюи, графа Фландрского, и его племянника Готье. Последний мужественно вел себя за морем, и проживи он подольше, то еще проявил бы свои достоинства.

В число тех, кто возложил на себя крест, я должен включить графа де ла Марша и его сына Гуго ле Брюна, а также двух моих кузенов – графа де Сарребрука и его брата Жубера д'Апремона. Учитывая наши родственные отношения, я, Жан, хозяин Жуанвиля, позже отправился за море в их обществе на судне, которое мы совместно наняли. К тому времени мы представляли собой отряд из двадцати рыцарей, девять из которых были людьми графа де Сарребрука, а девять – моими.

К Пасхе года от Рождества Господа нашего 1248-го я собрал своих людей и тех, кто владел полученными от меня феодами. В канун Пасхи, когда все, созванные мной, явились, моя первая жена, которая была сестрой графа де Гранпре, родила мне сына Жана, сеньора Ансервиля. Мы пировали и танцевали всю неделю. Мой брат, сеньор Вокулѐра, и другие богатые и достойные люди с понедельника Пасхальной недели (Светлой седмицы) три последующих дня закатывали пиры один за другим.

В пятницу я сказал им: «Друзья мои, я скоро отправляюсь за море и не знаю, вернусь ли. Пусть каждый, у кого есть какие-то претензии ко мне, выйдет вперед. Если я поступил с ним несправедливо, я исправлю эту ошибку; излагайте и требования, которые у вас есть ко мне или к моим людям». Каждый раз я разбирался так, как у моих подданных считалось справедливым; чтобы не влиять на их решения, я устранился от обсуждений, а затем беспрекословно принимал их советы.

Поскольку я не хотел забирать с собой ни одного соля и даже денье, на которые не имел бы прав, то отправился к городу Мец в Лотарингии и заложил большую часть моих земель. Заверяю вас, в тот день, когда я оставлял нашу страну, отправляясь в Святую землю, я, поскольку моя матушка была еще жива, владел доходом не больше тысячи ливров от всех моих владений. Тем не менее я двинулся в путь, взяв с собой девять рыцарей и еще двух баннеретов рыцарей, имеющих право на собственное знамя. Я обращаю на это ваше внимание, чтобы вы могли понять – если бы Бог, который никогда не оставлял меня, не приходил ко мне на помощь, вряд ли я смог бы продержаться шесть долгих лет в Святой земле.

Когда я готовился к отъезду, Жан, сеньор Апремона и граф Сарребрук, прислал сообщение, что он полностью готов к походу за море и берет с собой девять рыцарей. Он предложил, если на то будет мое желание, совместно

нанять судно. Я согласился; посему мои и его люди отправились в Марсель и наняли для нас корабль.

Когда король собрал всех своих вассальных сеньоров в Париже, он заставил их дать клятву, что, если с ним что-то случится во время его отсутствия, они останутся верны и преданы его наследнику. Он попросил меня сделать то же самое, но я отказался, поскольку тогда не был его вассалом.

По пути в Париж я встретил повозку, на которой лежали трое мертвецов; они были убиты каким-то клириком. Как мне сказали, их везли к королю. Услышав это, я послал одного из своих оруженосцев выяснить, что произошло. По возвращении он рассказал мне, что король, выйдя из часовни, ожидал на ступенях, пока не увидел мертвецов, и спросил у полицмейстера Парижа, что произошло.

Тот рассказал ему, что погибшие были тремя его стражниками из Шателе, которые шатались по пустынным улицам и грабили прохожих. «Они встретили этого клирика, – сказал он королю, – и, как вы видите, раздели его до нитки. Тот, оставшийся в одной рубашке, вернулся в свое жилище, схватил арбалет и взял с собой ребенка нести его меч. Как только он настиг грабителей, то окликнул их и сказал, что убьет их. Арбалет был у него наготове, и, выстрелив, он поразил одного из грабителей прямо в сердце. Остальные бросились бежать, но клирик схватил свой меч, который нес ребенок, и в лунном свете, который в эту ночь был особенно ярок, пустился за ними вдогонку.

Один из них, – добавил прохвост, – попытался перескочить через изгородь в какой-то сад, но клирик нанес ему удар мечом по ноге, которая, как вы видите, так и осталась в сапоге. Затем он кинулся за последним грабителем. Тот попытался укрыться в чужом доме, обитатели которого еще не спали, но клирик ударил его мечом по голове и рассек ее до зубов, в чем ваше величество можете лично убедиться. Этот клирик, – продолжил провост, – рассказал о своих действиях соседям по улице, а затем пошел и сдался на милость вашего величества. И теперь я представил его перед вами, чтобы вы поступили с ним, как вам будет угодно. Вот он».

«Молодой человек, – сказал король, – ваша отвага лишила вас возможности стать священником, но из-за нее я возьму вас к себе на службу, и вы вместе со мной отправитесь за море. Я делаю это не только ради вашего блага, но и потому, что я хочу, дабы мои подданные знали — я никогда не стану оправдывать их злодеяний». Когда собравшиеся услышали эти слова, они стали взывать к Спасителю нашему, чтобы Он даровал королю долгую и счастливую жизнь и вернул его обратно живым и здоровым.

Вскоре после этой истории я вернулся в свое графство в Шампани и договорился с графом де Сарребруком, что наш багаж мы на повозках отправим в Эксон, а оттуда на судне по Сене и Роне доставим в Арль в Провансе.

5.25. Людовик IX Святой и 7-й Крестовый поход

(Послание Людовика IX Святого к подданным из Святой земли, 1250 г.)

ЛЮДОВИК, милостью Божией король французов, приветствует своих любезных и верных прелатов, баронов, рыцарей, горожан, буржуа и всех прочих жителей своего королевства, которые получат эти послания.

К вящей чести и славе имени Божьего, желая всей душой продолжать начатый крестовый поход, мы сочли уместным сообщить вам всем, что после взятия Дамьетты (которую Господь наш Иисус Христос, по неизреченной своей благодати, словно чудом передал во власть христиан, как вы, несомненно, узнали, по мнению нашего совета) мы оставили этот город 20 ноября сего года. Наши сухопутные и морские силы объединились, и мы выступили против объединенного войска сарацин, которое встало лагерем в местечке, называемом на местном наречии Мансура. Во время похода мы подвергались нападениям врагов, но и они постоянно несли изрядные потери. Так, однажды множество воинов египетского войска, напавших на нас, были убиты все до единого. В пути мы узнали, что каирский султан только что окончил свою несчастную жизнь, что перед смертью он послал людей на поиски своего сына, который пребывал в восточных провинциях, и повелел принести клятву верности этому принцу всех главных военачальников своего войска и что он предоставил командование всеми своими войсками одному из эмиров по имени Фахреддин. Прибыв на означенное место, мы узнали эти достоверные новости. Прибыли мы туда во вторник перед Рождеством, но не смогли приблизиться к сарацинам, ибо наши войска разделял водный поток, а называется он река Танис, – поток, ответвляющийся в этом месте от великой реки Нил. Мы разбили наш лагерь меж этих двух рек, вытянувшись в линию от великой до малой. У нас было несколько стычек с сарацинами, многие из которых пали от наших мечей, но великое множество их утонуло в реках. Так как Танис нельзя было перейти вброд, ибо глубина его велика, а берега весьма высоки, то мы приступили к сооружению дамбы, чтобы христианское войско смогло переправиться; мы не покладая рук трудились там много дней, каждый момент подвергаясь опасности и неся бесчисленные потери. Сарацины всячески старались помешать нашей работе. Они поставили механизмы против наших механизмов; они осыпали нас камнями и

жгли греческим огнем деревянные башни, которые мы воздвигли на дамбе. Мы уже почти отчаялись переправиться по этой дамбе, как один сарацинский перебежчик сообщил нам о броде, по которому христианское войско могло перейти реку. Собрав наших баронов и военачальников в понедельник перед Постом, мы пришли к соглашению, что на другой день, то есть на заговенье, мы выступим в это великое утро к месту, где, как было намечено, переправимся через реку, а небольшой отряд оставим для охраны лагеря. На другой день, приведя наши войска в боевой порядок, мы выступили к броду и, подвергаясь опасности, переправились через реку, ибо брод оказался более глубоким и коварным, чем можно было ожидать. Нашим коням пришлось преодолевать его вплавь, а выйти из реки было нелегко, ибо берег был крутой и илистый. Переправившись через реку, мы подошли к тому месту, где были поставлены механизмы сарацин напротив нашей дамбы. Наши передовые отряды, напав на врага, всех убили, не пощадив ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков. Среди них сарацины потеряли главного военачальника и нескольких эмиров. Затем наше войско рассыпалось, несколько воинов прошли по лагерю врагов и подошли к деревушке Мансура, убивая всех встреченных врагов; но сарацины, заметив неблагоразумие наших людей, воспрянули духом и напали на них; они окружили их со всех сторон и одолели их. Они учинили там резню наших баронов, а также воинов, монахов и прочих, о чем мы не без оснований сожалеем и о потере которых скорбим и по сей день. Там мы потеряли и нашего храброго и доблестного брата графа д'Артуа – вечная ему память. С тяжелым сердцем говорим мы об этой горестной утрате, хотя скорее должны бы этому радоваться; ибо верим и надеемся, что, обретя венец мученика, он вознесся на небо и там воздалось ему, как воздается святым мученикам. В тот день сарацины обрушились на нас со всех сторон и осыпали градом стрел, и мы выдерживали их жестокое нападение до девяти часов, когда вдруг лишились баллист. Наконец, потеряв ранеными или убитыми множество наших воинов и коней, с помощью Господа нашего мы сохранили наши позиции и, объединившись, в тот же день выступили и разбили наш лагерь в непосредственной близости от механизмов сарацин. Мы оставались там с горсточкой наших людей и там соорудили мост из судов, чтобы находившиеся на другом берегу могли перебраться к нам. На другой день по нему перешли многие и встали лагерем рядом с нами. Когда механизмы сарацин были разбиты, наши воины могли свободно и безопасно ходить из одного войска в другое, переправляясь по мосту из судов. В следующую пятницу дети погибели, собрав все свои силы с намерением уничтожить христианское войско, подошли, чтобы дерзко напасть на наши ряды, а было их великое множество: и было такое страшное побоище, какого, говорят, не видано было до сих пор в этих краях. С Божьей помощью мы оказывали отпор, отбивая врагов со

всех сторон, и великое множество их пало от наших мечей. По прошествии нескольких дней сын султана, вернувшийся из восточных провинций, прибыл в Мансуру. Египтяне ликовали, встречая его как своего господина. Его приезд придал им храбрости вдвойне; но с этого момента, не знаю, по какому приговору Божьему, все у нас пошло не так, как нам того хотелось. На нашу армию обрушилась заразная болезнь, уносившая людей и лошадей в таком количестве, что не осталось почти никого, кто мог бы оплакать своих товарищей или ходить за больными. В короткое время христианское войско сильно поредело. Воцарился такой страшный голод, что многие падали от слабости, ибо суда из Дамьетты, уже груженные и готовые к отплытию, не могли доставлять в войско провизию, ибо корабли вражеских пиратов преграждали им путь. Они даже захватили несколько наших судов, а потом один за другим – два каравана, доставлявшие нам продовольствие, и убили великое множество матросов и бывших там людей. Нехватка съестных припасов и фуража вселила отчаяние и страх в войско, и мы старались во избежание потерь оставить наши позиции и вернуться в Дамьетту; такова была воля Божия, но поскольку человек не волен выбирать свои пути, а все в руках того, кто направляет его стопы и располагает всем по своей воле, то во время нашего похода, то есть 5 апреля, сарацины, объединив все свои силы, напали на христианское войско и по грехам нашим, по воле Божией, мы оказались в руках врагов. Мы и наши любезные братья, графы Пуатье и Анжуйский, и все остальные, возвращавшиеся с нами пешими, попали в плен, и пролито было там много крови христианской. Точно так же были взяты в плен или убиты почти все, возвращавшиеся по реке. Почти все суда, на которых они плыли, были сожжены вместе с находившимися на них больными. Через несколько дней нашего плена султан предложил нам перемирие: он настойчиво требовал, пуская в ход угрозы, немедленного возвращения Дамьетты со всем в этом городе находящимся и возмещения всего ущерба и убытков, нанесенных вплоть до сего дня с момента вступления христиан в Дамьетту. После долгих переговоров мы заключили перемирие на десять лет на следующих условиях:

Султан освобождает из плена и отпускает на все четыре стороны нас и всех тех, кто был захвачен сарацинами с момента нашего появления в Египте, а также всех прочих христиан, из какой бы страны они ни были, взятых в плен с тех пор, как султан Камель, дед ныне правящего султана, заключил перемирие с императором; христиане сохраняют в мире все земли, которыми они владели в Иерусалимском королевстве в момент нашего прибытия. Со своей стороны, мы обязались возвратить Дамьетту и заплатить восемьсот тысяч сарацинских безантов за освобождение пленных и возмещение ущерба и убытков, о которых только что говорилось (четыреста мы уже выплатили), и отпустить всех сара-

цинских пленных, захваченных христианами в Египте с момента нашего прихода, равно как и тех, которые были взяты в плен в Иерусалимском королевстве со времени перемирия, заключенного между тем же императором и тем же султаном. Все наше движимое имущество и имущество всех остальных, находящихся в Дамьетте, как только представится возможность, будет после нашего ухода под охраной и защитой султана перевезено в христианские земли. Все больные христиане и те, кто остается в Дамьетте, чтобы продать то, чем они владели, будут точно так же в безопасности и вернутся по морю или по суше, когда пожелают; им не будет чиниться ни препятствий, ни запретов. Султан не прочь дать охранную грамоту до христианских стран всем, кто захочет вернуться по суше.

Это перемирие, заключенное с султаном, будет скреплено клятвой с обеих сторон, и султан уже выступил со своим войском в Дамьетту для выполнения условий, которые только что были оговорены, когда по приговору Божьему какие-то сарацинские воины, несомненно, в заговоре с большей частью войска, напали на султана, когда он поднимался из-за стола, и нанесли ему тяжкие раны. И все же султан вышел из шатра, надеясь спастись бегством, но был сражен ударом меча на глазах почти всех эмиров и множества других сарацин. После этого многие сарацины в приступе ярости направились с оружием в руках к нашему шатру, как бы намереваясь (многие из нас этого опасались) зарезать нас и христиан; но благодать Божия умерила их гнев, и они заставили нас выполнить условия перемирия. Тем не менее к их речам и просьбам примешивались ужасные угрозы; наконец, по воле Бога, отца милосердия, утешителя скорбящих, внемлющего рыданиям слуг своих, мы скрепили новой клятвой перемирие, которое должны были заключить с султаном. Мы получили ото всех и каждого из них такую же клятву, согласно их закону, соблюдать условия перемирия. Был назначен срок, когда будут возвращены пленные и город Дамьетта. Было не так уж легко договориться с султаном о возвращении этого места; и было не так уж легко договориться снова с эмирами. Так как у нас не было никакой надежды его сохранить после того, что сказали нам вернувшиеся из Дамьетты и знавшие истинное положение дел, мнение баронов Франции и многих других, то мы рассудили, что для христианского мира будет лучше, если мы и прочие пленные были бы освобождены благодаря перемирию, чем удерживать город с прочими находившимися в нем христианами, и при этоммыи другие пленные подвергались бы снова риску очутиться в плену: вот почему в назначенный день эмиры получили город Дамьетту, после чего отпустили на свободу нас и наших братьев и графов Фландрии, Бретани и Суассона, Гийома Дампьера, Пьера Моклерка и Жана де Неля и многих других баронов и воинов Французского королевства, Иерусалима и Кипра. Посему мы укрепились в чая-

ниях, что они вернут и освободят всех прочих христиан и что, согласно перемирию, сдержат свою клятву.

После этого мы покинули Египет, оставив там людей, которым было поручено принимать пленных из рук сарацин и охранять вещи, которые мы не могли увезти с собой, ибо транспортных судов не хватало. Прибыв сюда, мы отправили в Египет суда и уполномоченных, чтобы привезти пленных (ибо мы всецело озабочены доставкой этих пленных) и прочего, что оставили, как то: механизмы, оружие, шатры, известное количество коней и многое другое; но эмиры слишком долго удерживали уполномоченных в Каире и наконец выдали им всего четыреста пленных из двенадцати тысяч находившихся в Египте. Некоторые смогли освободиться из плена только за выкуп. Что касается прочего, то эмиры не пожелали ничего возвращать; но что особенно невыносимо после заключенного и скрепленного клятвой перемирия, так это то, что, как донесли наши уполномоченные и достойные доверия пленные, вернувшиеся из этой страны, они выбрали из числа пленных молодых людей, которых заставили, занеся меч над их головами, отречься от католической веры и принять закон Магомета, и многие из малодушия это сделали; но другие, как мужественные борцы, укрепившиеся в своей вере и не отступавшие от своего твердого решения, не устрашились угроз и ударов врагов и обрели венец мучеников. Их кровь, несомненно, вопиет к Господу за народ христианский, и они принесут больше пользы на небесах, чем если бы все еще жили на земле. Также мусульмане зарезали множество больных христиан, остававшихся в Дамьетте. Хотя мы соблюли условия договора, заключенного с ними, и всегда были готовы и впредь соблюдать их, у нас нет никакой уверенности, что мы увидим на свободе христианских пленников и что нам вернут нам принадлежащее. Когда после заключения перемирия и освобождения мы обрели полную уверенность в том, что заморская страна, занятая христианами, останется в состоянии мира вплоть до окончания перемирия, мы изъявили желание и намерение вернуться во Францию. Мы уже повелели готовиться к походу, но, поскольку нам совершенно ясно из того, что мы только что поведали, что эмиры открыто нарушают перемирие и вопреки данной ими клятве нисколько не боятся с презрением относиться к нам и к христианскому миру, мы собрали баронов Франции, рыцарей тамплиеров, госпитальеров и Тевтонского ордена и баронов Иерусалимского королевства и просили их совета о том, как поступить. Почти все считают, что, если мы уйдем в такой момент и покинем эту страну, то окажемся на грани гибели, то есть оставим ее на произвол сарацин, тем более что она оказалась в столь плачевном и жалком состоянии, и что мы можем считать навсегда потерянными без всякой надежды на освобождение христианских пленных, попавших в руки врага. Напротив, если мы останемся, у нас будет надежда, что со временем наступит

некоторое улучшение, пленные будут освобождены, мы сохраним замки и крепости Иерусалимского королевства и прочие блага для христианского мира, тем более что возникла распря между султаном Алеппо и правителями Каира. Этот султан, объединив свое войско, уже захватил Дамаск и несколько замков правителя Каира. Говорят, что он должен прийти в Египет, чтобы отомстить за смерть убитого эмирами султана и, если удастся, стать господином всей страны. Рассуждая так и сочувствуя Святой земле в ее скорбях, мы, пришедшие ей на помощь, оплакивая неволю и муки наших пленных, более склонны отсрочить возвращение и еще на какое-то время остаться в Сирии, хотя многие отговаривают нас от этого, и не отказываться совершенно от дела Христа и не подвергать наших пленных столь великому риску. Но мы решили отправить во Францию наших любезных братьев графов Пуатье и Анжуйского в утешение нашей горячо любимой госпожи и матушки и всего королевства. Поскольку все, кому имя христиане, должны ревновать к начатому нами делу, и особенно вы, потомки тех, кого Господь поставил народом, избранным для завоевания Святой земли, которую вы должны считать вашей собственностью, мы призываем вас служить тому, кто сослужил вам на кресте, пролив кровь свою ради вашего вечного спасения; ибо этот преступный народ не только богохульствует, на глазах народа христианского оскверняя Творца, но они разбивают крест, плюют на него и попирают его ногами в знак ненависти к вере христианской. Так смелей, воины Христовы! Вооружитесь и будьте готовы отомстить за этот позор и бесчестье. Берите пример с ваших пращуров, которым не было равных среди народов в делах ратных. Мы раньше вас вышли служить Богу; идите же к нам. Не важно, что вы придете позже, все равно Господь равно воздаст вам; ведь отец семейства, как говорится в Евангелии, воздал всем пришедшим работать на его винограднике в конце дня, равно как и пришедшим в самом начале. Пришедшие или оказавшие помощь, пока мы здесь, получат, кроме отпущения грехов, обещанного крестоносцам, любовь Бога и людей. Так готовьтесь же, и пусть те, в кого благодать Всевышнего вселит желание выступить в поход или послать помощь, будут готовы к ближайшему апрелю или маю. А те, кто не сможет успеть к этому первому походу, пусть выступят хотя бы в тот поход, который намечен на день святого Иоанна. Характер нашего предприятия таков, что требует быстроты, и любое промедление смерти подобно. А вы, прелаты и прочие слуги Христовы, помогите нам, вознося ко Всевышнему пламенные молитвы; распорядитесь, чтобы так было во всех подвластных вам местах, чтобы они тем самым снискали для нас благодать Божию, которой мы, грешные, недостойны.

Дано в Акре, в год от Рождества Господня 1250, в августе.

5.26. Последняя попытка крестоносцев осуществить поход в Святую землю (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Глава 19. ФАТАЛЬНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1267–1270 годы

Как-то во время Великого поста король созвал к себе в Париж всех сеньоров. У меня был повод не поехать из-за периодической лихорадки, из-за которой я страдал все это время, и я попросил его величество избавить меня от этой поездки. Тем не менее он сообщил, что настаивает на моем приезде, потому что в Париже хорошие врачи, которые знают, как лечить эту болезнь.

Так что я отправился в Париж. Но когда я прибыл в канун дня Святой Богородицы в марте, я выяснил, что никто, ни королева и никто другой, не могут объяснить, почему король вызвал меня. Случилось, что по Божьему велению я под утро уснул, и во сне привиделось мне, что король на коленях стоит перед алтарем. И несколько прелатов в рясах облачают его в ризу из красной реймсской ткани.

После этого видения я послал за Гийомом, моим священником, очень мудрым человеком, и рассказал ему, что мне приснилось. «Мессир, – сказал он, – завтра вы увидите, что король возложит на себя крест». Я спросил его, почему он так думает, и он ответил, что все дело во сне, который я видел; потому что риза из красного реймсского сукна знаменует собой Крест, а красен он от крови, которую Господь наш пролил из Его бока, Его ног и Его рук. «А поскольку риза из реймсской саржи, – добавил он, – это говорит, что данный Крестовый поход принесет мало пользы, что вы сами увидите, если Господь дарует вам столь долгую жизнь».

Прослушав мессу в церкви Мадлен в Париже, я зашел в королевскую часовню, где и увидел короля. Он поднялся на возвышение, где хранились святые реликвии, и взял фрагмент подлинного Креста (на котором был распят Иисус Христос). Когда король спускался вниз, два рыцаря, которые были членами его совета, начали переговариваться друг с другом. «И снова не могу поверить, – сказал один, – что король не возложит на себя крест в этой часовне». – «В таком случае, – ответил другой, – для Франции это будет один из самых печальных дней, которые доставались на ее долю, потому что если и мы не возложим на себя крест, то потеряем благоволение короля; а если мы это сделаем, то потеряем благоволение Господа, потому что мы это сделаем не ради Него, а чтобы не огорчить короля».

Так и получилось, что на следующий день король вместе с тремя своими сыновьями возложил на себя крест. И уже потом выяснилось, что этот Крестовый поход обернулся малой пользой, как и предсказывал мой священник.

Король Франции и король Наварры очень настойчиво уговаривали меня возложить крест. На это я ответил, что, пока я за морем служил Господу и королю, слуги его величества и короля Наваррского так обездолили и довели до нищеты моих людей, что ни они, ни я не были в худшем положении. Я сказал им, что если хочу делать то, что понравится Господу, то должен оставаться здесь, чтобы помогать своим людям и защищать их. Если я ясно вижу, что это только ухудшит их положение, а я подвергну свою жизнь опасности, пустившись в паломничество под знаком креста, то лишь разгневаю Господа нашего, который отдал жизнь ради спасения Своего народа.

Я считаю, что те, кто советовал королю отправиться в этот поход, совершили смертный грех. Потому что в данное время и в королевстве, и между Францией и ее соседями царит нерушимый мир, а если король Людовик покинет страну, то ее положение начнет меняться к худшему.

Это было великим грехом со стороны советчиков, которые видели, что физически король настолько слаб, что не мог самостоятельно ни сесть в седло, ни ехать верхом – на самом деле он был так слаб, что мне пришлось на руках нести его из дома графа д'Осера до аббатства францисканцев. И тем не менее, при всей своей немощности, останься он во Франции, он бы прожил подольше, сделал бы много добра и воплотил бы в жизнь много прекрасных идей.

Я не буду пытаться описывать путешествие короля до Туниса и рассказывать вам, что случилось, потому что – слава Богу! – я не принимал в этом участия и не испытываю желания вставлять в мою книгу то, в чем у меня нет абсолютной уверенности. Так что я буду говорить только о нашем праведном короле и расскажу, как после высадки в Тунисе, перед крепостью Карфаген, он стал жертвой желудочной лихорадки, а его старший сын Филипп слег в приступе малярии, отягощенной теми же симптомами, что и у его отца. Короля положили на ложе, чувствуя, что скоро он может покинуть этот мир ради другого.

Он послал за своим сыном, принцем Филиппом, и словно бы в виде завещания приказал соблюдать все указания, что он оставил ему. Вы можете сами прочитать их, написанные праведной рукой короля:

«Мой дорогой сын, первым делом я должен научить тебя посвящать свое сердце любви к Богу, ибо без нее никто не может быть спасен. Уберегай себя от любых поступков, которые могут огорчить Господа, то есть от смертных грехов. Вместо того чтобы совершить столь ужасный проступок, ты должен быть готов перенести любые страдания.

Если Бог подвергает тебя превратностям судьбы, принимай их терпеливо и благодари за них Спасителя нашего; понимай, что заслужил их, и надейся, что они послужат тебе на пользу. Если же, с другой стороны, Бог посылает тебе преуспевание, покорно благодари Его, чтобы ты не стал хуже от гордости, и, во

всяком случае, такое благословение послужит тебе на пользу. Ибо мы не должны использовать Божьи дары для того, чтобы противостоять Ему.

Почаще ходи к исповеди и выбери в исповедники мудрого и праведного человека, который знает, как учить тебя тому, что ты должен и чего не должен. Всегда веди себя так, чтобы и твой исповедник, и твои друзья не боялись укорить тебя, когда ты действовал неправильно. Почтительно и истово слушай службы в святой церкви, не отвлекайся на разговоры. Пусть молитва к Богу будет в твоем сердце и на губах, и больше всего во время мессы в момент причастия. Пусть твое сердце будет полно заботы и жалости к бедным, несчастным и страдающим; утешай их и помогай им всем, что в твоих силах.

Утверждай добрые обычаи в своих владениях и избавляйся от плохих. Не будь алчным в требованиях к своим подданным и не возлагай на них тяжелые налоги, за исключением случаев крайней необходимости.

Если на сердце тебе ляжет какая-то тяжесть, поговори о ней со своим исповедником или с каким-нибудь мудрым и понимающим человеком, речь которого отличается прямотой. И тогда тебе будет легче переносить свое беспокойство.

Заботься о тех, кто окружает тебя, будь то клирики или миряне, которые умны, прямодушны и преданны, и будь свободен от алчности. Почаще беседуй с ними, но отвергай и избегай общения с порочными людьми. Охотно слушай Слово Божье и храни его в сердце; истово соблюдай обещания и проявляй терпимость. Люби все, что хорошо и благостно, и ненавидь любое зло, где бы ты ни увидел его.

Пусть никто не осмелится в твоем присутствии сказать нечто, побуждающее людей к греху, или сделать такую предосудительную вещь, как плохо говорить о ком-то у него за спиной в стремлении унизить его. Также ты не должен позволять в твоем присутствии говорить то, что умаляет Господа и Его святых. Постоянно воздавай благодарности Богу за то добро, что Он дает тебе, чтобы ты был достоин и дальше принимать Его благодеяния.

Чтобы вести себя со своими подданными справедливо и беспристрастно, будь тверд и прямодушен, не склоняясь ни вправо, ни влево, а всегда следуя справедливости, и решай дело бедняка, пока не прояснится истина. Если кто-то представит тебе иск, проводи полное расследование, пока не уяснишь правду; в таком случае твои советники, имея перед собой все факты, смогут с большей уверенностью выносить решение, независимо, в твою ли оно пользу или нет.

Если в силу своих деяний или поступка предшественников в твоем владении оказалось то, что должно принадлежать другому, и его права безоговорочно доказаны, без промедления восстанови их. Если, с другой стороны, суще-

ствуют какие-то сомнения, тщательно и глубоко расследуй их с помощью умных и знающих людей.

Ты должен уделять внимание и заботиться, чтобы при твоем правлении твои подданные жили в мире и справедливости. Кроме того, возводи в своих владениях хорошие города и обители с теми же условиями и привилегиями, которыми они пользовались при твоих предшественниках. Если что-то в них нуждается в реформах, то сделай все необходимое для них; и пусть они всегда пользуются твоим благоволением и любовью. Из-за богатства и мощи твоих больших городов, а не только твоих подданных твои крупные сеньоры, а также народы других стран не рискнут что-то предпринимать против тебя.

Люби и почитай всех, кто служит святой церкви, и следи, чтобы никого из них не лишили даров и пожертвований, преподнесенных им твоими предшественниками. Когда королю Филиппу, моему дедушке, один из его советников как-то сказал, что слуги святой церкви творят против него много несправедливостей, которые умаляют его права и покушаются на его власть – и это великое чудо, что он позволяет им так вести себя, добрый король ответил, что это, может, и правда, но, учитывая те благодеяния и многочисленные милости, которые Господь даровал ему, он думает, что лучше поступиться какими-то своими правами, чем вступать в спор со служителями святой церкви.

Почитай и уважай отца своего и мать и подчиняйся их указаниям. Даруй бенефиции людям достойного поведения и чистой жизни; делай это по совету достойных и почитаемых людей.

Опасайся без тщательного обдумывания вступить в войну с каким-либо христианским властителем; в нее должно вступать, лишь если ты убежден, что не нанесешь вреда святой церкви или лицам, которые не причинили тебе никакого вреда. В случае войн и раздоров между твоими подданными как можно быстрее установи мир между спорщиками.

Особенно заботься, чтобы у тебя были хорошие бейлифы и провосты, и часто расспрашивай о них, а также о людях, приписанных к твоему хозяйству, – как они ведут себя, не привержен ли кто-нибудь из них порокам чрезмерного корыстолюбия, лживости или недостойного поведения. Стремись изгонять из своих владений ненависть и недостойное поведение, и особенно делай все, что в твоих силах, для искоренения пороков богохульства и ереси. Позаботься, чтобы траты на твой двор держались в разумных пределах.

И наконец, мой возлюбленный сын, пусть по моей душе отпоют мессу и по всему королевству вознесут молитвы обо – мне; и пусть во всем том добре, что ты сотворишь, будет и моя доля. Мое дорогое дитя, я даю тебе все благословения, которые только любящий отец может дать своему сыну. Пусть Святая Троица и все святые оберегают и защищают тебя от всех зол; и пусть Бог

дарует тебе милость всегда поступать в соответствии с Его желаниями, чтобы Он был почитаем через тебя и чтобы по окончании этой смертной жизни ты и я вместе смогли оказаться при Нем, вечно вознося Ему молитвы. Аминь».

Когда добрый король дал эти указания своему сыну, болезнь, которой он страдал, начала усиливаться. Он попросил причащения к Святым Дарам и в ясном сознании и здравом рассудке получил его. Это подтверждалось тем, что, когда священник провел миропомазание и стал произносить семь специальных псалмов, Людовик повторял за ним каждое слово.

Я слышал от его сына, графа д'Алансона, что, когда король был близок к смерти, он призвал всех святых помочь и поддержать его, и особенно святого Иакова, обращаясь с молитвой к этому апостолу, которая начинается словами «Esto Domine» и так далее — то есть «Да будет Святой Дух Господа нашего охранителем и спасителем люди твоя». Затем он обратился к своему покровителю святому Дени, покровителю Франции, и произнес молитву: «Господь наш, даруй нам презрение к благам этого мира, чтобы мы не боялись его напастей».

Я также слышал от графа д'Алансона – на котором почиет милость Господня, – как затем его отец воззвал к святой Женевьеве. Затем праведный король попросил, чтобы его положили на ложе, покрытое пеплом, где он скрестил руки на груди, устремил взор к небесам и вручил душу свою Создателю нашему. Все это происходило в тот же час дня, когда Сын Божий умер на кресте ради спасения мира.

Было благочестивой и достойной обязанностью оплакивать кончину этого праведного властителя, который правил своим королевством и оберегал его по справедливости и чести, который был так щедр и благороден, раздавая милостыню, и который заложил основу столь многих достойных деяний. И так же, как писец, перебеляя эту рукопись, украсил ее золотом и лазурью, так и король наш украсил свое правление многими прекрасными аббатствами, которые он возвел, большим количеством больниц и обителей для доминиканцев, францисканцев и других религиозных орденов, о которых я вам уже рассказывал.

После празднования Дня святого апостола Варфоломея в год от Рождества Господа нашего 1270-й добрый король Людовик ушел из этого мира. Его останки были уложены в гроб, доставлены во Францию и упокоились в храме Святого Дени, в том месте, которое он сам выбрал для своего погребения. У надгробия Людовика Господь с тех пор сотворил много удивительных чудес в его честь и по его заслугам.

Контрольные вопросы к пятому разделу

1. Какие были мотивы и причины у участников «крестоносного» движения? Каким способом воздействовал папа Урбан II на массовое сознание?

2. В чем суть конфликта между крестоносцами и Саладином (Салах ад-Дином), согласно материалам переписки германского императора и предводителя сельджуков?

3. Сравните организацию III и IV крестовых походов. Какие отличия имеют место быть? Какие причины и предпосылки побудили крестоносцев пойти войной против жителей Византии? Охарактеризуйте политику Папы Иннокентия III в отношении завоевания крестоносцами Константинополя. Какие факты свидетельствуют о его непосредственной санкции по захвату столицы Византии? Сравните взгляды участников и очевидцев «крестоносного движения» (Жоффруа Виллардуэна, Роберта де Кари, Гунтера Пэрисского и Никиты Хониата) на процесс завоевания Константинополя.

4. Какие особенности были присущи последним Крестовым походам? Какие факторы свидетельствовали о снижении степени влияния идеи Крестового похода? С какой целью французский король Людовик IX Святой предпринял Крестовые походы? Почему они не увенчались успехом?

Раздел 6. Англо-французские отношения в период Столетней войны

План

1. Особенности взаимоотношений Франции и Англии накануне Столетней войны. Значение Амьенской мизы.
2. Обращение Эдуарда III к подданным и причины начала войны. Итоги крупнейших сражений (при Креси, за Кале и при Пуатье). Влияние военных кампаний на положения договора 1360 года.
3. Особенности англо-французской борьбы в начале XV века. Значение ордонанса Карла VI и его влияние на битву при Азенкуре. Основные положения договора в Труа и реакция дофина Карла.
4. Заключительные этапы Столетней войны: характер обращений Жанны д'Арк к англичанам и итоги войны, обозначенные в Аррасском договоре.

Источники

1. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. II. М., 1950.
2. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. Т. II. М., 1963.
3. Хрестоматия по истории международных отношений. Кн. 2. Средние века. Благовещенск, 2013. С. 595-663.

Литература

1. Басовская Н. И. Столетняя война 1337-1453 гг. М., 1985.
2. Она же. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2002.
3. Она же. Англия и Франция в международной жизни Западной Европы XII-XV вв. // Средние века. Вып. 51. 1988. С. 5-22.
4. Она же. Организация и характер деятельности английской администрации в Гаскони (конец XIII - начало XIV в.) // Средние века. Вып. 37. 1973. С. 208-229.
5. Она же, Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII-XV вв. // Средние века. Вып. 48. 1985. С. 71-90.
6. Перруа Э. Столетняя война. СПб., 2002.

Ссылки на Интернет-ресурсы

1. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/
2. Восточная литература. Средневековые источники по истории Запада и Востока. URL: http://www.vostlit.info

Методические указания

Заключительный раздел содержит документы по периоду Столетней войны (1337-1453) между Англией и Францией. Документы представлены речами, договорами, хрониками и письмами. Многие из них связаны с определенными событиями указанного периода. Так, например, в первом документе маршалом Шампани Жаном Жуэнвиллем (1225-1317 гг.) рассказывается об уступке французским королем Людовиком IX (1226-1270 гг.) английскому королю Генриху III (1216-1272 гг.) некоторых земель Франции. Речь идет о Парижском договоре, заключенном 4 декабря 1259 г. Согласно тексту договора, Генрих в пользу Людовика отказался от контроля над Нормандией (кроме Нормандских островов), графства Мэн, Анжу и Пуату, тогда как Людовик в пользу Генриха отказался от прав на Сентонж. При этом Генрих получил право быть вассалом при Людовике на территории Гаскони и части Аквитании, а еще он поддержал последнего на мятежных английских территориях. Короли Англии тем самым оставались французскими вассалами (правда, только на территории Франции). В целом договор не способствовал возникновению дружеских отношений между королевствами, а только усугублял ситуацию.

В разделе представлены и другие документы, относящиеся к периоду Столетней войны. Особенность данного периода заключается в том, что он отмечен серией военных конфликтов между Англией и Францией длившихся с 1337 по 1453 гг. и является первым масштабным и продолжительным вооруженным конфликтом между двумя европейскими государствами. Периодизация периода носит условный характер и подразделяется на несколько этапов:

1. Эдвардианская война (1337-1360 гг.). В этот период произошли самые значимые сражения между английскими и французскими войсками, которые закончились полным разгромом последних.

2. Каролингская война (1369-1396 гг.). Новый период начался с военных и экономических реформ французского короля Карла V Мудрого. Попытка взять реванш на новом этапе не привела к значимым результатам, однако из-за восстания на территории Англии Уота Тайлера и наступлением шотландцев на севере страны английское королевство пошло на заключение перемирия.

3. Ланкастерская война (1415-1428 гг.). Этап ознаменован Договором в Труа 21 мая 1420 г., положения которого отражали лишение права французского короля занимать французский престол.

4. Завершающий этап (1428-1453 гг.) ознаменован деятельностью Жанны д'Арк и началом освободительной войны Франции с английскими захватчиками.

Студентам необходимо перед ознакомлением с документами узнать об исторических событиях данного периода, например, о битвах при Креси и Кале, при Гастингсе, особенно о роли Жанны д'Арк в вооруженном конфликте.

Документы

6.1. Договор между Англией и Францией (Жан Жуэнвиль, «Книга св. Людовика»)

Мир, который он заключил с королем Англии, заключил он против желания своего Совета, который заявлял ему: «Сир, нам кажется, что вы теряете землю, которую даете королю Англии, ибо он не имеет на нее прав: ведь его отец потерял ее по суду»1. На это король ответил, что ему хорошо известно отсутствие прав у английского короля, но есть основательная причина дать ему землю. Ведь мы женаты на сестрах, и наши дети двоюродные братья; поэтому подобает быть миру между нами. Для меня же в мире с королем Англии великая честь, ибо он становится моим человеком, кем он не был раньше.

В 1202 г. Иоанн Безземельный, как вассал французского короля, судом французских пэров был лишен своих французских владений.

6.2. Амьенская миза (1264 г.)

Людовик, Божией милостью король франков, всем, кто будет видеть настоящие письмена, привет. Делаем известным, что возлюбленный родственник наш Генрих, блистательный король Англии, и написанные ниже бароны Англии обратились к нашему посредничеству, как это содержится в нижеследующем письме; содержание же письма самого короля такое: «Генрих, Божией милостью король Англии, сеньор Ирландии и герцог Аквитании, всем, до кого дойдут эти письмена, привет. Знайте, что мы обратились за посредничеством к государю Людовику, блистательному королю франков, относительно постановлений, ордонансов, статутов и обязательств всех оксфордских и относительно всех споров и несогласий, которые мы имеем и имели до праздника Всех святых, ныне прошедшего, с баронами королевства нашего и они с нами по поводу провизий, ордонансов, статутов и обязательств оксфордских вышеназванных, обещая и через возлюбленных и верных наших Уильяма Белета, рыцаря, и Роберта Фулька, клирика, по нашему специальному поручению принося клятву своею душою, коснувшись святых Евангелий, что то, что король Франции обо всем вышеуказанном и о чем-либо из этого сверху или снизу решит и постановит, мы будем добросовестно соблюдать, так однако, что этот господин король Франции должен вынести свой приговор об этом около ближайшей Пятидесятницы. Во свидетельство чего мы повелели приложить к настоящему письму печать нашу. Мы же, Эдуард, названного выше господина Англии перворожден-

ный сын, Генрих, сын Ричарда, короля Германии, Роджер Ле Биго, граф Норфолкский и маршал Англии, Джон де Уоррен, Уильям де Валенс, Гэмфри де Боэн, граф Герефордский и Эссексский, Гуго Ле Биго, Филипп Бассе, Джон Фиц Алкан, Роберт Брюс, Роджер Мортимер, Джон де Вердун, Уильям де Бреус, Джон де Байльоль, Генри де Перси, Реджинальд Фиц Питер, Джэкоб де Альдейл, Аллан Ла Зуш, Роджер Клиффорд, Эмо Экстранен, Джон Ле Грей, Филипп Мармион, Роберт Невилл, Джон де Макгро, Варен Бессинберн, Адам де Джесмут, Роджер де Сомери, Ричард де Фолио, Роджер де Лейберн и Уильям Латимер, на названное выше посредничество, устроенное названным государем нашим, королем Англии, как сказано выше, соглашаемся и клянемся, коснувшись святых Евангелий, что то, что господин король Франции обо всем сказанном выше и о чем-либо из этого сверху или снизу решит и постановит, мы будем соблюдать добросовестно, так однако, чтобы этот господин король Франции должен вынести об этом свой приговор около ближайшей Пятидесятницы, как выражено выше. Во свидетельство чего к настоящему рукописанию, скрепленному печатью господина нашего вышеназванного короля Англии, мы наши печати велели приложить. Дано в Виндзоре в воскресенье, ближайшее после праздника святой Люции-девы, в год 1263. При составлении этого документа присутствовали Джон де Чишелл, Уильям де Уилтон, брат Джон де Дерлингтон, магистр Эрн., канцлер короля Германии, Роджер де Меесенден и многие другие».

Письмо же баронов таково: «Всем, кто увидит настощее письмо, Г. лондонский, У. устерский епископы, Симон де Монфор, граф Лестерский и сенешаль Англии, Гуго Диспенсер, юстициарий Англии, Гэмфри Боэн младший, Г. де Монфор, С/имон/ де Монфор младший, Адам де Ньюмаркет, Петр де Монфор, Ральф Бассе де Сейпкот, Болдуин Уэйк, Роберт де Роуз, Уильям Ле Блонд, Уильям Маршалл, Уолтер Колвилл, Ричард де Грей, Уильям Бардольф, Ричард де Танни, Генри Гастингс, Джон Фиц Джон, Роберт Вьюпонт, Джон де Весси, Никола де Сегрейв, Джофри де Люси, привет в Господе. Знайте, что мы обратились за посредничеством к господину Людовику, блистательному королю Франции, относительно постановлений, ордонансов, статутов и обязательств всех оксфордских и относительно всех споров и несогласий, которые мы имеем и имели до праздника Всех святых, недавно прошедшего, с господином нашим блистательным королем Англии и он с нами по случаю постановлений, ордонансов, статутов и обязательств оксфордских, названных выше, крепко обещая и принося клятву, коснувшись святых Евангелий, что то, что король Франции обо всем вышесказанном или о чем-либо из него сверху и снизу решит или постановит, мы будем добросовестно соблюдать, но так однако, чтобы этот гос-

подин король Франции произнес свое решение об этом около ближайшей Пятидесятницы. Исполнено в Лондоне в день святой Люции-девы в год 1263».

Кроме того, названный выше король Англии, с одной стороны, и вышеупомянутые бароны, с другой стороны, относительно всех споров, возникших между ними после названного выше праздника до прошедшего дня святой Люции, по названной выше причине обратились к нам за посредничеством и обещали через посредство клятв, принесенных с прикосновением к святым Евангелиям, что они добросовестно будут соблюдать то, что мы решим и постановим об этом или о чем-либо из этого, так однако, чтобы около ближайшей Пятидесятницы мы постановили об этом наше решение и обо всем, что следует в то же время принять во внимание при рассмотрении предметов, непосредственно относящихся к посредничеству или их касающихся. Мы же, созвав для этого стороны в Амьене, причем названный король лично и некоторые бароны лично, а другие через посредство уполномоченных явились перед нами, выслушав вышесказанные об этом предложения и также более полно поняв защитительные доводы и резоны сторон, обратив внимание на то, что оксфордскими провизиями, ордонансами, статутами и обязательствами и тем, что из них и благодаря им последовало, праву и чести королевской было причинено величайшее умаление, произошло смятение королевства, угнетение и расхождение церквей, и другим лицам королевства, церковным и светским, местным и иноземным, были нанесены тяжелейшие убытки и что можно было не без правдоподобного основания опасаться, как бы в будущем не случилось нечто, еще более тяжелое, мы, обсудив с советом баронов и магнатов, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа названные выше провизии, ордонансы, статуты и обязательства, все, как бы их ни описывать, и все, что из них или по причине их последовало, нашим решением или нашим ордонансом кассируем и уничтожаем, тем более, что известно, что Верховный первосвященник объявил их своими письменами кассированными и уничтоженными, постановляя, чтобы как названный король, так и бароны и другие, которые согласились на настоящее посредничество и которые всячески обязались соблюдать сказанное выше, совершенно освободили себя от исполнения их. Прибавляем также, что на основе названных выше провизий и обязательств или ордонансов или какой-либо сверх этого уступленной королем власти никто не должен издавать новых статутов или исполнять и соблюдать уже изданные и за несоблюдение названных никто не должен становиться непримиримым врагом другого или за это подвергаться какому-либо наказанию. Постановляем также, что все грамоты, составленные относительно названных выше провизий и по их поводу, недействительны и ничтожны, и предписываем, чтобы они были возвращены и переданы баронами самому королю Англии. Далее, решаем и постановляем, чтобы крепости, какие только

были переданы для обеспечения безопасности или по причине сказанного выше и до сих пор удерживаются, свободно были возвращены названными баронами этому королю, чтобы этот король владел ими, как владел ими до времени названных провизий. Далее, решаем и постановляем, чтобы свободно позволено было вышеназванному королю смещать и удалять главного юстициария, канцлера, казначея, советников, младших юстициариев, шерифов и всяких других чиновников и министериалов свого королевства и своего дома на полной своей воле, как он это делал и мог делать до времени названных выше провизий. Далее, мы отменяем и кассируем то изданное постановление, что королевство Англия впредь должно управляться уроженцами ее, и чтобы иноземцы удалились и не могли возвращаться, исключая тех, пребывание которых верные короля сообща допустят, постановляя названным нашим решением, что иноземцам позволяется пребывать безопасно в названном королевстве, и что король может безопасно звать в свой совет иноземцев и местных, каких найдет полезными и верными, как он это мог делать до вышеназванного времени. Далее, решаем и постановляем, чтобы названный король имел полную власть и свободное правление в своем королевстве и в том, что к нему принадлежит, и находился в том положении и в той полной власти во всем и повсюду, как был до названного выше времени. Не желаем также и не намереваемся настоящим постановлением умалять в чем-либо королевские привилегии, грамоты, вольности, статуты и достохвальные обычаи королевства Англии, которые существовали до времени этих провизий. Постановляем также, чтобы этот король проявил благосклонность в отношении к вышеназванным баронам и оставил всякий гнев, какой имеет в отношении к ним по поводу вышесказанного, также и бароны в отношении к нему, и чтобы один другого по поводу вышесказанного, о чем обратился к нашему посредничеству сам или через другого, впредь ни в чем не утеснял или обижал. Это же наше постановление или наше решение вынесли мы на другой день после блаженного Винценция-мученика в год 1263 в месяце январе. Во свидетельство чего к настоящему письму мы повелели приложить нашу печать. Исполнено в год, месяц и день и в месте, указанные выше.

6.3. Обращение Эдуарда I к подданным

Обращение к духовенству

В достаточной мере всем ведомо и уже, как мы думаем, по всем странам мира распространилась об этом весть, как король Франции обманным и хитрым способом отстранил нас от нашей страны Гасконии. Ныне же, не довольствуясь названным выше обманом и беззаконием, для завоевания королевства нашего

огромный флот и громадное множество воинов собрав, с каковыми уже сделал враждебное нашествие на королевство наше и на жителей этого королевства, вознамерился совсем истребить с лица земли язык английский, если бы гнусному плану затеянного им беззакония соответствовала его сила, что да отвратит бог. Так как предусмотренные заранее удары менее опасны и так как здесь ваши интересы затронуты в сильнейшей мере, как и прочих сограждан этого королевства, то мы повелеваем вам, крепко наказывая именем верности и любви вашей к нам, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего ресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего приора и капитул церкви вашей, архидиаконов и весь клир вашего диоцеза, чтобы эти приор и архидиаконы лично, а названный капитул через посредство одного, а этот клир через посредство двух достойных представителей, имеющих полную и достаточную власть ог этих капитула и клира, вместе с вами присутствовали для того, чтобы здесь тогда всеми способами вместе с нами и с остальными прелатами и магнатами и другими жителями королевства нашего обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эти опасности и злоумышления.

6.4. Фландрия в политике Англии и Франции (Жан Фруассар, «Хроники»)

Вы слышали перед этим рассказ о том, как король Англии запер все морские проходы и не пропускал ничего во Фландрию, а особенно шерсть и овечьи шкуры. Этим все страны Фландрии были глубоко поражены, так как суконное производство – главный предмет, которым они живут, и было уже много разорившихся благородных людей и богатых купцов. Приходилось выбираться из земель Фландрии многим честным мужчинам и женщинам, которые перед этим были обеспечены трудом по производству сукон, и они шли искать себе довольства в Генегау и другие места, где могли найти его; великие роптания по поводу этого распространились и рассеялись по стране Фландрской, и особенно в больших городах. Говорили, что тяжело и дорого обходится им любовь, которую граф, их сеньор, питал к французам, так как благодаря ему и его делам они подверглись этой опасности и ненависти английского короля и что гораздо полезнее было бы для общего блага страны Фландрской находиться в мире и любви с королем английским, чем с королем Франции.

Правда, что из Франции к ним приходит много хлеба, но так как им не на что его покупать и нечем платить, все по недостатку заработка, то в этом-то и беда их, потому что мера хлеба стоит денье, а у кого нет его, тому нехорошо. Из Англии же к ним идет шерсть и с нею вместе большие выгоды, которые поз-

воляют им поддерживать свое благосостояние и жить в довольстве. К тому же они получают достаточно хлеба и со стороны Генегау, так как область эта в мире с ними.

6.5. Принятие решения об объявлении Англией войны Франции (Жан Фруассар, «Хроники», 28)

Глава 28.

Совет короля Эдуарда советует ему начать войну против короля Филиппа Французского.

В то время, когда ни о чем кроме этого Крестового похода, не говорили, сеньор Робер д`Артуа находился в Англии и был очень близок к особе короля, которому он постоянно советовал устроить войну из-за того, что король Франции удержал его наследство. Король провел много совещаний на этот счет, и советовался со своими самыми важными и близкими советниками о тех способах, какими он сможет отстоять свое право, так как он с радостью бы улучшил свое положение, если бы знал как. Обсуждался вопрос, что будет, если он предъявит свое право на наследство, а ему в этом откажут, как можно было предположить, и что если тогда он останется спокойно сидеть и не станет поддерживать своих притязаний, то этой будет более позорно, чем вовсе и не заявлять о них. Он ясно видел, что для него невозможно будет покорить такое великое королевство как Франция, если всю свою силу он приведет только из своей собственной страны, то есть, если он не заручится, с помощью своих денег, могущественными друзьями и их помощью в Империи и в других местах. Поэтому он часто требовал ответа от членов своего тайного совета, что они думают на этот счет.

Наконец, те дали ему единодушный ответ: «Дорогой сир, этот вопрос такой важности, что мы не хотим советовать вам ничего определенного на этот счет, но рекомендуем вам, дорогой сир, отправить соответствующим образом проинструктированных послов к славному графу Эно, на чьей дочери вы женаты, и к сеньору Жану, его брату, который ранее столь доблестно помогал вам, чтобы попросить их светлости посоветовать вам, как надо действовать. Ведь в данном вопросе они осведомлены лучше, чем мы. Если они согласятся с вашим мнением, то пусть дадут вам совет, кто из сеньоров более всего способен вам помочь, а также пусть укажут на наиболее пригодные средства, чтобы привлечь их на вашу сторону». Король согласился с этим предложением и попросил епископа Линкольнского, из любви к нему, взять на себя эту поездку и пожелал, чтобы в этом посольстве его сопровождали два рыцаря-баннерета и 2 сведущих

в праве советника. Они выехали так быстро, как смогли, погрузились на корабль и высадились в Дюнкерке, откуда поехали через Фландрию в Валансьенн, где застали Гильома, графа Эно, который столь жестоко страдал от подагры и песка в мочи, что не мог двигаться. Сеньор Жан, его брат, также был здесь, чему они весьма обрадовались, и рассказали им о цели своей миссии. На что славный граф сказал: "Я молю Бога, чтобы король преуспел в этом деле, что меня весьма бы порадовало, ведь как вы можете легко представить, я гораздо больше заинтересован в том, кто женат на моей дочери, чем в короле Филиппе, который никогда ничего для меня не сделал, хотя я и женат на его сестре. Еще он тайком расстроил брак юного герцога Брабантского с моей дочерью, и исходя из этого, я никоим образом не подведу моего дорогого возлюбленного сына, короля Англии, раз его советники присоветовали ему предпринять это дело. Я также окажу ему всяческую помощь, так же как и Жан, мой брат, здесь присутствующий, который помогал ему и раньше. Но теперь, вы должны поискать других сторонников, более могучих, чем мы, поскольку территория Эно столь мала в сравнении с королевством Францией, а Англия лежит слишком далеко, чтобы ему помочь»

«Сир, конечно вы дали очень превосходный совет и засвидетельствовали большую любовь и добрую волю, за что, от имени нашего господина и короля, я приношу большие благодарности, - ответил епископ Линкольнский, – но, дорогой сир, назовите нам имена тех сеньоров, которые, по вашему мнению, могут оказать лучшую помощь нашему хозяину, чтобы мы смогли сообщить ему о них».

«Клянусь своей душой, – ответил граф, – я не могу вспомнить более ни о каких сеньорах, которые мог бы так сильно помочь ему, кроме как о герцоге Брабантском, его кузене, епископе Льежском, герцоге Гельдернском, который женат на его сестре, архиепископе Кельнском, маркграфе Юлихском, мессире Арнольде Бланкенхайме и сеньоре Фокмонском. Это те сеньоры, которые могут в короткое время снарядить большее количество воинов, чем другие, о которых я знаю. Сами по себе они очень воинственны, и если они захотят, то легко смогут выставить 10 тысяч человек, полностью вооруженных и снаряженных, но вы должны будете платить им деньги вперед, поскольку они такие люди, что любят поразжиться. Если, с помощью своих средств, король, мой зять и ваш господин, сможет вступить в союз с этими сеньорами, о которых я упомянул, и будет лично находиться по эту сторону моря, то он сможет перейти через реку Уазу, чтобы поискать короля Филиппа и предложить ему сражение».

После вернулись в Лондон с тем ответом, что получили, и когда король Эдуард его выслушал его, то он доставил ему большое удовольствие и успокоение. Новости о том, что надвигается такое дело, были вскоре доставлены во

Францию, и в таком преувеличенном виде, что король Филипп стал очень безразличен к тому крестовому походу, о котором столько проповедовалось, и в котором он принял на себя руководство. Он отменил приказания своим чиновникам, которые уже сделали огромные приготовления, и дал им указания не делать их дальше, пока он не увидит в каком направлении намеревается действовать король Англии, так как тот только и занят тем, что собирает себе воинов.

Король Англии приказал 10 рыцарям-баннеретам, 40 рыцарям-башелье, в сопровождении епископа Линкольнского, который действительно был доблестным мужем, пересечь море и ехать прямо к Валансьенну, чтобы провести переговоры с теми сеньорами Империи, которых назвал граф Эно и действовать так, как посоветуют он и его брат Жан. Когда они прибудут в Валансьенн, то они должны будут поддерживать весь престиж государства и не скупиться на расходы, как если бы там находился лично сам король Англии, и что они не должны не упускать ничего, чтобы увеличить свою большую славу и высокую репутацию. Среди них было много молодых рыцарей-башелье, у которых один глаз был закрыт куском ткани, так что они не могли им видеть. Говорили, что они дали обеты неким дамам у себя в своей стране, что будут пользоваться не больше, чем одним глазом, пока лично не совершат какие-нибудь воинские подвиги во Франции, и что не будут отвечать ни на один вопрос, с которым к ним обратятся. Все вокруг сильно изумлялись такому странному поведению. После того, как их с почетом приняли и устроили в их честь празднества в Валансьенне, епископ Линкольнский и большая часть рыцарей поехали, по совету графа Эно, к герцогу Брабантскому. Герцог великолепно их принял и согласился обещать королю Англии, которому он приходился двоюродным братом, свою помощь и поддержку всеми средствами, что находятся в его власти, и позволить ему входить на свои земли и покидать их, вооруженным или невооруженным, так часто, как тот пожелает. По рекомендации своего совета и за круглую сумму во флоринах, он также обещал, что если король Англии, его кузен, пошлет вызов королю Франции и вступит на его земли с достаточным войском, и сможет получить помощь от вышеупомянутых сеньоров, то он также пошлет вызов и присоединится к ним с 1000 латников.

Затем послы вернулись в Валансьенн. Благодаря переговорам и своему золоту, они уговорили герцога Гельдернского, зятя короля Англии, маркграфа Юлихского, архиепископа Кельнского и его брата Валерана, и сеньора Фокмонского приехать в Валансьенн, чтобы провести с ними переговоры в присутствии графа Эно, который был неспособен ехать верхом, и в присутствии его брата Жана. Они повели дела так хорошо, щедро разбрасывая флорины среди князей и прочего народа, что те согласились послать вызов королю Франции и отправиться с королем Англии туда и тогда, когда ему будет угодно,

и что каждый будет служить ему вместе с определенным числом воинов, имеющих шлемы с плюмажем. Теперь пришло время, когда мы должны говорить о копьях, мечах и кольчугах. Я говорю вам, что вышеупомянутые сеньоры обещали послам из Англии, что они объединяться с сеньорами по ту сторону Рейна, у которых есть достаточно силы, чтобы привести еще большое число воинов, но они должны будут их снарядить на приемлемые для них средства. Затем эти немецкие сеньоры попрощались и уехали в свою страну, а английские сеньоры остались еще на некоторое время с графом Эно. Они чрезвычайно хотели перетянуть на свою сторону епископа Льежского Рауля, и отправили ему много писем, но он не желал ничего делать против короля Франции, чьим вассалом он был, и которому он поклялся в верности. К королю Чехии они не посылали, так как знали, что он прочно связан с королем Франции, благодаря браку Иоанна, герцога Нормандского, с мадам Боной, дочерью этого короля, и что он никогда ничего не сделает против него.

6.6. Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны Англии с Францией

Перед вами предложения, сделанные королю Франции королем Англии во избежание войны.

Во-первых, король Англии отправлял королю Франции многочисленные послания с просьбами вернуть ему земли в герцогстве Гиень, которые тот необоснованно удерживал у него, но король Франции не реагировал на просьбы до тех пор, пока не пообещал, что если король Англии самолично прибудет во Францию, он воздаст ему по справедливости и окажет благосклонность и благоволение. Доверяя его обещанию, король Англии тайно прибыл во Францию, смиренно прося отдать ему земли, высказывая предложения и оказывая королю Франции почести как должно и даже более того; но король Франции постоянно откладывал переговоры и решение и фактически ничего не сделал для него, более того, в течение переговоров все более несправедливо обрисовывал права короля Англии на герцогство.

Также король Англии, видя затруднения короля Франции, для того, чтобы добиться его благоволения и получить то, что тот удерживал, изложил ему известные предложения, упомянутые ниже, то есть, когда от первого отказались, он предложил еще одно.

Во-первых, женитьбу его старшего сына, ныне герцога Корнуолла на дочери короля Франции без востребования чего-либо за этот союз.

Также бракосочетание его сестры, ныне графини Гельдерн с его сыном за значительную сумму денег.

Также женитьбу его брата, графа Корнуолла, прощенного Богом, на любой даме королевской крови.

Кроме того, чтобы компенсировать неудобство, причиненное королю Франции, он предложил ему столько денег, сколько тот мог обоснованно потребовать.

Также по причине того, что королю Англии дали понять, что король Франции желает предпринять крестовый поход в Святую землю и желает, чтобы король Англии захотел ему продемонстрировать свои благосклонность и благоволение так, чтобы ни одно препятствие крестовому походу не могло быть ему приписано, он предложил королю Франции выступить с ним в крестовый поход со значительной военной силой, но таким образом, чтобы до выступления король Франции полностью вернул ему все земли.

Затем он предложил выступить с ним в вышеуказанный поход при условии, что прежде король Франции возвратит ему половину или определенную часть земель.

Также после этого он сделал ему еще более значительное предложение: что он выступит с королем Франции, если тот возвратит ему половину или определенную часть земель по возвращении из Святой земли.

Также, чтобы остановить недовольство короля Франции, который пытался обвинить короля Англии в воспрепятствовании крестовому походу, он открыто заявил о своей готовности выступить с ним в поход, если по возвращении король Франции проявит справедливость по отношению к нему.

Но король Франции, который пытался всеми способами сохранить то, что он несправедливо захватил, не стал принимать ни одно из данных предложений, но, изыскивая возможности к этому, занимался поисками поддержки и содействия у шотландцев, врагов короля Англии, пытаясь оттянуть войну с последним при помощи войны с ним Шотландии, так, чтобы он не имел сил преследовать свои цели где-либо еще. Тогда, ради учтивости по отношению к королю Франции и по просьбе, изложенной в его посланиях, король Англии даровал шотландцам отсрочку войны и перемирие в надежде на мирные переговоры, но в течение этого перемирия шотландцы убили графа Этолского и других, и захватили несколько высокопоставленных людей из числа верных королю Англии, и осадили, и захватили земли и другие места, принадлежащие королю и его людям.

6.7. Принятие Эдуардом III титула и герба короля Франции, 1340 г.

Эдуард, милостью Божией король Франции и Англии и повелитель Ирландии, сим дает истинное толкование нижеперечисленных вопросов всем прелатам и иным служителям церкви, пэрам, герцогам, графам, баронам, благородным и простым людям, проживающим в королевстве Франция.

Великий повелитель король, имеющий право изъявления своей воли, желает однако, чтобы власть его являлась объектом закона, распоряжаясь так, чтобы каждый получил то, что принадлежит ему, демонстрируя таким образом, что справедливость и законность должны предварять восшествие короля на престол.

Итак, королевство Франция было передано нам по наследству Божией волей согласно естественного права в результате недавней смерти Карла; но последний король Франции, брат, состоящий в родстве с нашей матерью и графом Филиппом Валуа, сыном брата короля и, следовательно, находящийся в меньшей степени родства по отношению к вышеупомянутому королю, навязал свою власть королевству, пока мы находились в нежном возрасте, и удерживает это королевство против воли Бога и справедливости; могло бы показаться, что мы пренебрегаем нашим правом и даром Божественного благоволения и не желаем подчиниться побуждению нашей воли и Божественному соизволению, но мы признали наше право на королевство и возложили на себя ношу управления королевством как мы и должны были сделать, приняв решение с непоколебимым намерением действовать совместно с добрыми и верными слугами, чтобы воздать по справедливости всем в соответствии с законом и достойными похвалы обычаями, чтобы восстановить закон и обычаи, которые были в силе при Людовике, нашем предке, и изгнать того узурпатора, когда ситуация покажется нам наиболее благоприятной. Мы не имеем намерения искать выгоды за ваш счет при помощи несправедливого вымогательства, как, например, изменений в общем доходе или еще как-нибудь, так как мы, благодаря Господу, обладаем достаточным количеством собственных источников и в делах государства намереваемся действовать не опрометчиво и обоснованно, но держа волю под контролем, нас будут направлять совет и пожелания пэров, прелатов, магнатов, верных вассалов королевства во славу Господа, для защиты и процветания Церкви, перед которой мы благоговеем в крайней набожности и которой содействуем при помощи общественного и частного добра, соизмеряя свои дела с благоволением Бога, проявляя справедливость. Мы в огромной степени обеспокоены вашей честью, удобством и миром, так как, Бог ведает, ничего не будет более приемлемым для нас, чем достичь этого нашими стараниями, особенно

между нами и христианами вообще, поборник мира должен посылать мир, также как клятва католических князей должна быть обращена против хулителей имени Христа и во имя возрождения Святой земли, освященной кровью нашего Спасителя, к которой цели мы стремились по благоволению Святого Духа. Принимая во внимание то, что мы подавали графу Филиппу любезные и справедливые предложения мира, на которые он не отреагировал, не дал обоснованного ответа, более того решил вести с нами несправедливую войну, он всячески стремился нанести вред нашим владениям, поэтому нас насильно заставили прибегнуть к оружию для собственной защиты и восстановления своих прав, не желая уничтожать или подавлять добрых и бедных, но, наоборот, стремясь обеспечить им безопасность и удобство, мы изъявляем добросердечное желание, чтобы все и каждый житель королевства, кто по своей воле подчинится нам как истинному королю Франции в соответствии с мудрым советом и совершит это до следующей Пасхи, обещая должную верность нам как королю Франции, исполняя свои обязанности, как наши возлюбленные и преданные жители Фландрии это сделали, и предложили себя в услужение в качестве готовых служить преданно, будут допущены в наш мир и благоволение и под нашу особую защиту и протекцию, и мы обещаем отстаивать их как должно и защищать их без какого-либо притеснения или вмешательства с нашей стороны или со стороны наших слуг как в отношении их личности, так и их владений в какой бы то ни было форме.

И, так как вышеупомянутое провозглашение не может быстро облететь каждого из вас индивидуально, мы обеспечим, чтобы оно было прикреплено к внешней стороне врат церквей и других публичиных мест так, чтобы их можно было заметить, в качестве утешения нашим верным подданым и правильным указанием для тех, кто отдалился от нас своим недоброжелательным отказом. Написано в Генте, в феврале первого года нашего правления во Франции и на четырнадцатом – в Англии.

6.8. Договор между Англией и Францией, заключенный в Кале, 1360 г.

Договор, заключенный в Бретиньи 8 мая, после Пасхи, исправлен статьями ‹договора› в Кале и ратифицирован королем Франции в этом самом месте.

Первое, названный король Англии в добавление к тому, что он сохранял в Гиени и Гаскони, должен получить навечно для себя и своих наследников все владения, которые следуют ниже, и владеть ими на тех же условиях, что и король Франции, его сын и иные из его предков, королей Франции, владели ими;

как сказано, что имели во владении – во владении и что в феоде – в феоде, с ‹этого› времени и на условиях, сообщаемых ниже:

Город, замок и предместья Пуатье и всю землю и округ Пуату, с феьефом Туар и землей Белльвилль.

Город и замок Сент и всю землю и округ Сентонж по обе стороны реки Шарент.

Город и замок Ажен, и землю, и округ Аженэ.

Город и замок, и все целиком предместье Перигер, и землю, и округ Периге.

Город и замок Лимож, и землю, и округ Лимузен.

Город и замок Кагор с землей и округом Каурзен.

Город и замок, и предместье Тарб, и землю, и графство и округ Бигорр.

Город, землю и округ Горр.

Город и замок Ангулем, и графство, землю и округ Ангумуа.

Город и замок Родез, и землю, и округ Руэгрю.

2. И, если здесь имеются иные владельцы, подобно графу де Фуа, графу д‘Арманьяк, графу д‘Иль, графу де Периге, виконту де Лимож и иных, кто имеет какие-либо земли и места внутри пределов названных регионов, они должны принести оммаж королю Англии и предоставлять все другие службы и платежи, причитающиеся на основании этих земель и держаний, тем же образом, как они несли в минувшее время.

3. Далее, король Англии должен получить все то, что принадлежало королю Англии и его предкам в городе Монтрой-сюр-Мер и его принадлежности.

4. Далее, король Англии должен получить целиком графство Понтье; это ‹условие› сохраняется, если что-либо из графства и его принадлежностей было отчуждено прежними королями Англии какой-либо иной персоне, чем королю Франции, то последний не должен возвращать это королю Англии. И, если такие отчуждения были сделаны прежним королям Франции, и король Франции сохраняет это в своих руках в настоящее время, то он должен отказаться от них полностью ‹в пользу› короля Англии; исключение ‹составляет› то, если короли Франции владеют ими в обмен на иные земли, то король Англии должен вернуть то, что он имеет в обмен или оставить в его руках земли, таким образом отчужденные. Однако, если прежние короли Англии отчуждали что-либо другой персоне, чем королю Франции, и это впоследствии пришло в руки последнего, король Франции не должен их возвращать. Далее, если такие земли обязаны оммажем, король должен принести его другому, кто должен принести оммаж за них королю Англии; а если нет, король Франции должен принести его владельцу, он должен принести оммаж за них в течение года со дня отъезда из Кале.

5. Далее, король Англии должен получить замок и город Кале; замок, город и сеньорию Марш, замки и сеьории Сангатт, Кулонь, Ам, Ле Валь и Уа с землями, лесами, реками, рентами, имениями, церковными бенефициями и всеми иными принадлежностями и места, расположенные внутри пределов и границ (сообщается в деталях, какие).

6. Далее, король Англии должен получить замок, город и все целиком графство Гюинь со всеми землями, городами, замками, крепостями, местами, людьми, оммажами, сеньориями, чащами, лесами и правами внутри его в той же степени, как прежний покойный граф де Гюинь имел их до времени своей смерти. И церкви, и добрый народ внутри пределов названный графств Гюинь, Кале, Марш и других мест должны стать людьми короля Англии, как они были ‹ранее› короля Франции и прежнего графа де Гюинь. И все эти владения, Марш и Кале, содержащиеся в этой статье, и те, непосредственно предшествующие, король Англии должен сохранять во владении, за исключением наследия Церкви, которое должно оставаться целиком там, где оно расположено; за исключением, далее, наследия иных персон из областей Марш и Кале, расположенных вне города Кале, с ежегодным доходом от ста фунтов стерлингов с земли и ниже в действующей в округе монете, каковые должны оставаться им ‹...›

7. Далее, согласовано, что король Франции и его старший сын, регент, при первой же возможности, но не позднее праздника Святого Михаила следующего года возвращают, передают и вручают королю Англии и его наследникам и преемникам без обмана и коварства все привилегии, повиновение, оммажи, преданность вассалов, фьефы, службы, обязательства и права и так далее.., а в других случаях право или цвета права ‹принадлежат› королю или короне Франции в городах, графствах, замках и так далее, со всеми их принадлежностями и апанажами, где бы они ни были и в каждом одинаково. И король, и его старший сын согласно условий соглашения должны управлять всеми архиепископами, епископами и иными прелатами Святой церкви; и, далее, король Англии и его наследники должны распоряжаться графами, виконтами, баронами, дворянами, горожанами и всеми иными из городов, графств, земель, деревень, островов и мест, которые должны пребывать под их управлением, как ‹ранее› под управлением короля и короны Франции. И согласно тех же условий, они должны быть освобождены ими настолько полностью, как возможно, от всех оммажей, верности, клятв, обязательств, подчинения и обещаний, сделанных любым из них любым способом королю и короне Франции.

8. Далее, согласовано, что король Англии должен получить графства, города, замки, земли, деревни, острова и места со всеми принадлженостями и апанажами, где бы они ни были, владеть ‹ими› самому навечно и передавать по наследству всем своим наследникам и преемникам во владение в той мере, в

какой держал ‹их› во владении король Франции, а также фьефы и службы, как имел король Франции, исключая все в названных выше статьях касательно Кале и Марша ‹…›

13. Далее, согласовано, что король Франции должен уплатить королю Англии три миллиона золотых крон, из которых два должны быть достоинством монеты Англии, из этой суммы шестьсот тысяч крон должны быть уплачены королю Англии или его заместителю в Кале в течение четырех месяцев со времени прибытия сюда короля Франции. И в течение следующего года должны быть уплачены по четыреста тысяч крон в городе Лондоне, в Англии, так, пока не будут уплачены три миллиона крон.

14. Далее, согласовано, что в счет уплаты шестисот тысяч крон в Кале, и за вручение в залог названного ниже, и за уступку города, замка и крепости Гюинь и городов в этом графстве, королевская персона должна быть отпущена из плена, и ему должно быть разрешено отправиться в Кале и вернуться в его собственное королевство без всяких помех; он не должен поднимать оружие сам или его народ против короля Англии, пока он выполняет то, что он должен соблюдать согласно данного договора ‹…›

(Далее следуют имена сорока одного заложника и пленного, которые должны быть удержаны англичанами как залог доверия).

17. (В течение трех месяцев со дня отъезда короля Франции из Кале должны быть представлены от него в Кале четыре заложника от Парижа и по два заложника от каждого из восемнадцати других городов).

18. Далее, согласовано, что при первой возможности в течение одного года со дня отъезда короля Франции из Кале, Джон, граф де Монфор, должен получить графство де Монфор со всеми принадлежностями, принеся вассальный оммаж королю Франции и обещание в обязательствах и службах во всех случаях, которыми обязан добрый и верный вассал своему законному сеньору, в отношении графства; и, далее, здесь ему должны быть вручены его иные наследства, которые никогда не были частью герцогства Бретань, принесены оммаж или любые иные обязательства, которые надлежит ‹...›

20. Далее, по вопросу о владении герцогством Бретань, которое оспаривается Джоном де Монфором, с одной стороны, и Шарлем де Блуа, с другой, согласовано, что обоим королям надлежит вызвать сначала их или представителей от тяжущихся сторон Блуа и Монфор, и им лично или через представителей надлежит информировать обе стороны о правах; и надлежит попытаться привести стороны к согласию по всем вопросам в споре между ними и настолько, как возможно, в этих вопросах.

21. И, если так случится, что одна из сторон не возжелает выступить в надлежащей манере перед королями или их представителями, когда они собе-

рутся, и, если, далее, короли или их представтели предпишут или объявят, что стороны должны пребывать в согласии, если представят свой приговор в защиту одной стороны, и одна из сторон не возжелает согласиться с этим или повиноваться приговору, в таком случае названные короли должны выступить против нее со всей своей мощью и должны помочь той ‹стороне›, которая изъявит желание согласиться и повиноваться; однако в любом случае оба короля не должны каждый собственной персоной или посредством других, вести или предпринимать войну против друг друга, кроме вышеоговореных случаев; и сузеренитет, и оммаж над герцогством ‹Бретань› должны всегда оставаться у короля Франции.

22. (Земли Филиппа Наваррского и его приверженцев возвращаются им с полным прощением…).

25. (Всем людям, изгнанным или лишенным прав и владений во время войны как приверженцам одной из сторон, права и владения должны быть возвращены).

26. Далее, согласовано, что король Франции должен вручить королю Англии все города, замки, деревни и все иные места, поименованные выше, которые должны быть переданы королю Англии по настоящему договору так быстро, как возможно, но не позднее года со дня его отъезда из Кале.

27. Далее, король Англии в счет собственных выплат и расходов должен вручить все крепости, захваченные и занятыми им и его людьми, привержанцами и союзниками во Франции, Турени, Анжу, Мэне, Берри, Оверни, Бургундии, Шампани, Пикардии и Нормандии и во всех иных частях и местах королевства Франция, за исключением тех, ‹что› в герцогстве Бретань и в округах, и змелях, которые настоящим договором должны принадлежать и быть переданы королю Англии.

28. Далее, согласовано, что король Франции должен повелеть предоставить и вручить королю Англии или его наследникам или представителям все города, замки или крепости и иные земли, округа и места, поименованные выше, с их принадлежностями в счет собственных выплат. И, если здесь будут какие-либо персоны, столь непокорные, ‹что› они откажутся возвратить королю Англии какие-либо города, замки, крепости, округа, места или укрепления, которые по настоящему договору должны принадлежать ему, король Франции должен обязать /их/ вручить их королю Англии как свои собственные расходы, и таким же образом король Англии должен вручить как свои собственные расходы укрепления, которые по настоящему договору должны принадлежать королю Франции. И короли, и их народы обязаны помогать друг другу по необходимости, если какая-либо сторона обратится с просьбой.

29. Далее, согласовано, что архиепископы, епископы и иные прелаты и народ Святой церкви по причине их мирских ‹владений› должны стать людьми того из двух королей, от кого они держат свои мирские /владения/; и, если они держат от обоих королей, они должны стать людьми обоих за те мирские ‹владения›, которые они держат от них.

(Между двумя королями и королевствами устанавливаются прочные союз и дружба; и это включает в себя отмену союзов, направленных одной стороной против другой, включая, в частности, союз Франции с Шотландией и союз Англии с Фландрией. Все вышеназванные статьи договора должны быть подтверждены Папой).

34. Далее, все люди королевств, кто пожелает обучаться в школах и университетах Франции и Англии должны пользоваться всеми привилегиями и свободами таковых школ и университетов в той же полноте, как они пользовались до войны, и так они сохраняются в настоящем ‹...›

38. Далее, согласовано, что никто из вышеназванных королей не должен помогать или способствовать чинению изменений или препятствий ‹со стороны› Римской курии или кого-либо иного ‹со стороны› Святой церкви, кто бы то ни был, против этого настоящего договора и против названных королей, их помощников, приверженцев и союзников… И, если наш Святой отец или кто-либо иной желающий сделает это, оба короля должны остановить его по мере сил, без какого-либо обмана.

Дано в Кале, 24 октября, года милостью ‹Божией› 1360.

6.9. Успехи англичан в войне с французами в начале XV в. («Сен-Денийская хроника»)

И было решено королем и упомянутыми сеньорами (герцогом Бургундским, герцогом Беррийским и другими членами Королевского совета), что необходимо собрать три сословия. Со всей страны пришли люди и собрались в Париже – духовенство, дворянство и добрые горожане. В назначенный день выступил мон-сеньор Ж. де Неель, канцлер монсеньора дофина и в кратких словах указал на действия, происходившие из-за войны (с англичанами) и раздоров и на то великое благо, которое может быть достигнуто благодаря миру и объединению сеньоров. Необходимо принять меры против англичан, старинных врагов короля и королевства Франции, но это невозможно сделать без денег. Поэтому он просил у трех сословий подмоги, которая на самом деле являлась весьма большой тальен. После того как это было сказано, Парижский уни-

верситет, купеческий прево и эшевены Парижа попросили аудиенции. Они ее получили и выступил мэтр

Б. Жансьен, который темой (своей речи) взял слова «он приказал ветрам и морю и наступила великая тишина». И показал – два ветра, которые властвуют во Франции, – это мятежи и честолюбие. Потом он описал бедность народа и большие подати, которые взимаются... и чрезвычайное вымогательство денежных средств, которое имело место.

По поводу высказываний трех сословий были различные мнения. Представители Реймса очень убедительно показали, что обычных податей будет достаточно для ведения войны, не налагая тальи. Следует принять во внимание бедность народа и его ограбление вследствие раздоров (принцев), и многие присоединились к их мнению. Аббат дю-Монт-С. Жан, очень известное духовное лицо, говорил специально против чиновников финансовых учреждении и тех, которые имели чрезвычайные пожалования от короля. Он указывал, что следует отобрать у тех, кто имеет слишком много, и, сделав это, король будет иметь возможность сопротивляться врагам и иметь средства на ведение войны...

...Англичане радовались раздорам, происходившим между сеньорами Франции. И посоветовали королю Англии собрать армию и послать ее в Нормандию. И на самом деле он послал армию, которая намеревалась высадиться у Дьеппа. Но дворянство и народ той страны собрались на берегу моря и сражались так с англичанами, что разбили их наголову и им пришлось вернуться в Англию. Когда английский король узнал об этом, он был очень недоволен и приказал собрать еще большую армию, это было исполнено, и они взяли Нормандию. Туда направился де Лѐ-Хѐз и взял с собой людей, сколько мог. И намеревался воспрепятствовать высадке десанта англичан, но он принужден был вернуться, так как много его лошадей было убито, а также взято в плен много людей. Англичане пытались завладеть Дьеппом, но потерпели поражение. И направились в Трепорт, вошли в него и сожгли аббатство и часть монахов. Множество людей убили, ранили и взялй в плен и возвратились в Англию со всей своей добычей.

6.10. Ордонанс Карла VI от 26 мая 1413 г. О вооруженных отрядах

Данный акт появился в связи с участившимися грабежами, от которых страдало мирное население.

...Король воспрещает военным грабить под страхом повешения, а кто это правило нарушит, должен быть насильственно схвачен и наказан, причем всем бальи, прево и чиновникам настоящим поручается выполнить это постановление под страхом увольнения и т. д.

Так как с некоторого времени наши неимущие подданные и духовенство, а также их имущество и личность, которые мы должны охранять и защищать, были многократно ограблены вооруженными людьми и при этом более систематически и жестоко, чем подданные наших вассалов, под тем предлогом, что они уклонялись от платежей; и одновременно многие иностранные военные разных наций, как например женевские арбалетчики и др., долгое время грабили бедный народ, совершили много преступлений и проступков, как убийства, изнасилования женщин и проч., даже во время перемирий; а с ними собираются многие разбойники, бродяги и другие злоумышленники; причем вышеупомянутые вооруженные люди хвалились, что имеют о нас и от некоторых крупных сеньоров нашего королевства грамоты на право жить за счет страны. И все это делалось, к великому для нас ущербу, а также к ущербу для вышеупомянутых бедняков и духовенства, поэтому мы приказали и настоящим приказываем и воспрещаем под страхом повешения иметь в стране вооруженных людей, не призванных на службу нами или же нашими ордонансами и не имеющими известного капитана, которому они подчиняются и которых их всех знает и имеет записанными их имена и прозвища. Мы хотим и приказываем, чтобы только в этом случае и ни в каком другом они получали жалование из сумм, получаемых от сборов. Если же они будут разбойничать и грабить или допустят какие-либо иные проступки и нарушения и их капитаны их не схватят и не передадут в руки правосудия либо сами над ними не совершат расправы и суда, в этих случаях все убытки должны быть взысканы с этих капитанов. Приказываем всем нашим сенешалам, бальи, прево и другим судьям и чиновникам, под страхом нашего гнева и лишения должностей, хватать и наказывать сообразно обстоятельствам дела всех вышеупомянутых разбойников, грабителей и преступников. А если в этом будет нужда, пусть призовут себе на помощь столько людей, сколько необходимо для осуществления правосудия. Хотим и приказываем, чтобы вышеупомянутые чиновники и судьи приказали под определенными большими наказаниями всем нашим подданным оказывать этим судьям и чиновникам помощь и содействие, если их к этому призывают и они к этому способны. А если при производстве вышеуказанных арестов последует смерть вышеупомянутых грабителей или что-либо подобное вследствие сопротивления и непослушания этих военных, мы не хотим, чтобы те, кто были ее причиной, подвергались какой-либо ответственности или преследованию, но отныне их освобождаем и

прощаем им, без какой-либо специальной грамоты о прощении, кроме настоящей.

6.11. Возражения королевского совета Франции
Дополнительные условия короля Генриха V, 1419 г.

Документ характеризует позицию Франции в отношении Англии.

1. Английский король откажется от французской короны.

Король согласен при условии, что будет добавлено: это не относится к тому, что отойдет к Англии по договору.

2. Он откажется от Турени, Анжу, Мэна и от верховной власти над Бретанью.

Это пункт король отклоняет.

3. Он примет обязательство, что ни он сам и никто из его преемников никогда не допустят передачи французской короны ни одному лицу, которое претендовало бы на то, что имеет на это право.

Король согласен, однако при том условии, что и другая сторона сделает то же самое по отношению к областям и владениям Англии.

4. Он запишет свои отказы, обещания и обязательства в той форме, в какой король Франции и его совет пожелает, чтобы это было сделано.

Этот пункт король не принимает.

5. Взамен Понтье и Монтрея королю Франции будет позволено уступить что-либо равноценное в том месте его королевства, в каком он сочтет удобным.

Этот пункт король отклоняет.

6. Поскольку в Нормандии остаются еще различные крепости, которые английский король не захватил, но которые должны быть ему уступлены, он, приняв это во внимание, откажется от других завоеваний, сделанных им в других местах; каждый вернется в свои владения, где бы они ни находились; кроме того, между обоими королями будет заключен союз.

Король одобряет это при условии, что шотландцы и бунтовщики в этот союз включены не будут.

7. Английский король возвратит 600 000 экю, даных королю Ричарду в приданое за принцессой Изабеллой, и 400 000 экю в возмещение стоимости драгоценностей принцессы, оставшихся в Англии.

Король согласен удовлетворить это требование, выплатив то, что еще остается уплатить за выкуп короля Иоанна, но он просит учесть, что драгоценности принцессы Изабеллы не стоят и четвертой части того, что за них требуют.

6.12. Договор в Труа от 21 мая 1420 г.

В связи с тем, что раздоры и кровопролитные сражения между королевством Англия, управляемым досточтимым королем Генрихом и королевством Франция, управляемым нами, милостью Божией королем Франции Карлом VI де Валуа, истощают хозяйство обеих стран и изнуряют сословия, нами, Генрихом Английским, Филиппом Бургундским, нашим дражайшим и возлюбленным сыном, и нашей спутницей жизни королевой, решено нижеследующим соглашением положить конец ненависти, противоречиям и раздорам и установить между двумя королевствами мир, согласие, спокойствие, взаимную любовь и крепкую дружбу, чтобы не возникало никаких споров и разногласий в будущем, а отношения между двумя странами строились на основах взаимопомощи и обоюдного уважения, как угодно Богу и приличествует христианским государствам.

1. Во-первых, мир между двумя королевствами скрепляется брачным союзом между королем Генрихом и нашей дорогой и возлюбленной дочерью Екатериной. Король Генрих становится сыном нам и нашей дорогой и горячо любимой спутнице жизни, королеве, и будет почитать нас как отца и мать.

2. Далее, на время, отпущенное нам Богом, мы будем считаться королем Франции, нам будут принадлежать доходы, необходимые для нашего личного содержания и для покрытия расходов государства, подобным же образом нашей супруге будет принадлежать титул королевы и причитающаяся часть ренты и доходов. И король Генрих не должен препятствовать такому положению вещей.

3. Далее, наша дочь Екатерина, пребывая в Англии, будет получать сорок тысяч экю ежегодно в качестве наследства, оставленного ей мужем, как и другие английские королевы традиционно получали; две тысячи из этой суммы будут отчисляться в пользу английской знати.

4. Далее, наш сын Генрих должен позаботиться и сделать все от него зависящее, чтобы гарантировать, что наша возлюбленная дочь Екатерина будет исправно и регулярно получать вышеназванную сумму после его смерти, и что ничто не сможет изменить данное положение вещей.

5. Далее, если случится так, что наша дочь переживет нашего сына Генриха, то она, пребывая во Франции, будет получать двадцать тысяч франков в год и обладать землями и сеньориями.

6. Далее, сразу же после нашей смерти корона и королевство Франция со всеми привилегиями и доходами перейдет сыну нашему Генриху и его наследникам.

7. Далее, так как мы не можем единолично справляться с делами государства, наш сын Генрих будет управлять королевством Франция от нашего имени,

опираясь на принципы законности и справедливости и в соответствии с законами, обычаями и правами, принятыми в данном королевстве, прибегая к помощи и советам великих и мудрых сеньоров, во славу Бога, для блага нашего и нашей супруги и во имя процветания Франции.

8. Далее, наш сын Генрих обязуется гарантировать, что за судом парламента Франции будут сохранены его исконные авторитет и власть ныне и в будущем.

9. Далее, наш сын король Генрих будет заботиться о наших подданых: о пэрах, дворянах, горожанах, общинах, защищать и уважать их права, обычаи, привилегии и свободы ныне и в будущем.

10. Далее, наш сын король Генрих будет праведно управлять страной в соответствии с законами, обычаями и правами, принятыми в данном королевстве, без каких-либо исключений, и он должен охранять мир и спокойствие наших подданых и защищать их от жестокости и угнетения.

11. Далее, наш сын король Генрих должен заботиться о том, чтобы на должности бальи, прево, сенешалей и на другие посты, относящиеся к сеньоральной администрации и в другие институты королевства, в том числе и в суд Парламента, назначались люди сведущие, полезные и способные, чтобы гарантировать добрый, мирный и спокойный режим в королевстве и благополучие наших подданых – пэров, дворян, горожан и общин. Назначение на должности должно проходить в соответствии с принятыми в данном королевстве законами и правами, которые наш сын король Генрих обязуется уважать, соблюдать и охранять.

12. Далее, наш сын король Генрих должен как можно скорее склонить к покорности или заставить силой повиноваться нам, королю Карлу, непокорные и мятежные города, замки и провинции, выступающие за дофина и Арманьяка.

13. Далее, для того, чтобы наш сын Генрих смог справиться со своими обязанностями наиболее эффективно, все сословия – великие сеньоры, бароны, дворяне, горожане и другие,- должны поклясться в следующем:

Во-первых, вышеназванные сословия – великие сеньоры, бароны, дворяне, горожане и другие, – должны подчиняться, покорствовать и всячески содействовать нашему сыну Генриху, чтобы последний смог как можно скорее водворить мир и спокойствие в королевстве и управлять им на благо и процветание Франции.

Все постановления и решения, которые оговариваются здесь и будут оговорены и согласованы впоследствии между нами, нашей спутницей жизни королевой и королем Генрихом, нашим сыном, принимая во внимание советы специально на то уполномоченных лиц, касательно положения различных сословий в королевстве, будут ими неукоснительно соблюдаться и исполняться.

Сразу же после нашей кончины и впредь все сословия в королевстве Франция – великие сеньоры, бароны, дворяне и горожане, – станут верными вассалами нашего сына Генриха и его наследников. Наш сын Генрих будет беспрекословно и беспрепятственно наречен сувереном и истинным королем Франции, и ничто не сможет изменить данное положение вещей.

Чтобы воспрепятствовать злоумышленникам войти в сговор или соглашение с целью нанести физический или материальный ущерб нашему сыну королю Генриху – убить, опорочить или ограбить, – лица, знающие о готовящемся заговоре, должны незамедлительно сообщить об этом в послании или письме.

14. Решено, все завоевания, который наш сын король Генрих сделает в королевстве Франция вне герцогства Нормандия – на территориях, контролируемых нашими непокорными вассалами, будут считаться подвластными нам землями. Кроме того, он обязуется гарантировать, что все земли и сеньории, захваченные у лиц, честно нам преданных, и подчиняющихся, и готовых придерживаться данного соглашения, будут им возвращены.

15-16. Далее, все те священнослужители в Нормандии и в любых других областях королевства Франция, подчиняющиеся нам, нашему сыну королю Генриху и поддерживающие нашего дорогого и горячо любимого сына герцога Бургундского, которые дадут клятву придерживаться настоящего соглашения, будут продолжать мирно пользоваться своими привилегиями и доходами.

17. Далее, все церкви, университеты, образовательные учреждения и другие духовные колледжи, находящиеся на подвластной нам территории, в герцогстве Нормандия или в других частях королевства Франция, подчиняющихся нашему сыну королю Генриху, будут располагать правами, владениями, рентами, привилегиями, свободами и приемуществами, причитающимся им как божественным институтам, кроме права на трон Франции и прочее.

18. Далее, когда наш сын король Генрих станет королем Франции, герцогство Нормандия и другие земли, завоеванные им в королевстве Франция, воссоединятся с последним.

19. Далее, наш сын король Генрих гарантирует, что людям, подчиняющимся нам и поддерживающим бургундскую партию, которым принадлежат земли, сеньории, доходы, владения, данные им нашим сыном Генрихом в герцогстве Нормандия или в других областях королевства Франция, завоеванных им, будет сделана компенсация, без урезания территории Франции, за счет земель непокорных и восставших вассалов. Данная компенсация не будет производиться в течение нашей жизни, а будет осуществляться нашим сыном королем Генрихом, когда он унаследует французский престол. Но если земли, сеньории, ренты и владения, принадлежащие данным людям на вышеуказанной

территории не были даны им нашим сыном королем Генрихом, то эти люди будут восстановлены в своих правах немедленно.

20. Далее, в течение нашей жизни на подвластных нам территориях совместные письма законотворческого характера, акты дарения, пожалования бенефиция, привилегий, назначения на должности, помилования и прочее должны будут подписываться нашим именем, заверяться нашей печатью и реализовываться от нашего имени, но в отдельных официальных случаях для нашего блага и для обеспечения эффективного управления, которое, как уже было сказано, будет осуществляться нашим сыном Генрихом, и во избежание административных ошибок королю Генриху будет позволено подписывать документы регулирующего и охранительного характера.

21. Далее, в течение нашей жизни наш сын король Генрих будет носить вышеуказанное имя и титул и не будет именоваться королем Франции или присваивать себе какое-либо другое имя.

22. Далее, в течение нашей жизни мы будем именовать нашего сына короля Генриха на французском языке в следующей форме: «наш дражайший сын Генрих, король Англии, наследник Франции», и по латыни в следующей форме: «noster precarissimus filius, Henricus, rex Anglie, heres Francie».

23. Далее, наш сын Генрих не будет безосновательно облагать наших подданых новыми налогами и поборами, а будет прибегать к этому средству лишь когда это будет необходимо для блага королевства Франция и в соответствии с ордонансом, законами и обычаями данного королевства.

24. Далее, для того, чтобы между двумя королевствами установился мир, согласие и спокойствие, и чтобы не возникало никаких споров, разногласий и раздоров в будущем (что не угодно Богу), решено с согласия трех сословий, что с того времени как наш сын король Генрих или его наследники получат корону Франции, Франция и Англия объединятся навечно как неделимое образование под властью одного короля и суверенного сеньора. Права, законы, традиции и обычаи каждого королевства будут почитаться, не будут попираться ни одним из них и никогда не будут насильно навязываться и переноситься на другую почву.

25. Далее, с этого времени и навечно между королевствами Англия и Франция прекращаются раздоры, ненависть, противоречия и войны и устанавливаются мир, согласие, спокойствие, взаимная любовь и крепкая дружба. Они должны оказывать друг другу взаимопомощь и совместно бороться против врагов, свободно и беспрепятственно торговать друг с другом, соблюдая торговые обычаи и принципы взаимного уважения, ибо это принесет им взаимные процветание и благо.

26. Далее, все союзники королевств Англия и Франция, которые в течение восьми месяцев после ратификации и оглашения данного мирного договора заявят о своем желании присоединиться к нему, будут приняты в конфедерацию.

27. Далее, наш сын король Генрих, сообразуясь с советами нашего дражайшего сына Филиппа, герцога Бургундского, и других сеньоров королевства, специально на то уполномоченных, окружит нашу особу достойной и честной заботой и вниманием, соответствующими нашему состоянию здоровья и королевскому достоинству, во славу Господа, нас, королевства Франция и наших подданных. К нам в услужение будут выбираться люди благоразумные, послушные, скромные и подходящие для данного рода деятельности и непременно уроженцы Франции или других франкоязычных областей.

28. Далее, наша резиденция будет находиться в достойном нашей королевской особы месте, и на подвластной нам территории, и не в каком-либо другом месте.

29. Далее, принимая во внимание бесчисленное количество преступлений и бесчинств, содеянных на территории Франции Карлом, так называемым дофином Вьеннуа, решено, что ни мы, наш сын король Генрих, ни наш дражайший сын герцог Бургундский Филипп не будем заключать ни мирного соглашения, ни договоров с этим Карлом.

30. Далее, если наш сын король Генрих пожелает, то жалованные грамоты нашей супруги королевы, нашего дражайшего сына герцога Бургундского Филиппа и других особ королевской крови, великих сеньоров, баронов, городов и других по вышеупомянутым вопросам (за исключением королевских грамот, заверенных нашей Большой печатью) будут подаваться нашему сыну королю Генриху для согласования перед утверждением.

31. Далее, подобным же образом наш сын король Генрих будет подавать нам на рассмотрение перед утверждением жалованные грамоты его братьев, особ королевской крови, великих сеньоров, баронов, городов и других (за исключением королевских грамот, заверенных его Большой печатью).

Мы, Карл король Франции от своего имени и за своих наследников даем королевское слово и клянемся именем Бога выполнять условия данного соглашения, никоим образом не нарушать его и не отказываться от данных нами обязательств. И чтобы гарантировать, что данный договор является окончательным, а союз крепким и вечным, мы заверили документ нашей печатью. Договор ратифицирован в Труа 21 мая 1420 года, на сороковом году нашего правления.

6.13. Манифест дофина Карла против договора в Труа, опубликованный 31 января 1421 г.

Манифест дофина Карла против договора в Труа был проигнорирован.

1. Честь цветов лилии и право на корону Франции ни в коем случае не могут быть переданы чужеземцам, особенно же старым врагам, вопреки королевскому согласию и согласию тех, кто имеет приемлемое право на претензии и интерес к упомянутой короне и ее сбережению.

2. Честь цветов лилии и право на корону Франции определенно принадлежат ... благороднейшему принцу Карлу, единственному сыну и наследнику указанной короны; итак, никакой король или любой другой человек не может никаким приемлемым способом распоряжаться ею против его воли под предлогом мира посредством брака или под каким-либо иным предлогом.

3. Честью цветов лилии и правом на корону Франции распоряжаются не только король и королева и их дети, но все, кто принадлежит к королевскому дому Франции, и ныне, и в будущем, таковые как племянники, кузены, племянницы и далее все три сословия Франции согласно их различным званиям и обязанностям.

4. Честь цветов лилии и право на корону Франции поддерживаются и сохраняются верными и преданными людьми короны без заключения какого-либо соглашения с противниками, которое может привести к ущемлению права другого на владычество или господство; совершить иначе будет противно Божественному, естественному праву, гражданскому и каноническому ‹праву› и против здравого смысла.

5. Чести цветов лилии и праву на корону Франции не может быть нанесен ущерб теми, кто, будучи верен и предан короне, обвинены в государственной измене, преступлении оскорбления королевского величества и сопротивлении, и уступке врагу, что подтверждается клятвой ‹в совершении› мнимых преступлений со стороны ‹людей› беззаконных и склонных к постоянному нанесению ущерба.

6. Честь цветов лилии и право на упомянутую корону должны охраняться теми, кто принес клятву и связан ею, и которая, таким образом, должна приносить муки телесные, которые верный человек должен ощущать перед тем, как оставить свои обеты на верность.

7. Ужасный договор этого Генриха Английского был провозглашен под предлогом брака с дочерью короля Франции и под предлогом полного мира между королевствами Франция и Англия и является исполненным зловредности, и обмана, и хитрости, под прикрытием мира и брака он ведет к неисчислимым и нескончаемым раздорам….

11.Договор предназначен для потворствования и вскармливания всех измен, лжесвидетельств, предательств и разбоя, стремится к порабощению всех сословий благородного королевства Франция – клириков, дворня и мещан, – и к недостойнейшему их подчинению.

12. Договору надлежит противиться и препятствовать каждому доброму христианину, обладающему духовной и светской властью, каждому сообразно своему праву, и тем, кто желает изгнать из христианской Церкви прегрешения, названные выше, особенно со стороны Папы, прелатов, и принцев, и, особенно, пэров, нотаблей и горожан Франции и всех тех, кто ненавидит тиранию и придерживается добродетели и свободы…

6.14. Письмо Жанны д'Арк англичанам (22 марта 1429 г.)

ИИСУС, МАРИЯ

Король и владыка Англии[1], и вы, герцог Бедфордский[2], называющий себя регентом королевства французского; вы Гийом де ла Пуль, граф Сулфорк[3]; Жан, сир де Тальбот[4]; и вы, Томас, сир д'Эскаль[5], называющий себя наместником сказанного герцога Бедфордского, склонитесь перед волей Владыки Небес; отдайте Деве, посланнице Бога, Владыки Небесного, ключи от всех добрых городов, занятых вами и силой отторнутых от Франции. Она пришла по воле Божьей дабы взыскать с вас королевскую кровь[6]. Она готова заключить мир, ежели вы готовы проявить благоразумие, оставить сопротивление, и вернуть все, что вы удерживаете за собой. Обращаюсь к вам, лучники, солдаты, дворяне и

---

[1] Имеется в виду малолетний Генрих VI, ставший королем в 1422 г. в результате ранней смерти отца. В момент написания письма монарху было 7 лет.

[2] Джон Ланкастерский, герцог Бедфордский, граф Ричмондский (1414-1435 гг.), младший брат короля Генриха V после смерти последнего был объявлен регентом Франции при юном Генрихе VI.

[3] Уильям де Ла Поль, 1-й герцог Саффолк - в момент написания письма возглавлял английское войско, осаждавшее Орлеан. В произношении французов той эпохи его имя превращалось в Poule т.е. «курицу».

[4] Джон Тальбот, 1-й граф Шрусбери – один из крупнейших английских полководцев времен Столетней войны, во время осады Орлеана возглавлял отряд из 400 латников- т.е. треть собственно английской армии, осаждавшей город.

[5] Томас Скейлз (1397-1460 гг.) – один из главнокомандующих английской армией в последний период Столетней войны, наместник Бедфорда во Франции.

[6] Этот несколько темный момент обычно трактуется как требование Жанны вернуть свободу пленному Карлу I Орлеанскому, принцу крови, двоюродному брату короля Карла VII. Карл, сюзерен города Орлеана, попал в плен в битве при Азенкуре и действительно, как подтверждают документы того времени, Жанна деятельно хлопотала о его освобождении, ссылаясь при этом на волю неба.

простые люди, стоящие лагерем под [добрым городом] Орлеаном, возвращайтесь в свою страну, как то велит вам Бог; а ежели не подчинитесь, вскорости ждите известий от Девы, с которой вам придется не замедлиться встретиться к великой вашей досаде и горести. Король Англии, ежели вы не последуете сказанному, знайте, что я как военачальник добром или силой, буду гнать ваших людей отовсюду во Франции [как сеющих в названном королевстве французском измену, горе и разрушение[1]], где только повстречаю их, а ежели они не пожелают повиноваться, я прикажу их всех предать смерти. Я посланница Бога, Владыки Небес, волю которого исполняю, я пришла, чтобы вышвырнуть вас вон из Франции. Ежели вы повинуетесь мне, я пощажу вас. Но не тешьте себя надеждой, что вам удастся удержать за собой королевство Французское, ибо Господь, Владыка Небес, сын Святой Марии; предназначил его королю Карлу[2], подлинному наследнику; такова воля Владыки Небесного, открытая ему Девой, каковой король вступит в Париж во главе доброй свиты. Ежели вы не захотите прислушаться в вести, переданной вам от Господа посредством Девы, мы будет вас бить повсюду и везде, где бы ни обнаружили вас, и устроим разгром, какого Франция не знала уже тысячу лет, и так будет ежели вы не проявите благоразумия.

Знайте, что Владыка Небес даст Деве силу, превосходящую все, что вы способны бросить в бой, у нее есть доброе войско; и вскоре мы увидим, чью сторону держивт Владыка Небес. Герцог Бедфордский, Дева просит и заклинает вас прекратить разрушения. Ежели вы проявите благоразумие, придите же к ней, и там посредством французов совершено будет лучшее из всего, что когда-либо случалось в христианском мире. Ответьте, желаете ли вы дать мир городу Орлеану; если же нет, вскоре вам придется пожалеть об этом, ибо вас ждут в скором времени жестокие потери.

Писано[3] во вторник святой недели[1].

---

[1] Эта часть текста имеется лишь в копии XVIII века.

[2] Имеется в виду Карлу VII, дофин королевства французского, происками матери лишенный права наследования. В скором времени после освобождения Орлеана Жанна сумела добиться его коронации.

[3] Если верить оруженосцу Жанны – Тибо, первый вариант письма составлен был в Пуатье и продиктован Жану Эро. Она же, осведомившись у него, имеются ли в его распоряжении бумага и чернила, сказала: "Запишите за мной следующее: «Вы, Суффорт, Классидас и Ла Пуль, я приказываю вас именем Владыки Небесного, дабы вы отправлялись назад в Англию». (Из показаний на Процессе Реабилитации, собственно текст на старофранцузском языке, показание Тибо записано на латыни). Основной текст письма, как полагается составлен в Пуатье, на пути следования отряда Жанны на помощь осажденному Орлеану. Подлинник на старофранцузском языке не сохранился, в то время как существуют две копии XVIII века, ныне хранящиеся в Национальной Библиотеке Франции. Кроме того, текст, отличающийся лишь в деталях, приведен в документах обвинительного процесса,иной, уже несколько сокращенный и измененный текст приводит Дневник Орлеанской осады.

6.15. Письмо Жанны д'Арк англичанам (5 мая 1429 г.)

Англичанам. 5 мая 1429 г.

Вы, англичане, не имеющие ни малейшего права на французское королевство, посредством меня, Жанны Девы, Владыка Небес объявляет и приказывает вам покинуть свои бастилии[2] и возвращаться к себе на родину. Ежели вы не подчинитесь, я устрою вам такой разгром, о котором помнить будут вечно. О чем пишу я вам в третий и последний раз[3] и более писать не намерена.

Засим подписываюсь: Иисус, Мария, Жанна Дева,

Ранее я обращалась к вам самым учтивым образом, вы же в ответ силой удержали у себя моих герольдов, вы удержали моего герольда Гиеньского. Извольте отослать его мне назад, я же в ответ отошлю к вам нескольких из ваших людей, взятых нами в бастилии Сен-Лу, ибо не все из них мертвы[4].

6.16. Договор в Аррасе (1435 г.)

Первое, что король Франции должен возвести в Монтеро, который лежит на Йонне, на свои собственные средства часовню стоимостью в LX парижских ливров снабженную и содержащую книги, чаши, ризы и иные принадлежности настолько, чтобы этого в часовне было достаточно для нужд одного капеллана, который будет каждый день читать мессу заупокой души Жана, герцога Бургундии, и сеньора Нуэйля, который был убит вместе с ним; и в этой часовне герцог Бургундии и его наследники будут слушать обедню.

Далее, король должен спроектировать и возвести в Монтеро не менее чем одно приорство на двенадцать монахов, стоимостью в восемь сотен ливров в постройке.

Далее, должен водрузить на мосту в Монтеро крест, который бы отмечал место, где был убит герцог.

---

[1] Святая или Страстная неделя у католиков – последняя неделя Великого Поста, непосредственно предшествующая Пасхе.

[2] Бастилии – осадные укрепления из дерева, окружали осажденный Орлеан.

[3] Второе письмо считается утерянным.

[4] Подлинник письма не сохранился. Его содержание известно из латинского переложения, сделанного духовником Жанны – Жаном Паскерелем во время Процесса Реабилитации. В латинский текст введены французские слова «hahu» - (сражение, разгром), La Pucelle (Дева), позднее – Jehanne, la Pucelle (Жанна Дева), hérault (герольд), Guyenne (Гиенський). Письмо было по сути своей последней попыткой прекратить кровопролитие под Орлеаном. 5 мая, уже после первой победы осажденных, было прикреплено к стреле и выпущено стрелком, у разрушенного крепостного моста. Как и предыдущие послания, успеха не имело.

Далее, надлежит читать мессу за упокой, которая должна содержать замечание о месте, где покоится тело герцога, для чего следует выделить десять парижских ливров ренты…

Далее, король увеличивает сеньории названного герцога Бургундии и его наследников мужского и женского пола в областях Макон и Сен-Югон со всеми их принадлежностями, оммажами, принадлежавшими королю, которые герцог должен принять под покровительство; и бальяж Сен-Югон включается в бальяж Макон.

Далее король с радостью уступает герцогу Бургундии и его первому сыну только на протяжение их жизни эды на соль, подати, тальи, фуажи и иные субсидии в областях Макон, Шалон, Отэн и Лантер и все то же в герцогстве Бургундия, графстве Шаролэ и областях внутри них.

Далее, герцог и его сын, первый наследник, получают графство Оксерр, единственно на время их жизни и впоследствии оно возварщается короне Франции в той же природе, как и прежде; и оно получает особого бальи.

Далее, король отказывается в пользу герцога и его законных наследников от замка Бар на Сене со всеми его принадлежностями.

Также уступаются под руку герцога Бургундии и его наследников мужского пола навечно деревни, замки и шателенства Перонн, Мондидье и Руа.

Далее, король передает герцогства Артуа и Болонь, и области вокруг них, включая все города, деревни и замки, принадлежащие королю Франции, вплоть до реки Сомма с одной стороны и с другой – Амьен, Сен-Квентин, Корби, Аббевиль, как и все герцогство Понтье по обеим сторонам Соммы, как и Дурлан, Сен-Реке и областьи Ожерр во Фландрии и Эно, оммажи остаются за королем и суверенитет за курией Парламента. Все эти владения король может выкупить обратно за сумму в четыреста тысяч экю в два срока.

Далее, ни герцог Бургундии, ни его наследники не приносят оммаж королю ни за названные сеньории, ни за те, которые они получают от королевства Франция в прошлом. Но после кончины Филиппа, герцога Бургундии, его наследник приносит ‹оммаж› по отношению к королю Франции, какой надлежит приносить вассалом и человеком своему суверену.

Далее, что вассалы герцога Бургундии в случае, когда эти сеньоры находятся по поручению грецога на службе в армии, особенно же королевской, должны нести инсигнии на цепи. И таким же образом в присутствии короля и его коннетабля они не должны принуждаться к ношению иных инсигний, кроме бургундских, а именно креста на цепи…

Контрольные вопросы к шестому разделу

1. Какие проблемы были в отношениях между Англией и Францией? Какие причины и повод послужили началу вооруженного конфликта? Какие результаты были достигнуты на первом этапе ведения войны?

2. Какие были особенности ведения боевых действий в последующие этапы войны? В чем феномен договора в Труа? Какова роль Жанны д'Арк в конфликте? Каких результатов достигли стороны?